

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**Профессор
Евгений Александрович Молев
и современные проблемы
антиковедения**

Материалы научной конференции

Под редакцией А.В. Махлаюка

Нижний Новгород
2023

УДК 930.26
ББК 63.443.2
П 84

П 84   **Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения:** Материалы научной конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева», Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 22 января 2022 г. / Под ред. А.В. Махлаюка. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2023. – 346 с.

ISBN 978-5-91326-802-0

Сборник посвящен памяти видного отечественного археолога и историка-антиковеда, Заслуженного профессора ННГУ, Заслуженного работника Высшей школы РФ, профессора Евгения Александровича Молева (1947–2021). Основу издания составляют статьи и материалы, освещающие его научное творчество, и работы по актуальным вопросам греческой и римской истории, археологии античного Северного Причерноморья, эпиграфики, а также воспоминания друзей, коллег и учеников Е.А. Молева.

Для специалистов по классической археологии, истории древнего мира и отечественного антиковедения, студентов-историков.

ISBN 978-5-91326-802-0

УДК 930.26
ББК 63.443.2

© Коллектив авторов, 2023
© Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского, 2023

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod

**Professor Eugeny Aleksandrovich Molev
and Topical Issues
of Graeco-Roman Studies**

Proceedings of the Conference

Edited by Aleksandr V. Makhlaiuk

Nizhny Novgorod
2023

Professor Evgeny Aleksandrovich Molev and Topical Issues of Graeco-Roman Studies: Proceedings of the Conference “Symposium on ancient history and archeology in Memory of Professor Eugeny Aleksandrovich Molev”, Institute of International Relations and World History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, January 22, 2022 / Ed. by A.V. Makhlayuk. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2023. – 346 p.

ISBN 978-5-91326-802-0

The volume is dedicated to the memory of an eminent Russian archaeologist and ancient historian, Honored Professor of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor Evgeny Aleksandrovich Molev (1947–2021). It includes articles and materials elucidating his scholarly and educational activity, and works on topical issues of ancient history, archeology of the ancient Northern Black Sea region, epigraphy, as well as memoirs of friends, colleagues and students of E.A. Molev.

For specialists in classical archeology, the history of the ancient world and the history of classical studies in Russia, students of history.

ISBN 978-5-91326-802-0

© Authors, 2023
© Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....

Часть I. Исследования

Е.А. Молев, Н.В. Молева

Скотоводство и охота в боспорском городе Китее.....

Н.П. Писаревский

Октэра «Изида» на фреске III в. до н.э. из храма Афродиты в боспорском городе Нимфее. Новые возможности интерпретации иконографического источника .....

Д.В. Журавлев, Н.В. Быковская

Импортные светильники с волютами из собрания Восточно-крымского историко-культурного музея-заповедника .....

Ф.В. Шелов-Коведяев

Новое имя в сарматской династии Боспора? .....

И.Е. Суриков

Софисты и историописание в классической Греции.....

Т.Б. Гвоздева

Греческий пентатлон: состав, участники, итоги.....

С.К. Сизов

Е.А. Молев и дискуссия о «протоэллинизме» и эллинизме на Боспоре.....

О.Ю. Климов

Кто они, рабы, конфискованные при царях Филадельфе и Филометоре (OGIS 338)?.....

Ю.Н. Кузьмин

Фанагорийский посол в Риме .....

А.В. Махлаюк

Митридат VI Евпатор и Рим: противостояние двух держав
в исследованиях профессора Е.А. Молева .....

В.О. Никишин

Рим и Иудея: три эпизода из истории взаимоотношений .....

В.Н. Парфёнов

На берегах Рейна и Боспора Киммерийского
(первые шаги императора Траяна) .....

И.Ю. Ващева

Изучение позднеантичной Таврики: проблемы и перспективы .....

Часть II. ΜΝΜΗΣ ΧΑΡΙΝ. О Евгении Александровиче Молеве, человеке, ученом, руководителе

В.И. Золотов

Три времени Жени Молева .....

В.Н. Парфёнов

Мои друзья Женя и Наташа
(светлой памяти Евгения Александровича Молева) .....

Н.Н. Болгов

Евгений Александрович Молев и белгородцы .....

Г.В. Воронкова

Светлой памяти Е.А. Молева .....

С.В. Григорьева

Е.А. Молев: штрихи к портрету декана .....

И.Е. Суриков

Памяти дорогого человека: несколько слов о Е.А. Молеве .....

В.В. Дементьева

Χάριν ἀποδίδωμι τῷ Εὐγένει .....

А.В. Махлаюк

Библиография как биография (заметки к списку публикаций
профессора Евгения Александровича Молева) .....

Список работ Е.А. Молева.....

Список сокращений.....

Сведения об авторах.....

CONTENTS

Foreword .....

PART I. RESEARCHES

Eugeny A. Molev, Natalia V. Moleva

Cattle breeding and hunting in the Bosporan city of Kyta.....

Nicolai P. Pisarevsky

Okteres “Isis” on the 3rd century B.C. fresco from the temple of Aphrodite in the Bosporan city of Nymphaeum. New possibilities of interpretation of the iconographic source.....

Denis V. Zhuravlev, Natalia V. Bykovskaya

Imported volute lamps from the collection of East-Crimean History and Culture Museum-reserve.....

Fedor V. Shelov-Kovedyaev

A new name in Sarmatian dynasty at Cimmerian Bosporus?.....

Igor E. Surikov

The Sophists and historical writing in Classical Greece.....

Tatiana B. Gvozdeva

Greek Pentathlon: composition of the competition, participants, results.....

Sergey K. Sizov

E.A. Molev and the discussion on “proto-Hellenism” and Hellenism in the Bosporus.....

Oleg Yu. Klimov

Who they are, the slaves confiscated under the kings Philadelphus and Philometor (*OGIS* 338)?.....

Yuri N. Kuzmin

Phanagorian ambassador in Rome.....

Aleksandr V. Makhlaiuk

Mithridates VI Eupator and Rome: the confrontation of two empires
in the studies of Professor E.A. Moleva .....

Vladimir O. Nikishin

Rome and Judea: three episodes from the history of relationships .....

Victor N. Parfyonov

On the banks of the Rhine and the Cimmerian Bosphorus
(the first steps of Emperor Trajan).....

Irina Yu. Vashcheva

Studying Late Antique Taurica: problems and prospects .....

PART II. ΜΝΜΗΣ ΧΑΡΙΝ. ABOUT EVGENY ALEKSANDROVICH MOLEV, PERSON, SCIENTIST, LEADER

Vsevolod I. Zolotov

Three periods of Zhenya Molev .....

Victor N. Parfyonov

My friends Zhenya and Natasha
(in blessed memory of Eugeny Aleksandrovich Molev) .....

Nikolai N. Bolgov

Eugeny Alexandrovich Molev and Belgorod residents .....

Galina V. Voronkova

In blessed memory of E.A. Molev .....

Svetlana V. Grigorieva

E.A. Molev: strokes to the portrait of the dean .....

Igor E. Surikov

In memory of a dear person: a few words about E.A. Molev .....

Vera V. Dementieva

Χάρις ἀποδίδωμι τῷ Εὐγενεῖ.....

Aleksandr V. Makhlaiuk

Bibliography as a biography (notes to the list of publications
of Professor Eugeny Alexandrovich Molev) .....

LIST OF PUBLICATIONS BY E.A. MOLEV .....

LIST OF ABBREVIATIONS .....

INFORMATION ABOUT AUTHORS .....

ПРЕДИСЛОВИЕ

---

18 января 2022 г. должно было исполниться 75 лет Евгению Александровичу Молеву, Заслуженному профессору Нижегородского государственного университета, видному российскому археологу и историко-антиковеду. До этого юбилея он не дожил всего лишь пять месяцев, скоропостижно скончавшись 16 августа 2021 г. Чтобы почтить память друга, коллеги и учителя, в январе 2022 г. в Институте международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского был организован историко-археологический симпозиум. Представленные на нем доклады составили основу данного сборника, в который также включены статьи и воспоминания о Евгении Александровиче других коллег, хорошо его знавших на протяжении многих лет.

В исследовательских статьях, которые составили первый раздел данного сборника, представлены, во-первых, работы, посвященные вопросам, относящимся непосредственно к кругу научных интересов Е.А. Молева, т. е. боспорской истории и историографии, северопричерноморской археологии и эпиграфике (статьи Д.В. Журавлева и Н.В. Быковской, Ф.В. Шелова-Коведяева, Ю.Н. Кузьмина, В.Н. Парфёнова, И.Ю. Ващевой); во-вторых, это исследования, которые освещают актуальные в настоящее время проблемы древнегреческой культурной и политической истории (статьи И.Е. Сурикова о софистах и историописании в классической Греции, Т.Б. Гвоздевой о греческом пентатлоне как составной части атлетических состязаний, О.Ю. Климова об интерпретации пергамского декрета 133 г. до н.э.), а также историю взаимоотношений Рима и Иудеи (статья В.О. Никишина). Кроме того, в статьях С.К. Сизова и А.В. Махлаюка предпринята попытка оценить вклад Е.А. Молева в разработку значимых и дискуссионных тем, которыми он занимался на протяжении многих лет, таких как специфика боспорского варианта эллинизма и противостояние между Римом и Понтийским царством. Эти работы, по сути, являются первыми шагами к разностороннему изучению научного наследия Евгения Александровича, которое, несомненно, будет востребовано новыми поколениями исследователей античного Боспора и по достоинству оценено в новых трудах. Важно и символично, что открывает сборник совместная статья Е.А. Молева и Н.В. Молевой с анализом археологических материалов, свидетельствующих о занятиях жителей боспорского города Китея ско-

товодством и охотой. Она представляет собой доработанный вариант текста, который Евгений Александрович не успел завершить.

Во второй части сборника представлены воспоминания друзей и коллег о Евгении Александровиче Молеве. Существенно дополняя уже публиковавшиеся ранее материалы, эти заметки и очерки показывают удивительную многогранность и несомненную харизматичность личности Евгения Александровича как руководителя, наставника, ученого и отзывчивого, обаятельного человека, всегда готового прийти на помощь, поддержать и воодушевить окружавших его людей.

В заключительной части сборника помещен наиболее полный список научных, методических и редакторских работ Е.А. Молева, а также литературы о нем и его трудах. Его предваряет статья А.В. Махлаюка, в которой освещаются особенности исследовательской и научно-организационной деятельности Евгения Александровича на разных этапах его жизненного пути и показано разнообразие тем и сюжетов, плодотворно разрабатываемых им на протяжении десятилетий, в тесном сотрудничестве со многими коллегами.

Жизненный пример Е.А. Молева показывает, насколько важна роль личности в науке и образовании. Ученый с очень широким кругом интересов, замечательный преподаватель и прекрасный организатор, он действительно беззаветно и преданно служил раз и навсегда выбранному делу, пройдя большой, насыщенный путь в качестве начальника археологической экспедиции, руководителя кафедр и декана исторического факультета в своей Alma mater. Его всегда отличало в высшей степени уважительное отношение к трудам и заслугам коллег по профессии, он очень многое сделал для сбережения памяти о них и вдумчивого изучения их наследия, всегда стремился продолжать и развивать заложенные ими традиции. Хочется надеяться, что и этот сборник, посвященный памяти нашего дорогого коллеги и друга, станет вкладом в поступательное развитие науки об античности, которой Евгений Александрович посвятил всю свою жизнь.

ЧАСТЬ I
ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.А. Молев, Н.В. Молева

СКотоводство и охота в Боспорском городе Китее

Аннотация. Статья посвящена реконструкции скотоводческого и охотничьего хозяйства в боспорском городе Китее на основе остеологического материала из раскопок 1970–2017 гг. Изучение костных остатков животных позволило проследить тенденции в развитии скотоводства в разные периоды истории города с V в. до н.э. по V в. н.э. Установлена связь между разведением животных того или иного вида и сакральными традициями населения, в частности, с ритуалами жертвоприношений. Также предложено объяснение присутствию костей диких зверей и морских птиц, добытых на охоте, в местах жертвоприношений.

Ключевые слова: Скотоводство, охота, остеологический материал, городище, некрополь, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, дикие звери, морские птицы, святилище, культы, жертвоприношения, ботрос, ритуальная трапеза, хтонические обряды.

Eugeny A. Molev, Natalia V. Moleva

CATTLE BREEDING AND HUNTING IN THE BOSPORAN TOWN OF KYTA

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the cattle-breeding and hunting economy in the Bosporan town of Kyta on the basis of osteological material from the excavations of 1970–2017. The study of animal remains made it possible to trace trends in the development of cattle breeding in different periods of the town's history, from the 5th century BC to the 5th century AD. A connection has been established between the breeding of animals of various species and the sacred traditions of the population, in particular, with the rituals of sacrifice. An explanation is also proposed for the presence of bones of wild animals and sea birds obtained during hunting in places of sacrifice.

Key words: Cattle breeding, hunting, osteological material, settlement, necropolis, cattle, small cattle, wild animals, sea birds, sanctuary, cults, sacrifices, bothros, ritual meal, chthonic rites.

Остатки костей домашних и промысловых животных, которые часто находят при раскопках боспорских городов и сельских поселений, позволяют воссоздать рацион питания боспорян, особенности развития экономики и хозяйства этого региона в разные периоды его истории. Кроме того, поддаются реконструкции некоторые стороны сакральной жизни, в частности, ритуалы жертвоприношений, осуществлявшиеся в святилищах и храмах.

Скотоводство

В античном обществе скотоводство, наряду с земледелием, являлось ведущей отраслью сельского хозяйства. Оно служило источником полноценной белковой пищи, давало шерсть для производства тканей, а также кожу, из которой изготавливалась обувь, воинские щиты и доспехи, сбруя для лошадей. Скот являлся средством передвижения по суше и употреблялся как тягловая сила при пахоте и обмолоте. Наконец, как и везде, размеры стад издавна были мерилем благосостояния и богатства. О развитии скотоводства в античном мире можно судить по многочисленным памятникам изобразительного искусства и сведениям письменных источников. Для Северного Причерноморья и Боспора, в частности, почти единственным для обозначенной темы, остаются археологические источники¹. Самые общие сведения (несколько строк) есть у Страбона, упоминавшего безрогих коров, низкорослых лошадей и крупных овец в поселениях Северного Причерноморья (Strabo. VII.3.18).

В боспорском городе Китее значительная потребность в разведении различных домашних животных проявилась в полной мере. О высоком уровне развития скотоводства свидетельствуют тысячи находок костей скота. Подавляющее их большинство обнаружено на территории святилищ, в особенности, в Центральном (раскоп II. Зольник), занимавшем около четверти городской территории и функционировавшем с V в. до н.э. по V в. н.э. Эти многочисленные находки костей животных в святилищах объясняются древней и стойкой традицией жертвоприношений, присущих населению Древней Греции, откуда они были привнесены на Боспор в период колонизации. Каждое жертвоприношение завершалось ритуальной трапезой с поеданием мяса жертвенного животного². От таких пиршеств в честь того или иного бога тоже оставалось много костей, сбрасывавшихся в ботросы. Похожие действия сопровождали и погребальный обряд: принесение жертв богам подземного мира и по-

---

¹ Кругликова 1975, 198.

² Нильссон 1998, 32; Bremmer 2007, 139.

минальная тризна-трапеза после похорон. При раскопках тризн на некрополе Китея также было обнаружено большое количество костей животных. Вероятно, для самой жертвы предназначались малосъедобные части животного: берцовые кости, с которых срезалось мясо, жир³; для поминальной тризны употреблялось мясо туш⁴. Такие же ритуалы прослеживаются и в китейском святилище, явно хтоническом по своему характеру.

Поскольку в жертву разным богам приносились различные животные, ассортимент обнаруженных при раскопках костей дает достаточно полное представление о составе стада и развитии скотоводства в Китее. Однако оговоримся, что впечатление об обилии мясной пищи в рационе жителей Китея будет не совсем правильным. Большая часть остеологического материала происходит из мест, где жертвоприношения осуществлялись отнюдь не ежедневно. И все-таки заметим, что праздников, церемоний и жертвоприношений в честь различных богов в течение календарного года было довольно много, а в китейских святилищах, особенно в Центральном, почитались разные боги-покровители плодородия. В жертву им приносились лучшие животные, а членам городской общины на ритуальных трапезах доставалась мясная пища не так уж и редко.

Можно предполагать, что в Китее разведение крупного и мелкого рогатого скота опиралось на возможность почти круглогодичного выпаса. Климатические особенности и обилие травы в окружающих город степях позволяли пасти животных в течение 10 месяцев. В совсем холодное время (январь–февраль) скотину, вероятно содержали в стойлах, загонах и конюшнях. Сейчас нам известно, что к северу от Китея находились некрополь и хора, поделенная на участки, к западу тоже располагался некрополь. К востоку же на протяжении 5 км до мыса Такиль простирались пастбища. Косвенным свидетельством этому служит отсутствие на этой территории каких-либо сельских поселений.

Способы содержания скота можно только предполагать, поскольку большинство орудий труда не сохранились. В других боспорских городах встречаются фрагменты ножниц для стрижки овец и кормушки, а также каменные плиты-загородки с отверстиями для привязывания скота⁵. Последние были найдены и в Китее. Для кормушек и ограждений загонов наверняка применялось дерево.

---

³ Bremmer 2007, 133.

⁴ Каспаров 1996, 38–39; Каспаров, Хршановский 2019, 275, 279.

⁵ Кругликова 1975, 205.

Общее количество костей животных, взятых на определение, составляет 16498 (11454 — из раскопок 1970–1995 гг. и 5144 из раскопок 2005–2017 гг.). Из них определено 63,2%. Такой сравнительно небольшой процент объясняется тем, что до начала 90-х годов XX в. в экспедиции не было палеозоолога и археологами выделялись только кости крупного и мелкого рогатого скота, а также собак (по черепам) и свиней. В течение последних 25 лет обработка остеологического материала выполнялась А.К. Каспаровым, руководителем лаборатории археологических технологий Института истории материальной культуры РАН. Кости птиц определялись орнитологом А.В. Пантелеевым. По данным этих исследований выяснилось, что в составе крупного рогатого скота преобладают кости коровы, а мелкий рогатый скот представлен в основном овцами; количество коз примерно в 5–6 раз меньше. Несколько различаются количественные показатели присутствия костей домашних животных на городище и некрополе⁶. Такую разницу можно объяснить тем, что жертвоприношения и ритуальные трапезы в святилище были делом всей городской общины и осуществлялись чаще, учитывая многочисленные праздники в честь разных богов. На некрополе тризны были делом частным, а материальные возможности в семьях разными. Однако тризна после похорон была обязательной и устраивалась ради восстановления связи между живыми и мертвыми⁷.

Согласно данным исследований остеологического материала, происходящего из городища и некрополя Китея, состав домашних животных по их видам в различные периоды истории Китея выглядит следующим образом:

<i>Городище (святилище)</i>	<i>Некрополь (тризны, жертвы)</i>
<p>V–III вв. до н.э.</p> <ul style="list-style-type: none"> – крупный рогатый скот: от 47,4% до 54%; – мелкий рогатый скот: от 35% до 37%; – свинья: от 1% до 4%; – лошадь: 1%. 	<p>V–III вв. до н.э.</p> <ul style="list-style-type: none"> – крупный рогатый скот: от 26% до 30%; – мелкий рогатый скот: 25%; – свинья: 6%; – лошадь: 8–10%.

⁶ Городище: Молев, Молева 2016, 47, табл. 1; Молев, Молева 2022, 427, табл. 1; некрополь: Каспаров, Хршановский 2019, 272–274, табл. 1; Каспаров 2020, 184, рис. 1.

⁷ Геннеп 1999, 150.

<i>Городище (святилища)</i>	<i>Некрополь (тризны, жертвы)</i>
<p align="center">II–I вв. до н.э.</p> <ul style="list-style-type: none"> – крупный рогатый скот: до 60%; – мелкий рогатый скот: около 17%; – свинья: около 1%; – лошадь: около 1%. 	
<p align="center">Первые века н.э.</p> <ul style="list-style-type: none"> – крупный рогатый скот: от 45 до 54%; – мелкий рогатый скот: около 40%; – свинья: до 6%; – лошадь: около 1%. 	<p align="center">Первые века н.э.</p> <ul style="list-style-type: none"> – крупный рогатый скот: 39–40%; – мелкий рогатый скот: 20–25%; – свинья: около 7%; – лошадь: около 10%.

Из приведенной статистики следует, что на протяжении всего периода существования города (около 1000 лет) главной отраслью скотоводства было разведение крупного рогатого скота (от 50% и выше от численности всего стада), что соответствует общепоспорской тенденции для городов⁸. Эти животные не только обеспечивали население мясом для собственных потребностей и жертвоприношений, но и различной молочной продукцией; они использовались для вспашки земли и как средство передвижения; давали кожу для обуви, доспехов и сбруи. Тот факт, что крупный рогатый скот использовался довольно часто в качестве жертвы самым различным богам, чаще всего Зевсу, Деметре, Дионису⁹, свидетельствует о его достаточном количестве. Мы никогда не должны забывать, что для греков жертвоприношение было не только ритуальным обязательством, но и экономическим расчетом¹⁰. Не случайно именно в святилищах в составе тризн обнаружено гораздо большее количество костей крупного рогатого скота, чем в городских кварталах. Огромную роль быка и коровы в религии и мифологии древних

⁸ Кругликова 1975, 204.

⁹ Скржинская 2006, 80–83.

¹⁰ Bremmer 2007, 133.

греков отмечали многие исследователи¹¹. На всем протяжении существования Китея количество крупного рогатого скота в составе стада никогда не снижалось и составляло 50 и более процентов.

Мелкий рогатый скот в Китее представлен преимущественно овцами и, в меньшей степени, козами. Эти неприхотливые животные кроме мяса, молока и кож давали шерсть, очень востребованную для изготовления тканей и одежды, особенно в холодное время года. На протяжении почти всех веков существования города, за исключением II–I вв. до н.э. (время политических и природных катаклизмов), численность мелкого рогатого скота увеличивалась от 35% до 40%. Вероятно, период II–I вв. до н.э., когда количество овец и коз упало до 17%, был отмечен и экономическим кризисом, и возможной гибелью этих животных во время землетрясения 63 г. до н.э. Сократилась их численность и в составе жертвоприношений. В то время наибольшее количество костей мелкого рогатого скота (2/3) были найдены не в святилищах, а в городских кварталах¹².

Я. Бреммер в специальном исследовании, посвященном нормативам жертвоприношений животных, отмечает, что большинство жертв состояло из мелких животных, которые годились для подношений всем богам¹³, в частности, Дионису, Пану, Аполлону, Деметре, Кибеле. Козы, вполне вероятно, приносились Афродите и Дионису¹⁴, т. е. почти всякому божеству¹⁵. И, конечно, их мясо использовалось для приготовления общественных и частных ритуальных трапез.

Следует заметить, что кости крупного и мелкого рогатого скота применялись в косторезном ремесле, весьма развитом на Боспоре и в Китее, в частности. Из этого сырья изготавливались орудия труда: иглы для плетения рыбацких сетей, рашпили, ножи, пряслица, веретена, проколки, шпильки, стилосы, а также флейты, игральные кости и художественные изделия¹⁶.

Скотоводство включало в себя и разведение лошадей, немногочисленные кости которых были найдены в святилищах, на городище (1%) и в некрополе, причем на некрополе их гораздо больше — до 10% (см. таблицу, приведенную выше). У греков, так же как и у местного насе-

---

¹¹ Кагаров 1913, 248–250.

¹² Молев, Молева 2016, 47, табл. 1; 49, табл. 2.

¹³ Bremmer 2007, 133–134.

¹⁴ Кагаров 1913, 262–266; Сорокина 1998, 38–39.

¹⁵ Латышев 1889, 85.

¹⁶ Молев, Молева 2016, 57.

ления, это животное пользовалось большим почетом и любовью. Кони участвовали в военной, спортивной и повседневной жизни людей¹⁷. В Китее, вероятно разводили лошадей простых пород, которые использовались как тягловые животные для различных перевозок по суше, а также для верховой езды и охоты. Разведение породистых коней для военных и спортивных нужд было делом трудным и весьма затратным, доступным только очень богатым людям. Для содержания лошадей требовались конюшни и заготовка кормов на зиму. В силу своей полезности для человека лошадь реже других животных приносилась в жертву, скорее всего, в исключительных случаях. Однако в религии и мифологии лошадь чаще всего фигурирует в связи с Посейдоном, Деметрой и Аресом¹⁸. Велико было значение лошади и в погребальных обрядах¹⁹. На боспорских рельефных стелах воинов лошадь выступает как символ перехода в иной мир²⁰.

В Китее, кроме крупного и мелкого рогатого скота, разводили также свиней. Эти типично домашние животные требовали круглогодичного откорма, и их мясо, вероятно, считалось дорогим. Может быть, поэтому количество свиных костей по сравнению с другими домашними животными было сравнительно невелико: в V–III вв. до н.э. около 4%, во II–I вв. до н.э. — 1%, в первые века н.э. — около 6%. Вероятно, мясо свиней почти не употреблялось в пищу, так как находок их костей на территории жилых кварталов практически нет. Зато в святилищах, особенно в Центральном, их количество значительно больше. Так в V–III вв. до н.э. в районе фависс, куда сбрасывались остатки жертвоприношений, количество костей свиней и поросят достигает 49%. Кстати, поросята были очень дешевыми, и их приносили в жертву чаще²¹. Совершенно очевидно, что такая ситуация была связана с преобладанием в то время культа Деметры, с которого начиналось китейское Центральное святилище. Свинья была жертвенным животным этой богини, а свиная кровь применялась в обрядах очищения²². На некрополе, в тризнах и жертвоприношениях кости свиньи составляют 6–7%.

---

¹⁷ Скржинская 2006, 70–71.

¹⁸ Гоувей 2007, 145; 186–187.

¹⁹ Гоувей 2007, 200–201.

²⁰ КБН-Альбом 2004, № 278–279, 294, 313, 332, 349, 383 и далее.

²¹ Bremmer 2007, 134.

²² Латышев 1889, 85; Сорокина 1997, 22–23; Bremmer 2007, 134; Молева 2015, 105.

Со второй половины III в. до н.э. количество свиных костей в местах жертвоприношений сокращается до 20% от всех прочих. Такая статистика, вероятно, отражает ситуацию в Центральном святилище Китея, изменяющуюся с течением времени. Наряду с церемониями в честь Деметры, там стали почитаться и другие боги Олимпийского пантеона, также несущие в себе идею плодородия, и чем дальше, тем в большей степени. В эллинистический период это были Афродита и Дионис со своими спутниками, Геракл, Великая Мать (Кибела); культ последней был особенно популярен со II в. н.э. Кроме свиней, им в жертву приносились и другие животные, чаще всего мелкий рогатый скот.

Следует упомянуть также и о птицеводстве, носившем в Китее подсобный характер. Оно нашло отражение в находках очень небольшого количества костей таких домашних птиц, как курица, утка, гусь. Все такие находки относятся к первым векам н.э.²³ Вряд ли эти птицы предназначались для жертвоприношений, скорее всего, они использовались для приготовления пищи. Все эти немногочисленные кости были найдены на территории городских кварталов.

Обращает на себя внимание и большое количество (около 400) костей собак, обнаруженных при раскопках Китея. Их находят и на территории святилищ (большинство), и в цоколях фортификационных и культовых сооружений, и на некрополе. Самое большое количество костей собак происходит из Центрального святилища, где они составляют около 4% от всех прочих²⁴. Немалое их число (135) было найдено в слоях V–III вв. до н.э., но и в последующие века, особенно во II в. н.э. (152), они присутствуют в слоях святилища. Особенно много собачьих костей было найдено в восточной части святилища, где существовал большой архитектурный комплекс II–V вв. н.э. Процент костей собак, обнаруженных там, составляет 39%. Причем на этой территории были открыты специальные отгороженные места, где совершались жертвоприношения собак²⁵.

Собаки и в Древней Греции, и на Боспоре считались полезными и любимыми животными, сопричастными двум мирам — человеческой культуры и дикой природы. Они сторожили дома, помогали пасти стада, участвовали в охоте и сопровождали своих хозяев. Однако, судя по находкам собачьих костей на территориях святилищ и некрополя Китея, роль этих животных была велика и в сакральной жизни, особенно в

---

²³ Молев, Молева 2022, 428–429, табл. 2, 3.

²⁴ Молев, Молева 2022, 428–429, табл. 3.

²⁵ Молев, Молева 2007, 87.

жертвоприношениях²⁶. Образ собаки ассоциировался с хтоническими ипостасями таких богов, как Артемида, Геката, Деметра и даже Зевс и Аполлон²⁷. Судя по раскопкам последних 10 лет в Центральном святилище, собака, как представитель дикой природы, могла приноситься в жертву Великой Матери (Кибеле), олицетворявшей всю живую природу и человеческую жизнь. Со II в. н.э. образ этой богини впитал в себя черты Артемиды, Деметры, Гекаты, которым также приносили в жертву собак.

М. Нильссон отмечал, что в религиозных представлениях древних греков «Великая Мать прочно соединилась с греческой Матерью Деметрой»²⁸. В религиозном мировоззрении боспорян статус собаки можно определить как пограничный, маркировавший переходное состояние из человеческого бытия в потусторонний мир. Собака, являясь проводником, как бы обеспечивает взаимосвязь этих миров.

Святилища Китея, в особенности Центральное, имели ярко выраженный хтонический характер, а культовые захоронения и жертвоприношения собак, появившиеся на Боспоре с V в. до н.э., являлись действиями в честь хтонических божеств. В китейском святилище уже со второй половины IV в. до н.э. прослеживается совместное почитание Деметры и Кибелы. В первые века н.э. постепенно культ Великой Матери становится преобладающим. Отметим, что большое количество собачьих костей было найдено в святилище у западной крепостной стены на I раскопе, особенно в слоях I–II вв. н.э.²⁹ Сам ритуал жертвоприношений этих животных имеет две разновидности: это лежащие на боку собаки (иногда без головы) или только их черепа (челюсти). Последние могли находиться в основании кладок крепостных и культовых сооружений. Оставаясь домашними любимцами, верными слугами и помощниками людей, собаки, безусловно, обладали важными функциями в отправлении хтонических культов и ритуалов.

Охота

Кроме костей домашних животных, в Китее встречаются костные остатки диких зверей и птиц, которые могли быть добыты только на охоте. Местные степи, окружающие город, были богаты различной дикой фауной, о чем свидетельствует широкий ассортимент костей зверей

---

²⁶ Молева 2002, 115–116.

²⁷ Сорокина 1997, 28; Скржинская 2006, 76–77.

²⁸ Нильссон 1998, 126.

²⁹ Молев, Молева 2022, 427, табл. 1.

и птиц, обнаруженных в китейских святилищах³⁰. За годы раскопок А.К. Каспаровым были определены кости дикого кабана (вепря), дикого кота, лисы, зайца-русака, благородного оленя и сайги, а также птиц: малого буревестника, большого баклана, чайки, лебедя, орлана-белохвоста, степного луня, серого журавля и дрофы³¹. Все кости этих зверей и птиц немногочисленны, представлены от одной до восьми особей, и за все века существования Китея составляют лишь около 1% от всех фаунистических остатков, найденных на городище. Сами по себе они являются единичными находками. Это позволяет сделать вывод о том, что дикие звери и птицы не имели промыслового значения для жителей Китея.

И хотя мясо оленя, зайца, дикого кабана, сайги, а также дрофы и журавля вполне годилось в пищу, население города лакомилось им весьма редко. Однако в древнегреческом обществе, особенно среди мужчин, охота была престижным занятием³². Она, вероятнее всего, являлась развлечением людей богатых и требовала привлечения лошадей и собак³³. Вполне возможно, что на диких зверей и особенно морских птиц, не пригодных в пищу, охотились с целью использования их при отправлении культа в честь некоторых богов.

Впервые мнение о том, что морские птицы, в частности чайки, могли приноситься в жертву, было высказано А.К. Каспаровым³⁴. Следы обрядовой деятельности с использованием этих птиц были обнаружены в погребальных сооружениях некрополя Китея³⁵. Среди промысловых животных особый интерес представляют находки черепа с роговыми отростками и костей сайги. Эти животные, по мнению палеозоологов, обитали в крымских степях в конце плейстоцена и являлись объектом охоты палеолитического и мезолитического населения. Предполагалось, что сайга вымерла в начале голоцена. Но находки ее костей в Китее свидетельствуют, что в степях Керченского полуострова она дожила до рубежа н.э., а может быть, и несколько дольше³⁶.

Распределение костей диких животных и птиц по раскопам четко указывает на то, что их большинство найдено на территориях двух свя-

---

³⁰ Молев, Молева 2022, 427–429, табл. 1–3.

³¹ Молев, Молева 2022, 428, табл. 2.

³² Bremmer 2007, 142.

³³ Скржинская 2006, 76.

³⁴ Каспаров 1996, 40.

³⁵ Каспаров, Хршановский 2019, 279.

³⁶ Молев, Молева 2010а, 314.

тилищ: Центрального (раскоп II) и у восточной крепостной стены (раскоп IV). Особенно часто они встречаются на II раскопе: из 19 случаев находок 17 относятся к Центральному святилищу³⁷. На некрополе Китея в погребально-поминальном комплексе второй половины III – первой четверти IV вв. н. э. с ритуальными сооружениями и ботросами наряду с костями домашних животных были найдены кости диких зверей³⁸. Очевидно, присутствие таких костных остатков в составе жертвоприношений не случайно. И хотя греки, как правило, приносили в жертву богам только домашних животных, в пантеоне Китея присутствовали две богини, которым в жертву приносились дикие звери. Это Артемида — покровительница охоты, которая, согласно греческой мифологии, во время жертвоприношения подставила оленя вместо Ифигении. Не случайно кости оленей и диких кабанов находят при раскопках греческих святилищ в честь Артемиды³⁹. Вполне вероятно, что и в названных китейских святилищах такие животные являлись жертвоприношениями этой богине, посвящения которой нашли отражение в граффити⁴⁰. Второй богиней, в жертву которой могли приноситься дикие звери, была Великая Мать (Кибела), покровительница всей природы и владычица зверей. В этой богине «воплощена бескрайняя мощь природы и диктуемые ею законы растительной, животной и человеческой жизни»⁴¹. Именно ей охотники издавна приносили часть добытой дичи⁴². На Боспоре, и в Китее в том числе, эту богиню именовали «Мать» или просто «Ма». Ее культ прослеживается в святилищах с IV в. до н.э. и нашел отражение в коропластике⁴³. В Центральном святилище вместе с терракотами Кибелы были найдены и граффити на чернолаковой посуде, ей посвященные и содержащие аббревиации в виде букв МНТ, МА, М⁴⁴. Общим этим богиням, наряду с мелким рогатым скотом, в жертву могли приноситься собаки и дикие звери⁴⁵. Вполне вероятно, что для отправления культовых церемоний дикие звери могли специально добываться на охоте.

---

³⁷ Молев, Молева 2022, 427, табл. 1.

³⁸ Хршановский 2020, 131–136.

³⁹ Bremmer 2007, 144.

⁴⁰ Молев 2010, 153, № 19; 167, табл. 27, № 8.

⁴¹ Гимбутас 2006, 142.

⁴² Bremmer 2007, 142

⁴³ Молева 2017, 95; Молев, Молева 2016, 182, № 35, 86, 196.

⁴⁴ Молев 2010, 155, № 42; 167, № 12; 170, № 52, 56.

⁴⁵ Латышев 1889, 85; Кагаров 1913, 228–229; Молева 2017, 96.

Что касается морских птиц, чаек, бакланов, буревестников, а также лебедей, кости которых были найдены в Центральном святилище и на некрополе, то их можно связать с почитанием Афродиты в ипостасях Урании, Понтии, Навархиды. Почти все такие кости находились в слоях IV в. до н.э. Так, пять костей крыльев гигантской чайки располагались рядом с алтарем в выгороженным низкой кладкой теменосе, где прослеживалось почитание Афродиты. Среди находок имеются раковины, украшения, румяна в «гребешке», краснофигурная керамика с росписями на темы «Афродита и Эрот». Вполне возможно, что крылья упомянутой чайки служили украшением алтаря. В религиозных представлениях населения Древней Греции и Боспора Афродита изначально была связана с морем обстоятельствами своего рождения. В культовой практике Боспора большую известность получили такие эпиклезы этой богини, как Понтия (морская) и Навархида (покровительница моряков), поскольку они ассоциировались с мореплаванием и морской торговлей⁴⁶. Вместе с тем, в коропластике Китея имеются изображения Афродиты Анадиомены и Афродиты Урании⁴⁷. Последняя изображена в высоком калафе на голове, который украшен прикрепленными к нему крыльями лебедя. Так или иначе, все перечисленные выше птицы воплощают в себе и небесную, и морскую (хтоническую) стихии, что вполне соответствует культу Афродиты. В качестве сравнения используем изображение большого корабля «Исида» на стене храма в святилище Афродиты в Нимфее. Над этим кораблем парит гигантская морская чайка с трезубцем — символом Посейдона в лапах⁴⁸. Рядом располагались изображения десятков других кораблей и процарапанные по штукатурке надписи в честь Афродиты⁴⁹. Это святилище было интерпретировано автором находки Н.Л. Грач как морское, посвященное Афродите⁵⁰. И вполне допустимым будет предположение, что в Центральном святилище Китея дикие морские птицы фигурировали в ритуалах и церемониях в честь Афродиты в ее небесной и морской ипостасях. Возможно, с подобными культовыми действиями были связаны и находки костей дельфинов. Заметим, что на юго-западном участке некрополя были найдены 77 костей этих морских млекопитающих⁵¹. Связь дель-

---

⁴⁶ Молева 2018, 59–60.

⁴⁷ Молева 2002а, 99–100, рис. 1–2.

⁴⁸ Молева 2018, 71, рис. VII.

⁴⁹ Грач 1984, 82.

⁵⁰ Грач 1989, 68.

⁵¹ Каспаров, Хршановский 2019, 274, табл. 1.

фина с культом Эроса и Афродиты общеизвестна и нашла отражение в греческой мифологии.

Объяснить как-нибудь по-другому присутствие костей диких морских птиц, не пригодных для питания и специально добытых на охоте, а также позвонков дельфинов в слоях жертвоприношений в святилище нам не предоставляется возможным.

Кости других промысловых птиц (дрофы, серого журавля, степного луня) в очень малых количествах в основном найдены на территории городских кварталов (раскоп I), где и были употреблены в пищу⁵². В целом, охота не играла существенной роли в экономике Китея, но она, вероятно, была популярной в этом городе, а ее продукты дополняли пищевой рацион его жителей. Кроме того, дикие звери и морские птицы, добытые на охоте, использовались при отправлении культов в честь таких греческих богинь, как Артемида, Афродита и Великая Мать (Кибела) в святилищах.

Литература

- Геннеп, А. 1999: *Обряды перехода* / пер. с франц. М.
- Гимбутас, М. 2006: *Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы* / пер. с англ. М.
- Гоувей, О. 2007: *Лошадь в мифах и легендах* / пер. с англ. Л. Игоревского. М.
- Грач, Н.Л. 1984: Новый исторический источник из Нимфея. *ВДИ* 1, 81–88.
- Грач, Н.Л. 1989: Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973–1987 гг.). В кн.: *Итоги археологических экспедиций. Государственный Эрмитаж*. Л., 61–79.
- Кагаров, Е.Г. 1913: *Кульτ фетишей, растений и животных в Древней Греции*. СПб. (репринтное издание: М., 2012).
- КБН-Альбом 2004: *Корпус Боспорских надписей – Альбом* / под ред. А.К. Гаврилова, Н.А. Павличенко, Д.В. Кейера, А.В. Карлина. СПб.
- Каспаров, А.К. 1996: Фаунистические остатки с некрополей боспорских городов Илурат и Китей. В кн.: Т.Н. Дмитриева, В.А. Хршановски (отв. ред.), *Животные и растения в мифоритуальных системах: Материалы научной конференции*. Октябрь 1996 г. Государственный Музей истории религии и Российский этнографический музей. СПб., 38–40.
- Каспаров, А.К. 2020: Повлиял ли боспорский кризис III в. до н.э. на повседневную жизнь обитателей Восточного Крыма? *БФ*, 181–187
- Каспаров, А.К., Хршановский, В.А. 2019: Фаунистические остатки с юго-западного участка Китейского некрополя. *БЧ XX*, 272–283.
- Кругликова, И.Т. 1975: *Сельское хозяйство Боспора*. М.

---

⁵² Молев, Молева 2022, 427–428, табл. 1–2.

- Латышев, В.В. 1889: *Очерк греческих древностей. Ч. II. Богослужebные древности*. СПб.
- Нильссон, М. 1998: *Греческая народная религия* / пер. с англ. СПб.
- Молев, Е.А. 2010: *Боспорский город Китей*. Симферополь–Керчь.
- Молев, Е.А. 2010а: Рыболовство и охота в Китее. *БЧ* XI, 312–316.
- Молев, Е.А., Молева, Н.В. 2007: О культовой принадлежности архитектурного комплекса II–V вв. н.э. на восточной окраине Китейского святилища. В кн.: *Древности Северного Причерноморья в античное время. К 75-летию С.Д. Крыжичского*. Симферополь, 84–89.
- Молев, Е.А., Молева, Н.В. 2016: *Боспорский город Китей*. Ч. II. Симферополь–Керчь.
- Молев, Е.А., Молева, Н.В. 2022: *Боспорский город Китей*. Ч. III. Нижний Новгород.
- Молева, Н.В. 2002: Собака в религиозных представлениях боспорян. В кн.: Молева, Н.В. *Очерки сакральной жизни Боспора*. Нижний Новгород, 113–116.
- Молева, Н.В. 2002а: О культе Афродиты в Китейском святилище. В кн.: Молева, Н.В. *Очерки сакральной жизни Боспора*. Нижний Новгород, 95–107.
- Молева, Н.В. 2015: Деметра в Китейском святилище конца V–IV вв. до н.э. В кн.: *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова*. М., 105–109.
- Молева, Н.В. 2017: О культе Кибелы на Боспоре. В кн.: А.В. Махлаюк (ред.), *Артефакты и сакральное в истории Боспора*. Нижний Новгород, 92–99.
- Молева, Н.В. 2018: Водная стихия и мореплавание в культе Афродиты в Древней Греции и на Боспоре. *БИ* XXXVII, 56–71.
- Молева, Н.В. 2019: Итоги исследования фортификации боспорского города Китея: сакральный аспект. *БЧ* XX, 394–404.
- Скржинская, М.В. 2006: Животные в домах боспорян. *БЧ* VII, 256–259.
- Сорокин, Н.П. 1997: *Религия и коропластика в античности*. М.
- Хржановский, В.А. 2020: Новый ритуальный комплекс на позднеантичном участке некрополя Китея. В кн.: *БФ*. Ч. 2. СПб., 130–136.
- Bremmer, J.H. 2007: Greek normative animal sacrifice. In: D. Ogden (ed.), *A Companion to Greek Religion*. Malden–Oxford, 132–144.

Н.П. Писаревский

**ОКТЭРА «ИЗИДА» НА ФРЕСКЕ III в. до н.э.
ИЗ ХРАМА АФРОДИТЫ
В БОСПОРСКОМ ГОРОДЕ НИМФЕЕ.
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА**

Аннотация. Открытая при раскопках эллинистического храма Афродиты в Нимфее, фреска с изображением галеры «Изида» вплоть до настоящего времени остается предметом дискуссий по самым разным вопросам. Особую актуальность приобрели исследования, сосредоточившие внимание на ее инженерно-техническом и историческом контекстах. В статье основное внимание уделено определению типа и конструкции боевого корабля, форма корпуса и элементы конструкции которого нашли отображение в его иконографическом представлении художником. На основе декодирования измерительной информации предложено определение его основных измерений в натуральную величину, позволивших отнести «Изиду» к разряду эллинистических октэр.

Ключевые слова: Боспорское царство, Спартокиды, талассократия, граффити, фреска, весельный корабль, триера, октэра, Афродита, Изида.

Nikolai P. Pisarevsky

**OCTERES "ISIS" ON THE 3rd CENTURY BC FRESCO
FROM THE TEMPLE OF APHRODITE IN THE BOSPORAN CITY
OF NYMPHAEUM. NEW POSSIBILITIES OF INTERPRETATION
OF THE ICONOGRAPHIC SOURCE**

Abstract. Discovered during the excavations of the Hellenistic temple of Aphrodite in Nymphaea, the fresco depicting the galley "Isis" remains the subject of discussions on a variety of issues until now. Studies focusing on its engineering, technical and historical contexts have become particularly relevant. The article is focused on determining the type and design of a warship, the shape of the hull and structural elements of which are reflected in its iconography produced by the artist. Based on the decoding of measurement information, the author proposed a full-size definition of its main dimensions, which allowed to classify "Isis" as a Hellenistic octeres.

Keywords: Bosporan kingdom, Spartokids, thalassocracy, graffiti, fresco, rowing ship, trieres, octeres, Aphrodite, Isis.

В своем рассказе о периоде истории Афин, следовавшем после талассократии критского царя Миноса, Плутарх писал: «Корабль, на котором отплыл Тесей с молодыми людьми и счастливо вернулся, был тридцативесельный. Афиняне берегли его до времен Деметрия Фалерского, причем отрывали старые доски и заменяли их другими, крепкими, вследствие чего даже философы, рассуждая об увеличении размеров существующего в природе, спорили, приводя этот корабль в качестве примера. Одни говорили, что он остается тем же, чем и был раньше, другие, что его более не существует» (Plut. *Thes.* 23. Пер. В.А. Алексеева). Характеристика античного биографа довольно точно отображает современные представления ученых об уникальном по своему содержанию иконографическом источнике — морской фреске из храма Афродиты в боспорском городе Нимфее. Открытая экспедицией Н.Л. Грач в 1982 г., она, несмотря на многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых, вплоть до настоящего времени продолжает вызывать самый непосредственный интерес¹.

На фоне открытых в последние десятилетия аналогичных иконографических памятников в Средиземноморье храмовая роспись из Нимфея является уникальной². В полном соответствии с традициями изобразительного искусства эпохи фреска содержит изображение боевой галеры «Изида». Составной частью ее «композиции» являются многочисленные прочерченные по ее поверхности (и редко краской) разнотипные изобразительные и текстуальные граффити, по всей видимости, имевшие отношение как к морскому флоту Боспорского царства первой половины III в. до н.э., так и к экипажам его боевых и транспортных кораблей (рис. 1).

---

¹ В указанном отношении особенно важна информация О.Ю. Соколовой о наличии второй такой же фрески, украшавшей смежную стену того же античного храма.

² Намойлик 2009, 311–317; Antonicelli 2016, 444–447; Haddad, Stern, Artzy 2018, 120–127; Waksman, 2012, 237–266; Petrakova 2013, 153–159; Galinier, Nantet 2020, 55–56.

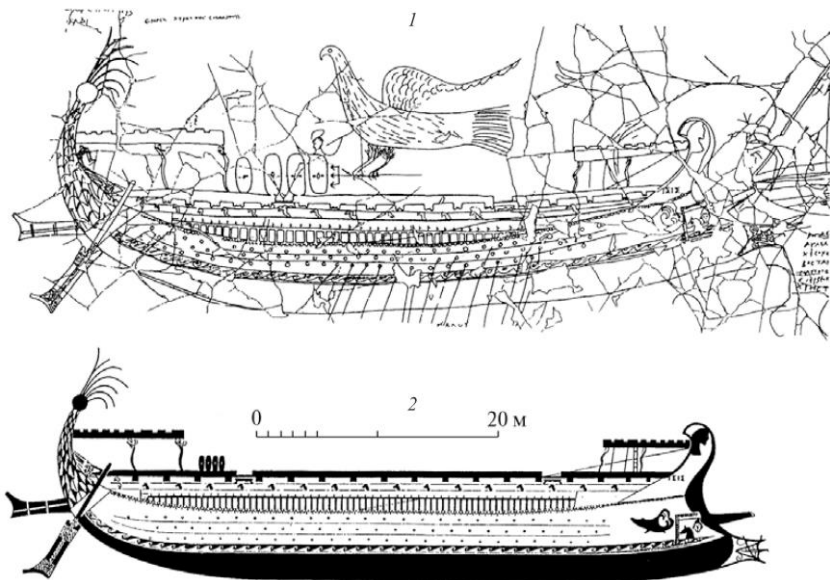

Рис. 1. Октэра «Изида»

Исследователями этого иконографического памятника высказано множество противоречивых оценок, которые касались как его интерпретации, исторической реконструкции корпуса корабля, определения его типа, так и изображенного в нем исторического события. Высказывались мнения либо о незавершенности фрески (как об этом свидетельствуют прорезы гребных весел, прочерченных явно позже и не из всех портов), либо о ее порче, какой она подверглась в результате землетрясения середины III в. до н.э. (или варварского отношения посетителей к остаткам сооружений храма морской богини в последующий после его разрушения период). Что касается ее основного и вспомогательных сюжетов, то предложенные к настоящему времени трактовки, отражая специализацию конкретных исследователей, являются настолько разными, противоречивыми и потому неудовлетворительными, что диктуют настоятельную необходимость переосмысления данного памятника, в том числе и определение конструкции изображенной галеры.

Установление типа этого боевого корабля необходимо начать с идентификации основных узлов его корпуса. В историографии проблемы такая работа производилась неоднократно. К описанию и историко-

технической интерпретации судового корпуса «Изиды» обращались А.Л. Грач, Л. Бэш, Дж. Моррисон, О. Хёкманн, выполнивший самую подробную прорисовку изображения на фреске, Р. Мюррей, А.Б. Кисельников и Н.П. Писаревский³. Необходимо отметить, что ни в одной из прежних интерпретаций устройства судового корпуса «Изиды» на основе идентификации деталей в ее изображении не применялась обычная для теории корабля практика сечения корпуса геометрическими плоскостями. Поэтому в восполнении этого пробела мы разделим изображенный слева направо корпус корабля пятью такими плоскостями: тремя вертикальными — вдоль корпуса (корма, средняя часть, нос), и двумя горизонтальными (надбортовая и подкилевая линии). Это дает возможность, с одной стороны, четче рассмотреть сегменты каждой из частей корабельного корпуса, а с другой — выявить наиболее существенные узлы его конструкции, элементы оснастки и надстроечные технические элементы над кромкой верхнего борта.

Основу конструкции корабля «Изида» составляет изогнутый полумесяцем по форме массивный киль с закрепленными на нем носовым и кормовым штевнями, формирующими осевую раму. На изображении представлена левая половина видимого борта с зафиксированными художником элементами архитектурной конструкции корпуса, узлами и деталями его технической оснастки. Изображение мачты и парусов отсутствуют, также остались невыполненными росписью красками и весла корабля. Помимо изображенных белой краской надстроек над верхним бортом корабля, все остальные изображения нанесены с помощью острого инструмента, оставившего прорезные дополнения к основному рисунку. Пропорция судового корпуса в соотношении длины к высоте составляет 1 : 4/5, что соответствует математическим пропорциям военных кораблей античности⁴.

Со стороны днища просматривается осадка корпуса, отграниченная от поверхности моря рассекаемыми движением корабля волнами, изображенными в виде бегущих гребешков на поясе орнамента нижней части его видимого борта. Под днищем корабля оставлено пространство между нижней линией киля и полосой прорисованного по всей длине стены орнамента из бутонов шафрана (*Crocus sativus*), который, воз-

---

³ Грач 1984, 81–88; Grač 1987, 87–95, n. 26–39; Bash 1985, 129–151; Bash 1987, 493; Morrison, Coates, 209–210, 274–277; Höckmann 1999a, 94–97; 1999b, 321–322; Murray, 1999, 539–561; Murray 2001, 250–256; 2012; Кисельников 2012, 195–197; Писаревский 2020, 455–471.

⁴ Хлевов 2005, 221; Pevny, 2011, 271–275, 277–279.

можно, символизировал и краситель, использованный при создании фрески, и традиционный дар, который, отображая афинскую мифологическую традицию о Крокусе и Смилакс, подносился богине Афродите в процессе жертвоприношений. Можно предполагать, что по смыслу они соответствовали важнейшему и древнейшему пожеланию морякам располагать минимальным пространством под килем во время плавания⁵. Сам по себе цветок выступал символом надежды и возрождения, что входило в комплекс представлений о богине-покровительнице судоходства и мореплавания⁶.

Горизонтальное сечение средней части корпуса показывает наличие выполненных со смещением относительно друг друга весельных портов гребного движителя галеры: в верхнем ряду их — 31, в среднем и нижнем — по 27. Прямо над ним прорисовано принимаемое специалистами за защитное полотно (транс) изображение бортового ограждения — леера. Подтверждением этому на рисунке выступает прорисованное по верхней кромке борта подчеркнуто выпуклое изображение толстой, опоясывающей корпус с обеих сторон, обшивной доски — планшира, на который накладывалась основная сплошная палуба корабля. Изображение образуемой вдоль корпуса над основной палубой линии кронштейнов в форме конских протом можно считать либо прорисовкой художником весельных колышков (скармовых стоек) для весел дополнительного к основному ряду гребного аппарата, либо опорами нижней части боевой палубы. Ее наличие обнаруживается плоскостью горизонтального сечения, совпадающего с расположением выполненной белой краской, прерывистой в своей конструкции, боевой верхней палубы между носом и кормой. Кроме того, сечение верхней части корабельного корпуса позволяет выявить изображение возвышающихся прямо над ней двух, достигающих своими помостами средних частей фор- и ахтерштевня боевых платформ, засвидетельствованных нумизматическими источниками, в том числе и из Пантикапея III в. до н.э.⁷ Фактически боевая палуба состоит из трех сегментов надстройки, возвышающихся над основной палубой. При этом между боевой палубой средней части и боевыми палубами на полубаке и на юте представлены два проема, вызывающих ассоциацию с концепцией Л. Кэссона об эл-

---

⁵ Cahill 2002, 139–141.

⁶ Рэч 2006, 9.

⁷ Gaebler 1935, n. 11, pl. XXXIII, 3, pl. III, 5; Davis, Kray 1973, 221–228; Mørkholm 1991, 77–81; Kremydi 2011, 170–171; Bodzek 2014, 283, n. 1a–b–3a–b; Meadows 2014, 169–195.

линистических галерах-полиэрах — катамаранах⁸. В промежутке между платформами боевых площадок носа и кормы художником размещены 4 овальных щита, за крайне правым из которых изображен морской гоплит, над ним изображена огромная птица с трезубцем в лапах, направленным на него. Возможно, эти щиты являются крепившимися к планширю и к весельным портам элементами корпусного набора — щитовыми ставнями⁹.

Впрочем, право на существование имеет и альтернативная трактовка. Если принять во внимание соотнесенность каждого из проемов между стойками боевой палубы со стойкой-уключиной в виде конской протомы, совпадающей с ним по вектору кривой линии, то в таком случае можно предположить наличие в конструкции боевой палубы «Изиды» кабин дополнительного ряда гребцов, располагавшегося на уровне палубы. В этом случае помосты боевой палубы, по мысли художника, располагались поверх их кабин.

Немаловажную информацию представляют и три сечения по вертикали. Первое из них — изображение носовой части судового корпуса. Оно демонстрирует небольшой по размеру трехреберный боевой таран, конструкция которого обрамляет нижнюю часть носа в месте стыка вертикального штевня с килевым бревном. Его овальная граница, размеченная по периметру точечными изображениями шести крепежных болтов, демонстрирует способ насадки основного тарана на выступающую часть киля и тип закрепления его «ушей» на боковых скулах носа корабля. Форштевень имеет изящно изогнутую форму, на его акропостеле прочерчено изображение антропоморфной головы, трактуемой специалистами по-разному (Изида, Серапис?). В самой средней части изгиба форштевня с использованием краски прорисовано изображение трудно поддающейся объяснению архитектурной детали набора корпуса. Надо думать, что оно символизирует расположение дополнительного тарана к основному или, как полагают отдельные интерпретаторы фрески, дополнительные тараны на эпотидах каждого борта корабля. Их назначение состояло в защите носовой части корабля от удара в корпус неприятельского судна при атаке и защите собственного корпуса в случае обороны¹⁰. Но чаще всего эпотиды использовались в тактике «проплыва» (*periplous, anastrophe*), обеспечивавшей слом весельного

---

⁸ Casson 1994, 86, п. 67–68.

⁹ Такая практика оснащения бортов кораблей существовала издавна. См.: Фор 2004, 221.

¹⁰ Банников, Горбачева 2015, 23–28.

двигателя корабля противника и последующее нанесение уже обездвиженной «добыче» смертельного таранного удара.

Здесь же в середине верхней части носового отсека большинство исследователей фрески располагают и изображение большого священного глаза. А в примыкающем к нему справа изображении в прямоугольном рамочном обводе верхней части корабельного носа они (в частности, Дж.С. Моррисон) предпочитают видеть «портрет» одного из Диоскуров, имеющего отношение к действительному названию корабля («Диоскурия»), а не к вырезанному позже имени «Изида».

Второе сечение по вертикали, на первый взгляд, мало информативно. Оно проходит через пространство между двумя лапами птицы и средней частью помоста надстроечной боевой палубы, соответственно, через 16-е отверстие весел верхнего, 14-е — среднего и 15-е нижнего рядов, разделяя корпус судна на две половины. Оно подтверждает уже высказанное наблюдение, согласно которому фигурные стойки-ключины в форме протом лошадей имеют отношение к гребному аппарату корабля.

Наконец, особую важность приобретает третье сечение по вертикали корпуса в кормовой его части. Прежде всего, обращает на себя внимание крутизна загиба кормового штевня, несущего на своем чешуйчатом и сужающемся вверх окончании (акростоле) изображение семи лепестков неизвестного растения (чаще всего его определяют в качестве развернутого цветка папируса). Со стороны внутренней части корпуса на юте к нему на уровне середины примыкает платформа, опирающаяся на мостки кормовой боевой палубы.

На самой корме прорисовано правое рулевое весло. На видимой стороне борта оно изображено в рабочем положении и закреплено верхней частью тулова в специальном трубовидном приспособлении. Рулевое весло противоположного левого борта прорисовано таким же образом. Но в горизонтальном, определяющим поворот направо положении. Если видимая часть лопасти первого испещрена разнообразной геометрической орнаментацией, то просматриваемая внутренняя часть второго, демонстрирует не только его конструкцию, но и способ крепления лопасти весла к его веретену с использованием двух закрепленных кордом горизонтальных брусковых перемычек.

Подведем итоги. Детали внешнего декоративного оформления и надпалубных надстроек носового и кормового отсеков представлены в изображении достаточно полно. В этом отношении весьма показательны два момента: округлой формы волнистая ватерлиния, до которой

погружен в море корпус корабля, и находящая связь с ней линия изогнутого киля. В носовой части он переходит в высоко поднятый форштевень с двумя разнотипными выступами, символизирующими собой основное вооружение боевого корабля — таран и эпотиды. В кормовом отсеке киль завершается ахтерштевнем с акростолем в форме распущенного цветка папируса. По периметру видимого правого корабельного борта прорисованы друг над другом три расположенных в шахматном порядке яруса отверстий для весел (порты), некоторые из которых изображены с прочерченными линиями, соприкасающимися с поверхностью моря. Кроме того, на фреске изображены верхняя (дополнительная) и нижняя палубы с фальшбортом, овальной формы воинские щиты, а на корме и на носу представлены надстроенные над основной палубой боевые площадки, упирающиеся в дополнительную палубу с двумя проемами. В декоре корабля присутствует и художественные детали — скульптурные протомы коней (их 16) и стойки-уключины в виде головок лебедей с изогнутыми шеями.

Следует отметить, гипотетичность интерпретаций отдельных узлов «Изиды» на фреске из Нимфея не только обусловлена характером самого иконографического источника, но и связана с предпочтениями современных специалистов, основанными на индивидуальном знании архитектуры античных кораблей и личных пристрастиях каждого исследователя. С учетом данного обстоятельства наиболее дискуссионными являются определения типологии и устройства гребного движителя «Изиды»¹¹. Ситуация вполне объяснима, поскольку расшифровка композиции фрески, равно как и понимание отразившихся в ней решений эллинистических корабелов, накладывается, с одной стороны, на отсутствие прямой информации по этому вопросу в разнотипных античных источниках, а с другой — на устоявшиеся в историографии постулаты, осложненные дискуссионностью проблемы одно- или многоярусности гребного аппарата античных галер. Эти дискуссии затрагивают и вопросы расположения банок гребцов, длины и конструкции весел с уключинами, включая и вопрос об определении стоячего или сидячего способа гребли вообще¹². Изображение «Изиды» не позволяет усомниться в вертикальном расположении трех ярусов ее весельных портов, расположенных в порядке друг над другом. А вот интерпрета-

---

¹¹ См., например: Basch 1987, 493; Höckmann 1999b, 303–356; Murray 1999, 244–245; 2001, 250–256.

¹² Morrison, Coates 1996, 203–209; The Philosophy of Shipbuilding 2004, 106–107.

ция каждого из названных вопросов и определение на этой основе самого типа боевого корабля с тараном (наиболее дискуссионный вопрос в специальной литературе) вызывают, как показывают имеющиеся исследования, множество трудностей. Все они связаны с оценками уровня развития технологий судостроения, навигации и военно-морского искусства в эпоху эллинизма.

Первая из этих трудностей имеет отношение к количественным оценкам ярусов гребного аппарата, вторая касается схемы его расположения, а третья проистекает из определяемой первыми двумя трактовки количества гребцов за одним веслом, а также возможных способов гребли. Множественность оценок можно распространить и на геометрию построения весел (они будут отличаться друг от друга в зависимости от определения количества весельных ярусов). Еще более запутанной, ситуация становится в связи с интерпретациями количественного состава гребцов, способов гребли и определения типа корабля, соответствующего конкретному аналогу среди кораблей флотов эллинистических государств (Египта, Македонии и царства Селевкидов). Всё это затрудняет интерпретацию основных узлов архитектуры корпуса изображенной на фреске галеры «Изида». Однако ситуация не выглядит безысходной.

Отметим, что в решении проблемы, по нашему мнению, следует исходить из постулата, согласно которому в основе конструкции эллинистических многовесельных кораблей-полирем лежала конструкция триеры (или пентеры) и стандартизация практики кораблестроения как в античных государствах вообще, так и в эллинистических государствах, в особенности. На наш взгляд, идея, высказанная одним из патриархов истории античного мореплавания Л. Кэссоном, должна подвергнуться небольшой, косметического порядка, коррекции. Проблема заключается в том, что боевые корабли эпохи классики имели серьезное отличие от кораблей эпохи эллинизма. Набор судового корпуса боевых кораблей V в. до н.э. производился от от киля вверх и, формируя наружную обшивку, предполагал выполнение ею функции каркаса, по причине чего она ничем (за редким исключением) не укреплялась дополнительно. Что касается боевых кораблей эпохи эллинизма, то в новых исторических условиях (и в связи с новыми требованиями к военно-морскому делу) развитие получила другая практика судостроения. Корабли стали строить на основе шпангоутно-килевого каркаса с последующей его обшивкой (набором), сопровождавшейся и дополнительной защитой корабельного корпуса. Став более тяжелыми с большим водоизмещени-

ем, они оказались способными к перевозке многочисленной пехоты и катапульта. Более того, прямым следствием шпангоутно-каркасного набора и обеспечения дополнительной прочности верхнего борта с помощью нашивных досок и усиления переборок носовых скул передней части таких судов стрингерами стало увеличение силы их таранного удара. Это способствовало увеличению размеров основного тарана и количества вспомогательных ему боевых таранов («ручных торпед»). Изменения затронули как конструкцию, так и сами способы закрепления основного тарана на стыке килевого бревна с нижним концом форштевня¹³.

С учетом указанных инноваций становится возможной не только интерпретация изображения «Изиды», но и определение ее типа в кластере боевых кораблей эллинистического времени. Основные соотношения рисунка «Изиды» по длине, ширине и высоте (ЛВН), определение масштаба ее изображения, использование для решения этой задачи законов теории корабля в практическом судостроении дают возможность производства соответствующих расчетов¹⁴. Более того, применение соответствующих коэффициентов в исчислении габаритов корабля, послужившего образцом для выполнения художником его рисунка на фреске (с натуры или по памяти), дает возможность определить действительные размеры реального корабля-прототипа¹⁵. При этом необходимо известное допущение, согласно которому надежной интерпретации поддаются только три узла из всех, что просматриваются на фреске, а именно:

1) надстроечные элементы над основной, несущей палубой корабля сооружения, а именно дополнительные боевые палубы носовой, средней и кормовой частей корабельного корпуса;

---

¹³ Pomey 2004, 26–34; Casson, 1994, 91–92.

¹⁴ См., например: Жинкин, 2018, 19.

¹⁵ Теоретическое обоснование относительно познавательных возможностей искусствометрии дано в работе: Лотман 1972, 3–6. Практическое решение проблемы было предложено О. Хёкманном с использованием имеющихся данных о высоте таранов и интервала между соседними веслами римской галеры по Витрувию. Результат, полученный немецким ученым, хотя и был приблизительным, все-таки позволял составить представление о размерах изображенного корабля по ЛВН — 58×10,6×6,3 м с осадкой в 2,2 м. См.: Hockmann 1999b, 303–356.

2) кронштейны в виде протом (передних частей) коней, являющиеся показателем наличия уключин дополнительного надпалубного ряда весел;

3) косые линии расположения весельных портов, отображающие диагональное расположение банок гребцов друг над другом во внутреннем пространстве корпуса с наклоном от носа к корме, как и попытался это представить с помощью прочерченных линий современник, посетивший уже разрушенный землетрясением храм.

Историческая и историко-техническая интерпретация нимфейской «Изиды» сопряжена с целым рядом трудностей, в первую очередь сложностями технического порядка¹⁶. Дело в том, что памятник остается до настоящего времени одним из двух фрагментов общей композиции росписи стен храма Афродиты. Второе панно с изображением другого (?) корабля, по сообщению О.Ю. Соколовой, еще находится в процессе реставрационной сборки¹⁷. Поэтому можно согласиться с В. Мюрреем в том, что отсутствие полноценной публикации всего памятника (как первого, так и второго изображения кораблей) «усложняет наши попытки понять контекст военного корабля *scraffito* — образ, который доминирует в декоративном оформлении храмового помещения»¹⁸. К мнению уважаемого коллеги следует присоединить и дискуссионность взглядов как на процесс декодирования конструкции корабля на памятниках изобразительного искусства, так и на результаты их историко-технической интерпретации¹⁹.

Предварительные замечания показывают, что интерпретация и моделирование гипотетических основных размерений корабля, послужившего прототипом судна на фреске-сграффито из храма Афродиты в Нимфее, возможны только с учетом указанных характеристик²⁰. Предлагаемое автором решение основывается на теории приближенных вычислений первой группы размерений морского судна с учетом пропорций, симметрии и величин, отложившихся в масштабе изображения. Анализ фактов с использованием немногочисленных показаний как письменных источников, так и изображений-аналогов фреске «Изида» в

---

¹⁶ Писаревский 2000, 161–168; 2017б, 98–106; Rahmstarf 2010, 675–676; Polakowski 2016; Höckmann 1999b, 308–319.

¹⁷ Об этом О.Ю. Соколова любезно сообщила автору в октябре 2019 г.

¹⁸ Murray 2001, 250–256.

¹⁹ Одна из самых последних работ по данной теме выполнена Ш. Ваксманом: Wachsmann 2019, 7–11.

²⁰ Wachsmann 2019, 545.

храме Афродиты из других областей эллинистического мира, их сопоставление в сочетании с результатами производимых теоретических расчетов, исходящих из полученных эмпирическим путем измерительных данных, позволили сравнить ее с типами боевых кораблей, составлявших основу флота в эллинистических государствах. Свой выбор мы остановили на одной, верной с нашей точки зрения, теории, согласно которой триера — боевой, трехрядный, гребной, с расположением весел по вертикали корпуса, оснащенный основным и вспомогательным парусом, главным и дополнительным таранами корабль — по своей конструкции была архетипом всех других типов разных по своим размерам и количеству гребцов военных кораблей. Она повсеместно использовалась судостроителями эпохи эллинизма в качестве матрицы для сооружения крупнотоннажных военных кораблей с экипажами более 200 человек, способных перевозить на своем борту как пехоту, так и метательную (огнеметную) «артиллерию». Нимфейская «Изида» по своему типу должна была принадлежать к их числу.

Нам удалось показать, что ее конструкция иллюстрирует широко распространенную, гибридную по форме и комбинаторно-комплексную по типу (шпангоутно-килевую и каркасно-обшивочную технологию врезки и закрепления шипов в пазах с дополнительной обвязкой кордом важнейших стыков отдельных узлов и корабельного корпуса в целом) универсальную модель.²¹ Она состояла из осевой рамы (киль, шток, кормовая стойка), обшивки и поперечного каркаса (рам и балок). По своим обводам такая конструкция в разрезе представляла собой расширяющееся к низу поперечное сечение корабельного корпуса.

Более того, появившиеся в самое последнее время данные памятников кораблекрушений в местах морских сражений эпохи эллинизма указывают на использование в строительстве боевых кораблей композитивных фор- и ахтерштевней, ребристого, кия, усиливавшего продольную прочность судового корпуса. Вместе с тем, выявлены как технологические инновации (наличие толстого шпунтового пояса обшивки, каркасной системы, чередующихся к оси кия днищевых балок, расширяющихся и поддерживающих с помощью полу-шпангоутных футоксов края обшивки поперечными бимсами), так и размеры таких кораблей²².

---

²¹ В издательство ВГУ сдана монография автора: Писаревский Н.П. Октэра «Изида» полихромной фрески III в. до н.э. из храма Афродиты в боспорском городе Нимфее (очерки исторической интерпретации сюжета).

²² Brendan 2009, 269–305.

Важное значение при интерпретации конструкции нимфейской «Изиды» имеют данные раскопок корабельных ангаров и эллингов в афинской гавани Зее, портах Карфагена и Родоса. Их значение заключается в том, что эти сооружения носили универсальный характер. Они использовались для хранения гребных боевых кораблей разных типов в смежных или в одних и тех же по своим размерам помещениях. Указанная особенность является весьма симптоматичной²³. Она — показатель существования стандартизации в строительстве военных кораблей IV–III вв. до н.э., габариты первичных размерений которых варьировались в пределах 40–48 и 52–64 м в длину, 6–9 м в ширину и с высотой борта, включая осадку, 4,5–6,5 м. Это позволило использовать указанную информацию в расчетах основных размерений корабельных корпусов по ЛВН. К ним мы присоединили и используемые современными специалистами данные Витрувия (I.2.4) о расстоянии между соседними веслами на триере в 2 кубита (0,88 м) и результаты измерений межключичного пространства на римских боевых судах Рейнской флотилии, показавших варьирование интервала в диапазоне 0,90–1,20 м между веслами²⁴.

К сожалению, действительный способ расположения весел как на триере, так и на галерах с большим числом гребцов за одним веслом на каждом из трех рядов гребного аппарата остается неизвестным. Использование на кораблях-полиэрах продольно-поперечных, смещенных относительно друг друга по высоте скамеек, остается недоказанным, как и замена гребли традиционным способом в сидячем положении управлением веслами стоя. Неизвестным остается и конкретное количество гребцов на веслах каждого яруса гребного аппарата. Несмотря на сохранившиеся названия основных типов боевых кораблей — тетреры («четверки»), пентеры («пятерки»), гексеры («шестерки»), гептеры («семерки»), октэры «восьмерки», ноннэры («девятки»), децеры («десятки») и др., неизвестным остается и конкретное количество гребцов на веслах каждого яруса их гребного аппарата. Исследователей объединяет только методика определения многовесельности «номерных» эллинистических галер, исходящая из расположения за одним веслом различного количества гребцов. Единство мнений прослеживается лишь в определении их численности за одним веслом друг над другом на разных ярусах. Результат таков: тетрера — 2+1+1 или 2+2; пентера — 2+2+1 или 3+1+1; гексера — 3+2+1 или 2+2+2; гептера — 3+2+2 или

---

²³ Blackman 1999, 68–72; Blackman et al 2013, 58; Rankov 2013, 437–441; Khalil 2018, 16; Gabrielsen 2017, 37–48.

²⁴ Bockius 2012, 175–177.

4+2+1; октэра — 4+2+2 или 4+3=1; ноннэра — 4+4+1 или 5+3+1; децера — 5+4+1 или 5+3+2 и т. д.²⁵ Хорошо известно, что увеличение численности гребцов в эллинистических флотах позволило сократить потребность в профессиональных гребцах. Теперь они направляли движение весел, управляя только вальками (весельными рукоятками), тогда как все остальные использовались для увеличения мышечной силы гребли.

Эти и другие показатели, возможно, присутствуют в изображении судового корпуса «Изиды», демонстрирующего сочетание основной и боевой палуб, наличие строений на полубаках носа и кормы, формах продолговатых и круглых весельных портов, массивных композитивных стоек фор- и ахтерштевня с украшавшими их столосом и афластом.

Определение типа и габаритов корабля на фреске было произведено на основе возможностей, заключённых в формуле вычисления водоизмещения корабля, предложенной в III в. до н.э. Героном Александрийским ($V=10 \text{ LBH}$). Она использовалась с учетом пропорциональных соотношений длины, ширины и высоты теоретического корпуса корабля между собой (L/B , L/H , H/B) и в соответствии с законами определения его первичных размерений. Использование пропорциональных соотношений дополнялось существующим в историографии представлением, согласно которому пентера была всего лишь на три фута (0,90 м) выше триеры, что при соотношении B к H как 1 к 2 и при наложении этой величины на вычисляемый результат цифровые значения первичных размерений «Изиды» восстанавливаются в реальных масштабах ее прототипа. Они соответствуют типу боевого корабля, основные размеры которого по LBH составляют 52,5×13,5×6,7 м. Впрочем, возможен и другой вариант вычисления величин размера корабельного корпуса, как октэры вообще, так и изображенной на фреске из храма Афродиты «Изиды», в частности. С учетом осадки корабля на 2,1 м основные измерения их по LBH немного меняются, составляя соотношение — 52,5×13,3×6,6 м.

Показательно, что искомую величину корабля фрески можно определить, опираясь на принцип механического подобия. Он устанавливает, что все линейные размеры модели по отношению к прототипу (длина, ширина, осадка и др.) должны быть уменьшены в масштабное число раз. А поскольку пропорция изображения корабля и есть его масштаб, то соотношение 1 : 4 или 1 : 5 = 1 : 40 или 1 : 50 позволяет получить искомый результат, вполне соответствующий октэре. По первому вари-

---

²⁵ Blackman, Rankov, 80–81.

анту это $48 \times 9,6/6,9 \times 4,8/3,4$ м и $60 \times 12/8,5 \times 6/4,25$ м — по второму. Полученная величина довольно близка результатам О. Хёкманна ($58 \times 10,6 \times 6,3$ м при осадке нижней части корпуса на 2,2 м).

Имеются и другие возможности решения поставленной задачи. В частности, обращает на себя внимание используемое кораблями при таких подсчетах масштабное число 55, составляющее самую первую величину размерения — $48/60$ м. Оно подтверждает идентичность размерений «Изиды» размерениям октэры в натуральную величину как $1 : 50$. Наконец, в верности избранного направления расчетов первичных измерений «Изиды» по ЛВН убеждают современные реконструкции наиболее крупных кораблей эпохи эллинизма с пропорциональным соотношением L/H как $8 : 1$. Они дают величины, которые также близки предложенным нами — $45/65 \times 6/8 \times 6,5/4,5$ м при осадке $1,5/1,8$ м и водоизмещением $100\text{--}200$ т²⁶.

Получение близких выявленным нами данных было достигнуто группой зарубежных специалистов при изучении кораблей, затонувших в морском сражении при мысе Акции (31 г. до н.э.). Это были корабли, участвовавшие в морском сражении между М. Антонием и Октавианом. Основные параметры большинства из них составили $53,5/64 \times 7,2 \times 5,6$ м при осадке корпуса в 3 метра²⁷.

Еще более близкие к действительности результаты могут быть установлены с использованием классического, соответствующего ряду чисел Фибоначчи коэффициента 0,55 при соотношении длины судна (L) к его ширине (H), как $1:5 - 1:7$, и величин, заимствованных из теории корабля с использованием подправленного итальянскими исследователями коэффициента масштабности для децеры (0,53) (табл. 1). В этом случае размерения прототипа «Изиды» в натуральную величину составляют:

$$\begin{aligned} L &= 120 \times 53 = 63,6 \text{ м} \\ B &= 63 : 6/7 = 12,7/10,5/9 \text{ м} \\ H &= 10,5/9 : 2 = 6,1/ 5,2/4,5 \text{ м.} \end{aligned}$$

Средняя величина ($63,6 \times 10,5 \times 5,2$ м), по всей видимости, соответствует основным габаритам эллинистической октэры. Это позволяет отождествить галеру «Изида» на полихромной фреске из храма Афродиты в Нимфее с боевым кораблем такого типа и класса.

---

²⁶ Tilley 2001, 571; Olaberria 2014, 351–368.

²⁷ Fourdrinoy, J. et al. 2019.

**Важнейшие значения для триеры и децеры с уменьшенными
(модельными MS) и реальными (RS) масштабами
(По: Fourdrinoy et al. 2019)**

Триера RS	Триера MS	Децирема RS	Децирема MS
λ (ratio scale) 26.73	26.73	53.47	53.47
L (длина) 32.08 м	1.2 м	64.15 м	1.2 м
B (ширина) 3.6 м	13.5 см	7.2 м	13.5 см
T (сечение средней части) 1.05 м	3.93 см	2.10 м	3.93 см
h (глубина осадки) 3 м	11.2 см	3 м	5.6 см
УКС (зазор под днищем) 1.95 м	7.2 см	0.9 м	1.68 см
$\Delta n = T/h$ 0.35	0.35	0.70	0.70

Литература

- Абрамзон, М.Г. 2013: Клад пантикапейских монет III в. до н.э. из коллекции Н.Н. Грандмезона в собрании Государственного исторического музея. В кн.: *Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья: Материалы международной археологической конференции* (г. Краснодар, 30–31 мая 2012 г.). Краснодар, 6–7.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Банников, А.В., Горбачева, Ю.Г. 2015: Приспособления для борьбы с кораблями противника, использовавшиеся в античный период. *Альманах современной науки и образования* 8 (98), 23–28.
- Грач, Н.Л. 1984: Открытие нового исторического источника в Нимфее. *ВДИ* 1, 81–88.
- Жинкин В.Б. 2018: *Теория и устройство корабля*. Учебник. СПб.
- Кисельников, А.Б. 2012: Корабль «Изида» из Нимфея. В кн.: *Народы Евразии. История и культура, проблемы взаимодействия: Материалы II международной научно-практической конференции 5–6 апреля 2012 года*. Пенза–Баку–Белосток, 195–197.
- Лотман, Ю.М. 1972: Искусствознание и «точные методы» в современных зарубежных исследованиях (Вступительная статья). В кн.: Ю.М. Лотман и

- В.М. Петров (ред.), *Семиотика и искусствоведение: Современные зарубежные исследования*. Сборник переводов. М., 5–23.
- Намойлик, А.С. 2009: Рисуночные граффити из Нимфея. *БФ*, 311–318.
- Писаревский, Н.П. 2000: Изображения античных кораблей: Возможности исторической реконструкции размеров и технического устройства. В кн.: В.Н. Глазьев (ред.), *Источниковедение: поиски и находки*. Сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж, 161–168.
- Писаревский, Н.П. 2017: Современные интерпретации данных археологических и эпиграфических источников по истории морского дела в Греции II тыс. до н.э. в трудах зарубежных специалистов. *Известия ВГПУ. Сер. Гуманитарные науки, исторические науки, археология* 4 (277), 98–106.
- Писаревский, Н.П. 2020: Октэра «Изида» (К исторической интерпретации иконографического памятника III в. до н.э. из боспорского города Нимфея). *Via in tempore* 247(3), 455–471.
- Рэч, К. 2006: *Растения любви. История афродизиаков и руководство по их определению и использованию*. Екатеринбург.
- Фор, П. 2004: *Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны* / пер. с фр. М.В. Мальковой. М.
- Хлезов, А.А. 2005: *Морские войны Рима*. СПб.
- Antonicelli, A. 2016: A Close Examination of an Ancient Naval Artefact. *The Mariner's Mirror. The International Quarterly Journal of the Society for Nautical Research* 102/4, 444–447.
- Bash, L. 1985: The ISIS of Ptolemy II Philadelphus. *The Mariners Mirror. The International Quarterly Journal of the Society for Nautical Research* 71, 129–151.
- Bash, L. 1987: *Le musée imaginaire de la marine antique*. Athènes.
- Blackman, D. 1999: Double shipsheds? In: Tzalas H. (ed.), *Tropis V. 5th International Symposium on Ship Construction in Antiquity. Nauolia, 1993. Proceedings*. Athens, 68–72.
- Blackman, D. et al. (eds.) 2013: *Shipsheds of the Ancient Mediterranean* / Ed. D. Blackman et al. Cambridge.
- Blackman, D., Rankov, B. 2013: Conclusions: not just ship garages. In: D. Blackman et al. (eds.), *Shipsheds of the Ancient Mediterranean*. Cambridge, 254–261.
- Bodzek, Ja. 2014: Naval supremacy propaganda on the coins of Ptolemy I. In: M.A. Jucha, J. Dębowska-Ludwin P. Kołodziejczyk (eds.), *Aegyptus est imago caeli. Studies Presented to Krzysztof M. Ciałowicz on His 60th Birthday*. Kraków, 281–289.
- Bockius, R. 2012: Uniformity or Multiplicity? On Vitruvius' interscalmum. In: B. Rankov (ed.), *Trireme Olympias. The Final Report Sea Trials 1992–4. Conference Papers 1998*. Oxford–Oakville, 170–181.
- Brendan, P et al. 2009: The 2005 Chios Ancient Shipwreck Survey. New Methods for Underwater Archaeology. *Hesperia* 78/2, 269–305.
- Davis, N., Kray, C.M. 1973: *The Hellenistic Kingdoms. Portrait and History*, 221–228. London.
- Cahill, Th. 2002: *Sailing the Wine-Dark Sea: Why the Greeks Matter*. New York–London–Toronto.

- Casson, L. 1994: *Ships and Seafaring in the Ancient Times*. Austin.
- Fourdrinoy, J. et al. 2019: The naval battle of Actium and the myth of the ship-holder: the effect of bathymetry. In: J. Fourdrinoy, C. Caplier, Y. Devaux, G. Rousseaux (eds.), *5th MASHCON — International Conference on Ship Manoeuvring in Shallow and Confined Water with Non-exclusive Focus on Manoeuvring in Waves, Wind and Current. Flanders Hydraulics Research*. Ostend (URL: <https://arxiv.org/abs/1905.13024>. Дата обращения 20. 09. 2020).
- Gabrielsen, V. 2017: Piraeus and the Athenian navy: Recent archaeological and historical advances. In: *Proceedings of the Danish Institute at Athens*. Athens, 37–48.
- Gaebler, H. 1935: *Die antiken Münzen Nord-Griechenlands III, von Makedonia und Paionia*. Berlin.
- Galinier, M., Nantet, E. 2020: Naves pingere: Painting ships in the Hellenistic period. In: E. Nantet (ed.), *Sailing from Polis to Empire. Ships in the Eastern Mediterranean during the Hellenistic Period*. Cambridge, 55–74.
- Grač, N. L. 1987: Ein neu Fresko aus hellenistischer Zeit in Nymphaion bei Kertsch. In: H. Franke (ed.), *Skythika*. (Bayerische Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse, Abhandlungen, 98). München, 87–95.
- Haddad E., Stern, I., Artzy M. 2018: Ships Graffiti in Maresha Subterranean Complex 89. *Near Eastern Archaeology* 81/2, 120–127.
- Höckmann, O. 1999a: Naval and other graffiti from Nymphaion. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 5/4, 303–356.
- Höckmann, O. 1999b: Graffiti of Hellenistic ships from the Aphroditeion at Nymphaion. In: *Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья*. Международная науч. конф., посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач. СПб., 94–97.
- Khalil, E. 2018: The Navy of Ptolemaic Alexandria. In: C. Zeferos and M.V. Vardinoyannis (eds.), *Hellenistic Alexandria. Celebrating 24 centuries. Papers presented at the Conference held on December 13–15 2017 at Akropolis Museum, Athens*. Oxford, 13–17.
- Kremydi, S. 2011: Coinage and finance. In: R.J. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon*. Leiden–Boston, 159–178.
- Meadows, A. 2014: The Spread of Coins in the Hellenistic World. In: P. Bernholz, R. Vaubel (eds.), *Explaining Monetary and Financial Innovation: A Historical Analysis, Financial and Monetary Policy*. Heidelberg, 169–195.
- Mørkholm, O. 1991: Macedonia, Asia Minor and Greece. Demetrius Poliorcetes. In: P. Grierson, U. Westermark (eds.), *Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–188 BC)*. Cambridge, 77–81.
- Morrison, J.S., Coates, J.F. 1996: *Greek Oared ships. 399–30 B.C.* Cambridge.
- Murray, W. 2001: A Trireme named Isis: The sgraffito from Nymphaion. *International Journal of Nautical Archaeology* 30/2, 250–256.

- Murray, W. M. 2002: *Observations on the “Isis Scrafitto” at Nymphaion*. In: H. Tzalas (ed.), *Tropis VII. Proceedings of the 7th International Symposium on Ship Construction in Antiquity, Pylos 1999*. Athens, 539–561.
- Murray, W. 2012: *The Age of Titans: The Rise and Fall of the Great Hellenistic Navies*. Oxford.
- Newell, E. 1927: *The Coinages of Demetrius Poliorcetes*. London.
- Olaberria, J.P. 2014: The conception of hull shape by shell-builders in the Ancient Mediterranean. *International Journal of Nautical Archaeology* 43/2, 351–368.
- Petrakova, A. 2013: *Depictions of ships on Attic black- and red-figured vases: Some Peculiarities*. In: Yana Morozova, Hakan Oniz (eds.), *SOMA 2010. Proceedings of 14th Symposium on Mediterranean Archaeology, Taras Shevchenko National University of Kiev, Kiev, Ukraine, 23–25 April 2010*. Kiev, 153–159.
- The Philosophy of Shipbuilding 2004: F.M. Hocker, A.C. Ward (eds.), *The Philosophy of Shipbuilding: Conceptual Approaches to the Study of Wooden Ships*. Texas.
- Polakowski, M. 2016: *Warships of the First Punic War. An Archaeological Investigation and Contributory Reconstruction of the Egadi 10 Warship from the Battle of the Egadi Islands 241 B.C.* PhD Thesis. Greenville.
- Pomey, P. 2004: Principles and methods of construction in ancient naval architecture. In: F.M. Hocker, A.C. Ward (eds.), *The Philosophy of Shipbuilding: Conceptual Approaches to the Study of Wooden Ships*. Texas, 25–36.
- Rahmstorf, L. 2010: Die Nutzung von Booten und Schiffen in der bronzezeitlichen Ägäis und die Fernkontakte der Frühbronzezeit. In: H. Meller, F. Bertemes (hg.), *Der Griff nach den Sternen. Internationales Symposium in Halle (Saale) 16.–21. Februar 2005*. Halle, 675–697.
- Rankov, B. 2013: Piraeus. In: D. Blackman et al. (eds.), *Shipsheeds of the Ancient Mediterranean*. Cambridge, 420–488.
- Tilley, A.F. 1996: The numbers in the names of ancient warships: Some proposed compromise. In: H. Tzalas (ed.), *Tropis VI. 6th International Symposium on Ship Construction in Antiquity. Lamia 1996. Proceedings*. Athens, 563–574.
- Wachsmann, S. 2012: Panathenaic ships. The iconographic evidence. *Hesperia* 81, 237–266.
- Wachsmann, S. 2019: On the interpretation of watercraft in ancient art. *Arts* 8 (165), 1–65.

Д.В. Журавлев, Н.В. Быковская

**ИМПОРТНЫЕ СВЕТИЛЬНИКИ С ВОЛЮТАМИ
ИЗ СОБРАНИЯ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОГО
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

Аннотация. В статье публикуются группа глиняных светильников с волютами, обрамляющими рожок, из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Эти светильники были найдены на различных памятниках — поселениях и некрополях — Европейского Боспора и в целом относятся к I в. н.э.

Ключевые слова: светильники с волютами, римское время, Боспор.

Denis V. Zhuravlev, Natalia V. Bykovskaya

**IMPORTED VOLUTE LAMPS FROM THE COLLECTION
OF EAST-CRIMEAN HISTORY
AND CULTURE MUSEUM-RESERVE**

Abstract. This article presents a group of clay volute lamps from the collection of the East-Crimean History and Culture Museum-reserve. These lamps were discovered at different settlements and necropoleis of the European Bosphorus and in general dated to the 1st century AD.

Key words: volute lamps, Roman period, Bosphorus.

Одним из интереснейших памятников материальной культуры римского времени являются глиняные светильники. Изменение их формы служит прекрасной иллюстрацией моды той эпохи, а разнообразные изображения на щитках дают возможность интересных иконографических исследований. Не случайно интерес к этой теме не ослабевает, несмотря на сотни книг и статей, посвященных изучению античных светильников.

Публикуемая статья посвящена одному из типов римских осветительных приборов, хранящихся в собрании Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника в Керчи¹. Эти светильники в разные годы были найдены в городах и некрополях Европейского Боспора и, за редким исключением, публикуются впервые. Мы продолжаем публикацию коллекции осветительных приборов из этого собрания².

Широкое распространение светильников с рожками (носиками), обрамленными волютами, начинается сначала в Италии, а потом и за ее пределами с августовского времени. Подавляющее большинство светильников с волютами итальянского производства относится к I в. н.э., тогда как многие провинциальные экземпляры могут датироваться и более поздним временем. Видимо, производство светильников популярной формы было налажено и в Причерноморье и продолжалось дольше, чем в Италии. Необходимо обратить внимание на то, что большинство светильников с волютами (равно как и круглых светильников типа Loeschke VIII) итальянского, а зачастую и провинциально-римского производства, ручек не имели, тогда как в Причерноморье те же светильники получают дополнительно вертикальную петлевидную ручку. На эту особенность причерноморских светильников уже обращалось внимание³. Связано ли это было с провинциальной модой, или диктовалось практическими соображениями, мы не знаем.

Светильников с волютами на Боспоре известно сравнительно немного. Они были относительно дорогими маркерами «столичной жизни» — не случайно большинство их известных находок происходит из Пантикапея и других городов, а не из сельской глубинки. В этом плане показательна находка в Пантикапее в 1989 г. вокруг алтаря 16 светильников,

---

¹ Рисунки к статье выполнены Р.Г. Синенко, фотографии — С.В. Ольховским и Р.Г. Синенко.

² Журавлев и др. 2007; 2010; Журавлев, Быковская 2020. Работа над проектом велась в 2007–2012 гг., поэтому светильники из раскопок более поздних лет в статью не вошли.

³ Chrzanowski, Zhuravlev 1998, 57.

большинство из которых является светильниками с волютами⁴. Не удивляют и их находки в крепости Артезиан, в которой в последние годы обнаружено множество предметов роскоши. С другой стороны, среди находок на некрополе Золотое большинство ламп также являются именно импортными разнотипными светильниками с волютами⁵.

Говорить о центрах производства большинства публикуемых светильников сложно. Как известно, светильники римского времени не только изготавливались в привозных формах, но и сами могли выступать в качестве моделей для форм. Маловероятно, что среди наших осветительных приборов есть много экземпляров, изготовленных непосредственно в Италии; вероятнее, всего, мы имеем дело с малоазийскими или иными провинциальными дериватами.

Мы не ставили перед собой задачи указать все аналогии нашим светильникам, происходящие со всей территории Римской империи. В статье отмечены лишь основные параллели и дан краткий анализ иконографии изображений на щитках.

***Светильники с волютами с широким рожком
с изогнутым или тупоугольным завершением
(типы Loeschcke I⁶, Bailey A⁷ и т.д.)***

Наиболее ранние светильники с волютами имеют широкий рожок, а его завершение изогнуто или тупоугольно. Подобные светильники в Италии датируются временем правления императоров от Августа до Флавиев.

1 (Рис. 1, 1). Светильник краснолаковый с волютами. Тулово округлое; дно очерчено слабо различимой бороздкой. Плечи узкие, отделены от вогнутого щитка бороздкой (вариант VII по З. Лешке)⁸. Рожок короткий, тупоугольный, отверстие для заливания масла округлой формы. Рожок обрамлен двумя волютами, образующими на тулове и рожке выступы. Внутренние образующие волют образуют узкий канал от щитка

---

⁴ Трейстер 1993, 61–66, рис. 5–6.

⁵ Корпусова 1983, рис. 13, 3, 5, 6; табл. II, 12; XIV, 1–2; XXII, 17; XXX, 7; XLIV, 20.

⁶ Loeschcke 1919, 213, Abb. 1.

⁷ Bailey 1980, 126.

⁸ Loeschcke 1919, 213, Abb. 2. Далее при упоминании вариантов плечиков светильников мы опускаем эту ссылку.

к отверстию для фитиля. Центр щитка украшен рельефным изображением бегущего вправо крылатого орлиноголового грифона. Отверстие для заливания масла смещено от центра щитка к рожку.

Глина красно-коричневая. Весь светильник покрыт красно-коричневым лаком. Размеры: l — 9,4; d — 6,6; h — 2,5 см⁹. Ручка утрачена, по тулову сколы, лак потерт.

Некрополь Артезиан. Раскопки Н.И. Винокурова, 2002 г. № 18, погребение 61¹⁰.

ВКИКМЗ. КП– 152535; КС- 2345. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр.1654, л. 38.

Близкий как по типу (Loeschcke Ia), так и по иконографии изображения на щитке светильник хранится в Британском музее¹¹. Этот сюжет представлен и на светильниках из других собраний¹². Иконографии грифона в античном искусстве посвящены специальные исследования¹³. Уже упомянутый выше светильник из Британского музея датируется первой третью I в. н.э.¹⁴ Светильник из Козы отнесен к 20–25 гг. н.э.¹⁵ Публикуемый светильник из Артезиана более простой по форме, завитки волют выделены не столь четко, но оснований датировать его позднее, чем первой половиной I в. н.э., нет. Анализ материалов комплекса некрополя Артезиана, в первую очередь, краснолаковых сосудов, подтверждает эту дату.

2 (Рис. 1, 2). Светильник краснолаковый с волютами. Тулово округлое; дно оформлено в виде слабо выраженного кольцевого поддона с неглубокой бороздкой внутри. Плечи узкие, декорированы тремя кольцевыми бороздками (вариант Loeschcke V). В центре щитка — узкое заливное отверстие, вокруг которого — многочисленные язычки, рас-

---

⁹ Здесь и далее нами используются следующие сокращения: l — длина светильника; d — диаметр щитка; h — высота.

¹⁰ Винокуров 2014, 60, рис. 233, 13.

¹¹ Bailey 1980, 133, pl. 2.

¹² Вальдгауер 1914, табл. XIII, № 150; Loeschke 1919, Taf. XII, Nr. 470–471; Iványi 1935, Taf. VII, 1; XLIV, 12; Menzel 1954, 33–34. Abb. 28, 1–2, Nr. 133–134; Deneauve 1969, pl. 37, 306–309; Leibundgut 1977, Taf. 32, Nr. 112; Motiv 112; Oziol 1977, pl. 12, no. 208–210; Rosenthal, Sivan 1978, 34, no. 125; di Filippo Balestrazzi 1988, vol. II, 2, tav. 39, 233; и др.

¹³ Delplace 1980. Об изображениях грифона на светильниках: Bailey 1980, 41–43, fig. 46; 1988, 41, fig. 52.

¹⁴ Bailey 1980, 133.

¹⁵ Fitch, Goldman 1994, 89–90, fig. 55, pl. VIII, no. 378.

ходящиеся вокруг и образующие подобие розетки. Рожок короткий, тупоугольный, отверстие для фитиля округлой формы. Рожок обрамлен двумя волютами с выступающими завитками у основания. Ручка вертикальная, кольцевидная, профилированная бороздкой, с листовидным налетом в верхней части; изготовлена отдельно от светильника.

Глина светло-коричневая. Весь светильник покрыт красно-коричневым лаком высокого качества. Размеры: l — 12,2; d — 7,5; h — 3,9 см. Сколы, лак потерт.

Некрополь Артезиан. Раскопки Н.И. Винокурова, 2004 г. № 128, погребение 156¹⁶.

ВКИКМЗ. КП-159317; КС-2351. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1719.

Одной из близких аналогий является светильник из Британского музея аналогичной формы и с близким декором на щитке, но без ручки¹⁷, датированный концом I в. до н.э. — началом I в. н.э. Похожий декор присутствует и на светильниках из других собраний¹⁸. Высокое качество изготовления светильника из Артезиана позволяет предполагать либо его италийское происхождение, либо высококачественную провинциальную имитацию. По словам Н.И. Винокурова, «на высоко поднятой ручке имелся налет, превращавший ручку светильника в фалл, что позволяет относить данное изделие к дионисийскому кругу»¹⁹. На наш взгляд, ничего фаллического в данном светильнике нет. Автор публикации датировал комплекс I в. н.э.; нам кажется, что светильник относится к началу н.э.

3 (Рис. 1, 3). Светильник краснолаковый с волютами. Тулово округлое; дно оформлено в виде слабо выраженного кольцевого поддона. Плечи узкие, отделены от широкого вогнутого щитка бороздкой. В центре щитка — узкое круглое отверстие для заливания масла, вокруг которого — шестнадцатилепестковая розетка. Рожок короткий, тупоугольный, обрамлен двумя волютами. Ручка вертикальная, кольцевидная, профилирована двумя бороздками. Ручка была неаккуратно прикреплена светильнику после его извлечения из формы.

Глина светло-коричневая. Весь светильник покрыт красно-коричневым лаком. Размеры: l — 9,8; d — 6,6; h — 4,5 см. Сколы, лак сильно потерт.

---

¹⁶ Винокуров 2014, 95–96, рис. 428, 12.

¹⁷ Bailey 1980, 131, fig. 100, pl. 1, Q760.

¹⁸ Szentléleky 1969, 63, no. 66; Bussière, Rivel 2012, 114–115, no. 97.

¹⁹ Винокуров 2014, 96.

Андреевка Северная. Раскопки А.А. Масленникова, 1987 г. № 516, погребение у пруда.

ВКИКМЗ. КП-112333; КС-1521. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 985.

Светильник относится к типу Loeschcke Ia, плечи — вариант VII. Подобная иконография типична для ламп I в. н.э.²⁰ Так, например, близкий щиток есть на светильнике из Карфагена типа IVA²¹ и на светильнике из музея в Варне²². Публикуемый экземпляр может быть датирован второй третью I в. н.э.

4 (Рис. 1, 4). Фрагмент светильника краснолакового с волютами. Сохранился рожок с частью тулова. Рожок короткий, имеет тупоугольное завершение; закопчен. Тулово имело округлую форму с узкими плечами, украшенными овами. Углубленный щиток отделен от плеч рельефным валиком. На щитке сохранился рельефный орнамент в виде верхней части листьев розетты.

Глина красно-коричневая, плотная. Наружная поверхность светильника покрыта красным лаком. Размеры: 4,2 × 2,7 см. Большая часть тулова и ручка утрачены, сколы; следы копоти.

Пантикапей. Раскопки В.П. Толстикова, 1993 г., № 153, раскоп Ц–С, кв. 303, шт. 7.

ВКИКМЗ. КП-128137; КС-1662. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1301.

Светильник относится к типу Loeschcke Ia, плечи — вариант VI. Орнамент в виде розетты — один из широко распространенных на щитках светильников²³. Середина – вторая половина I в. н.э.

5 (Рис. 2, 5). Фрагмент светильника краснолакового с волютами. Сохранилась часть тулова с фрагментом плеч и рожка. Рожок, имевший тупоугольное завершение, обрамлен рельефной волюткой, плечи — тремя рельефными бороздками.

Глина коричневая, плотная, с мелкими включениями. Внешняя поверхность покрыта коричневым лаком. На рожке — следы копоти. Размеры: 7,5 × 2,1 см. Сколы, трещины.

Пантикапей. Охранные раскопки А.Л. Ермолина по ул. К. Маркса, 2006 г., № 42.

---

²⁰ См., например: Bailey 1980, 85–88, fig. 100, pl. 56, Q1202 (на светильнике типа Loeschcke VIII третьей четверти I в. н.э.).

²¹ Deneauve 1969, pl. XLII, 367.

²² Кузманов, Минчев 2018, 55, табл. X, 147.

²³ См., например: Bailey 1980, 86–88, fig. 100.

ВКИКМЗ. КП-167185; КС-2486. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1817.
Светильник относится к типу Loeschcke Ia, плечи — вариант VII.
Вторая треть I в. н.э.

***Светильники с волютами,
имеющие широкий рожок со скругленным завершением
(типы Loeschcke IV–V²⁴; Bailey B²⁵, и т.п.)***

Этот тип римских светильников широко датируется в Италии временем от Августа до Траяна. Все публикуемые ниже светильники имеют стилизованное изображение волот между плечами светильника и отверстием для заливания масла.

6 (Рис. 2, б). Светильник краснолаковый. Тулово округлое, дно плоское. Рожок вытянут, имеет округлое завершение, у основания рожка — две рельефные волюты. Щиток вогнут, отделен от узких плечиков (вариант VI) бороздками. В центре щитка — портретное изображение бородатого мужчины в профиль вправо, в головном уборе. Отверстие для заливания масла расположено сбоку.

Глина светло-коричневая, лак красно-коричневый. Размеры: l — 9,5; d — 6,9; h — 2,0 см. Утрачена ручка, мелкие сколы.

Пантикапей. Охранные раскопки Керченского музея. 1957 г. Найден в траншее у ворот Керченского музея (ул. Свердлова, 16), на глубине 4 м.

ВКИКМЗ. КП-12211; КС-274. К-9468; КП-196. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 75.

Интерпретация персонажа, изображенного на щитке светильника, неоднозначна. Известно, что на щитках светильников иногда встречаются и изображения исторических персонажей. Более того, светильники, наряду с монетами, серебряной и краснолаковой посудой с портретными медальонами могли выступать в качества средства пропаганды. Известны светильники с изображением бюста императора Адриана²⁶, которые были в свое время изучены Д. Бейли²⁷. Они также происходят с Юга России: два светильника близкого облика хранятся в Государ-

---

²⁴ Loeschcke 1919, 225–232.

²⁵ Bailey 1980, 153.

²⁶ Hübinger 1993, 73, Taf. 15, Nr. 124; Sapouna 1998, 144, Taf. 19, Nr. 221; Chrzanovski, Djaoui 2018, 121–122, M 108, и др.

²⁷ Bailey 1980, 43–44, Q1073.

ственном Эрмитаже²⁸. Но изображение на нашем светильнике имеет от них ряд отличий. Возможно, перед нами один из представителей македонской знати в кавсии — специальной войлочной или кожаной шапке с круглым верхом; к ней прикреплена головная лента — диадема, свисающая вниз. Нельзя исключить, что на голову персонажа наброшена львиная шкура, тогда это может быть Геракл, а из императоров со шкурой изображались Коммод и Каракалла²⁹, но их правление приходится на более поздний период. Светильник датируется в пределах первой половины II в. н.э.

7 (Рис. 2, 7). Светильник краснолаковый с волютами. Низкое тулово имеет округлую форму; дно оформлено в виде слабо выраженного поддона. Рожок вытянут, имеет округлое завершение; у основания рожка — рельефные волюты. Плечи узкие (вариант VI), декорированы кольцевыми бороздками. Щиток вогнут, в центре — узкое отверстие для заливания масла, вокруг которого — изображение венка из лозы с гроздьями винограда. На тулове сохранился корень от вертикальной ручки.

Глина светло-коричневая, плотная, в изломе пережжённая. Верхняя часть тулова покрыта красно-коричневым матовым лаком с подтеками. На рожке — следы коפותи. Размеры: l — 10,4; d — 6,9; h — 2,5 см. Утрачена ручка, поверхность потёрта, сколы.

Найден случайно при рытье котлована для строительства школы в районе некрополя Мирмекия в 1972 г.

ВКИКМЗ. КП-12201; КС-264. К-11574. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 455.

Изображения венков из различных листьев (мирт, дуб, ива, олива) — традиционный орнамент щитков светильников раннеримского времени³⁰. В собрании Эрмитажа представлен подобный светильник с более четким, чем у публикуемого экземпляра, оттиском на щитке, происходящий из Керчи³¹. Близка иконография и у светильников из Карфагена³²

---

²⁸ Вальдгауер 1914, 39, табл. XXI, № 216–217; Ваулина 1959, 79–81, рис. 7, 2.

²⁹ Мы признательны М.Г. Абрамзону за консультацию.

³⁰ См., например: Bailey 1980, fig. 101; Hübinger 1993, 118, Taf. 28, Nr. 220. Об иконографии венка из виноградной лозы на щитках см: Bailey 1980, 87–88, fig. 101, Q794 (светильник типа А с великолепным оттиском венка из виноградных листьев с плодами).

³¹ Вальдгауер 1914, 37, табл. XVIII, 190.

и Алжира³³. В Афинах был найден кидский светильник с изображением венка из виноградной лозы с гроздьями винограда³⁴. Датировка публикуемого светильника — вторая–третья четверть I в. н.э.

8 (Рис. 2, 8). Светильник краснолаковый с волютами. Тулово округлое; дно плоское, очерчено глубокой бороздкой. Рожок слегка вытянут, у основания рожка — волюты. Внутренние образующие волют обрамляют канал от щитка к отверстию для фитиля. Плечи покатые (вариант VII), отделены от вогнутого щитка кольцевой бороздкой. На щитке — остатки неясного изображения.

Глина коричневая, с мелкими известковыми включениями. Верхняя часть светильника покрыта блестящим красно-коричневым с подтеками лаком. На рожке — следы копоти. Размеры: l — 9,5; d — 6,5; h — 2,9 см. Склеен из нескольких частей, утрачены части щитка и тулова, лак потерт.

Пантикапей. Раскопки В.П. Толстикова, 2004 г., раскоп Ц.–С., кв. 47, шт. 5, № 57.

ВКИКМЗ. КП–159416; КС-2260. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1732. Вторая половина I в. н.э.

9 (Рис. 2, 9). Светильник краснолаковый с волютами. Тулово округлое, со слабо выраженным поддоном. Рожок слегка вытянут, его завершение имеет округлую форму; у основания рожка — две рельефные волюты. Плечи узкие (вариант VII), отделены от вогнутого щитка рельефным валиком и кольцевыми бороздками. На щитке — рельефное изображение гермы Диониса, стоящего перед ней стамноса, обруча и ветви. Отверстие для масла смещено от центра щитка.

Глина коричневая. Верхняя часть тулова покрыта красно-коричневым с подтеками лаком. На рожке — следы копоти. Размеры: l — 9,0; d — 6,4; h — 2,7 см. Склеен из фрагментов, утрачена ручка, часть тулова и рожка, соколы.

Пантикапей. Раскопки В.П. Толстикова, 2004 г., раскоп Ц.–С., кв. 47, шт. 5, № 42.

ВКИКМЗ. КП-159401; КС-2257. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1732.

Аналогичный светильник из Херсонеса хранится в собрании Государственного исторического музея в Москве³⁵. Подобный сюжет зафик-

---

³² Deneauve 1969, pl. XLI, 363.

³³ Bussière 2000, p. 269, pl. 42, no. 503–504.

³⁴ Perlzweig 1961, 81, pl. 5, 105.

сирован на светильниках с волютами из римской Северной Африки³⁶, Португалии³⁷, Испании³⁸, Германии³⁹ и Греции⁴⁰, светильнике из берлинского собрания⁴¹ и на многих других лампах из различных коллекций⁴².

Датировка пантикапейского светильника — середина — вторая половина I в. н.э.

10 (Рис. 3, 10). Светильник краснолаковый с волютами. Тулово округлой формы; дно слегка вогнуто. Рожок слегка вытянут, у его основания — волюты. Плечи узкие (вариант VII), отделены от вогнутого щитка двумя врезными бороздками. В центре щитка — рельефное изображение сцены охоты хищного животного (вероятно, медведя) на быка, вправо. Все рельефные изображения на светильнике оттиснуты нечетко. Отверстие для заливания масла смещено к основанию рожка. На тулове сохранился корень вертикальной ручки.

Глина красно-коричневая, плотная. Верхняя часть светильника покрыта блестящим красным с подтеками лаком. Размеры: 9,3 × 6,0 см. Сколы по поверхности, ручка утрачена. Рожок сильно закопчен.

Пантикапей. Найден случайно на горе Митридат учениками школы № 10 Р. Корняевым, И. Полянкиным, Н. Фисенко. Поступил в коллекцию в 1989 г.

ВКИКМЗ. КП-115379; КС-1541. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1021.

Иконография изображения на щитке соответствует декору светильника из Виндониссы с изображением медведя, охотящегося на быка⁴³. Похожие светильники происходят также из берлинского собрания⁴⁴, из Майнца⁴⁵, Трира⁴⁶ и Карфагена⁴⁷. Два светильника с подобной иконо-

---

³⁵ Chrzanowski, Zhuravlev 1998, 62, N 20; Журавлев, Хршановски 2003, 73–74, рис. 1. № 20.

³⁶ Deneauve 1969, 131, nos. 438–439, pl. XLVII.

³⁷ Alarco 1976, 80, no. 5, pl. I и VII.

³⁸ Rodríguez Martín 2002, lam. XXXIV, 179.

³⁹ Cahn–Kleiber 1977, 340, Nr. 182, Taf. 17 (см. также S. 67 и 91).

⁴⁰ Perlzweig 1961, 76, pl. 3, no. 49.

⁴¹ Heres 1972, Taf. 22, 176.

⁴² Об иконографии гермы Диониса с изображенными рядом сосудами для вина см.: Goldman 1942, 56–68; Lullies 1931, 60–63. О гермах см. также: Ходза 2008, 249–262.

⁴³ Loeschke 1919, Taf. XII, 226; Leibundgut 1977, Taf. 45, 266; Motiv 266.

⁴⁴ Heres 1972, Taf. 12, 77; 14, 94.

⁴⁵ Menzel 1954, 32, Nr. 126, Abb. 27, 19.

графией были найдены ранее в Пантикапее, правда, М.Ю. Трейстер считает данную сцену изображением нападения медведя на кабана⁴⁸.

Для рейнских и швейцарских светильников с этой иконографией дата определяется в пределах первой половины I в. н.э.⁴⁹. Но, судя по форме нашего светильника, он относится к несколько более позднему времени — скорее, к третьей четверти – второй половине I в. н.э.

11 (Рис. 3, 11). Светильник краснолаковый с волютами. Тулово округлое; дно плоское. Рожок слегка вытянут, имеет округлое завершение; у основания рожка — два рельефных побега. Плечи покатые, узкие (вариант VI), украшены пояском нечетко оттиснутых ов, плечи отделены от вогнутого щитка рельефным валиком. Узкое отверстие для масла смещено вправо от центра. В центре щитка — рельефный декор в виде раковины. Ручка вертикальная, петлевидная, профилирована по центру глубокой бороздкой. Верхняя часть тулова покрыта красно-коричневым лаком. На дне процарапано граффито в виде греческой буквы Ρ.

Глина коричневая, лак красно-коричневый. Размеры: l — 8,7; d — 6,1; h — 2,9 см. Мелкие сколы, царапины. На рожке следы копоти.

Некрополь городища Артезиан. Раскопки Н.И. Винокурова, 2001 г. № 61, погребение 38⁵⁰.

ВКИКМЗ. КП-151009; КС-2118. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1622.

Наиболее близок публикуемому светильник с Афинской Агоры⁵¹, датированный концом I – началом II в. н.э., а также светильник из Виндониссы⁵². Изображение раковины гребешка связано с культом Афродиты; они были широко распространены на щитках светильников по всему римскому миру, но особенно на Кипре и в Книде, где почитание богини было особенно распространено⁵³. Светильник может быть датирован последней четвертью I – началом II в. н.э.

---

⁴⁶ Goethert 1997, 211, М 170.

⁴⁷ Deneauve 1969, pl. XL, 350.

⁴⁸ Трейстер 1993, 63–64, рис. 5, 5–7.

⁴⁹ Leibundgut 1977, 176.

⁵⁰ Винокуров 2014, 45–46, рис. 165, 10. Фото светильника в Кат. Керчь 2016, 132, 313, № 118 является изображением лампы из раскопок В.В. Шкорпила (наш Кат. 12).

⁵¹ Perlzweig 1961, 86, pl. 6, 158.

⁵² Leibundgut 1977, Taf. 7, Nr. 616.

⁵³ См., например: Bailey 1988, 85–87, fig. 110–111.

12 (Рис. 3, 12). Светильник краснолаковый с волютами. Тулово округлое, дно плоское. Рожок вытянут, с округлым завершением. Плечи покатые, узкие (вариант VII), украшены нечетко оттиснутыми овами. Плечи отделены от вогнутого щитка рельефным валиком. Узкое заливное отверстие смещено вправо от центра. В центре щитка — рельефный декор в виде раковины гребешка. Ручка вертикальная, петлевидная, профилированная по центру глубокой бороздкой.

Глина светло-коричневая. Размеры: l — 9,8; d — 6,5; h — 3,5 см. Дно пробито.

Найден у д. Капканы. Раскопки В.В. Шкорпила, 1909 г.⁵⁴
ВКИКМЗ. КП-12144; КС-207; К-560.

13 (Рис. 3, 13). Светильник краснолаковый с волютами. Тулово округлой формы; дно плоское. Рожок слегка вытянут, его окончание скруглено; у основания рожка — стилизованные волюты. Плечи узкие (вариант IV), отделены от вогнутого щитка чередующимися валиками и кольцевыми бороздками. В центре щитка — отверстие для заливания масла, обрамленное двумя рельефными валиками, от которых расходятся стилизованные рельефные (лучеобразные) линии, близкие изображению на щитке Кат. № 2. На тулове сохранился корень вертикальной ручки.

Глина светло-коричневая, плотная. Верхняя часть тулова покрыта красным с подтеками лаком. Размеры: l — 9,0; d — 5,5; h — 2,1 см. Ручка утрачена, небольшие сколы, лак местами стерт.

Некрополь в урочище Сююрташ. Раскопки А.А. Масленникова, 1992 г., в слое засыпи у гробницы 32, № 180⁵⁵.

ВКИКМЗ. КП-127405; КС-1630. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1255.

По формальным признакам этот светильник относится к типу Loeschke V или C по классификации Д. Бейли, хотя имеет и ряд отличий. Подобный декор щитка характерен для ряда светильников I в. н.э.⁵⁶ Похожая иконография представлена на итальянском светильнике из

---

⁵⁴ Кат. Керчь 2016, 132, 313, № 118. К сожалению, при подготовке этого каталога была допущена техническая ошибка, и фото светильника из раскопок В.В. Шкорпила было подписано как экземпляр из раскопок Н.И. Винокурова (наш Кат. 11).

⁵⁵ Масленников 2000, 143, табл. V, 3.

⁵⁶ Iványi 1935, Taf. XVI, 8; Bailey 1980, 85–88, fig. 100, Q760; Deneauve 1969, pl. IV, 540–541.

Британского музея⁵⁷, на кипрском светильнике типа Loeschke IV из Британского музея времени Тиберия⁵⁸. Близкий орнамент зафиксирован и на светильниках из Виндониссы⁵⁹, Карфагена⁶⁰, Магдаленсберга⁶¹, музея Майнца⁶². Интересный светильник близкого типа с аналогичной иконографией, но с прикрепленной вертикальной ручкой происходит из Аргоса⁶³. Иконография щитка светильника из Сен Жермен-ан-Ле также близка, хотя сама лампа имеет иной облик⁶⁴.

Вторая половина I – возможно, начало II в. н.э. Автор раскопок относил этот светильник ко II в. н.э.⁶⁵

14 (Рис. 4, 14). Фрагмент светильника краснолакового с волютами. Сохранился рожок с частью тулова. Тулово округлой формы, с узкими плечами (вероятно, вариант IV). Рожок короткий, край его скруглен, основание украшено волютами. Щиток отделен от плеч бороздками. На щитке сохранился фрагменты рельефных прямых линий, расходящихся от центра.

Глина коричневато-серая, плотная. Верхняя часть светильника покрыта коричневым с подтеками лаком. Размеры: 6,0×4,0 см. Большая часть тулова и ручка утрачены, сколы.

Пантикапей. Раскопки В.П. Толстикова, 1996 г., раскоп Ц–С, кв. 201, шт. 13, на отметке 5,40 м, № 90.

ВКИКМЗ. КП-141145; КС-1902. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1453, л. 54.

То же, что Кат. 13. Последняя треть I – первая треть II в. н.э.

15 (Рис. 4, 15). Светильник краснолаковый с волютами. Тулово округлое; дно оформлено в виде кольцевого поддона, обрамленного бороздкой. Рожок имеет округлое завершение, основание обрамлено рельефными волютами. Плечи покатые, украшены оттиснутыми овами, отделены от вогнутого щитка рельефным уплощенным валиком и коль-

---

⁵⁷ Bailey 1980, pl. 17, Q926.

⁵⁸ Bailey 1988, 301, pl. 62, Q2364. См. также другие кипрские светильники: Bailey 1988, pl. 64, Q2433, Q2436; pl. 65, Q2445–2446.

⁵⁹ Leibundgut 1977, Taf. 7, Nr. 523.

⁶⁰ Deneauve 1969, pl. LV, 540.

⁶¹ Farka 1977, Taf. 19, 627.

⁶² Kirsch 2002, Taf. 10, Kat. Nr. 111.

⁶³ Bovon 1966, pl. 6, 232.

⁶⁴ Bémont, Chew 2007, 446, pl. 21, IT48.

⁶⁵ Масленников 2000, 143.

цевой бороздкой. В центре щитка — узкое отверстие для заливания масла. Ручка вертикальная, кольцевидная, профилированная бороздкой, выполнена в одной форме с туловом. На дне — клеймо *planta pedis*.

Глина белая. Вся поверхность светильника покрыта темно-коричневым с подтеками лаком. Размеры: l — 11,0; d — 6,5; h — 2,3 см. Часть рожка утрачена, лак сильно потерт.

Пантикапей. Найден случайно на г. Митридат учениками школы № 10 Р. Корняевым, И. Полянкиным, Н. Фисенко. Поступил в коллекцию в 1989 г. Фото светильника было опубликовано М.Ю. Трейстером (без упоминания *planta pedis* на донце), который, правда, указал, что местом его находки является Центральный раскоп⁶⁶.

ВКИКМЗ. КП-115378; КС-1540. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1021.

Светильник относится к типу IV по З. Лешке⁶⁷ или типу V, группе v по Д. Бейли. Форма плечиков ближе к варианту VIa по З. Лешке. От светильников, рассмотренных выше, он отличается не только формой рожка и волнот, но и наличием ручки, изготовленной в одной форме со светильником. Датировка этого варианта в целом — правление Клавдия и Флавиев⁶⁸. Плечи светильников этого варианта часто украшались овами, хотя при этом на щитке обычно присутствовало изображение⁶⁹. Близкий светильник из Италии представлен в собрании Государственного Эрмитажа⁷⁰. Клеймо *planta pedis*, оттиснутое на донце светильника, не самый распространенный вид штампов на лампах, хотя их также известно много⁷¹. Более характерны эти клейма (как с именами мастерских или мастеров, так и анэпиграфные) для *terra sigillata* раннеримского времени. Весьма вероятно, что рамки этого облика ведут свое происхождение от отпечатка ноги (следа) Сераписа, почитание которого в Римской империи засвидетельствовано многочисленными источниками⁷². Анэпиграфные клейма не могли обозначать принадлежности к той или иной мастерской и были, вероятно, просто данью моде или выполняли функцию апотропея.

Дата публикуемого светильника — вторая половина I в. н.э.

---

⁶⁶ Трейстер 1993, 64, рис. 5, 1.

⁶⁷ Loeschke 1919, 225–227, Taf. I. М.Ю. Трейстер ошибочно определил форму этого светильника как IV по З. Лешке (Трейстер 1993, 61).

⁶⁸ Bailey 1980, 180.

⁶⁹ См., например: Bailey 1980, pl. 20, Q950; Q955.

⁷⁰ Вальдгауер 1914, табл. XXIV, 230.

⁷¹ Bailey 1980, 104–106, fig. 111.

⁷² Журавлев 2001, 90–99.

16 (Рис. 4, 16). Светильник краснолаковый с волютами. Тулово округлой формы, с широкими покатыми плечами. Дно круглое, на низком кольцевом поддоне. Рожок короткий и широкий, явно имел округлое окончание, его основание украшено волютами. В центре вогнутого щитка с врезными бороздками у плеч и слабо выраженным валиком — узкое отверстие для заливания масла. На плечиках (вариант VI) — рельефное изображение виноградной лозы с листьями и гроздьями. На тулове сохранился корень вертикальной ручки.

Глина светло-коричневая, плотная. Вся поверхность светильника, кроме дна, покрыта фрагментарно сохранившимся темным лаком. Размеры: l — 8,3; d — 2,6; h — 2,6 см. Склеен из двух фрагментов, ручка, часть тулова и рожок утрачены, сколы.

Некрополь Пантикапея. Раскопки С.А. Шестакова, 1977 г., № 7, заполнение склепа № 1 (стройплощадка детсада, ул. Марата 1).

ВКИКМЗ. КП-12357; КС-420. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 536.

По той же схеме были сделаны светильники с орнаментированными плечиками италийского⁷³ или эфесского⁷⁴ происхождения, хотя их орнамент имеет значительные отличия. Дата — вторая половина I в. н.э.

17 (Рис. 4, 17). Светильника краснолакового с волютами фрагмент. Сохранился рожок с частью тулова округлой формы с узкими плечами (вариант V). Рожок короткий, имеет округлое завершение, основание украшено волютами. Щиток отделен от плеч бороздками.

Глина красно-коричневая, плотная. Верхняя часть светильника покрыта красным блестящим с подтеками лаком. Размеры: 2,0 × 6,3 см. Большая часть тулова и ручка утрачены, сколы.

Пантикапей. Раскопки В.П. Толстикова, 1993 г. раскоп Ц–С, кв. 303, шт. 7, № 152.

ВКИКМЗ. КП-128136; КС-1661. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1301.

Дата светильника — I в. н.э., вероятно, его вторая половина.

18 (Рис. 5, 18). Фрагмент светильника краснолакового с волютами. Тулово округлое на поддоне. Рожок обломан, но он, по-видимому, имел округлое завершение. Основание рожка обрамлено волютами. Плечи узкие (вариант VI), гладкие, отделены от вогнутого щитка рельефными валиками. В центре щитка — рельефное изображение Ники, с венком в

---

⁷³ См., например: Bailey 1980, pl. 25, Q988–990.

⁷⁴ Bailey 1988, pl. 99, Q3036–Q3037.

правой руке и пальмовой ветви в левой. Заливное отверстие смещено влево. На тулове сохранился корень вертикальной ручки.

Глина коричневая, плотная. Верхняя часть светильника покрыта красным с подтеками лаком. Размеры: 6,0 × 7,5 см. Склеен из восьми обломков, часть тулова, рожка и ручка утрачены, сколы.

Пантикапей. Раскопки В.П. Толстикова, 1996 г., раскоп Ц–С, кв. 201, шт. 13, на отметке 5.40 м, № 165.

ВКИКМЗ. КП-141149; КС-1906. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1453, л. 61.

Иконография изображения на щитке в целом, несмотря на многочисленные утраты, затруднений с реконструкцией не представляет. Перед нами один из типов Ники или Виктории с венком в правой руке. Вероятнее всего, в левой у нее находится пальмовая ветвь. За спиной богини развешаются крылья. Д. Бейли отмечает, что эта сцена наиболее часто встречается на светильниках последней трети I в. н.э. – первой трети II в. н.э. В собрании Эрмитажа есть двухрожковый светильник с аналогичным изображением⁷⁵. Близкие светильники происходят из Коринфа⁷⁶, хранятся в Майнце⁷⁷ и в других собраниях⁷⁸. Этот сюжет хорошо известен как на щитках светильников⁷⁹, так и на других памятниках античного искусства⁸⁰. Он встречается как на светильниках с волютами, так и на разных вариантах круглых ламп типа Loeschcke VIII. Версию о «новогоднем» светильнике придется отвергнуть, т.к. отсутствует не только надпись, но и дополнительные аксессуары⁸¹. Датиров-

---

⁷⁵ Вальдгауер 1914, табл. XXI, 213.

⁷⁶ Broneer 1930, pl. X, 459.

⁷⁷ Menzel 1954, Abb. 33, 21.

⁷⁸ Loeschcke 1919, Taf. VI, Nr. 389; Leibundgut 1977, Taf. 23, 3, 4; Deneauve 1969, pl. XXXVI, 299; Heres 1972, Taf. 31, 259; Goethert-Polaschek 1985, 202. Kat. 216, Motiv 32; Левина 1992, 26, табл. I, 5; Bussière 2000, 166, motif I.b.9.(1); Rodríguez Martín 2002, fig. VI–VII; Bémont, Chew 2007, 74, 444, Pl. 19, IT40, motif D 71; Chrzanovski, Djaoui 2018, 105–106, M69, и др.

⁷⁹ Bailey 1988, 19–20, fig. 21.

⁸⁰ Подробно об иконографии этого сюжета см.: Bailey 1980, 28 (светильник Q 1321), о развитии сюжета на щитках светильниках разных мастеров см.: Wopnet 1988, fig. 13.

⁸¹ 1 января — *Kalendae lucerniae* (календы ламп) — римляне ходили друг к другу в гости и дарили подарки, среди которых были так называемые «новогодние светильники», изображавшие Викторию со щитом с надписью ANNUM NO[V]UM FAUSTUM FELICEM TIBI (иногда MIMI) NIC, а вокруг нее *strenae* — характерные новогодние подарки — монеты и фрукты. Важно отметить, что

ка публикуемого светильника — последняя треть I в. н.э. — начало/первая треть II в. н.э.

Представленные ниже светильники могут быть с равным основанием отнесены как к типу В, так и к типу С по Д.Бейли.

19 (Рис. 5, 19). Светильник краснолаковый. Тулово округлое, с дном, окруженным врезной окружностью. Плечи (вариант IV) покатые, узкие, отделены от вогнутого щитка врезными окружностями и валиком. Узкое заливное отверстие смещено к основанию рожка. В центре щитка — рельефное изображение дельфина с трезубцем. Ручка вертикальная, кольцевидная, выполнена в одной форме с туловом.

Глина коричневая. Тулово покрыто красно-коричневым лаком. Размеры: l — 9,3; d — 7,8; h — 3,0 см. Склеен из фрагментов, утрачена часть тулова и ручки, рожок, сколы.

Пантикапей. Раскопки В.П. Толстикова, 2004 г., раскоп Ц-С, кв. 42–43, из-под завала камней, № 102.

ВКИКМЗ. КП-159461. КС-2272. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1732.

Рожок светильника отбит, но представляется, что он мог быть с волютами и тогда принадлежать к типу Loeschcke V⁸². Аналогичные изображения есть на светильнике из склепа 32 некрополя Илурата⁸³, из Британского музея⁸⁴ и из других собраний⁸⁵. В Северном Причерноморье

Виктория символизировала Августовский мир, как внутренний (окончание гражданских войн), так и внешний (завершение войн, возвращение знамен Красса, отбитых у парфян), а изображение на монетах двух пожатых рук на фоне кадуцея сулило благополучие в торговле. Двухликий Янус, изображенный на монете, взгляд которого обращен как в настоящее, так и в будущее, является чуть ли не совершенным олицетворением идеологии гражданина *Imperium Romanum*: укрепление развития новой империи при сохранении древних народных основ и традиций. Эти светильники были распространены по всей территории Римской империи и служили прямым идеологическим обоснованием римской императорской политики (см. об этом: Menzel 1954, 41, Abb. 33, 3; Heres 1972, 182–193; Неверов 1972, 67–70; Baudy 1988, 1–28; Mazzeo Saracino 1998, 483–508; Goldman 2001; Журавлев, Хршановски 2006, 14–17).

⁸² Loeschcke 1919, 230. Abb. 6.

⁸³ Хршановский 2011, рис. 20, 2.

⁸⁴ Bailey 1988, 283, pl. 57, figs. 92; 142; Q2292.

⁸⁵ Leibundgut 1977, Taf. 28, 61; Motiv 61; Rosenthal, Sivan 1978, 33, no. 113; Bémont, Chew 2007, 138; 340; 508, pl. 83, D256–AF 53; Sapouna 1998, Taf. 32, 1; Chrzanovski, Djaqui 2018, 185–186, M 276.

изображение дельфина с трезубцем также известно на светильнике с волютами Loeschke V из Херсонеса⁸⁶. Светильник датируется последней четвертью I – первой половиной II в. н.э.

20 (Рис. 5, 20). Фрагмент светильника краснолакового с волютами. Сохранился обломок рожка с частью тулова. Тулово с узкими плечами, щиток отделен от плеч бороздками. Рожок короткий, основание украшено волютами.

Глина красно-коричневая, плотная. Верхняя часть светильника покрыта красным с подтеками лаком. Размеры: 4,1×3,0 см. Большая часть тулова, рожка и ручка утрачены, сколы.

Пантикапей. Раскопки В.П. Толстикова, 1995 г., раскоп Ц–С, кв. 205, шт. 9 (бровка), № 138.

ВКИКМЗ. КП-135495; КС-1808. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1405.

В связи с фрагментарностью точная датировка затруднена. Вторая половина I – первая половина II в. н.э.

21 (Рис. 5, 21). Фрагмент светильника краснолакового с волютами. Тулово округлое, со слегка вогнутым дном на слабо выраженном кольцевом поддоне. Щиток заглаблен, большей частью утрачен, со следами копоти. Плечи узкие, отделены от щитка выпуклым валиком, украшены рельефным пояском жемчужника. На тулове сохранился след от крепления вертикальной ручки. Рожок утрачен, сохранилось основание рожка с остатками рельефных стилизованных волют.

Глина светло-коричневая, плотная. Лак красно-коричневый, матовый. Размеры: l — 7,5, d — 6,5, h — 2,5 см. Склеен из двух фрагментов, ручка, рожок, большая часть щитка утрачены, поверхность потерта.

Пантикапей. Раскопки В.П. Толстикова, 1996 г. Раскоп Ц–С, кв. 201–169, шт. 12, на отм. 5.35 м, п.о. № 83.

ВКИКМЗ. КП-141144; КС-1901. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1453, л. 53.

Близкие по форме и декору плеч светильники из Книда представлены в собрании Британского музея. На их щитках представлено изображение орла⁸⁷. Датировка публикуемого светильника – II в. н.э.

22 (Рис. 5, 22). Светильник с волютами. Тулово округлое, со слегка вогнутым дном, очерченным рельефной бороздкой. Щиток вогнут, пле-

---

⁸⁶ Вальдгауер 1914, табл. XXIV, 233.

⁸⁷ Bailey 1988, 358, pl. 93, Q2929–2930.

чи (вариант V) декорированы тремя концентрическими бороздками; в центре щитка — узкое отверстие для заливания масла. Рожок слегка вытянут, с овальным фитильным отверстием, украшен двумя стилизованными волютами. По бокам на тулове — два фигурных налепа. Ручка вертикальная, петлевидная, профилирована двумя бороздками; изготовлена в одной форме со светильником. На дне буквы по сырой глине: I E I.

Глина белая, плотная. На нижней части тулова видны следы красного лака. Размеры: l — 13,0; d — 7,7; h — 1,8 см. Склеен из множества фрагментов, часть тулова утрачена, сколы.

Некрополь Сюрташ. Раскопки А.А. Масленникова, 1992 г., гроб. 40, № 171.

ВКИКМЗ. КП-127392; КС-1629 Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1255.

Достаточно близкий светильник, относящийся к типу G по Д. Бейли, хранится в Британском музее и датируется серединой I в. н.э.⁸⁸ В том же музее представлен достаточно близкий экземпляр с Книда⁸⁹, относящийся к 70–100 гг. н.э. Морфологически близкий светильник происходит из Херсонеса и датируется второй половиной I в. н.э.⁹⁰ Известны они и в других собраниях⁹¹. Подобная марка на светильниках нам неизвестна. Наиболее вероятная дата публикуемого экземпляра — середина — вторая половина I в. н.э.

23 (Рис. 6, 23). Фрагмент светильника краснолакового с волютами. Сохранился рожок с частью тулова от большого массивного светильника. Рожок украшен с волютами. Сохранившаяся полностью волюта завершается изображением конской головы в профиль (или, менее вероятно, грифона). Между волютами в основании рожка — рельефные точки. Фитильное отверстие круглое со следами копоти.

Глина красно-коричневая. Сохранившаяся часть светильника покрыта красно-коричневым матовым с подтеками лаком. Размеры: 13,5×9,0×4,0 см. Большая часть тулова утрачена, сколы.

Из довоенных раскопок Керченского музея.

---

⁸⁸ Bailey 1980, 234–235, pl. 38, Q1092.

⁸⁹ Bailey 1988, pl. 78, Q2714.

⁹⁰ Кадеев, Сорочан 1989, 16, рис. 3, 5.

⁹¹ Menzel 1969, 22, 46, Nr. 239-242, Abb. 19, 4, 8, 13; Deneauve 1969, pl. LXIV, no. 643; Bussière 2000, 274, pl. 47, no. 706; Bussière, Rivel 2012, 132-133, no 129.

ВКИКМЗ. КП-19748; КС-1000. ДО-322; ДО-6. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 584.

Светильник типа Broneer XXI. Подобные лампы квидского производства, в том числе с клеймом мастерской ROMANESIS, получили широкое распространение. Один из аналогичных экземпляров представлен в собрании Британского музея⁹², здесь же и множество обломков от таких светильников⁹³. Они известны из Херсонеса⁹⁴, Коринфа⁹⁵ и многих других центров⁹⁶. Датировка Д. Бейли — 70–80 гг. н.э.⁹⁷

Светильники вытянутой формы с псевдо-волунами над розжком

В публикуемом собрании Керченского музея представлено четыре подобных экземпляра. Светильники по форме формально относятся к типу Loeschke V, но они более вытянутой формы. Аналогичные светильники происходят из раскопок Афинской Агоры⁹⁸, Коринфа⁹⁹, Милета¹⁰⁰, Эфеса¹⁰¹, Карфагена¹⁰², Марокко¹⁰³, Палестины¹⁰⁴ и других мест¹⁰⁵. Два светильника близкой формы хранятся в собрании Эрмитажа: один из Херсонеса, но с рельефным изображением амфоры на шитке¹⁰⁶, а второй из Египта¹⁰⁷. Одним из центров производства подобных ламп мог быть Эфес, хотя известны и пергамские экземпляры близкого облика¹⁰⁸. Датировка этих светильников — правление Флавиев и Траяна.

---

⁹² Bailey 1988, 336, pl. 76, Q2688.

⁹³ Bailey 1988, pl. 77.

⁹⁴ Вальдгауер 1914, 40, табл. XXIII, № 221.

⁹⁵ Broneer 1930, no. 409.

⁹⁶ Perlzweig 1961, pl. 4, no. 96; Szentlélek 1969, 63, no. 68; Heres 1972, 14–15; Taf. 4, Nr. 14–15.

⁹⁷ Bailey 1988, 336.

⁹⁸ Perlzweig 1961, pl. 6, no. 159.

⁹⁹ Broneer 1930, 83, fig. 40, no. 464.

¹⁰⁰ Menzel 1954, 48, Abb. 38, 1; Nr. 260.

¹⁰¹ Bailey 1988, 374, pl. 99, Q3024–3025.

¹⁰² Deneauve 1969, pl. LXIV, 638.

¹⁰³ Ponsich 1961, pl. XIV, 150–151.

¹⁰⁴ Sussman 2012, 199, 342, no. 64.

¹⁰⁵ Bussière 2000, 276, pl. 48, no. 728-729; Bussière, Rivel 2012, 136–137, no. 133.

¹⁰⁶ Вальдгауер 1914, табл. XXVII, 255.

¹⁰⁷ Вальдгауер 1914, табл. XXVII, 257.

¹⁰⁸ Heimerl 2001, Taf. 6, 220–221.

Возможно прототипом этих светильников могли послужить металлические оригиналы¹⁰⁹ с высоко поднятыми ручками с изображением голов животных и т.п. В Северном Причерноморье такие светильники известны из Танаиса¹¹⁰.

24 (Рис. 6, 24). Светильник краснолаковый вытянутой формы. Тулово округлое, со слегка вогнутым дном, плечи покатые, узкие. Рожок слегка вытянут, имеет округлую форму. Щиток обрамлен невысоким валиком, идущим также по вытянутому рожку и образующим канал к отверстию для фитиля. Окончания этого валика образуют две псевдо-волноты в виде рельефных побегов, расположенные на рожке. От вертикальной, кольцевидной, выполненной в одной форме с туловом ручки сохранилась нижняя часть. На дне процарапано граффито в виде неровной изогнутой линии.

Глина коричневая. Тулово покрыто красно-коричневым лаком. Рожок имеет следы копоти. Размеры: l — 11,5; d — 6,8; h — 3,0 см. Отбита ручка, сколы на тулове, лак потерт.

Некрополь городища Артезиан. Раскопки Н.И. Винокурова, 2003 г. погр. 125, № 57¹¹¹.

ВКИКМЗ. КП-156050; КС-2199. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1691.

25 (Рис. 6, 25). Светильник краснолаковый вытянутой формы. Тулово округлое, дно вогнуто, плечи покатые, узкие. Рожок слегка вытянут, имеет округлую форму. Щиток обрамлен невысоким валиком, идущим также по вытянутому рожку и образующим канал к отверстию для фитиля. Окончания этого валика образуют две псевдо-волноты в виде рельефных побегов, расположенные на рожке. От вертикальной, петле-видной ручки на тулове сохранился корень.

Глина коричневая. Верхняя часть тулова покрыта красно-коричневым с подтеками лаком. Рожок имеет следы копоти. Размеры: l — 8,0; d — 4,7; h — 2,6 см. Склеен из фрагментов, отбита ручка, сколы на тулове, лак потерт.

Пантикапей. Раскопки В.П. Толстикова, 2004 г., раскоп Ц-С., кв. 47, шт. 5, № 101.

ВКИКМЗ. КП-159460; КС-2271. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1732.

---

¹⁰⁹ См. например: Loeschcke 1919, Taf. XVI, 1080; XXI, 1055; Iványi 1935, Taf. LXI, 2, 5, 6.

¹¹⁰ Шелов 1972, 152; Арсеньева 1988, 131, 135, табл. L, 1–2.

¹¹¹ Винокуров 2014, рис. 365, 7.

26 (Рис. 6, 26). Светильник краснолаковый вытянутой формы. Тулово округлое, с плоским дном обрамленным врезной бороздкой, плечи покатые, узкие. Рожок слегка вытянут, имеет округлую форму. Щиток обрамлен невысоким валиком, идущим также по вытянутому рожку и образующим канал к отверстию для фитиля. Окончания этого валика образуют две псевдо-волюты в виде рельефных побегов, расположенные на рожке. На щитке — заливное отверстие, смещенное к рожку. На тулове сохранился корень вертикальной ручки.

Глина светло-коричневая. Поверхность светильника покрыта красно-коричневым с подтеками лаком. Размеры: l — 9,2; d — 5,9; h — 3,1 см. Ручка утрачена, сколы.

Происходит из коллекции Д.Г. Бурьлина. Поступил в 1947 г. из Ивановского (бывш. Иваново-Вознесенского музея).

ВКИКМЗ. К-514; К-7001; И-Вм-229 архо. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 67.

27 (Рис. 6, 27). Светильник краснолаковый вытянутой формы. Тулово округлое, с плоским дном, плечи покатые, узкие. Рожок слегка вытянут, имеет округлую форму. Щиток обрамлен невысоким валиком, идущим также по вытянутому рожку и образующим канал к отверстию для фитиля. Окончания этого валика образуют две псевдо-волюты в виде рельефных побегов, расположенные на рожке. На щитке — заливное отверстие, смещенное к ручке. Ручка вертикальная, петлевидная, с двумя врезными бороздками.

Глина коричневая. Светильник покрыт красно-коричневым лаком. На тулове и рожке — следы копоти. Размеры: l — 9,0; d — 5,0; h — 4,0 см. Нижняя часть светильника и рожок оббиты.

Происходит из коллекции Д.Г. Бурьлина. Поступил в 1947 г. из Ивановского (бывш. Иваново-Вознесенского музея).

ВКИКМЗ. КП-11982; КС-45. К-6999; К-512; И-Вм 230 архо. Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 67.

Несмотря на то, что импортные светильники с волутами не получили широкого распространения на Боспоре в I в. н.э., именно в это время наиболее массовым типом светильников здесь являлись разнообразные светильники с волутами местного, боспорского (скорее всего, пантикапейского) производства, восходящих как к позднеэллинистическим

средиземноморским образцам, так и к италийским прототипам¹¹². Рассмотрение типов этих светильников выходит за рамки нашей статьи. Боспорские мастера создали целый ряд оригинальных осветительных приборов, которые, наряду с классическими круглыми краснолаковыми светильниками Loeschcke VIII, в I – III вв. н.э. главенствовали на местных рынках.

Литература

- Арсеньева, Т.М. 1988: *Светильники Танаиса*. М.
- Вальдгауер, О.Ф. 1914: *Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники*. СПб.
- Ваулина, М.П. 1959. К истории торговых сношений Северного Причерноморья с Книдом. *СА* 1, 72–83.
- Винокуров, Н.И. 2014: *Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007)*. (Боспорские исследования. Supplementum 12). Симферополь–Керчь.
- Журавлев, Д.В. 2001: К вопросу о клеймах *planta pedis* на римской керамике. В кн.: М.И. Золотарев (ред.), *ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова (ХСб XI)*. Севастополь, 90–99.
- Журавлев, Д.В., Быковская, Н.В. 2020: Позднегреческие светильники и их имитации в собрании Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. *Таврические студии* 22. Симферополь, 52–66.
- Журавлев и др. 2007: Журавлев, Д.В., Быковская, Н.В., Желтикова, А.Л. *Светильники VI – первой половины III вв. до н.э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника*. Т. 1. Киев.
- Журавлев и др. 2010: Журавлев, Д.В., Быковская, Н.В., Желтикова, А.Л. *Импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники III в. до н.э. – IV в. н.э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника*. Т. 2. Киев.
- Журавлев, Д.В., Хршановски, Л. 2003: Римские светильники из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея (I). *ХСб XII*, 69–88.
- Журавлев, Д.В., Хршановски, Л. 2006: Новый год по-древнеримски. *В мире науки* 1. 14–17.
- Кадеев, В.И., Сорочан, С.Б. 1989: *Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса)*. Харьков.
- Кат. Керчь 2016: Т.В. Умрихина (ред.), *Мировое наследие Европейского Боспора. Коллекция Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника*. Каталог. Симферополь.

---

¹¹² Журавлев и др. 2010, 121–251.

- Корпусова, В.Н. 1983: *Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора)*. Киев.
- Кузманов, Г., Минчев, А. 2018: *Антични лампи. Колекция на Регионален исторически музей Варна* (Известия на Националния археологически институт XLV). Sofia.
- Левина, Э.А. 1992: *Античные светильники Одесского археологического музея (I–VI вв. н.э.)*. Одесса.
- Масленников, А.А. 2000: Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. *ДБ* 3, 136–200.
- Невров, О.Я. 1972: Римский новогодний светильник. *СГЭ* XXXIV, 67–70.
- Трейстер, М.Ю. 1993: Римляне в Пантикапее. *ВДИ* 2, 50–74.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. М.
- Ходза, Е.Н. 2008: Об интерпретации и иконографии греческих герм. В кн.: Е.Н. Ходза, А.М. Бутягин (ред.), *Античный мир. Искусство и археология*. Тр. ГЭ. XLI. СПб., 249–262.
- Хршановски, В.А. 2011: Склепы I – первой половины II вв. н.э. на Илуратском плато. *ДБ* 15, 371–410.
- Alarco, A.M. 1976: *Les lampes. Céramiques diverses et verres* (Fouilles de Conimbriga VI). Paris. 93–152.
- Bailey, D.M. 1980: *A Catalogue of the Lamps in the British Museum. II. Roman Lamps Made in Italy*. London.
- Bailey, D.M. 1988: *A Catalogue of the Lamps in the British Museum. III. Roman Provincial Lamps*. London.
- Baudy, D. 1988: STRENARUM COMMERCIIUM. Über Geschenke und Glückwünsche zum römischen Neujahrsfest. *Rheinisches Museum für Philologie*. Neue Folge 131, 1–28.
- Bémont, C., Chew, H. 2007: *Lampes en terre cuite antiques. Musée d'archéologie Nationale de Saint-Germain-en-Laye*. Paris.
- Bonnet, J. 1988: *Lampes céramiques signées. Définition critique d'ateliers du Haut Empire*. (Documents d'archéologie Française 13). Paris.
- Bovon, A. 1966: *Lampes d'Argos. Études Péloponnésiennes*. V. Paris.
- Broneer, O. 1930: *Terracotta Lamps. Corinth IV*, 2. Cambridge.
- Bussière, J. 2000: *Lampes antiques d'Algérie*. (Monographies Instrumentum 16). Montagnac.
- Bussière, J., Rivel, J.-C. 2012: *Lampes antiques de Méditerranée. La collection Rivel*. Oxford.
- Cahn-Kleiber, E.M. 1977: *Die antiken Tonlampen des Archäologischen Instituts der Universität Tübingen*. Tübingen.
- Chrzanowski, L., Djaoui, D. 2018. A (Partial) Iconographical Dictionary of Early Roman Imperial Lamps (70–130). A Short Study of 290 Discus-Motifs Adorning the Lamps Discovered within the Harbor Garbage Covering the “Arles-Rhône 3” Shipwreck and of their Geographic Repartition. *Peuce, Serie Nouă XVI*, 55–198.
- Chrzanowski, L., Zhuravlev, D. 1998: *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow*. Roma.

- Delplace, C. 1980: *Le Griffon de l'archaïsme à l'époque imperial. Étude iconographique et Essai d'interprétation symbolique*. Bruxelles–Rome.
- Deneauve, J. 1969: *Lampes de Carthage*. Paris.
- di Filippo Balestrazzi, E. 1988: *Lucerne del museo di Aquileia. Lucerne Romane di età repubblicana e imperial*. Aquileia.
- Farka, Ch. 1977: *Die römischen Lampen vom Magdalensberg*. Klagenfurt.
- Fitch, C.R., Goldman, N.W. 1994: *Cosa: The Lamps*. Ann Arbor, Michigan.
- Goethert, C. 1997: *Römische Lampen und Leuchter. Auswahlkatalog des Rheinischen Landesmuseums Trier*. Trier.
- Goethert-Polaschek, K. 1985: *Katalog der römischen Lampen des Rheinischen Landesmuseums Trier*. Mainz.
- Goldman, H. 1942: The origin of the Greek Herm. *AJA* XLVI, 56–68.
- Goldman, N.W. 2001: Annum novum faustum felicem. The Cosa New Year's lamp. In: *New Light from Ancient Cosa. Classical Mediterranean Studies in Honor of Cleo Rickman Fitch*. New York, 91–105.
- Heimerl, A. 2001: *Die römischen Lampen aus Pergamon. Vom Beginn der Kaiserzeit bis zum Ende des 4. Jhs. n. Chr.*. Berlin–New York.
- Heres, G. 1972: *Die Römischen Bildlampen der Berliner Antiken-Sammlung*. Berlin.
- Iványi, D. 1935: *Die Pannonischen Lampen. Eine Typologisch-Chronologische Übersicht*. Budapest.
- Kirsch, A. 2002: *Antike Lampen in Landesmuseum Mainz*. Mainz.
- Leibundgut, A. 1977: *Die Römischen Lampen in der Schweiz*. Bern.
- Loeschcke, S. 1919: *Lampen aus Vindonissa. Ein Beitrag zur Geschichte von Vindonissa und des antiken Beleuchtungswesens*. Zürich.
- Lullies, R. 1931: *Die Typen der griechischen Herme*. Königsberg.
- Mazzeo Saracino, L. 1998: La rappresentazione di vittoria con Neujahrsgeschenken in un ton fittile di Sausa. Storia e fortuna di un motivo iconografico. In: *Ricerche di archeologie e topografia (XLIII corso di cultura sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna 22–26 marzo 1997)*. Ravenna, 483–508.
- Menzel, H. 1969: *Antike Lampen in Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz*. Mainz.
- Perlzweig, J. 1961: *Lamps of the Roman Period*. (The Athenian Agora VII). Princeton.
- Ponsich, M. 1961: *Les lampes romaines en terre cuite de la Maurétanie Tingitane. Publications du service des antiquités du Maroc* 15. Rabat.
- Rodríguez Martín, F.G. 2002: *Lucernas Romanas del museo Nacional de arte Romano (Mérida)*. Madrid.
- Rosenthal, R., Sivan, R. 1978: *Ancient Lamps in the Schloessinger Collection. Qodem* 8. Jerusalem.
- Sapouna, P. 1988: *Die Bildlampen römischer Zeit aus der Idäischen Zeusgrotte aus Kreta*. Oxford.
- Sussmann, V. 2012: *Roman Period Oil Lamps in the Holy Land. Collectio of the Israel Antiquities Authority*. Oxford.
- Szentléleky, T. 1969: *Ancient Lamps*. Amsterdam.

Иллюстрации

Рис. 1. Светильники с волотами из Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. № 1–5

Рис. 2. Святильники с волотами из Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. № 6–9

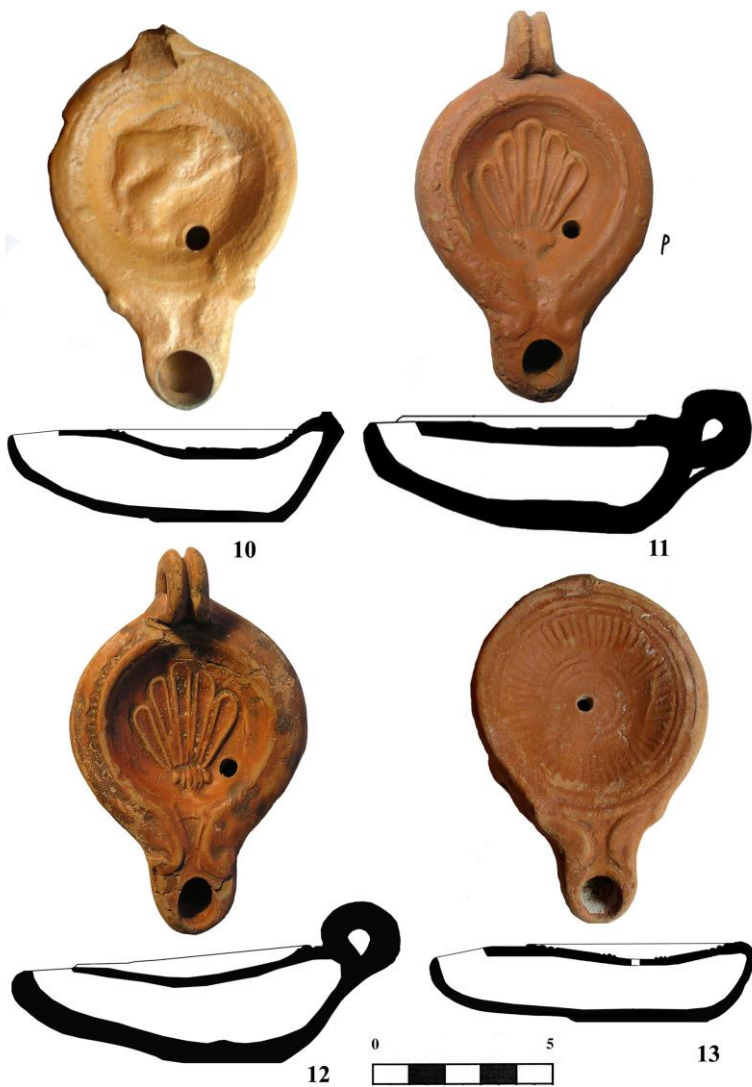

Рис. 3. Святильники с волутами из Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. № 10–13

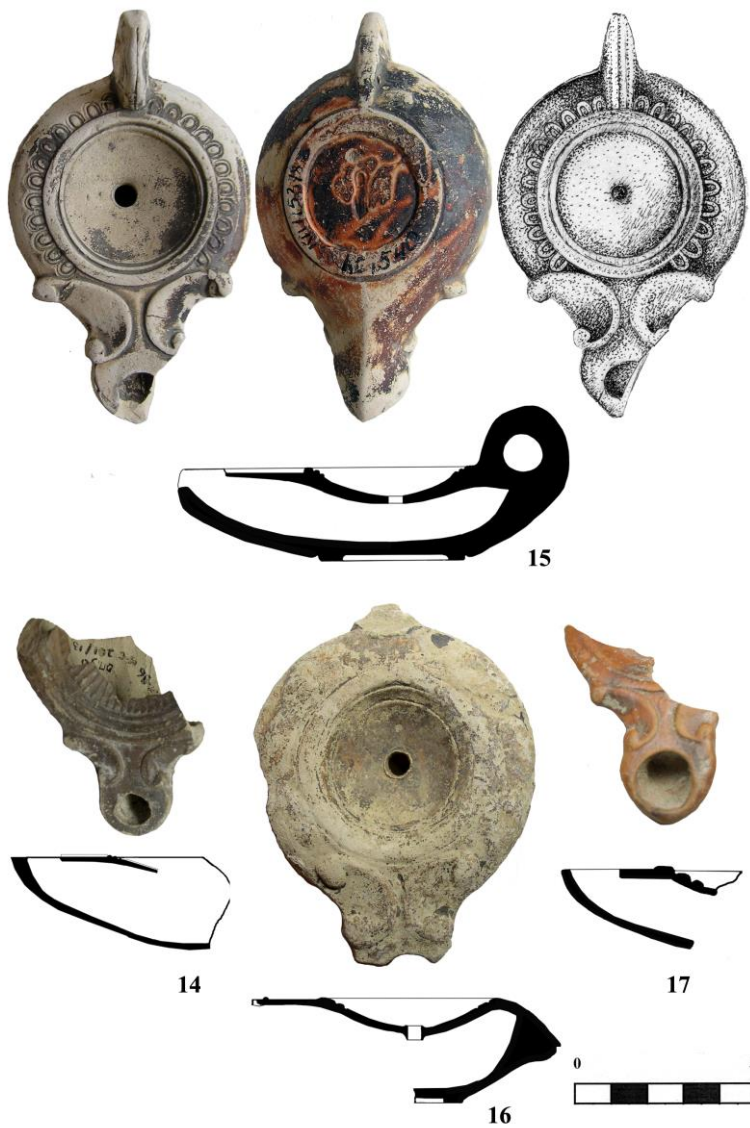

Рис. 4. Святильники с волутами из Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. № 14–17

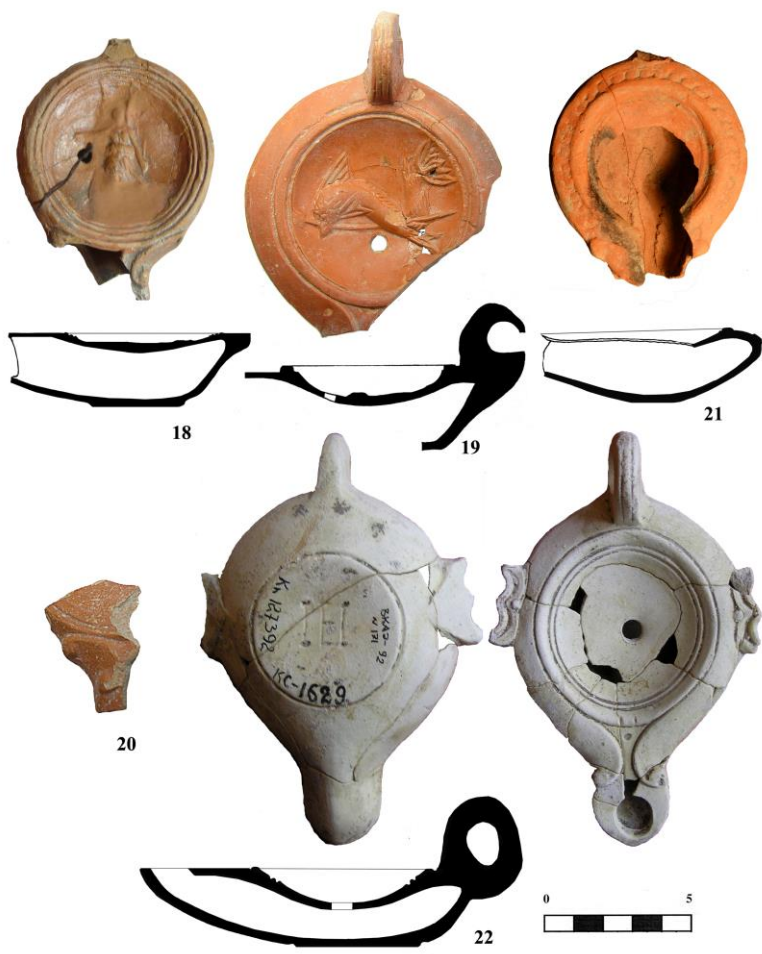

Рис. 5. Светильники с волютами из Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. № 18–22

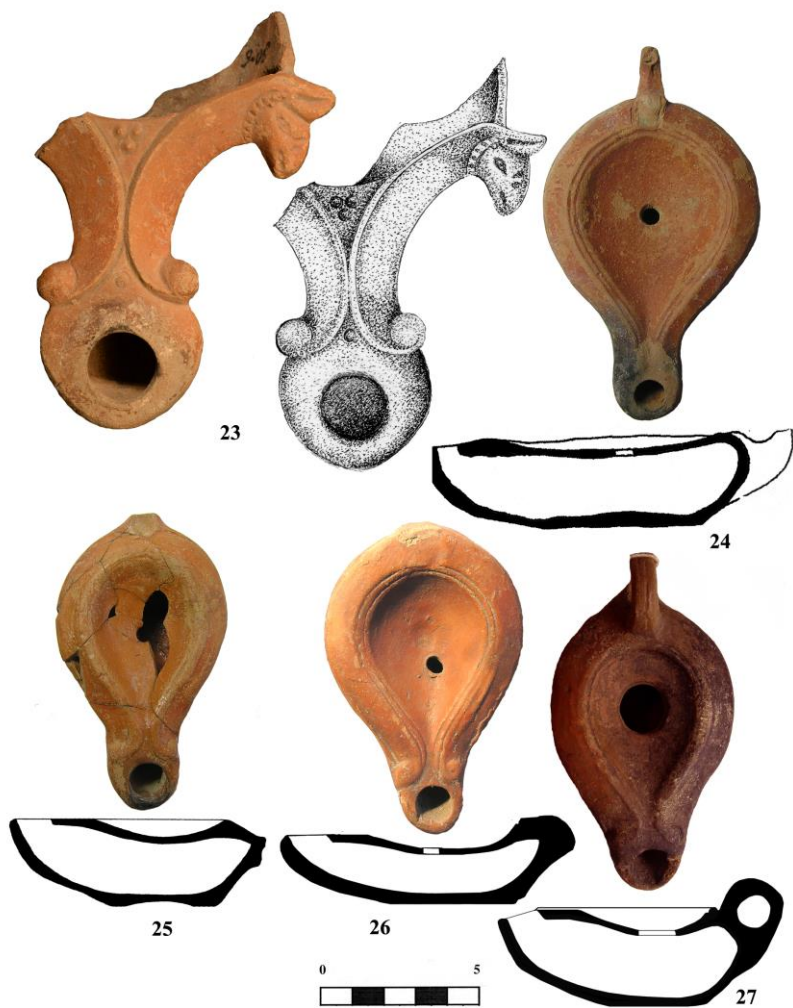

Рис. 6. Святильники с волотами из Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. № 23–27

Ф.В. Шелов-Коведяев

НОВОЕ ИМЯ В САРМАТСКОЙ ДИНАСТИИ БОСПОРА?*

Аннотация. В заметке дана интерпретация греческой надписи на плите из раскопок 2000 г. городища Артезиан на Боспоре. Автор обосновывает чтение: Σαυ[ρομ]ά[τ]ης / ΑΜΤ Ροιμητάλκ[ο]υ / υἱὸς τῆ[ν] πό[λιν] / [ἐνεώ]σεντο — «Сав(ром)ат, сын Реметалк(а), вот эти (вор)о(т)а (восстанови)ли в 341 (году)» и предлагает считать упомянутого в надписи Савромата новым членом сарматской династии Боспора первой половины I в. н.э.

Ключевые слова: знак, буква, надпись, шрифт, Боспор, династия, сарматская, имя.

Fedor V. Shelov-Kovedyaev

A NEW NAME IN SARMATIAN DYNASTY AT CIMMERIAN BOSPORUS?

Abstract. The paper presents the interpretation of Greek inscription on the block from the investigations of Bosporan settlement Artezian in 2000. The author argues the reading: Σαυ[ρομ]ά[τ]ης / ΑΜΤ Ροιμητάλκ[ο]υ / υἱὸς τῆ[ν] πό[λιν] / [ἐνεώ]σεντο — “Sauromates, son of Roimetalkes, restored this gate in 341”, and proposes to consider this Sauromates a new member of Sarmatian dynasty at Cimmerian Bosphorus in the first half of the first century A.D.

Keywords: sign, letter, inscription, script, Bosphorus, dynasty, Sarmatian, name.

---

* Искренне благодарю Н.И. Винокурову за предложение заняться интереснейшим документом из его раскопок и заведующую отделом «Лапидарий» Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Н.Л. Кучеревскую за создание прекрасных условий для моей работы.

Недавно Н.И. Винокуров и М.М. Чореф опубликовали¹ памятник, привлекающий к себе внимание многими своими особенностями. Они дали такое описание самого артефакта, его археологического контекста и злключений находки: «В 2000 г. при раскопках каменно-земляных укреплений “Цитадели” на юго-восточном участке городища Артезиан на глубине 2,78 м от современной поверхности была обнаружена массивная плита из плотного мшанкового известняка серовато-белого цвета подквадратных очертаний... Ее длина — 800 × 880 мм, ширина — 812 мм, толщина — 286–310 мм. Поверхность плиты была грубо околота. Поперек, по торцу, проходит неглубокая подтеска. Ее угловые части оббиты, один угол рассечен трещиной. Плита была обнаружена в слое разрушения на дне оборонительного рва первой половины I в. н. э., в котором использовалась под основание несохранившейся каменной облицовки. Она лежала строго горизонтально на слое засыпи, в 1,54 м к северо-востоку от северо-восточного угла башни 1. <...> Плита четко маркировала внутренний борт рва. <...> В межсезонье 2001–2002 г. неизвестными лицами плита была сброшена на дно раскопанного раннего рва и перевернута. В результате открылась ее лицевая поверхность, тщательно сглаженная, с заметными следами выветривания, с нанесенными двумя монограммами и пятнадцатью знаками... Грабители хотели выгащить ценную находку изо рва... один из углов плиты, имевший древнюю трещину, был ими отколот и оказался утрачен. Кроме того, мародеры нанесли на нее собственные граффити, впрочем, едва различимые и не повредившие древние обозначения. На плите были размещены не только монограммы и знаки. Ниже их просматриваются прямые тонкие параллельные линии — следы предварительной разметки трех или четырех строк. Они расположены в правой части поля, ближе к сколу. От надписи остались отдельные буквы греческого алфавита, едва различимые из-за выветривания. Они небольшие, высечены неглубоко, но довольно аккуратно. В верхней строке, размещенной на 270 мм ниже верхнего края плиты, удалось разглядеть: “... Α... ΕΙΤΑΝ” <...>. На следующей строке вид на “Τ”. Ниже буквы различить не удалось. <...> Поперечная линия литеры “Н” соприкасается с вертикальными составляющими и размещена в верхней ее части. Что характерно для боспорских лапидарных надписей, высеченных до I в. до н. э. ... Символ “Α” в первой строке — с ломаной поперечной гостой, а “Ε” — лунарная... Сильное повреждение поверхности не позволяет установить точные размеры букв, но они не превышали ширину строк разметки —

---

¹ Винокуров 2004; Винокуров, Чореф 2021, 207–217.

18–22 мм. Их небольшая величина, плотное расположение строк, небрежный характер обработки тыльной части и торцов, выветривание лицевой стороны позволяют предполагать, что плита была вмурована на уровне человеческого роста, возможно, около ворот — в стене или в башне... Судя по расположению знаков, они переходили и на другую, соседнюю, встроенную в стену плиту, которая не сохранилась или еще не обнаружена. <...> На основании комплекса хронологических индикаторов (находкам монет, прежде всего), общему контексту находки, стратиграфической ситуации знаки на плите 2000 г. были высечены в период постройки или бытования ранней “Цитадели” городища Артезиан: в I в. до н. э. — 46/47 г. н. э. <...> Тамгообразные знаки и монограммы, гораздо лучше сохранившиеся, были нанесены под небольшим углом по отношению к греческой надписи. Они довольно крупны. Так, высота первой и второй монограмм — 112 и 96 мм. Знаки, размещенные в одной с ними строке, сложнее и, следовательно, крупнее. Так, высота тамг... составляет 152, 132, 126 и 176 мм. Велики и разбросанные по полю плиты знаки... Их высота — 142, 92, 25, 20 и 125 мм. Кроме этих, хорошо сохранившихся обозначений, на плите заметны следы и фрагменты трудноразличимых знаков... Их величина — 93, 35, 59, 53 и 40 мм... Визуально все они образуют с монограммами одну композицию... Есть все основания для выделения двух их групп: крупные, глубоко врезаемые и отчетливо читаемые... а также процарапанные, размещенные не всегда в строку с первыми... Эти знаки не могли появиться на плите одновременно. Первая группа обозначений была размещена опытным резчиком. У него была твердая рука и значительный опыт воспроизведения сложных знаков на камне. <...> Однако резчик не разместил знаки на одном уровне. <...> Позже на плите, на свободном месте, были размещены новые знаки, как полагаем, второй группы. Они были выполнены тонкими линиями. Хотя и их прочертили с должным мастерством. Похоже, что воспроизводили хорошо известные обозначения. <...> Вполне очевидно, что объект нашего изучения — своеобразная зашифрованная “энциклопедия” знаков, которые в древности, по всей видимости, имели важное смысловое значение и были вполне говорящими для современников².

Далее соавторы пишут: «Первый и последний... элементы» строки с крупными тамгами (см. рис. 1; здесь и далее все фотографии предоставлены Н.И. Винокуровым) — грекоязычные монограммы». Открывающая строку монограмма, по их мнению, «является очевидным сочета-

---

² Винокуров, Чореф 2021, 207–209.

нием символов “N”, “E” и “O”», которые они читают NEO, разворачивая его в аббревиатуру имени полководца Митридата VI Неоптолема и датируя его нанесение на плиту 95/4 г. до н.э. Замыкающую они понимают как сокращение ЛИ Махара, сына того же Митридата. Они склоняются к тому, что «обозначения на плите следует датировать периодом царствования этого государя, а, точнее, временем, когда Неоптолем завершал, а Махар только начал управлять Боспором. Неслучайно монограмма сына понтийского государя — последняя в этом списке»³. Они отмечают, что начальную тамгу «как правило... приписывают Аспургу (14/5–37/8 гг. н.э.)» и «на городище Артезиан изображения такой тамги едва ли не самые часто встречаемые среди знаков до 46/47 г.». Следующая датируется ими вслед за С.А. Яценко «серединой I – серединой II в. н.э.». Третья — уже второй–третьей четвертями II в. н.э.⁴ Аналогичные последним выводы делаются и применительно к большинству остальных знаков⁵.

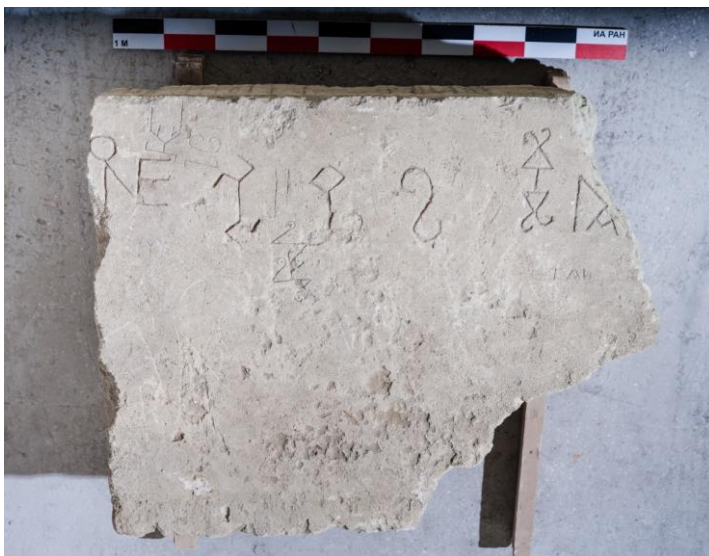

Рис. 1. Строка с крупными тамгами

³ Винокуров, Чореф 2021, 210–211.

⁴ Винокуров, Чореф 2021, 211–212.

⁵ Винокуров, Чореф 2021, 213–214.

В целом их наблюдения заслуживают самого внимательного отношения. Но в результате проведенной мною в августе 2020 и мае 2022 гг. аутопсии блока они требуют некоторых уточнений технического характера. Во-первых, намного меньшего, чем остальные литеры, размера значок ° (рис. 2), венчающий левую вертикаль *ню* первой монограммы, напоминает встречающийся на боспорских монетах символ сокращения⁶.

Рис. 2. Значок О сверху первой крупной монограммы

Правда, чаще он выражен полукругом⁷. Однако встречаются и полные круги⁸. Собственно, то же значение имеет, по-видимому, кружок в монограмме, которую М.М. Чореф вполне, на мой взгляд, справедливо считает принадлежащей Махару⁹.

Во-вторых, даже если это буква, то аббревиатура имеет и иное равноправное и более отвечающее последовательности графем чтение — ONE. В-третьих, в отличие от приписываемых Махару¹⁰ монограмм на монетах Боспора, скаты *альфы* не достигают у нас нижних окончаний вертикалей буквы, в которую она вписана, а правый из них не сливается с ее перекладиной (см. рис. 3). В-четвертых, справа край камня обло-

---

⁶ Фролова 1997. Ч. 1, 27 слл., 106.

⁷ Чтобы ограничиться рамками I в. н.э., см.: Фролова 1997, ч. 1, 27, 29–31, 38, 51, 64–70, 73, 75–76, 79–80, 86–93, 95–97, 100–105.

⁸ Фролова 1997. Ч. 1, 106.

⁹ Чореф 2009, 37 слл.; Чореф 2012, 105 слл.; Чореф 2016, 536 слл.; Винокуров, Чореф 2021, 210–211.

¹⁰ Винокуров, Чореф 2021, 210–211 и примеч. 4 (с литературой).

ман, а потому неизвестно, была ли вторая монограмма последней в списке, как утверждают соавторы. В-пятых, хронологический разброс в более чем 250 лет предложенных ими датировок графем первого ряда монограмм и тамг противоречит их же справедливому (см. выше) убеждению, что она была нанесена практически одновременно и одной рукой; в свою очередь, если публикаторы подразумевают (нигде не утверждая этого прямо), что «аспургова» тамга должна быть передатирована первой четвертью I в. до н.э., то это была бы, конечно, сенсация, но данное их предположение, если я его верно угадал, на мой взгляд, нуждается в дополнительной аргументации, опирающейся на реалии митридатовой эпохи; кроме того, как будет показано ниже, греческая надпись содержит точную дату — 341 год боспорской эры (44/5 г. н.э.), что ставит датировку прочих знаков в жесткие рамки. В-шестых, лунарного *эпсилона* нигде не наблюдается.

Рис. 3. Вторая монограмма — ню с вписанной в нее альфой

В-седьмых, обмеры в статье Н.И. Винокурова и М.М. Чорефа должны быть дополнены. Максимальная высота памятника составляет 810 мм, максимальная ширина — 995 мм, толщина — 290 мм внизу и 250 мм вверху. Нижний покатый скос по прямой равен 580 мм, верхний — 129 мм до начала строк греческого текста, и 275 мм его приходится на них. Знак ° первой монограммы приплюснут сверху вниз: его верти-

кальный «диаметр» составляет 38 мм, горизонтальный — 45 мм. *Ню* здесь имеет ширину 72 мм, *эпсилон* — 50 мм.

Большая буква второй монограммы точно не *ню* (рис. 3: характерный для таковой перегиб перемычки отсутствует в точке соприкосновения перекладины литеры с вершиной *альфы*), но — *ню* (рис. 3: излом в ее нижней, после *альфы*, части, как часто бывает, практически полностью прошел точно по ее перекладине, которая не достигает нижнего конца ее правой вертикали). Высота последней — 95 мм, ширина — 93 мм, высота вписанной в нее *альфы* — 48 мм, ширина — 56 мм.

Греческая надпись начертана в 4 строки, обрамленных пятью линейками (рис. 4). Расстояние между ними в первых трех строчках — 16 мм, в четвертой — 18 мм. *Омикрон* меньше остальных букв и вырезан вытянутым вверх овалом, *каппа* — с узко расходящимися усиками, не достигающими крайних сверху и снизу точек спинки, *альфа* — со сломанной перекладиной. *Альфа* и *лямбда* в стк. 2 даны в лигатуре. В высоту литеры не выходят за границы линейек. Их ширина варьируется от строчки к строчке, иногда весьма значительно. В стк. 1 *сигма* и *альфа* достигают ширины в 16 мм, *эта* и *ипсилон* — 15 мм. Стк. 2: петля *ро* — 6 мм, *ню* — 14 мм, *эта* — 7 мм, *тау* — 16 мм, *альфа* — 21 мм, лигатура *альфы* и *лямбды* — 29 мм, *каппа* — 11 мм, *ипсилон* — 21 мм, *омикрон* 8 мм в высоту и 6 мм в ширину. Стк. 3: *ипсилон* — 18 мм, *омикрон* — 9 мм в сечении, *сигма*, *тау* и *эта* — по 12 мм, *альфы* — 14 и 20 мм, предпоследний знак — 18 мм. Стк. 4: *альфа* и *ню* — по 18 мм.

Как верно отметили первоиздатели, эллинский текст сильно травмирован. В стк. 1 просматриваются вначале *сигма*, *альфа* и *ипсилон*, потом через лауну в три места буквы *альфа* и через еще одно м.б. *эта* и *сигма*. В стк. 2 хорошо видны *йота* на третьей позиции, на местах 6–9 — *тау*, *альфа* и *лямбда* (в лигатуре), *каппа* — и через лауну *ипсилон*; ниже *сигмы* и *альфы* стк. 1 проглядывают *ро* и *омикрон*, а после *йоты* — *ню* и *эта*. В стк. 3 при внимательном осмотре проступают *ипсилон*, *йота*, *омикрон*, *сигма*, *тау*, *эта*, а через три м.б. — следы *лямбды*, *эты* и *ню*. В начале стк. 4 пропали несколько литер, но затем угадываются *сигма* и *эпсилон*, за ними видно *ню*, а после него просматриваются *тау* и *омикрон*. Вся совокупность графических реликтов позволяет читать следующее (рис. 4–5; *курсивом* отмечены неполно сохранившиеся графемы):

ΣΑΥ[ΡΟΜ]Α[Τ]ΗΣ
ΑΜΤ v. ΡΟΙΜΗΤΑΛΚ[Ο]Υ
ΥΙΟΣΤΗ[Ν] . . ΑΗΝ
[. . .]ΣΕΝΤΟ

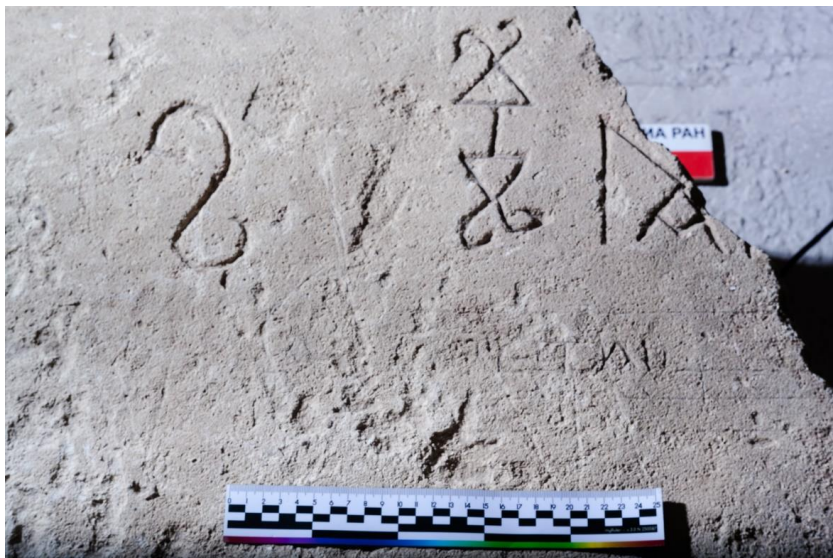

Рис. 4. Греческая надпись, общий вид

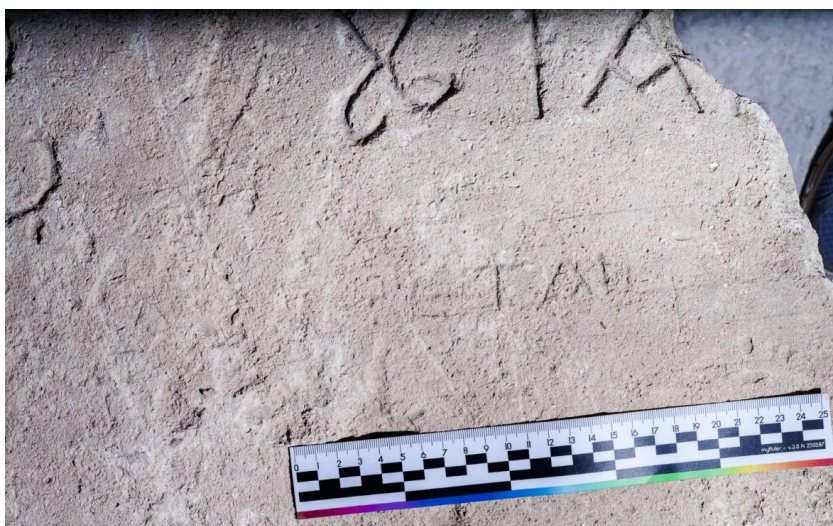

Рис. 5. Греческая надпись крупно

Apparatus criticus: буквы в строчках выровнены по левому краю (начальные находятся строго друг под другом); на уровне стк. 2 на значительном расстоянии от *po* четко различима *альфа* (рис. 6: меньшие цифры ставились в датах боспорских документов, как и на монетах¹¹, впереди бóльших — см. в *КБН* датировки по боспорской эре) и далее проглядывают *мю* и *тау*, что дает 341 г. б.э.; вторая *альфа* и *лямбда* в стк. 2 начертаны в лигатуре; в конце стк. 3 по археологическому же контексту (см. выше его описание, данное первоиздателями) для всего буквосочетания лучше всего подходит [πύ]λην — ворота; размер лакуны в начале стк. 4 высчитан по аналогии с предыдущими строками, в конце прочитывается окончание уместающегося в лимит пустого пространства 3 л. мн. ч. аориста от глагола νεόμαι «восстанавливать, обновлять, реконструировать, перестраивать» (*LSJ*, Bull. ép.: s.v.).

Чтение: Σαυ[ρομ]ά[τ]ης | ΑΜΤ Ρομητάλλκ[ο]υ | νιός τῆ[ν πύ]λην | [ἐνεώ]σεντο.

Перевод: Сав(ром)ат, сын Реметалк(а), вот эти (вор)ота (восста)новили (обновили?) (в год) 341.

Рис. 6. Альфа в стк. 2 впереди имени Реметалка

Упомянутый здесь Савромат был, по всей видимости, организатором и куратором работ. Если считать, что свою лепту в них внесли лица, скрывающиеся за монограммами и родовыми тамгами, то множественное число глагола оказывается вполне уместно. 341 г. боспорской эры, соответствующий 44/5 г. н.э. в современном летосчислении, объясняет, почему ряд тамгообразных знаков открывается «аспурговым»: этим подчеркивается, что Савромат, сын Реметалка, принадлежал тому же клану, что и покойный к тому времени Аспург.

Я бы не стал торопиться объявлять окончание 3 лица множественно-го числа индикатива аориста среднего залога ~σεντο (вместо регулярно-го ~σαντο) грамматической особенностью языка Боспора. Вполне возможно, что имеет место прогрессивная ассимиляция написания, вы-

¹¹ См., например: Фролова 1997, ч. 1, 69 и др.

званная тем, что перед этим гравер в предыдущих слогах дважды вырезал пропавшие ныне *эпсилон*ы. Хотя, конечно, нельзя исключать и отражения на письме локального боспорского произношения.

Имен, начинающихся на $Na\sim$ и $Neo\sim$ (за второй аббревиатурой, благодаря точной дате, стоящей на блоке, скрывается не митридатов Неоптолем) или $\text{Ov}\eta/\varepsilon\sim$, (имея в виду обычное, начиная с первого столетия н.э., неразличение долготы [e]: см. *КБН*), на Боспоре достаточно, в знатной среде в том числе (см. *КБН* 36, 49, 163, 210, 434, 1054, 1119, 1245 и др., а также материал *LGPN*). Встает вопрос, кем был новый Савромат. Ведь Савромат II со всей ясностью не подходит по времени: кроме археологических условий находки, против него говорит то, что в его правление (173/4–210/11 гг. н.э.) крепость уже не функционировала.

Похоже, наука обретает еще одно имя в сарматской династии Боспора. Причем царевича (судя по участию в фортификации царства накануне острой фазы конфликта с Империей — сторонника Митридата VIII) достаточно влиятельного для того, чтобы суметь объединить вокруг себя не только сановников, отметившихся своими монограммами, но и глав мощных варварских племенных объединений, скрывающихся за прочими родовыми тамгами. Если же иметь в виду, что речь в 44/5 г. н.э. идет о реконструкции ворот, то получается, что они были поновлены непосредственно накануне боспоро-римской войны 46–47 гг. н.э., прямо в ходе подготовки к столкновению с Римом, которого ранняя «Цитадель» Артезиана не пережила.

На первый взгляд, такому выводу противоречат тонкие линии как греческого шрифта, так и некоторых тамгообразных знаков, разительно отличающие их от крупных, уверенно выписанных тамг первого ряда. Данный парадокс может иметь двоякое объяснение: либо плита раскололась еще в древности до того, как работа над нею была закончена (такие казусы случаются при обработке даже мраморов¹², не то что известняков), и намеченные тонкими чертами тамги и эллинская надпись остались незавершенными перед их более глубокой проработкой, которая сделала бы их подобными значкам у верхнего обреза блока, коим повезло больше; либо работа резчика была забракована из-за неправильной разметки им лицевой поверхности камня под заданные ему элементы, в результате чего оказался нарушен обычный порядок расположения датировки, которой надлежало находиться не сбоку от основного текста, а начинать или завершать его (см. многочисленные примеры в *КБН*). Так или иначе, плита, очевидно, оказалась пригодной лишь

---

¹² Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002, 63.

для облицовки рва до приведения обозначенного на ней сообщения в окончательный вид.

Наконец, примечательно, что ЛИ Савромат и Реметалк эпиграфически фиксируются в просопографии (не благодаря ли в том числе лицу, отметившемуся в надписи из Артезиана, эти имена в ней утвердились?) новой правящей боспорской семьи не позднее последнего десятилетия второй четверти I в. н.э., т. е. намного ранее, чем считалось доньше. Памятник позволяет также полагать, что тогда же уже был в ходу целый ряд тамг, которые до сих пор были известны (см. выше) лишь в значительно более поздние времена.

Литература

- Виноградов, Ю.Г., Толстикова, В.П., Шелов-Коведяев, Ф.В. 2002: Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея. *ВДИ* 4, 58–75.
- Винокуров, Н.И. 2004: Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан. *ДБ* 7, 79–88.
- Винокуров, Н.И., Чорев М.М. 2021: К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках Цитадели городища Артезиан в 2000 г. *Stratum plus* 6, 207–217.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора I в. до н.э. – IV в. н.э.* Ч. 1–2. М.
- Чорев, М.М. 2009: Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой «РϞ». *Вестник Тюменского государственного университета* 7, 35–51.
- Чорев, М.М. 2012: Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник. *Stratum plus* 6, 105–111.
- Чорев, М.М. 2016: К вопросу о дешифровке монограмм на боспорских монетах эпохи Митридата VI Евпатора Диониса. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья* 8, 523–562.

Сокращения

- б. э. — боспорская эра
ЛИ — личное имя
м.б. — место буквы
стк., сткк. — строка, строки
s.v. — *specta verbum*
v. — *vacat*

СОФИСТЫ И ИСТОРИОПИСАНИЕ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Аннотация. В середине V в. до н.э., в то время, когда происходили значительные изменения в характере древнегреческой исторической мысли (сфера интересов историков смещалась от мифографии к изложению событий недавнего прошлого), в эллинском мире шел процесс огромного общекультурного значения: появление и расцвет софистического движения. В статье рассматривается вопрос о том, находятся ли эти два феномена в какой-либо связи между собой. Невозможно сомневаться в том, что Геродот испытал определенное влияние Протагора. Два интеллектуала были лично знакомы. Еще один пример влияния софиста на историка — это, конечно, Антифонт и его ученик Фукидид. Наибольшее же из всех софистов отношение к историописанию имел Гиппий Элидский. Составленный им список победителей на Олимпийских играх имел большое значение для установления правильной хронологии многих событий древнегреческой истории.

Ключевые слова: греческое историописание, Геродот, Фукидид, Гелланик софисты, Протагор, Антифонт, Гиппий.

Igor E. Surikov

THE SOPHISTS AND HISTORICAL WRITING IN THE CLASSICAL GREECE

Abstract. In the mid 5th century B.C., when serious changes in the character of Greek historical writing took place (the historians' sphere of interests were shifting from mythography to describing events of recent past), the development of great and general cultural significance also took place: emergence and flourishing of the Sophistic movement. The article analyzes the question of whether the two phenomena were in any connection with each other. No doubt, Herodotus experienced influence of Protagoras. The two intellectuals were in personal acquaintance. Another example of a Sophist's influence upon an historian is of course Antiphon and his pupil Thucydides. But the Sophist who had the most direct relationship to historical writing was Hippias of Elis. A list of Olympic victors compiled by him was of a major significance for the establishment of correct chronology of a lot of events in the Greek history.

Keywords: Greek historical writing, Herodotus, Thucydides, Hellenic, the Sophists, Protagoras, Gorgias, Hippias.

В середине V в. до н.э., в то время, когда происходили значительные изменения в характере древнегреческой исторической мысли — сфера интересов историков смещалась от мифографии к изложению событий недавнего прошлого, — в эллинском мире шел процесс огромного общекультурного значения: появление и расцвет софистического движения¹. Находятся ли эти два феномена в какой-либо связи между собой? Применительно к отдельным конкретным персоналиям об этом можно говорить с безоговорочной уверенностью.

Так, невозможно сомневаться в том, что Геродот испытал определенное влияние Протагора. Два интеллектуала были лично знакомы; известно, что оба они приняли участие в основании Фурий — панэллинской колонии в Великой Греции. Воздействию Протагора приписывают — и, видимо, справедливо — наличие некоторого этического релятивизма (как известно, софисты отличались прежде всего именно тем, что были убежденными релятивистами²) в труде Геродота. Подобный подход ярко выразился, например, в следующем пассаже:

Если бы предоставить всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаи и нравы, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выбрал бы свои собственные. Так, каждый народ убежден, что его собственные обычаи и образ жизни некоторым образом наилучшие... А что люди действительно такого мнения о своем образе жизни и обычаях, в этом можно убедиться на многих примерах. Вот один из них. Царь Дарий во время своего правления велел призвать эллинов, бывших при нем, и спросил, за какую цену согласны они съесть своих покойных родителей. А те отвечали, что ни за что на свете не сделают этого. Тогда Дарий призвал индийцев, так называемых каллатиев, которые едят тела покойных родителей, и спросил их через толмача, за какую цену они согласятся сжечь на костре своих покойных родителей. А те громко вскричали и просили царя не кощунствовать. Таковы обычаи народов, и, мне кажется, прав Пиндар, когда говорит, что обычай — царь всего.

(Hdt. III.38)³

---

¹ О софистах существует обильная литература. Лучшими работами являются следующие: Guthrie 1977; Kerferd 1984; Romilly 2002.

² О релятивизме специально Протагора см.: Cole 1972; Rowett 2013.

³ Геродот и Фукидид в нашей статье цитируются в переводе Г.А. Стратановского.

Пассаж этот нередко обсуждается в литературе⁴. Ссылка в нем идет, обратим внимание, не на кого-либо из софистов (никто из софистов вообще в «Истории» ни разу не упоминается, да это и не удивительно: софисты появились в то время, до которого Геродот не довел свое изложение), а на Пиндара (Pind. fr. 169a). Правда, перед нами передача слов поэта косвенной речью: ὀρθῶς μοι δοκέει Πίνδαρος ποιῆσαι νόμον πάντων βασιλέα φήσας εἶναι). Дословно же у Пиндара так: νόμος ὁ πάντων βασιλεύς, а вскоре после этого речь у фиванского лирика заходит о Геракле.

К.С. Кингсли в статье, на которую мы только что сослались, отмечает, что, как известно, Геродот вообще не часто цитирует предшествующих авторов. Представителей лирической поэзии он упоминает регулярно, но, как правило, без приведения фрагментов их произведений⁵. Чуть ли не единственное исключение — апелляция в указанном месте к Пиндару. Появляется она в контексте рассказа о безумных, кощунственных поступках персидского царя Камбиса.

Кингсли отмечает, что, по мнению большинства специалистов, Геродот просто взял у Пиндара афоризм расхожей мудрости. Сама же она полагает, что связь между двумя пассажами является более глубокой и не случайной. «Отец истории», знакомый с теориями софистов (а у них категория νόμος занимала одно из ключевых мест), интересовался проблемами законности и ее нарушения — в частности, тираническими режимами, а Камбис Геродотом изображается, безусловно, как тиран. Исследовательница пытается найти смысловые параллели в «беседе трех персов о формах государственного устройства» (Hdt. III.80–82) и в конце концов приходит к следующим выводам: мысль Пиндара двусмысленна, и Геродот сознательно сохраняет эту двусмысленность, Камбис парадоксальным образом представляет у него одновременно оппозицию νόμος'у и оправдание через νόμος. Здесь следует оговорить, что у Геродота само слово νόμος употребляется в двух основных значениях: «закон» и «обычай». Иногда при трактовке этого термина в том

---

⁴ Один из последних примеров: Kingsley 2018.

⁵ Характерный пример: Солон занимает весьма значительное место в «Истории» Геродота, но в ней нет стихов Солона. В одном месте (Hdt. V.113) упоминается солоновское стихотворение, адресованное Филокипру, царю кипрских Сол — но именно только упоминается, ни одной строки из него не дается (по другим источникам известны несколько строк из этой элегии).

или ином месте «Истории» не так уж и просто провести разграничение между этими значениями, так что двусмысленность порой неизбежна⁶.

В любом случае, у Геродота, демонстративно благочестивого, релятивизм или скептицизм ни в коей мере не распространяется на религиозную сферу⁷, и в данном отношении он — абсолютно не союзник Протагора с его знаменитым трактатом «О богах», в котором с самого начала заявлялось, что о богах нельзя высказать каких-либо доказательных суждений. Также не повлияла на Геродота существенным образом софистическая риторика. Его труд, как и сочинения предшествующих ему историков, являет собой «дориторическую» прозу, геродотовская манера писать в высшей степени естественна, непринужденна.

С другой стороны, Геродот мог воспользоваться теоретическими выкладками Протагора в сфере политической теории⁸. Легко можно допустить, что именно абдерский софист изобрел лексему «демократия», а галикарнасец оную позаимствовал. Геродотова «История» — самый ранний источник, в котором мы эту лексему встречаем, но вряд ли она принадлежит самому Геродоту. Разумеется, наша идея гипотетична, и прямых положительных доводов в ее пользу, видимо, не существует; но здесь налицо тот случай, когда *argumentum ex silentio* не имеет веса — ввиду почти полного исчезновения софистической литературы, в том числе сочинений Протагора. Если бы сохранились трактаты софистов, того же Протагора, практически несомненно, что слово «демократия» в них встретилось бы.

Чуть выше была упомянута «беседа трех персов», относительно которой практически все согласны, что она не имеет никакого отношения к дискурсу в кругу персидской знати, но прекрасно вписывается в дискурс софистический. В этом месте «Истории» появляется известная классификация форм государственного устройства (монархия, олигархия, демократия). Это вообще первая у греков классификация такого типа, и едва ли не самая удачная — крайне простая и в то же время исчерпывающая. Позже предлагались (Платоном, Аристотелем и др.) иные классификации, более сложные. Но преимуществ по сравнению с геродотовской у них немного, а в то же время появляются и «минусы».

---

⁶ Суриков 2011, 332.

⁷ О религиозных взглядах Геродота см.: Lachenaud 1978; Shimron 1989; Harrison 2002; Mikalson 2003.

⁸ О вкладе Протагора в развитие древнегреческой политической теории см.: Farrar 1994; Denyer 2013; Bartlett 2016.

Возьмем хотя бы Аристотеля с его «шестеричной типологией», которая стала одной из самых распространенных. Сравним то, что мы имеем у Геродота (монархия, олигархия, демократия), с тем, что мы имеем в «Политике» Стагирита (монархия – тирания, аристократия – олигархия, полития – демократия). У Геродота в качестве критерия разграничения взят вполне объективный признак: принадлежит ли власть одному человеку, узкой группе элиты или всему народу. У Аристотеля в основе он же, но он дополнен иным критерием: «правильной» является данная форма или же «отклоняющейся», «искаженной». А это, заметим, критерий уже субъективный (сводящийся в конечном счете к детской дихотомии «хороший – плохой»), внесение же субъективного момента всегда нежелательно.

Итак, мы опять же полагаем, что источник троичной геродотовской классификации — с большой вероятностью Протагор. Нельзя, конечно, исключать, что это какой-нибудь другой софист. Но будем учитывать, что о знакомстве Геродота с Протагором достоверно известно, а о его знакомстве с остальными представителями софистического движения нет ровно никаких данных, и мы не вправе произвольно измышлять таковые. Таким образом, вариант с Протагором безусловно предпочтительнее.

В любом случае, из того, что на Геродота влиял софист Протагор, не вытекает, конечно, что и самого «отца истории» можно причислить к софистам. По справедливому утверждению Н.П. Гринцера⁹, считать Геродота «софистическим» автором было бы слишком узкой характеристикой. Просто Геродот был таким же равноправным участником общего процесса развития идей, общих дебатов, как софисты Протагор и Продик, как философ (но не софист) Демокрит.

В последнее время всё чаще подчеркивается¹⁰, что Геродота следует рассматривать не столько в контексте ранней ионийской науки, развивавшейся в предшествующее ему время (как делали раньше), сколько в контексте современного ему софистического движения, которое оказало на него большее влияние (Р. Томас особо выделяет вклад так называемых иатрософистов, об идеях которых мы имеем определенное представление, поскольку некоторые их труды попали в «Гиппократов сборник»).

Подобный подход в ряде отношений, конечно, представляется верным. Однако влияние софистов на Геродота все-таки следует признать

---

⁹ Grintser 2018.

¹⁰ В наибольшей степени — в этапном труде: Thomas 2000.

ограниченным. Да и в целом неконструктивным представляется отрывать его от позднеархаической ионийской традиции (верность ей видна у него даже и в том, что он, уроженец дорийского Галикарнасса, взял языком своего сочинения ионийский диалект, в то время как софисты в большинстве своем писали на аттическом), от линии, восходящей к Анаксимандру и продолженной Гекатеем. Таким образом, для понимания Геродота важно учитывать не только софистический контекст его творчества, но и эту традицию ионийских досократиков, на которую он опирался¹¹. Дж. Майрс¹² однажды сделал парадоксально звучащее, но в целом импонирующее нам замечание: Геродот — единственный полностью сохранившийся досократик.

Еще один пример влияния софиста на историка — это, конечно, Антифонт и Фукидид. С того момента, как М. Гагарин с предельной убедительностью доказал, что «софист Антифонт» и оратор Антифонт из Рамнунта, видный политический деятель и учитель Фукидида, являются одним и тем же лицом, а не двумя разными¹³ (раньше их разделяли и оратора Антифонта считали не софистом, а антагонистом софистов), история интеллектуальной жизни Афин второй половины V в. до н.э. оказалась во многом поставлена в новую перспективу.

Фукидид, человек суровый, отнюдь не склонный к восторгам и сантиментам, об Антифонте дал отзыв, можно сказать, восхищенный, сравнимый с теми, какие он давал разве что о своем кумире Перикле¹⁴ (Thuc. VIII.68.1–2): «...Вдохновителем всего этого переворота (олигар-

---

¹¹ Софистов традиционно тоже относят к досократикам, они включены и во «Фрагменты досократиков» Дильса – Кранца. Но вот эта точка зрения, по нашему глубокому убеждению, нуждается в серьезной корректировке, поскольку она приносит в жертву формальному хронологическому принципу (да и то не полностью соблюдаемому: софисты являлись, собственно, не предшественниками, а современниками Сократа, некоторые из них были моложе Сократа — так какие же они «досократики»?) кардинальное сущностное различие между ионийскими натурфилософами с их наивными космологиями и изощренными построениями релятивистов-софистов, осуществивших наряду с Сократом известный «поворот философии к человеку».

¹² Myres 1953, 43.

¹³ Gagarin 2002.

¹⁴ О преклонении Фукидида перед Периклом, оказавшим влияние на всю историографию об этом политическом лидере, см.: Will 2003. Впрочем, теперь нам не представляется столь уж безусловным, что похвалы Фукидида Периклу совершенно искренни. В другой работе (на момент написания этих строк еще не увидевшей свет) мы пытаемся показать, что в них немало иронии.

хического переворота Четырехсот 411 г. до н.э. — И.С.), разработавшим план его осуществления уже с давних пор (ἄπαν τὸ πρᾶγμα ξυνηθεῖς ὄρω τρόλῳ κατέστη ἐς τοῦτο καὶ ἐκ πλείστου ἐπιμεληθεῖς), был афинянин Антифонт. Это был человек, талантом и нравственными качествами не уступавший никому из своих современников, человек глубокого ума и выдающийся оратор (τῶν καθ' ἑαυτὸν ἀρετῇ τε οὐδενὸς ὕστερος καὶ κράτιστος ἐνθυμηθῆναι γενόμενος καὶ ἅ γνοίη εἰπεῖν). В народном собрании и в суде он выступал неохотно (ἐς μὲν δῆμον οὐ παριὼν οὐδ' ἐς ἄλλον ἀγῶνα ἐκούσιος οὐδένα), ибо в народе его репутация красноречивого оратора вызывала подозрение. Тем же, кому приходилось вести дело в суде или в народном собрании, прибегая к его советам, он мог лучше всякого другого оказать помощь (πλείστα εἰς ἀνὴρ, ὅστις ξυμβουλεύσασαί τοι, δυνάμενος ὠφελεῖν). Позднее, после свержения олигархии (когда правительство “Четырехсот” оказалось в опасности и его сторонники подверглись народному мщению) Антифонт должен был защищаться по обвинению в государственной измене как участник заговора, и его защитительная речь на процессе, угрожавшем ему казнью, представляется мне лучшей из всех вплоть до нашего времени».

Привлечем внимание к некоторым нюансам этой яркой характеристики. Фукидид не называет себя эксплицитно учеником Антифонта (этот факт становится нам известным из более поздних авторов: Tzuph. *De trop.*, p. 201 West; Ps.-Plut. *Vitae X or.* 832b–834b; *Schol. Thuc.* IV.135; Marcellin. *Vita Thuc.* 22; Phot. *Bibl. Cod.* 259; *Suid.* s.v. Ἀντιφῶν; s.v. Θουκυδίδης); возможно, он не желал афишировать свои тесные связи со столь одиозной фигурой, одним из главных лидеров олигархов. В то же время, однако, в целом оценка Антифонта историком выглядит исключительно высокой; это почти панегирик. Повторим, мало о ком в труде скупого на похвалы Фукидида можно встретить столь однозначно-положительный, безоговорочно-хвалебный отзыв.

Правда, представители «разделительного» направления в «антифонтском вопросе» считают, что преподавал только Антифонт-софист, но не Антифонт из Рамнунта. Но для этого им приходится отвергать как недостоверную даже устойчивую традицию, согласно которой последний являлся учителем Фукидида¹⁵ (ссылки на источники были приведены только что). Для подобной гиперкритики нет сколько-нибудь серьезных оснований. Уже античные авторы отмечали сходство стиля и лексики Антифонта и Фукидида (*Dion. Hal. De comp. verb.* 10; Нарпрос.

---

¹⁵ Например: Pendrick 1987, 47 ff.

s.v. *Ἀλωταίχισαι*; Bekk. *Anecd.*, p. 345, 26; p. 419, 18), связанное, скорее всего, именно с тем, что последний учился у первого.

Фукидид — пограничная фигура на историческом поприще. Он, по сути дела, первым открыл политическую историю (о Геродоте такого, конечно, еще нельзя сказать), историю как политику и даже историю, понятую как политическую философию¹⁶. Вряд ли это никак не связано с тем, что его учителем был Антифонт, которого Гермоген Тарсийский (рубеж II–III вв. н.э.) — один из виднейших позднеантичных теоретиков риторики и литературных критиков¹⁷ — называет «изобретателем и родоначальником» политического рода произведений (*Hermog. De id.* II.11–12).

Коснемся некоторых стилистических вопросов. Бросается в глаза беспрецедентно замысловатый синтаксис, характерный для «Тетралогий» Антифонта и для его трактата «Об истине», а кроме них — только еще для «Истории» Фукидида и больше ни для какого памятника (и это, бесспорно, тоже один из сильных аргументов в пользу того, что историк подвергся влиянию ратора-софиста, своего соотечественника). От трактата «Об истине», правда, сохранилось лишь некоторое (не очень значительное) количество фрагментов, а вот «Тетралогии» дошли полностью, и автор этих строк, в свое время сам переведший их на русский, может ответственно утверждать: это очень сложные тексты (и с точки зрения содержания, и с точки зрения языка), и их надо было читать, а не слушать, чтобы понять в полной мере.

Да, тексты столь трудные явно писались именно в расчете на восприятие не слухом (слушателям практически невозможно было бы следить за ходом аргументации), а прежде всего зрением, то есть не для устных выступлений, а для чтения. Если «История» Геродота изначально мыслилась как текст устный, зачитываемый перед слушателями¹⁸, то Фукидид в своем известном методологическом пассаже (*Thuc.* I.21–22) так специально и подчеркивает, что пишет не для слушателей, а для читателей (насколько известно, он и в действительности, в отличие от Геродота, не выступал перед публикой с отрывками из своего труда). Отметим, Антифонт и тут выступает предшественником автора повествования о Пелопоннесской войне. Сейчас мы поясним, что имеется в виду.

---

¹⁶ Ober 2006.

¹⁷ О Гермогене Тарсийском и его историко-культурном значении см.: Аверинцев 1996, 267 слл.

¹⁸ По тематике «Геродот и устная история» см., например: Thomas 2000; Murray 2007.

Майкл Гагарин в своей монографии об Антифонте¹⁹, являющейся лучшим из имеющихся о нем в мировой историографии исследований, подчеркивает роль исследуемого им автора в процессе развития афинской письменной культуры, неоднократно повторяя по ходу книги, что Антифонт — первый логограф (писатель составляющий для других речи, произносимые на судебных процессах).

В связи с вышеозначенным обстоятельством хотелось бы коснуться немаловажного нюанса. Хорошо известно, что в афинской культуре IV в. до н.э. происходит существенная переакцентировка с устного элемента на письменный²⁰. Традиционно этот процесс связывают с именем Платона, однако недавно Дж. Моррисон справедливо подчеркнул, что следует отступить на одно поколение и начинать отсчет данной тенденции с Фукидида²¹. Правильный ход мысли, но нам представляется, что можно двинуться дальше еще на поколение и именно в данной связи назвать имя Антифонта (напомним, учителя Фукидида). В то время, как его предшественники и даже современники (как, например, Перикл) продолжали еще произносить речи в чисто устной форме, Антифонт первым начал их записывать. Тут не могла не играть своей роли и практическая нужда: клиент логографа только тогда мог заучить речь наизусть — а иначе было невозможно! — когда записанный текст этой речи был у него перед глазами.

Стиль трактата Антифонта «Об истине» М. Гагарин справедливо оценивает как непростой для понимания, перенасыщенный сложными грамматическими и смысловыми конструкциями. Он явно ориентирован на некий круг «избранных», а не на широкую публику (последняя была бы просто неспособна постичь все «тонкости»). Как мы видели, уже в античности отмечалось, что из сочинений Антифонта именно это близко по стилю к «Истории» его ученика Фукидида. А труд Фукидида, как известно, необычайно сложен именно ввиду присущей ему «концентрированности», «перенасыщенности» изложения.

«Тетралогии» и трактат «Об истине» были написаны Антифонтом примерно в одно время, в 440-е гг. до н.э., это его самые ранние сочинения. Данные памятники отличаются уникальным языком; особенно бросается в глаза вышеупомянутый экстраординарно усложненный синтаксис (использование вычурных и в то же время сжатых фраз), красивый своеобразной суровой красотой, но в то же время делающий

---

¹⁹ Gagarin 2002.

²⁰ См.: Seidensticker 1995; Wallace 1995.

²¹ Morrison 2006, 9.

смысл подчас труднопонимаемым. Такой же язык мы во всей греческой литературе классической эпохи встретим, повторим, *только* у Фукидида²², ученика Антифонта. Несомненно, именно Антифонт научил Фукидида тому удивительному, концентрированно-напряженному стилю изложения, из-за которого оба слышатся крайне трудными для перевода древнегреческими авторами²³. Кстати, стиль судебных речей того же Антифонта (написанных им много позже, в конце 420-х и в 410-х гг. до н.э.) много проще, и это вполне понятно: в них он обращался к массовой аудитории судей, рядовых граждан, а философские произведения и «Тетралогии» предназначал для внимательного чтения узким кругом коллег-интеллектуалов.

Антифонт — первый аттический прозаик. Это не означает, конечно, что он — первый аттический (афинский) автор. Таковым является Солон (первая половина VI в. до н.э.), но Солон слагал свои стихи на ионийском диалекте. Эсхил, Софокл уже в большей степени «аттицисты», но это по-прежнему поэзия. В прозаическом жанре до Антифонта в Афинах писал только Ферекид. Столь авторитетный специалист, как Феликс Якоби, называл Ферекида «первым афинским прозаиком»²⁴. Однако следует оговорить, что первый *афинский прозаик* и первый *аттический прозаик* — не одно и то же, хотя часто топонимы «Афины» и «Аттика» употребляются как взаимозаменяемые синонимы. «Афинский прозаик» — прозаик, живущий и пишущий в Афинах; «аттический прозаик» — прозаик, пишущий на аттическом диалекте (и неважно, где жил этот автор²⁵). Ферекид, несомненно, писал еще на ионийском диалекте, следуя древнейшей традиции историописания.

Полагаем, не без влияния своего учителя Фукидид прибегнул и к аттическому диалекту, опять же нарушив тем сложившийся обычай (до него историки писали по-ионийски — не только непосредственный предшественник Геродот, но и Гекатей, и Акусилай Аргосский, и Харон Лампсакский, и Ксанф Лидийский, и проч., и проч.). Фукидида, собственно, можно назвать первым историком-ритором (его позицию в

---

²² За что и порицает великого историка последовательный аттицист Дионисий Галикарнасский на всем протяжении своего эссе «О Фукидиде».

²³ См. прекрасный пример из Фукидида у Ф.Ф. Зелинского (Зелинский 1911, 56): φιλοκαλοῦμεν μὲτ' εὐτελείας καὶ φιλοσοφοῦμεν ἄνευ μαλακίας (с характерной ремаркой: «тут уже у переводчика руки опускаются»).

²⁴ Jacoby 1956, 116.

²⁵ Так, Ксенофонт именно вне Афин создал труды, которые снискали ему славу лучшего аттического прозаика.

связи с введением вымышленных речей в историческое повествование см.: Thus. I.22.1; аналогичная позиция у Саллюстия, которого можно назвать самым близким последователем Фукидида на римской почве и даже в какой-то степени «Фукидидом Рима»), и это, несомненно, именно потому, что его наставником являлся ритор.

Подытоживая рассмотрение вопроса «Антифонт и Фукидид», оговорим, что влияние первого на последнего проявилось в основном на стилистическом уровне. Тематика же у двух авторов в целом разная. Антифонт не написал исторического труда. Чаще всего он писал речи и произведения в форме речей (такие, как «Тетралогии»). Шесть сочинений такого рода сохранились полностью, а от многих других дошли фрагменты. Привлекает внимание сочинение «Поношения Алкивиада» (*Antiph. fr. 66–67 Blass – Thalheim*). С ним связаны некоторые проблемы. Судя по всему, это не речь в собственном смысле слова, а политический памфлет (возможно, облеченный в форму речи, подобно памфлету Андокида «Против Алкивиада», сохранившемуся в корпусе этого оратора как речь IV²⁶), содержащий ожесточенные личные инвективы против Алкивиада. Составлен он был, скорее всего, в контексте дебатов о возможном помиловании и возвращении Алкивиада в 411 г. до н.э. и, следовательно, принадлежит к самым поздним произведениям Антифонта. Также имеем от интересующего нас софиста фрагменты трактатов по теории риторики (помимо «Риторическое искусство», «Вступления и заключения»). И, конечно, философские произведения: «Об истине», «О согласии», «Политик». Наконец, труд «О толковании снов» — Антифонт был еще и авторитетнейшим в свое время онейрокритиком.

Итак, многочисленные сочинения, весьма разнообразные в жанровом и тематическом отношении. А у Фукидида — только одна «История». Написанная, повторим и подчеркнем, в стиле (раннего) Антифонта. Написанная как труд по исключительно политической истории (тут мы тоже предполагаем воздействие Антифонта). Написанная, что тоже немаловажно, со включением большого количества речей действующих лиц, сочиненных, естественно, самим автором (именно в этих речах по большей части он излагает свои теоретические воззрения). Речи у Фукидида — отдельная огромная тема, в которую нам здесь совершенно не резон углубляться. Констатируем только, что и в данном отношении Фукидид предстает перед нами как выученик софиста-ритора.

---

²⁶ О котором см.: Суриков 2006, 429–442.

* * *

Но будем теперь говорить на тему «Софисты и историческая мысль» в ключе более широких и общих категорий. Софисты, осуществив знаменитый «поворот к человеку», тем самым, само собой, повернулись от космоса и ко всему, что связано с человеком, к обществу, к государству. А история к обществу и к государству имеет самое прямое отношение. Протагору было поручено составить свод законов для новоосновываемых Фурий. Чтобы сделать это, он, полагаем, должен был углубиться в изучение существовавших на тот момент в эллинском мире сводов законов, а это уже означало исследование определенного аспекта истории.

Диоген Лаэртский сохранил следующий перечень сочинений Протагора, которые были еще сохранившимися, когда писал этот позднеантичный историк философии: «Наука спора», «О борьбе», «О знаниях», «О государстве», «О честолюбии», «О добродетелях», «О первоначальном порядке вещей», «О том, что в аиде», «О неправильных людских деяниях», «Наставление», «Судебная речь о жалованье», «Противосуждения» («Антилогии») в двух книгах (Diog. Laert. IX.55). Считается, что этот список неполон и в его начале есть лакуна в рукописной традиции. Во всяком случае, перечень не включает знаменитый трактат «О богах» — тот самый, который открывался знаменательным суждением о невозможности узнать что-либо достоверное о его предмете. А между тем сам же Диоген чуть выше упоминает этот трактат (Diog. Laert. IX.54). Впрочем, возможно, дело в том, что данное сочинение, согласно традиции, было сожжено по приговору афинского суда и потому-то ко временам Диогена Лаэртского не наличествовало в числе сохранившихся.

Исторические сведения могли содержаться в таких, например, произведениях из данного списка, как «О государстве», «О добродетелях», «О неправильных людских деяниях» (как *exempla*), «О первоначальном порядке вещей» (не похоже, что это был космогонический трактат, учитывая отторжение софистами натурфилософии). В труде «О том, что в аиде» мог даваться мифографический материал²⁷, мифография же в V в. до н.э. (во всяком случае, в его первой половине) прочно входила в круг интересов историков. Вообще говоря, приходится только вновь и вновь пожалеть, что от сочинений Протагора не дошло ничего, кроме незначительных фрагментов. Сохранись эти сочинения, можно с очень большой степенью вероятности утверждать, что из них мы почерпнули бы немало данных, которые сделали бы для нас более ясной картину ранней эволюции историописания.

---

²⁷ Об интересе Протагора к мифам см.: Despotopoulos 2009; Calame 2012.

От другого величайшего софиста — Горгия²⁸ — дошли, в отличие от Протагора, не только фрагменты, но также целиком речи «Похвала Елене» и «Защита Паламеда»²⁹. Обратим внимание на их тематику: она целиком основана на той же мифографии — важной части историографии в то время.

Ученик Горгия, представитель младшего поколения софистов Пол Акрагантский (Платон вывел его вместе с учителем в качестве действующих лиц известного диалога «Горгий») даже включен Ф. Якоби во «Фрагменты греческих историков», поскольку имеется свидетельство, что он написал историко-мифографический труд³⁰. Свидетельство это, правда, только одно, к тому же позднее (Pol. *FGrHist.* 7. T1 = *Suid.* s.v. Πόλος): «Пол Акрагантский. Ритор, а скорее — софист из числа древних, учитель Ликимния³¹. Он написал “Родословную отправившихся походом на Илион эллинов и варваров” и о том, как каждый из них скончался. Но некоторые приписывают это сочинение Дамасту. “Каталог кораблей”. “О слоге”».

Комментировать данный пассаж начнем с конца. Произведение Пола «О слоге» явно имело не исторический, а риторический характер. К сожалению, ни одного фрагмента от этого произведения и вообще от этого автора не дошло. Трактат «Каталог кораблей», несомненно, представлял собой какую-то интерпретацию знаменитого каталога ахейских кораблей во второй книге «Илиады» (или комментарий к этому тексту). Он, таким образом, имел отношение скорее к филологической учебе, а к историографии — лишь косвенное.

Подробнее остановимся на заголовке «Родословная отправившихся походом на Илион эллинов и варваров». Согласно «Суде», относительно этого труда существовали разногласия: его приписывали то Полу, то известному уже нам Дамасту Сигейскому. Впрочем, в статье того же «Суды» о Дамасте (*Suid.* s.v. Δαμάστης = *Damast.* *FGrHist.* 5. T1) сказано, что его труд на ту же тему назывался «О родителях и предках отправившихся походом на Илион» (и состоял из двух книг, чего в данном случае не сказано). Как видим, заголовки несколько разнятся.

Так об одном и том же сочинении идет речь или всё же о двух разных? Решение вопроса усложняется тем, что мы не имеем ни одного фрагмента этого трактата (или этих трактатов). В принципе, вполне до-

---

²⁸ О значении этого мыслителя и ратора см.: Wardy 1998; Bons 2007.

²⁹ Специально об этих текстах см.: Pelliccia 1992; Lampe 2020.

³⁰ В связи с этим свидетельством см.: Fowler 2013, 728.

³¹ Ликимний Хиосский — поэт и ритор конца V в. до н.э.

пустимо, что Пол и Дамаст независимо друг от друга написали сочинения схожего содержания. Если же это один и тот же текст, то кто с большей вероятностью мог быть его автором? Тут можно применить широко понятый принцип *lectio difficilior*: скорее историку могли по ошибке приписать исторический труд, созданный софистом-ритором (тем самым облегчив «чтение» факта), чем софисту-ритору могли по ошибке приписать исторический труд, созданный историком (ибо для историка создавать исторические труды естественно, а для софиста-ритора — не очень). Впрочем, этот аргумент в пользу принадлежности трактата Полу, конечно, ни в коей мере не является решающим.

Наибольшее же из всех софистов отношение к историописанию имел Гиппий Элидский. Это фигура весьма неоднозначная, часто он изображается — и в источниках, и в литературе — в довольно негативных, саркастических тонах, предстывая таким заносчивым выскочкой. Такая тенденция в полной силе уже у Платона.

Гиппий (ок. 470–415 гг. до н.э. по традиционной датировке) был родом из Элиды, крупного, но не слишком высокоразвитого полиса на Пелопоннесе³². Именно на территории этого государства находилась знаменитая Олимпия, где раз в четыре года проводились общегреческие спортивные игры. Гиппий даже на фоне других софистов, блиставших, как известно, универсализмом и энциклопедичностью познаний, отличался какой-то особенной широтой интересов. Помимо философских трудов и речей, он писал также литературные произведения разных родов и жанров (эпические, лирические, драматические...), а еще занимался историко-хронологическими исследованиями. Составленный им список победителей на Олимпийских играх имел большое значение для установления правильной хронологии многих событий древнегреческой истории. Поручались ему и дипломатические миссии (Plat. *Hipp. M.* 281b).

О причинах обращения Гиппия к занятиям историей можно получить некоторое понятие из беседы этого софиста с Сократом в диалоге Платона «Гиппий больший». В самом начале диалога Гиппий говорит: «Много раз я бывал послом в различных государствах, чаще же всего и по поводу самых многочисленных и важных дел — в Лакедемон» (Plat. *Hipp. M.* 281b)³³. Из-за этого разговор заходит о Спарте и спартанцах. Сократ интересуется, о чем эти люди любят слушать, когда Гиппий

---

³² Об Элиде см.: Bourke 2018.

³³ Диалог цитируется частично в переводе А.В. Болдырева, частично — в нашем.

выступает там: об астрономических, геометрических, арифметических, языковедческих материях? Софист на всё это отвечает отрицательно, а в конце концов заявляет: «О родах, Сократ, и героях, и людях, и о появлении городов — как их в старину основывали, — и вообще о всяких древностях они особенно охотно слушают, так что я ради них вынужден был изучить все подобные вещи и поднатореть в них» (Plat. *Hipp. M.* 285de = Hipp. *FGrHist.* 6. T3)³⁴.

Сократ на это отвечает: «Да, Гиппий, клянусь Зевсом, счастлив ты, что лакедемонянам не доставляет радости, если кто может перечислить им наших архонтов, начиная с Солона, не то тебе стоило бы немало труда выучить всё это. *Гиппий*: Почему, Сократ? Стоит мне услышать подряд пятьдесят имен, и я их тотчас же запоминаю. *Сократ*: Это правда, а я-то и не сообразил, что ты владеешь искусством запоминая; теперь я понимаю: лакедемонянам потому и следует встречать тебя с радостью, что ты знаешь многое; они и обращаются к тебе, как дети к старухам, чтобы послушать занимательные рассказы. *Гиппий*: И в самом деле, Сократ, клянусь Зевсом, недавно я там имел успех, когда разбирал вопрос о прекрасных занятиях, которым должен предаваться молодой человек. У меня, надо сказать, есть превосходно составленная речь об этом; она хороша во всех отношениях, а особенно своим способом выражения. Вступление и начало моей речи такое: “Когда взята была Троя, — говорится в речи, — Неоптолем спросил Нестора, какие занятия приносят юноше наилучшую славу”. После этого говорит Нестор и излагает ему великое множество прекраснейших правил. С этой речью я выступил в Лакедемоне...” (Plat. *Hipp. M.* 285e–286b).

Здесь нужно отметить несколько обстоятельств. Во-первых, занятия Гиппия историей проистекли, в сущности, из его генеалогических шуток, которые он предпринял, дабы угодить спартамцам. В свете всего того, что известно о значимости генеалогической мифографии для ранних греческих историков, это выглядит более чем естественно. Кроме того, как видим, Гиппий произносил речи на мифологические темы, или точнее, изображал в них известных мифологических персонажей (которых греки, подчеркнем, воспринимали как реальных героев своего древнейшего прошлого). Содержание самих речей могло быть и не мифологическим в строгом смысле слова, как, похоже, в данном случае. Полагаем, что упомянутая в «Гиппии большем» речь (назовем ее условно «Нестор и Неоптолем») во многих отношениях напоминала сохранившиеся речи другого софиста — Горгия — о Елене и Паламеди.

---

³⁴ О менталитете спартамцев см.: Kennell 1995.

Кстати, тематика во всех этих случаях связана с легендами троянского цикла.

А уже занятия генеалогией, видимо, подвигли Гиппия углубиться в хронологические проблемы. Их разработка, о которой будет сказано чуть ниже, признается его главным вкладом в развитие греческой исторической мысли. Отметим, впрочем, что не был он чужд и хорографии — еще одному предмету приоритетного интереса историков в V в. до н.э. У Гиппия имелся труд с типично хорографическим заголовком «Названия племен». От него сохранился один фрагмент (Hipp. *FGrHist.* 6. F1 = *Schol. Apoll. Rhod.* III.1179): «А Гиппий Элидский³⁵ в “Названиях племен” говорит, что некое племя называлось спартами; равным образом это утверждает АтрOMET³⁶». Обычно спарты («посеянные») — воины, выросшие из посеянных Кадмом зубов дракона и вступившие в битву между собой. Из них выжило пять, которые вместе с Кадмом основали Фивы и стали родоначальниками знатнейших фиванских родов (таких, например, как род Эпаминонда).

Похоже, исторический характер имел также труд Гиппия под названием «Сборник» (Συναγωγή). От него тоже имеем один фрагмент (Hipp. *FGrHist.* 6. F3 = *Athen.* XIII.608f): «За красоту же... прославляемы были женщины: милетянка Фаргелия, которая и замужем была за четырнадцатью мужьями, будучи и внешностью очень красива, и мудра, как говорит софист Гиппий в приписываемом ему “Сборнике”».

К хронографическому же жанру по преимуществу относится «Список олимпийцев» Гиппия. Плутарх, правда, отзывается о нем несколько скептически: «Итак, трудно соблюдать точность в хронологии, и особенно в той, что выводится из олимпийцев, список которых, как говорят, много времени спустя издал Гиппий Элидский, опираясь на свидетельства, из которых ни одно не является безоговорочно достоверным» (Plut. *Num.* 1 = Hipp. *FGrHist.* 6. F2). Однако данное суждение не должно служить принижению заслуг Гиппия: ведь точно то же самое можно сказать, в сущности, о любом древнегреческом хронологическом труде: все они писались много позже по сравнению с наиболее ранними из описываемых в них событий, и все они, естественно, опирались на свидетельства, многие из которых не являлись безусловными.

---

³⁵ Исправление издателей из неверного рукописного «Делосский».

³⁶ Автор, неизвестный из других источников. Заметим, что такое же — достаточно редкое — имя носил отец оратора Эсхина, причем этот последний был школьным учителем и, стало быть, в литературе и мифологии разбирался. Уж не он ли здесь упоминается?

П. Кристесен в труде об античных списках олимпийских победителей посвятил большую главу Гиппиеву списку³⁷; в ней подчеркивается, что он действительно был самым первым в Греции: вопреки распространенному мнению, распорядители игр не вели таких. Наш софист, таким образом, не имел предшественников, на разработки которых мог бы опираться, и должен был проводить собственное исследование (а исследование, напомним, по-древнегречески и есть *ἵστορία*). Из письменных источников он привлекал, например, надписи на статуях олимпийщиков, но в основном использовал устную традицию.

Данное сочинение Гиппия, насколько можно судить, не было просто списком, перечисляющим олимпийских победителей. Там наверняка приводились различные исторические факты, которым давались датировки с опорой на пресловутый список. Такой вывод можно сделать по аналогии с трактатом Гелланика «Карнеоники», принадлежащим к абсолютно тому же типу трудов. В сохранившихся фрагментах «Карнеоников» как раз упомянуты отнюдь не одни только победители на Карнейских играх в Спарте, упоминаются также и совершенно иные лица, например, поэты Терпандр (Hellan. *FGrHist.* 4. F85) и Арион (Hellan. *FGrHist.* 4. F86).

Почему, кстати, Гелланик — главный в V в. до н.э. специалист по хронологии³⁸ — выбрал в качестве датирующих реперов локальные спартанские празднества? Чуть выше мы видели, что Гиппий всерьез занялся хронологией после того, как начал посещать Спарту и увидел, что тамошним гражданам интересны вещи, связанные с историей. Нельзя ли допустить подобный же поворот и в жизни Гелланика? Правда, в свидетельствах о нем ничего не говорится о его визите к спартамцам. Но ввиду скудости этих свидетельств (единственная поездка Гелланика, упомянутая в них, — это его посещение Македонии), *argumentum ex silentio* здесь не работает абсолютно. А в Спарте этот автор, во всяком случае, должен был бывать, коль скоро он писал «Карнеоники»: где бы он почерпнул аутентичный материал о победителях в этом состязании, как не в месте, где они проводились?

Вернемся к Гиппию. О стиле его исторических сочинений и об их содержании можно получить представление из некоторого числа сохранившихся фрагментов. Приведем хотя бы такой (Hipp. *FGrHist.* 6. F4 = Clem. Alex. *Strom.* VI.15.1, p. 434, 21 Stählin): «Софиста Гиппия Элидского... мы представим говорящим нечто в таком духе: “Равным обра-

---

³⁷ Christesen 2008, 45–160.

³⁸ Möller 2007.

зом, одно об этом сказано у Орфея, другое у Мусея³⁹, — короче говоря, у всех по-разному, — иное у Гесиода, иное у Гомера, иное у других поэтов, иное в прозаических сочинениях, иное у эллинов, иное у варваров; а я, из всего этого собрав величайшее и принадлежащее к одному роду, создам это невиданное и многообразное произведение”». Здесь, несомненно, имитируется авторская манера Гиппия, ожидаемо напыщенная, велеречивая, склонная к самовосхвалениям.

Hipp. *FGrHist.* 6. F5 = Diog. Laert. I.24: «А Аристотель и Гиппий говорят, что он (Фалес Милетский. — *И.С.*) и в неодушевленных предметах признавал наличие души, делая такой вывод из свойств камня-магнита и янтаря». Как видим, Гиппий писал и о Фалесе, уделяя, таким образом, место культурно-исторической тематике, чего тоже следовало ожидать и свидетельства чему мы встретим и в дальнейшем.

Hipp. *FGrHist.* 6. F6 = Hypoth. *Sophocl. Oed. Rex*: «Что-то странное случилось с послегомеровскими поэтами, которые царей, правивших до Троянской войны, называют тиранами: ведь это слово распространилось у эллинов довольно-таки поздно, во времена Архилоха, как говорит софист Гиппий. По крайней мере, Гомер Эхета — беззаконнейшего из людей — называет царем, а не тираном: “К злому Эхету царю, всех людей истребителю”⁴⁰. Говорят, что слово “тиран” пошло от тирренов (т. е. этрусков. — *И.С.*): ведь они в некотором роде были страшными разбойниками». Действительно, первый случай появления лексемы «тирания» зафиксирован именно у великого лирика Архилоха Паросского (Archil. fr. 19 West), писавшего в середине VII в. до н.э., так что Гиппий здесь совершенно прав.

Hipp. *FGrHist.* 6. F7 = Plut. *Lycurg.* 23: «А про самого Ликурга софист Гиппий говорит, что он был воинственнейшим человеком, имевшим опыт многих войн... По словам же Деметрия Фалерского, он вообще не был причастен к военному делу и установил свое государственное устройство в мирных условиях». Разумеется, ввиду сугубой легендарности фигуры Ликурга такого рода дискуссии могли иметь только схоластический характер. Но, обратим внимание, здесь перед нами свидетельство интереса Гиппия к спартанской истории, о котором говорилось и выше в связи с его посещениями Спарты.

Hipp. *FGrHist.* 6. F8 = Procl. *Comm. in Euclid.*, p. 65, 11 Friedlein: «А после него (Фалеса. — *И.С.*) упоминается Мамерк, брат поэта Стесихо-

---

³⁹ Мифические певцы и музыканты, которые в орфическом течении были сделаны также «богословами».

⁴⁰ Hom. *Od.* XVIII. 85. «Одиссея» цитируется в переводе В.А. Жуковского.

ра, как человек, занимавшийся изучением геометрии, и Гиппий Элидский повествовал о нем как о том, кто снискал славу на поприще геометрии». Вновь перед нами культурно-историческая проблематика. Или, можно сказать, историко-философская. Гиппий, отметим, выступает здесь перед нами одним из первых историков философии, предшественником Аристотеля на этом поприще.

Некоторые фрагменты Гиппия относятся к традиционной для ранних историков мифографии. Hipp. *FGrHist.* 6. F9 = *Schol. Arat.* 172, p. 369, 24 Martin: «Итак, Фалес заявил, что их (речь идет о звездах созвездия Гиад. — *И.С.*) две... Еврипид... что их три; а Ахей⁴¹ — что четыре; а Мусей — что 5; а Гиппий и Ферекид (Афинский. — *И.С.*) — что семь». Подчеркнем, что о созвездиях писали обычно именно в мифографическом контексте.

Hipp. *FGrHist.* 6. F10 = *Schol. Dion. Perieg.* 270 (в связи с происхождением названий двух частей света — Азии и Европы): «Однако Гиппий говорит, что от дочерей Океана: ведь раньше родились две океаниды, Азия и Европа, в честь которых и были названы страны». Здесь перед нами мифография на стыке с хорографией и географией.

Hipp. *FGrHist.* 6. F11 = *Schol. Pind. Pyth.* IV.288a (вопрос о мачехе Фрикса и Геллы, злоумышлявшей против них): «Пиндар же в “Гимнах” называет ее Демодикой⁴², а Гиппий — Горгопидой, а Софокл в “Афаманте”⁴³ — Нефелой, а Ферекид — Фемисто». Богиня облаков Нефела в наиболее распространенном варианте мифа — родная мать Фрикса и Геллы, родившая их от Афаманта. Что же касается их мачехи, обычно считается, что это — Ино, дочь Кадма. Однако в данном фрагменте ее имя даже не фигурирует, а упоминаются разные другие женские персонажи. Возможно, перед нами стремление отделить Ино от злодеяния, поскольку впоследствии она стала богиней (Левкофеей). Если это так, то подобную тенденцию проявляет и Гиппий: у него в роли коварной мачехи тоже выступает не Ино.

Hipp. *FGrHist.* 6. F12 = *Schol. Pind. Nem.* VII.53: «Он пишет, что Эфир было четыре: одна — та, что потом была названа Коринфом... вторая — в Фессалии... третья — близ Элиды, ее упоминает Гиппий; четвертая — у феспровтов». Вновь «мифографическая хорография», или «хорографическая мифография». Эфира, о которой тут идет речь, — название мифического города. Эфира чаще всего отождествлялась с

---

⁴¹ Трагедиограф V в. до н.э.

⁴² Исправление издателей из рукописного «Демотикой».

⁴³ Недошедшая трагедия Софокла. Афамант — отец Фрикса и Геллы.

Коринфом. Гиппий, что интересно, находит какую-то другую Эфиру не где-нибудь, а близ своей собственной родины — Элиды.

Hipp. *FGrHist.* 6. F13 = *Vit. Hom. Rom.* p. 30, 27 Wil. (одна из анонимных позднеантичных биографий Гомера): «А Гиппий и Эфор, со своей стороны, называют его (Гомера. — *И.С.*) кимейцем», то есть уроженцем эолийской Кимы. Как известно, для античных ученых мало было вопросов столь же актуальных, как вопрос о месте рождения Гомера, о пресловутых «семи городах» и т. п. Кима действительно входила в некоторые перечни «семи городов» (*Anthol. Pal.* XVI.297)⁴⁴, хотя чаще ассоциировалась с Гесиодом, чья семья оттуда происходила. Не удивительно, что за Киму отдал свой голос кимейский же уроженец и патриот Эфор; причины, по которым такой же выбор сделал Гиппий, неясны.

Как видим, в приведенных фрагментах Гиппия эксплицитной хронологической проблематики не встречается, но то, что он ею занимался, повторим, несомненно. Заниматься же он ей, судя по всему, начал несколько позже Гелланика, тем более что и по возрасту был моложе этого последнего⁴⁵. Возрастное соотношение между ними было не меньше, чем между Софоклом и Еврипидом. Кстати, параллель между этими двумя парами можно провести и в другом отношении. Софокл, ровесник Гелланика, не подвергся влиянию софистики и, более того, относился к ней отрицательно, отвергал ее⁴⁶. Еврипид же, как прекрасно известно, испытал ее сильнейшее воздействие⁴⁷. Так и тут: Гиппий был сам активным участником софистического движения, а Гелланик, похоже, не был к нему причастен вообще. Во всяком случае, в дошедших его текстах такая причастность никак не отразилась.

В любом случае, Гелланик углубился в проблемы хронологии, несомненно, не позднее 420-х гг. до н.э. (и уже тогда в основном написал «Жриц Геры, что в Аргосе» — свой основной труд на эту тему), а Гиппий, судя по всему, только в 410-е гг. Изложенный Платоном в «Гиппиии большем» разговор между Сократом и Гиппием, в ходе которого последний показал, что начал интересоваться вопросами истории, имел место на временном отрезке 421–416 гг. до н.э.⁴⁸

---

⁴⁴ О возможных причинах ее появления в этих списках см.: Суриков 2017, 74–77.

⁴⁵ Обо всех хронологических проблемах, связанных с Геллаником, с его жизнью (в том числе с датировкой рождения) и творчеством, см. в нашей статье: Суриков 2021.

⁴⁶ Nestle 1910.

⁴⁷ Nestle 1902.

⁴⁸ Nails 2002, 313.

Литература

- Аверинцев, С.С. 1996: *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М.
- Зелинский, Ф.Ф. 1911: *Древний мир и мы*. 3-е изд. СПб.
- Суриков, И.Е. 2006: *Остракизм в Афинах*. М.
- Суриков, И.Е. 2011: *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Суриков, И.Е. 2017: *Гомер*. М.
- Суриков, И.Е. 2021: К хронологии жизни и творчества историка Гелланика. *ВДИ* 81/4, 837–862.
- Bartlett, R.C. 2016: *Sophistry and Political Philosophy: Protagoras' Challenge to Socrates*. Chicago–London.
- Bons, J.A.E. 2007: Gorgias the Sophist and Early Rhetoric. In: I. Worthington (ed.), *A Companion to Greek Rhetoric*. Oxford, 37–46.
- Bourke, G. 2018: *Elis: Internal Politics and External Policy in Ancient Greece*. London–New York.
- Calame, C. 2012: The Pragmatics of “Myth” in Plato’s Dialogues: The Story of Prometheus in the *Protagoras*. In: C. Collobert, P. Destrée, F.J. Gonzalez (eds.), *Plato and Myth: Studies on the Use and Status of Platonic Myths*. Leiden–Boston, 127–143.
- Christesen, P. 2008: *Olympic Victor Lists and Ancient Greek History*. Cambridge.
- Cole, A.T. 1972: The Relativism of Protagoras. In: A. Parry (ed.), *Studies in Fifth-Century Thought and Literature*. Cambridge, 19–45.
- Denyer, N. 2013: The Political Skill of Protagoras. In: V. Harte, M. Lane (eds.), *Politeia in Greek and Roman Philosophy*. Cambridge, 155–167.
- Despotopoulos, C. 2009: Le mythe de Protagoras sur la justice. In: S. Tzitzis, M. Protopapas-Marneli, B. Melkevik (éds.), *Mythe et justice dans la pensée grecque*. Québec, 161–172.
- Farrar, C. 1994: *The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens*. Cambridge.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography. II. Commentary*. Oxford.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Grintser, N.P. 2018: Herodotus as a Literary Critic. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 157–174.
- Guthrie, W.K.C. 1977: *The Sophists*. Cambridge.
- Harrison, T. 2002: *Divinity and History: The Religion of Herodotus*. Oxford.
- Jacoby, F. 1956: *Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung*. Leiden.
- Kennell, N.M. 1995: *The Gymnasium of Virtue: Education & Culture in Ancient Sparta*. Chapel Hill–London.
- Kerferd, G.B. 1984: *The Sophistic Movement*. Cambridge.
- Kingsley, K.S. 2018: Justifying Violence in Herodotus’ *Histories* 3.38: *Nomos*, King of All, and Pindaric Poetics. In: E. Bowie (ed.), *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian*. Berlin–Boston, 37–58.

- Lachenaud, G. 1978: *Mythologies, religion et philosophie de l'histoire dans Hérodote*. Lille.
- Lampe, K. 2020: The *Logos* of Ethics in Gorgias' *Palamedes*, *On what is not*, and *Helen*. In: D.C. Wolfsdorf (ed.), *Early Greek Ethics*. Oxford, 110–131.
- Mikalson, J.D. 2003: *Herodotus and Religion in the Persian Wars*. Chapel Hill.
- Möller, A. 2007: The Beginnings of Chronography: Hellenicus' *Hiereiai*. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 241–262.
- Morrison, J.V. 2006: *Reading Thucydides*. Columbus.
- Murray, O. 2007: Herodotus and Oral History. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 16–44.
- Myres, J.L. 1953: *Herodotus Father of History*. Oxford.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis.
- Nestle, W. 1902: *Untersuchungen ueber die philosophischen Quellen des Euripides*. Leipzig.
- Nestle, W. 1910: Sophokles und die Sophistik. *Classical Philology* 5, 129–157.
- Ober, J. 2006: Thucydides and the Invention of Political Science. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 131–159.
- Pelliccia, H. 1992: Sappho 16, Gorgias' *Helen*, and the Preface to Herodotus' *Histories*. In: F.M. Dunn, T. Cole (eds.), *Beginnings in Classical Literature*. Cambridge, 63–84.
- Pendrick, G. 1987: Once Again Antiphon the Sophist and Antiphon of Rhamnus. *Hermes* 115/1, 47–60.
- Romilly, J. de 2002: *The Great Sophists in Periclean Athens*. Oxford.
- Rowett, C. 2013: Relativism in Plato's *Protagoras*. In: V. Harte, M. Lane (eds.), *Politeia in Greek and Roman Philosophy*. Cambridge, 191–211.
- Seidensticker, B. 1995: Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert: Versuch eines Überblicks. In: W. Eder (Hg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 175–198.
- Shimron, B. 1989: *Politics and Belief in Herodotus*. Stuttgart.
- Thomas, R. 2000: *Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion*. Cambridge.
- Wallace, R.W. 1995: Speech, Song and Text, Public and Private: Evolutions in Communications Media and Fora in Fourth-Century Athens. In: W. Eder (Hg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 199–217.
- Wardy, R. 1998: *The Birth of Rhetoric: Gorgias, Plato and their Successors*. London–New York.
- Will, W. 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.

Т.Б. Гвоздева

ГРЕЧЕСКИЙ ПЕНТАТЛОН: СОСТАВ, УЧАСТНИКИ, ИТОГИ¹

Аннотация. Статья посвящена одному из видов античной атлетике — пятиборью (pentathlon). Пятиборье на Олимпийских играх стало первым примером многоборья в античности. Автор рассматривает в первую очередь вопросы, связанные с порядком проведения состязаний, входящих в состав пятиборья, и с определением победителя пентатлона.

Ключевые слова: Олимпийские игры, пятиборье (пентатлон), бег, прыжки, метание диска, метание копья, борьба, Панафиней.

Tatiana B. Gvozdeva

GREEK PENTATHLON: COMPOSITION OF THE COMPETITION, PARTICIPANTS, RESULTS

Abstract. The article is devoted to one of the types of ancient athletics - pentathlon. The pentathlon at the Olympic Games was the first example of pentathlon in antiquity. The author considers, first of all, the questions connected with the order of the competitions, which are part of the pentathlon, as well as the question of determining the winner of the pentathlon.

Keywords: Olympic Games, Pentathlon, running, jumping, discus throwing, javelin throwing, wrestling, Panathenaia.

---

¹ Автор с благодарностью вспоминает совместную работу с Евгением Александровичем Молевым и Натальей Владимировной Молевой в изданиях, посвященных теме античной атлетике и истории Олимпийских игр. См.: Традиции античного олимпизма... 2015; Олимпийские игры в политике... 2021.

Греческий пентатлон (pentathlon) — один из самых загадочных видов греческой атлетики. До сих пор в научной литературе продолжают споры о его происхождении, статусе, организации, способах определения победителя, об особенностях спортивной техники пяти состязаний, входивших в пятиборье². Кроме того, современное пятиборье, созданное в 1912 г., не имело ничего общего с античным пентатлоном³. Впервые в программу современных Олимпийских игр пятиборье было включено в 1912 г. на Играх V Олимпиады в Стокгольме по инициативе Пьера де Кубертена⁴. Пьер де Кубертен писал об Олимпиаде 1912 г.: «Провели два соревнования по пятиборью: “современное” по моему замыслу, начало которого было блестящим, и “классическое”, победитель которого пробежал 200 метров за 22,9 секунды, и 1500 метров за 4 минуты 44 секунды, прыгнул на 7,70 метра, бросил диск на 35,57 метра и метнул копьё на 46,71 метра»⁵. Победитель, имя которого Пьер де Кубертен не назвал в своих мемуарах, был знаменитый американский легкоатлет Джим Торп, двукратный олимпийский чемпион, который на Олимпиаде в Стокгольме в 1912 г. завоевал две золотые медали (в пятиборье и в десятиборье)⁶. Современное же пятиборье было задумано Пьером де Кубертенем как «ориентированное на физическую подготовку молодых офицеров»⁷ и должно было «включать в себя бег, верховую езду, плавание, фехтование и в конце соревнования по стрельбе»⁸. Состав состязаний современного пятиборья мало напоминает античный пентатлон и был специально придуман Пьером де Кубертенем как комплекс подготовки для офицеров. В него входит конкур, фехтование (шпага), стрельба из пистолета, плавание (300 м) и бег по пересеченной местности (4000 м). Первыми героями современного пятиборья на

---

² Sweet 1987, 56. Более подробно В. Свит излагает свою концепцию подсчета баллов в пятиборье в статье: Sweet 1983, 287–290.

³ Young 2004, 32.

⁴ Зеличенко и др. 2013, 40; Белоусов и др. 2016, 84; Гвоздева 2021а, 339.

⁵ Кубертен 2011, 90.

⁶ Однако, позднее Джим Торп был обвинен в нарушении правил Олимпийских игр (ему припомнили, что задолго до Олимпиады он принимал участие в платных турнирах по бейсболу), лишен медалей и пожизненно дисквалифицирован. Только в 1972 г. МОК принял решение вернуть золотую медаль Торпу, но т.к. спортсмена уже не было в живых (он умер в 1953 г.), то медаль передали его дочери. См.: Зеличенко и др. 2013, 207; Белоусов и др. 2016, 85; Гвоздева 2021а, 339; ср.: Sweet 1987, 37.

⁷ Белоусов и др. 2016, 84; ср.: Sweet 1987, 37.

⁸ Кубертен 2011, 81.

Олимпийских играх 1912 г. стали шведские атлеты, занявшие весь пьедестал почета, а золотую медаль завоевал Йёста Лиллиехёк⁹. На современных Олимпийских играх ближайшим эквивалентом античного пятиборья являются десятиборье, которое проводится для атлетов-мужчин и семиборье — для женщин¹⁰. Десятиборье, впервые проведенное в 1912 г. на Играх V Олимпиады в Стокгольме, включало в себя четыре вида бега (бег на 100 м, бег на 400 м, бег на 110 м с барьерами и бег на 1500 м), а также прыжки в длину, толкание ядра, прыжки в высоту, метание диска, прыжки с шестом, метание копья. Первым победителем современного десятиборья был американский атлет Джин Торп¹¹. Женское семиборье включает в себя три вида бега (на 100 м с барьерами, на 200 м и на 800 м), а также прыжки в высоту, толкание ядра, прыжки в длину и метание копья¹². Таким образом, современное олимпийское многоборье включает в себя дисциплины античного пентатлона, за исключением борьбы — бег, прыжки, метание копья и метание диска. Но, в отличие от античного пентатлона, современные многоборья проводятся в два дня, и судьи используют систему подсчета баллов за каждое состязание, сумма которых позволяет определить победителя, тогда как античный пентатлон проводился в течение одного дня и для победы достаточно было стать победителем в трех состязаниях из пяти. Н. Кроутер сравнивает это положение античного пятиборья с правилами современного теннисного турнира среди мужчин, в котором победителем становится тот спортсмен, который выигрывает первым три сета из пяти¹³.

Греческое пятиборье (pentathlon) состояло из бега, борьбы, прыжков в длину, метания копья и диска и было результатом объединения тех видов атлетики, которые являлись частью общей физической подготов-

---

⁹ Белоусов и др. 2016, 84.

¹⁰ Young 2004, 32.

¹¹ Белоусов и др. 2016, 85; Гвоздева 2021a, 339; Sweet 1987, 37.

¹² Sweet 1987, 38. Первоначально многоборье у женщин объединяло пять видов спорта в программе Олимпийских игр с 1964 по 1980 гг. В него входили бег на 80 м с барьерами, толкание ядра, прыжки в высоту, прыжки в длину, бег на 200 м. Первой победительницей в женском многоборье на Играх XVIII Олимпиады (Летние XVIII Олимпийские игры) 1964 г. в Токио (Япония) стала советская спортсменка Ирина Пресс. Семиборье, заменившее женское пятиборье, впервые было проведено на Играх XXIII Олимпиады (Летние XXIII Олимпийские игры) 1984 г. в Лос-Анджелесе (США). Первой победительницей в женском семиборье стала Глинис Нанн (Австралия). См.: Зеличенок и др. 2013, 206.

¹³ Crowther 2007, 62.

ке. Состязания, вошедшие в пятиборье, упоминаются уже в поэмах Гомера. Так, на тризне по Патроклу среди прочих состязаний, устроенных Ахиллом, присутствуют состязания в беге (*Il.* XXIII.258–897), борьбе (*Il.* XXIII.700–737), в метании копья (*Il.* XXIII.856–897)¹⁴ и в метание диска (*Il.* XXIII.844–847). На играх царя феаков Алкиноя проводились состязания в беге, борьбе, прыжках, метании диска (*Hom. Od.* VIII.100–200). Царь Нестор вспоминает, что в юности участвовал в состязаниях на погребальных играх в Бупраксе в борьбе, беге, метании копья (*Hom. Il.* XXIII. 630–642). В то же время в поэмах Гомера нет никаких указаний на комбинацию нескольких соревнований; все состязания проводятся отдельно, и нет ничего похожего на пятиборье. Д. Янг отмечает, что комбинация из пяти различных состязаний обязательно должна была возникнуть как изобретение каких-то конкретных людей в какое-то конкретное время и в определенном месте, но в источниках нет ни одного достоверного сообщения ни об этом событии, ни о каких-либо исторических Играх, когда эти пять агонов были бы объединены в один¹⁵. Н. Кроутер пишет, что «в исторические времена греки не участвовали в прыжках, метании диска и копья как в отдельных видах спорта, а практиковали их только как часть пятиборья»¹⁶. Пиндар в I Истмийской оде, посвященной победе в пятиборье Геродота из Фив, отмечал, что было время, когда каждое соревнование проводилось отдельно и в каждом был отдельный победитель (*Istm.* I.22–28. Пер. М.Л. Гаспарова):

Просияли они светлою доблестью
И в голом беге,
И в тяжелом щитоносном грохоте,
И в силе мышц,
Мечущей дроты и каменные диски.
Не было тогда пятиборства —
Всякому делу был свой венец.

Филострат в рассказе об истории основания пятиборья в мифах отмечает, что «во времена до Ясона и Пелея отдельно награждали за победу в прыжках и отдельно — за победу в метании диска, а за метание

---

¹⁴ У Гомера — метание копья в цель, а не на дальность, как на Олимпийских играх. См.: Гвоздева 2013, 90–91.

¹⁵ Young 2004, 32.

¹⁶ Crowther 2007, 62.

дротиков победа стала присуждаться уже во времена плавания Арга» (Phil. *Гитл.* 3. Пер. Е.П. Орехановой).

Интересно, что бег и борьба в программе античных Олимпиад были представлены и как самостоятельные состязания, в отличие от прыжков, метания диска и копья, которые были только в рамках пятиборья¹⁷. Э. Гардинер отмечал, что «комбинированное соревнование, подобное пятиборью, очевидно, проводится позже, чем любое из индивидуальных соревнований, из которых оно состоит, и подразумевает значительное развитие легкой атлетики и физического воспитания»¹⁸. Согласно Павсанию, в программе Олимпийских игр пентатлон был введен с 18-й Олимпиады (708 г. до н.э.). Первым победителем в пятиборье был Лампид из Спарты (Paus. V.8.7). В 38-ю Олимпиаду (628 г. до н.э.) был введен пентатлон для младшей возрастной группы атлетов — *paides* («мальчиков»), победителем в которой стал спартанец Эвтелид¹⁹. Однако, на следующей, 39-й Олимпиаде (624 г. до н.э.), пятиборье для мальчиков было исключено из программы Олимпийских игр (Paus. V.9.1)²⁰. В 95-ю Олимпиаду (400 г. до н.э.) было выбрано девять судей, трое из которых судили только состязаниями в пентатлоне (Paus. V.9.5).

Э. Гардинер предположил, что прежде чем возникла идея объединить пять состязаний в единое пятиборье для выявления лучшего спортсмена-многоборца, эти упражнения должны были стать частью воспитания (Lucian. *Anach.* 27)²¹. В связи с этим примечательно, что пятиборье было введено в Олимпии еще на 18-й Олимпиаде (708 г. до н.э.), когда в программе Олимпийских игр уже был короткий бег на 1 стадий²² (776 г. до н.э.), двойной бег (724 г. до н.э.), длинный бег (720 г. до н.э.) (Paus. V. 8. 6), а также с 708 г. до н.э. борьба (Paus. V.8.7). Эти три вида спорта, наряду с бегом и борьбой, были характерны для всей физической подготовки греков. Уступая атлетам в отдельных соревно-

---

¹⁷ Young 2004, 32; Crowther 2007, 62.

¹⁸ Gardiner 1910, 361–362.

¹⁹ О возрастных категориях атлетов см.: Crowther, 1992a; Гвоздева, 2019; Гвоздева, 2022a. Ф. Брейн считал, что в пятиборье в основном участвовали только мужчины старшего возраста (Breen 1972, 119).

²⁰ Ср.: Moretti 1953, 156. Дискуссию о том, почему отменили на Олимпийских играх пятиборье для мальчиков, см.: Harris 1972. Г. Харрис полагал, что причиной немедленного прекращения соревнований был низкий интерес зрителей, а Ю. Свэдлинг считал, что причиной стали чрезмерные физические нагрузки для юных атлетов. См.: Harris 1972, 34; Swaddling 2008, 49.

²¹ Gardiner 1910, 361–362.

²² Олимпийский стадий равнялся 192,27 м. См.: Golden 2004, 158.

ваниях, пятиборец превосходил их в общем развитии (Aristot. *Rhet.* I.5; ср. Ps.-Plat. *Amat.* 135 d–e)²³.

Одной из проблем изучения греческого пятиборья является определение порядка пяти соревнований, составляющих пентатлон. Трудности в решении этого вопроса обусловлены скудными и противоречивыми данными источников²⁴. С одной стороны, Э. Гардинер полагал, что в Олимпии, вероятно, существовал определенный порядок проведения пентатлона и что этот порядок был заимствован другими Играмми в разных местах²⁵. С другой стороны, многие исследователи предполагают, что правилах греческого пятиборья могли изменяться в зависимости от времени и места проведения игр²⁶. Если на Олимпийских играх пентатлон был практически сразу исключен для младшей возрастной категории, то на Пифийских играх для *paides* он проводился с 586 г. до н.э. (а также три вида бега — короткий, двойной и длинный бег)²⁷. Возможно, что пентатлон для мальчиков проводился и на Немейских играх²⁸. Согласно Павсанию, в Олимпии в сокровищнице Сикиона хранятся три диска для участников пентатлона (Paus. VI.19.4). Многие предполагают, что Павсаний имел в виду три попытки пятиборцев в метании диска, тогда как из плохо сохранившейся надписи с Родоса (I в. до н.э.) видно, что таких попыток могло быть пять (*SEG XV 501*)²⁹. Очевидно, что правила пятиборья могли варьироваться не только в зависимости от времени, но и от характера игр — панэллинских и местных³⁰. На Панафинейских играх в Афинах пятиборье проводилось для трех возрастных кате-

---

²³ Gardiner 1910, 361.

²⁴ Gardiner 1903; Sweet 1987, 56.

²⁵ Gardiner 1910, 363.

²⁶ Gardiner 1903, 69; Gardiner 1910, 363; Breen 1972, 120; Crowther 2007, 62; Kyle 2014, 24.

²⁷ Kyle 2007, 133.

²⁸ Olivova 1984, 117; ср.: Миллер 1975; Golden 2015, 174. На Истмийских и Немейских играх была другая возрастная классификация атлетов — *andres* («мужчины»), *ageneioi* («юноши») и *paides* («мальчики»). Этой же системы придерживались и на многих местных играх, например, на Великих Панафинейских. См.: Гвоздева 2021b, 264; 2022a.

²⁹ Miller 1990, 50, no. 46; Potter 2012, 74; Matthews 1994, 134.

³⁰ Golden 2015, 59. Э. Флойд говорит об изменении порядка проведения соревнований в более поздний период Floyd 1965, 145.

горий (*IG II² 2311*)³¹. Павсаний отмечает, что у юных атлетов были более легкие диски (*Paus. I.35.5*).

В источниках нет никаких ясных свидетельств о порядке состязаний в рамках пятиборья. Очевидным фактом является то, что пентатлон был комбинированным состязанием и состоял из бега, прыжков (в длину), метания диска, метания копья и борьбы. Разные виды метания упомянуты еще у Гомера — метание диска и копья (*Il. XXIII.825–895; Od. VIII.129; 186–189*). На тризне по Патроклу в метании диска состязались Полипет, Леонтей, Эпей и Аякс Теламонид и победа досталась Полипету (*Hom. Il. XXIII.844–847*). Известно, что на различных состязаниях диски могли быть из разного материала — из камня, бронзы и железа, и разной величины: их диаметр колебался от 13 до 33 см, а вес — от 3 до 5 кг. Но в то же время в рамках одних Игр использовались диски одного и того же веса и объема³². Античные статуи, в частности знаменитый «Дискобол» Мирона, дают нам представление о технике метания диска. Техника броска диска описана Филостратом:

Здесь сделано небольшое возвышение, на котором можно стоять одному; служа опорой спине и правой ноге, дает оно телу наклон вперед и тем облегчает вторую, левую ногу, которой нужно приподняться и вместе с правой рукою сделать движение кверху. Что же касается позы того, кто мечет здесь диск, то он, повернув назад голову, должен настолько согнуться направо, чтоб видеть свой собственный бок, и бросить диск так, как будто бы он на ремне старался поднять его кверху, собрав все усилие на правой своей стороне.

(*Philostr. Imag. I.2*. Пер. С.П. Кондратьева)

Состязание в метании копья восходит к военной атлетике. На играх, устроенных Ахиллом, в соревновании вызвались принять участие два героя — Агамемнон и Мерион. Но Ахилл предложил без боя присудить победу Агамемнону (*Hom. Il. XXIII.885–887*)³³. Пока многострадальный Одиссей добирался до своего дома на Итаке, женихи, осаждавшие его

---

³¹ Гвоздева 2021b, 263. Н. Кроутер отмечает, что нет никаких свидетельств, что пятиборье на Панафинейх отличалось от пятиборья на Олимпийских Играх (*Crowther 1992a, 102*).

³² Kyle 2014, 27; Гвоздева 2013, 90.

³³ Гвоздева, Логинов 2018, 131–132.

жену Пенелопу, развлекались в его дворце метаниями дротиков и дисков (Hom. *Od.* IV.625–627).

На Олимпийских играх проводилось метание копья в длину. Метательное копье, используемое для состязаний (*akontion*), отличалось от военного копья. Оно было в рост человека (1,5–2 м), в палец толщиной и без наконечника. К середине копья прикреплялся кожаный ремень в 30–40 см, с помощью которого можно было задать определенное направление. Ремень закреплялся в виде петли для указательного и среднего пальцев рук. Совершив короткий разбег, атлет бросал копье. При броске ремень раскручивался, что увеличивало дальность полета копья³⁴. Как в метании копья, так и в метании диска участник соревнования не мог переступить через стартовую черту (Pind. *Nem.* VII.70–74). За атлетами следили судьи, нарушителей правил штрафовали, а иногда даже исключали из дальнейших состязаний³⁵.

В олимпийское пятиборье входили состязания по прыжкам в длину. У Гомера упоминаются состязания в прыжках на играх царя Алкиноя, в которых победил Амфиал (*Od.* VIII.128) Атлеты без разбега прыгали с небольшого возвышения (*bater*) в площадку (*scamma*), наполненную мягкой землей, которую тщательно уравнивали после каждого очередного прыжка. В руках атлеты держали свинцовые гири (*halteres*), которыми они взмахивали в момент прыжка, что придавало телу ускорение, а потом отбрасывали их назад. Эти гири, по форме напоминающие гантели, различались по размеру и весу: они могли быть из камня или бронзы, весом от 1,4 до 4,5 кг³⁶. Халтеры были особым символом пятиборья и часто изображались на статуях пятиборцев-победителей³⁷. В Альтисе была установлена статуя бога Агона с гирями для прыжка (Paus. V.26.3)³⁸.

Состязания в беге описаны у Гомера на тризне по Патроклу (*Il.* XXIII.757–767). Бег был самым ранним видом состязаний в олимпийской программе. Павсаний открывает олимпийскую летопись победой бегуна Кореба из Элиды в 776 г. до н.э. (Paus. V.8.6). В пятиборье веро-

---

³⁴ Kyle 2014, 28.

³⁵ Гвоздева 2013, 90–91.

³⁶ Kyle 2014, 28; Kyle 2007, 114–115.

³⁷ Gardiner 1910, 361.

³⁸ «Эти гири имеют такой вид: посередине они представляют несколько удлиненный, не совсем правильный круг — диск; он сделан так, что через него можно пропустить пальцы рук так же, как через ручку щита» (Paus. V.26.3. Пер. С.П. Кондратьева).

ятно был включен короткий бег, хотя в источниках это нигде не оговаривается³⁹. Бег на один стадий проводился по прямой дорожке — от старта до финиша, поэтому его часто называли «прямой бег» или «короткий бег». Спортсменов по жребию делили на группы по 4 человека, после чего глашатай вызывал бегунов на состязание. По его знаку атлеты выходили на беговую дорожку и отделенные друг от друга каменными столбами занимали позицию «ступня к ступне» у старта, который в Олимпии был рассчитан на 20 человек⁴⁰. Судьи строго следили за тем, чтобы бегуны не нарушали стартовой черты (Hdt. VIII.59). Низкого старта, как в современном спорте, у греков не было, атлеты начинали бег в полный рост, слегка наклонившись вперед. Победитель в группе отбирался в следующий забег и, пройдя еще несколько туров, выходил в финал⁴¹.

Греческая борьба (*pale*) являлась одним из популярных видов спорта у греков. Борьба Одиссея и Аякса подробно описана у Гомера (II. XXIII.710–732). В программу Олимпийских игр борьба была включена с 18-й Олимпиады (708 г. до н.э.), а с 37-й Олимпиады (632 г. до н.э.) ее добавили в программу *paides*. Первыми олимпиониками в борьбе стали спартанцы: победу во взрослой категории борцов одержал Эврибат, а в младшей — Гиппосфен (Paus. V.8.7–9). Борцы состязались на усыпанной песком площадке. В борьбе допускались различные захваты и броски, толчки и подножки. Запрещалось наносить удары кулаком, ломать пальцы сопернику и кусаться⁴². Победенным считался тот борец, который трижды коснулся земли бедром, плечом или спиной. Борцов, как и бегунов, делили по жребию на пары, и победитель выходил в следующий круг (Lucian. *Herm.* 40)⁴³. Атлет, оставшийся лишним при жеребьевке, назывался эфедром (*ephedros*). Он оказывался в более выгодном положении, так как выходил в следующий круг, сохранив силы. Но победа эфедра ценилась гораздо меньше, чем победа атлета, прошедше-

---

³⁹ Romano 2021, 215; 217.

⁴⁰ Harris 1964, 66.

⁴¹ Гвоздева 2013, 77–78.

⁴² Однако уже в первой половине V в. до н.э. эти правила не всегда соблюдались. В свое время прославленный борец Леонтиск из Мессены дважды победил на Олимпийских играх и один раз на Пифийских играх. Не имея возможности повалить борющихся с ним противников, Леонтиск побеждал их, ломая им пальцы. В Олимпии Леонтиску была установлена статуя (Paus. VI.4.2).

⁴³ Gardiner 1910, 370; Breen 1972, 120; Crowther 2007, 67.

го все этапы борьбы (Pind. *Ol.* VIII.67–70)⁴⁴. Были случаи, когда против атлета, прославившегося своими победами, никто не решался выйти на бой. Такому атлету присуждалась победа *akoniti* («без пыли»), которая считалась самой почетной⁴⁵. В программе Олимпийских игр борьба, как и бег, была как частью пятиборья, так и отдельным видом спорта, с одинаковой техникой в обоих случаях⁴⁶.

Порядок состязаний, входивших в состав античного пятиборья в источниках значительно варьируется. Так, в эпиграмме Симонида Кеосского, посвященной победе в пятиборье Диофонта на Пифийских и Истмийских играх, состязания названы в следующем порядке: прыжок, бег, диск, метание копья, борьба (Simonid., fr. 153 Bergk), в эпиграмме, процитированной Евстафием — прыжок, диск, копье, бег, борьба (Eustath. ad *Il.* XXIII.261), а в эпиграмме Лукиллия — борьба, бег, диск, прыжок копье (Lucil. *Anth. Pal.* XI.84)⁴⁷. В «Соннике» Артемидора порядок следующий — бег, диск, прыжки, копье, борьба (Artemidor. *Oνειροcr.* I.57), а у Филострата — борьба, метание диска, метание копья, прыжки и бег (Philostr. *Gymn.* 3)⁴⁸. Схолиаст Платона упоминает в составе пятиборья борьбу, метание копья, прыжки, метание диска и бег (Schol. Ps.-Plat. *Amat.* 135e)⁴⁹, а схолиаст «Панафинейской речи» Элия Аристиды указывает, что в состав пятиборья входили бег, борьба, диск, копье и прыжки (Schol. Aristid. *Panath.* 112). Э. Гардинер указывал, что поздние авторы и схолиасты перечисляли состязания, вошедшие в состав пятиборья, довольно произвольно, и отмечал крайнюю ненадежность сведений поздних схолиастов и лексикографов⁵⁰. У схолиаста Элия Аристиды находим в составе пятиборья панкратион (Schol. Aristid.

---

⁴⁴ Crowther 1992.

⁴⁵ Golden 2004, 3.

⁴⁶ Romano 2021, 215; 217.

⁴⁷ Э. Гардинер полагает, что не стоит придавать большого значения эпиграмме Лукиллия, т. к. в ней автор показывает неудачливого участника пентатлона, который, в противоположность герою эпиграммы Симонида, посвященной Диофонту, оказался не лучшим, а худшим во всех пяти состязаниях. См.: Gardiner 1910, 364.

⁴⁸ Э. Гардинер считает, что у Филострата имеет место «обратный» порядок состязаний, поэтому предлагает рассматривать данные Филострата следующим образом: бег, прыжки, копье, диск, борьба, см.: Gardiner 1910, 361.

⁴⁹ По мнению Э. Гардинера, здесь также «обратный» порядок состязаний, поэтому он интерпретирует данные схолиаста следующим образом: бег, диск, прыжки, копье, борьба, см.: Gardiner 1910, 364.

⁵⁰ Gardiner 1910, 361.

Panath. III.339), а у схолиаста Пиндара — кулачный бой (*Schol. Pind. Olym.* XIII.39).

Можно согласиться с Э. Гардинером, что в источниках чаще всего мы находим просто перечисление состязаний, а не строго установленный порядок их в рамках пентатлона⁵¹. Причем, это перечисление может быть связано как со стихотворным метром (эпиграммы⁵²), с историей пятиборья (Филострат)⁵³, так и с неким повествованием (Артемидор⁵⁴). Возможно, именно эти цели стояли перед автором в каждом конкретном случае, а не желание точно перечислить состав пятиборья⁵⁵.

Большинство исследователей согласно с утверждением, что победителем в пентатлоне считался тот атлет, который одержал победы в трех состязаниях из пяти⁵⁶. Вакхилид посвятил оду пятиборцу Автомедонту из Флиунта, который одержал победу на Немейских играх, став первым в метании копья, диска и в борьбе:

Он сиял среди пятиборцев,
Как лучистая луна полнолуныя
Затмевает звездные светы;

---

⁵¹ Gardiner 1910, 361.

⁵² «Наземь никто из борцов быстрее меня не повержен, / Медленней также никто стадия не пробежал. / Ну, а в метании диска совсем оплошал я; когда же / Прыгать пришлось, — оторвать ног я не мог от земли. / Дротик метнул бы и карлик подалье, а в пятиборье / Первым был назван пять раз среди побежденных лишь я» (*Lucil. Anth. Pal.* XI.84. Пер. Ю. Шульца).

⁵³ «Пятиборье включает в себя оба вида состязаний (легкие и тяжелые): борьба и метание диска относятся к тяжелым; метание дротиков, прыжки и бег — к легким» (пер. Е.П. Орехановой).

⁵⁴ «Заниматься пятиборьем означает, по моим наблюдениям, в любом случае, — во-первых, дальнюю поездку, потому что бег указывает на перемещение из места в место, а во-вторых, штрафы, непредвиденные расходы и нерасчитанные дорожные издержки; на это указывает диск, потому что он медный и вырывается из рук. Далее, часто это означает заботы и огорчения; на это указывают прыжки с тяжестями — недаром, на кого внезапно свалилось несчастье, о тех говорят “сбился с ног”. Далее, это означает пререкания и драки; на это указывает копье с его быстротой и свистом, как у раздраженных слов. Далее, богатым это предвещает распрю из-за земли, а бедным болезнь: на это указывает борьба. Дальнейшее обоснование всему этому покажет дальнейшее изложение» (*Artemidor. Oneirocr.* I.57. Пер. М.Л. Гаспарова под общ. ред. Я.М. Боровского).

⁵⁵ Matthews 1994, 132.

⁵⁶ Gardiner 1910, 366; Harris 1972, 33–34; Sweet 1987, 58; Matthews 1994, 133; Young 2004, 32–33; Crowther 2007, 62; Kyle 2014, 28; Romano 2021, 215.

Без числа окружившим его эллинам
Явил он дивный свой облик,
Метнув кружащий *диск*,
И воздвиг народные клики,
Устремив рукою в крутой эфир
Древко чернолиственной бузины
Или выстояв стремительную *борьбу*.

(*Vacchil. Epinic. IX.27–32*. Пер. М.Л. Гаспарова)

Схолиаст Элия Аристида также отметил, что не все участники пятиборья выигрывают все пять соревнований, т. к. для победы им достаточно выиграть три соревнования из пяти (*Schol. Aristid. Panath. III. 339*; ср.: *Poll. III.151*; *Schol. Aesch. Agam 171*). В то же время в эпиграмме Симонида в честь Диофонта речь идет о том, что он был первым во всех пяти соревнованиях (*Simonid., fr. 153 Bergk*)! Однако, судя по всему, случай с Диофонтом был уникален. Гораздо чаще мы видим, что некоторые авторы упоминают те соревнования, в которых атлетам удалось первенствовать над своими соперниками по пятиборью. Филострат, рассказывая о мифологической истории происхождения пятиборья, упоминает о том, что первым победителем в нем стал Пелей, отец легендарного Ахилла, который был вторым во всех соревнованиях, но победил своих соперников в борьбе, что и обеспечило ему общую победу в пятиборье (*Phil. Gymn. 3*). Вакхилид, говоря о победе Автомедонта из Флиунта, сначала упоминает состязание в метании диска, потом копье и борьбу (*Vacchil. IX.28–36*). В надписи неизвестного пятиборца из Эфеса (II в. н.э.), утверждается, что он был «непобедим в метании диска, непобедим в метании копья» (*IAG 75*).

Если говорить о порядке очередности состязаний в пятиборье, то следует отметить, что большая часть исследователей сходятся на том, что борьба была последней (*Hdt. IX.33*; *Paus. III.11.6*; *Xen. Hell. VII.4.29*; *Vacchyl. IX.27 sqq.*; *Artemidor. Oneirocr. I.57*)⁵⁷. В первую очередь уче-

---

⁵⁷ Концепции, что в пятиборье борьба была последней, придерживается большинство исследователей. Э. Гардинер доказывал, что победа была необходима в трех соревнованиях и что борьба была последним из них, см.: *Gardiner 1903*. М. Фабер считал, что порядок состязаний был таким: прыжки, бег, диск, копья, борьба, см.: *Faber 1891*. Ф. Феде предлагал следующий порядок - бег, метание диска, прыжки, метание копья, борьба, см.: *Fedde 1888*, П. Гарднер — прыжки, метание диска, копья, бег, борьба, см.: *Gardner 1880*. К.Э. Генрих по-

ные опираются на данные Ксенофонта в его рассказе о вторжении элейцев в Олимпию во время Игр 364 г. до н.э., когда аркадяне захватили руководство Играми (Xen. *Hell.* VII.4.29). У Ксенофонта речь идет о соревнованиях по пятиборью, проводившихся в *дромосе* (τὰ δρομικὰ τοῦ πεντάθλου). Э. Гардинер отмечает, что под τὰ δρομικὰ Ксенофонт имел в виду первые четыре соревнования пятиборья, которые проводились на стадионе (т. е. бег, прыжки, метание копья и метание диска)⁵⁸. Косвенным указанием на то, что борьба могла быть последним состязанием в пятиборье может быть история Тисамена из Элиды. Геродот пишет:

Когда Тисамен обращался к дельфийскому оракулу с вопросом относительно потомства, то Пифия отвечала, что он одержит победу в пяти величайших состязаниях. Тисамен не уразумел изречения и занялся гимнастическими упражнениями в надежде одержать победу в гимнастических состязаниях. Вступив в Олимпии в пятиборство с уроженцем Андра Гиеронимом, он одержал в нем победу, за исключением одной лишь борьбы.

(Hdt. IX. 33. Пер. Ф.Г. Мищенко)

Павсаний о победе Тисамена рассказывает более подробно:

Тисамену, бывшему из рода Иамидов в Элиде, было предсказано, что он победит в пяти славнейших состязаниях. Поэтому он стал упражняться в пентатле (пятиборье), но, выступив на Олимпийских играх, он был побежден: в беге и прыжках он победил

дробно обсуждал порядок соревнований, предложенный его предшественниками, и представил свой собственный вариант: бег, прыжки, метание копья, диска, борьба, см.: Henrich 1892. Г. Марквардт предложил следующий порядок пентатлона: бег, прыжки, метание диска, копья, борьба, и заявил, что все пять состязаний должны были быть завершены всеми атлетами, см.: Marquardt 1886. Е. Майерс сделал вывод на основе данных Пиндара (Pind. *Nem.* 7), что метание копья было третьим состязанием, см.: Myers 1881. Й. Эберт предложил следующий порядок соревнований: метание диска, прыжки, метание копья, бег, борьба, см.: Ebert 1963. Этой же точки зрения придерживаются и современные ученые. См.: Bean 1956, 363; Harris 1972, 33-34; Matthews 1994, 132; Young 2004, 32; Crowther 2007, 62. В. Свит полагает, что нет достоверных свидетельств источников о порядке пентатлона, но борьба, видимо, была последней, см.: Sweet 1987, 34.

⁵⁸ Gardiner 1910, 362.

Гиеронима с Андроса, но был им побежден в борьбе, и таким образом, обманувшись в надежде на победу, он понял, что означало пророчество, а именно, что бог дает ему возможность и предсказать и самому участвовать как победителю в пяти военных состязаниях.

(Paus. III.11.6. Пер. С.П. Кондратьева)

Таким образом, у Тисамена была победа в двух состязаниях из пяти — в беге и в прыжках, но в последнем состязании, т. е. в борьбе, он проиграл Иерониму с Андроса, и в результате проиграл всё пятиборье. Кроме того, интерес представляет также надпись Акматиды из Спарты о победе на Олимпийских играх в пятиборье в 500 г. до н.э. (70-я Олимпиада), где Акматид победил *akoniti* («без пыли») (IAG 8 = SEG XI 1215). Победы *akoniti* чаще всего встречались в единоборствах, но для пятиборья случай с Акматидом был единственным примером⁵⁹. Л. Моретти полагал, что термин *akoniti* был применим к борьбе, а не ко всему пятиборью, т. е. Акматид выиграл «без пыли» не всё пятиборье, а пятиборье без борьбы, т. е. после четвертого состязания, при условии, что борьба была пятым соревнованием⁶⁰. То, что борьба завершала пятиборье, можно объяснить также тем, что это было самое тяжелое соревнование из пяти, и после него атлету уже сложно было бы лучшим образом выступить в других соревнованиях.

Каким мог быть порядок других соревнований пятиборья, если предположить, что борьба была последней? Разумной кажется теория Дж. Бина (которую потом разовьет Г. Харрис) о том, что «первая триада» состязаний должна относиться к трем видам спорта, которые составляли ядро пятиборья, т. е. к метанию диска, копья и к прыжкам⁶¹. Эти дисциплины проводились только в рамках пятиборья (ἵδια τῶ πεντάθλῳ) (Poll. III.151). Одним из факторов в пользу этого аргумента, который отметил Дж. Бин, является то, что в этих трех соревнованиях наличие большого количества участников не создавало больших трудностей в организации пятиборья (которое проводили в течение одного дня), в отличие от бега или борьбы, где были необходимы отборочные туры для большой группы бегунов или раунды для борцов⁶². Именно

---

⁵⁹ Golden 2004, 6.

⁶⁰ Moretti 1953 19: ср.: Matthews 1994, 132.

⁶¹ Bean 1956; Harris 1972.

⁶² Bean 1956; Sweet 1983, 290. Стартовая линия в Олимпии могла вместить только 20 бегунов, в Немее — только 12 или 13 атлетов (ср.: Harris 1964, 66 ff.).

этим трем состязаниям требовался спортивный инвентарь (копье, диск, гири-халтеры). Д. Кайл полагает, что в Олимпии пятиборье в первую очередь состояло из трех состязаний, образующих так называемое «ядро пятиборья» — метания диска, прыжков и метания копья, тогда как бег и борьба были позднее добавлены, чтобы помочь определить общего победителя⁶³. Э. Гардинер отмечал, что изображения прыжков, метание копья и диска часто встречаются на панафинейских амфорах⁶⁴. Именно состязания в прыжках, метании копья и диска сопровождалась игрой на пифийской флейте, которую, согласно преданию, ввел сам Аполлон. Пифокрита из Сикиона, многократного пифионика, Павсаний упоминал как музыканта, который в Олимпии во время состязаний в пентатлоне шесть раз играл на флейте (Paus. VI.14.5). В. Метьюз предположил, что все участники пентатлона должны были принять участие в первой тройке состязаний, и только победитель каждого из этих соревнований переходил к следующему этапу — бегу и (при необходимости) к борьбе⁶⁵.

В рамках первой «тройки» состязаний метание копья, возможно, было на третьем месте. Некоторые данные эпиникиев Вакхилида и Пиндара можно рассматривать как пример того, что метание диска предшествовало метанию копья (Vaschil. IX.30–36; Pind. *Nem.* V.72; *Isthm.* II.30). Э. Гардинер отмечает, что на двух призовых панафинейских вазах, метание копья было изображено между прыжком и метанием диска⁶⁶. В оде, посвященной Автомедонту из Флиутна, Вакхилид отмечал, что тот одержал победу в пятиборье, став первым в метании диска и копья и в борьбе (Vaschil. IX.28–36). Этот же порядок состязаний мы видим в надписи некоего пятиборца из Эфеса, где утверждалось, что он «непобедим в метании диска, непобедим в метании копья» (*IAG* 75). Интересен VII Немейская ода Пиндара, посвященная победе в пятиборье Согена из Эгины (Pind. *Nem.* VII.70–74)⁶⁷. В. Метьюз полагает, что если метание копья шло в пятиборье на третьем месте, то это был последний шанс для атлета, который не выиграл ранее метание диска или прыжки, остаться в соревнованиях. Если ему удавалось выиграть метание копья, он тогда мог принять участие в беге или в борьбе

---

⁶³ Kyle 2007, 117–118.

⁶⁴ Gardiner 1910, 361.

⁶⁵ Matthews 1994, 133–135; ср.: Sweet 1987, 38.

⁶⁶ Gardiner 1910, 365.

⁶⁷ Lee 1976; Segal 1968; Harris 1964; Sweet 1983, 287; 289.

для победы в пятиборье⁶⁸. Что касается остальных состязаний, то у нас есть только данные фрагментарно сохранившейся надписи с Родоса (*SEG XV 501*), из которой следует, что метание диска было первым, а прыжок — вторым состязанием⁶⁹.

Очередность состязаний пентатлона напрямую связана с такой важной проблемой, как определение в нем победителя. В научной литературе ведутся споры о способах начисления баллов, вторых местах, системах отсева атлетов, эфедров, жеребьевок и матчей-реваншей⁷⁰. Для выбора победителей в пятиборье, возможно, использовали систему баллов или систему выбывания атлетов после третьего или четвертого состязания. Некоторые атлеты выигрывали первые три состязания, и становились победителями. Так, Аврелий Поликрат из Кибиры (Ликия), бегун и пятиборец (III в. н.э.), дважды побеждал в пятиборье, выигрывая «первые три состязания» (*IAG 82*)⁷¹. Тисамен из Элиды победил Гиеронима с Андроса в беге и прыжках, но проиграл ему в борьбе и во всем состязании в целом (*Paus. III.11.6–7*).

Наибольшей популярностью пользуется теория Г. Харриса, который поддерживает мнение о системе отсева атлетов, при которой учитываются только первые места⁷². В 1972 г. Г. Харрис пересмотрел свою теорию и заново сформулировал основные положения пятиборья. Согласно новой теории, в соревнованиях участвовали только те атлеты, которые выиграли одно из первых трех соревнований. Если атлет выигрывал первые три соревнования, то он объявлялся победителем. А если не было атлета, который бы выиграл первые три состязания, то тогда, по теории Г. Харриса, было две возможности. Согласно первой, в следующий этап борьбы выходили два атлета — атлет А с двумя победами и атлет В с одной победой. Они состязались в беге, и если атлет А побеждал, он выигрывал и пятиборье, т. к. у него в общей сложности было три победы. Если же в беге побеждал атлет В, то у обоих атлетов теперь было по две победы, и они выходили в финал, где проводилось пятое решающее соревнование пятиборья — борьба. Но мог быть и другой вариант развития событий, при котором после трех первых соревнова-

---

⁶⁸ Matthews 1994, 134.

⁶⁹ Miller 1991, 50, no. 46.

⁷⁰ Sweet 1987, 56–59; Weiler 1988, 191; Kyle 1990; Lee 1995; Egan 2007. Е. Флойд говорит об изменении порядка проведения соревнований в более поздний период: Floyd 1965, 145.

⁷¹ Moretti 1953, 239–241.

⁷² Harris 1964.

ний в следующий этап борьбы выходили три атлета (А, В и С), у каждого из которых было по одной победе. В следующем этапе они состязались между собой в беге. И тогда если побеждал атлет А, это давало ему две победы; в силу этого он получал преимущества, подобно эфедру, т. к. ожидал для решающей схватке в борьбе своего противника, который определялся в «полуфинальной» борьбе между атлетами В и С. Победитель этого «полуфинала» выходил в финал, где боролся с атлетом А⁷³. Д. Кайл принимая в целом систему Г. Харриса, предполагал что необходимый «полуфинальный» отборочный раунд между атлетами В и С мог проводиться не в борьбе, а в беге, чтобы в финале полуфиналист мог сохранить силы для борьбы⁷⁴.

Таким образом, можно предположить, что начиналось пятиборье с метания диска, за которым следовали прыжки, метание копья, и если не было выявлено победителя первых трех соревнований, то атлеты переходили к бегу и борьбе. Этот порядок кажется наиболее вероятным еще и по тому, что соревнования расположены в таком порядке, при котором учитывалось чередование агонов с наибольшим напряжением мышц рук или ног. Таким образом, возможно, что именно борьба или бег определяли победителя в пятиборье.

Р. Меркельбах отмечал, что при описании первых четырех соревнований авторы часто упоминали «двойные» победы, т. е. один и тот же спортсмен мог выиграть в рамках пятиборья прыжок и бег (как Тисамен) или два броска (как Автомедонт или атлет из Эфеса, который победил в метании диска и копья)⁷⁵. Это могло быть следствием того, что два состязания из пяти требовали сходной подготовки. Например, в современном спорте часто встречается победа легкоатлетов как в спринте, так и в прыжках в длину⁷⁶. Метания диска и копья на первый взгляд не

---

⁷³ Harris 1972.

⁷⁴ Kyle 1990.

⁷⁵ Merkelbach 1973.

⁷⁶ На Играх XI Олимпиады в 1936 г. В Берлине американский легкоатлет Джеймс Оуэнс завоевал 4 золотые медали, выиграв забеги на 100 м и 200 м, эстафету 4 по 100 м и прыжки в длину (8 м 06 см) (см.: Зеличенко и др. 2013, 143). На Играх XXIII Олимпиады в 1984 г. в Лос-Анжелесе американский легкоатлет К. Льюис стал первым в беге на дистанциях 100 м и 200 м, в эстафете 4 по 100 м, а также в прыжках в длину (позднее, он завоевал золото в беге на дистанции 100 м и в прыжках в длину, серебро в беге на 200 м на Играх XXIV Олимпиады в Сеуле 1988 г., две золотые медали в прыжках в длину и в составе эстафеты 4 по 100 м на Играх XXV Олимпиады 1992 г. в Барселоне и стал 9-кратным олимпийским чемпионом, завоевав золотую медаль в прыжках в длину

так тесно связаны. Филострат классифицировал метание диска и борьбу как «тяжелые» дисциплины, но отнес метание копья с прыжком и разбегом к «легким» (Philostr. *Gymn.* 3). Но В. Метьюз предположил, что у хорошего метателя диска больше шансов победить спринтера в метании копья, чем наоборот⁷⁷. Если предположить, что первые три соревнования — метание диска, прыжки, метание копья, и если в них не было одного победителя, т. е. победившего во всех трех видах, то тогда победа в пятиборье решалась или в беге, или в финальной борьбе между двумя двукратными победителями первых четырех соревнований. М. Голден полагает, что чаще всего пятиборцы были бегунами, чем борцами⁷⁸. Поэтому, возможно, у них было больше шансов победить в беге, минуя тяжелый этап борьбы. На панэллинских играх только в исключительных случаях победитель пятиборья мог одержать дополнительные победы как в беге, так и в единоборстве. Ксенофонт из Коринфа, олимпийской победе которого Пиндар посвятил оду, был выдающимся спринтером, единственным атлетом, выигравшим на одних Олимпийских играх (79-я Олимпиада, 464 г. до н.э.) пятиборье и короткий бег (Pind. *Olym.* XIII; Paus. IV.24.5; Athen. XIII.573e–574b). Юный Эвтелид из Спарты в 628 г. до н.э. на 38-й Олимпиаде стал первым (и единственным!) олимпийцем в пятиборье среди мальчиков и также первым среди юных атлетов одержал победу в борьбе (Paus. V.9.1; VI.15.8; *IG* II² 2326). Однако чаще всего пятиборцы одерживали дополнительные победы в разных видах бега. Горг из Элиды (III в. до н.э.), четырехкратный олимпийский чемпион в пятиборье, был также олимпийцем в двойном беге и в гошпитодроме (Paus. VI.15.9). Эвполид из Элиды, который дважды одержал победу в пятиборье на Пифийских играх и один раз на Немейских играх, на 96-й Олимпиаде (396 г. до н.э.) стал победителем в коротком беге (Paus. VI.3.7; VIII.45.4). Фаилл из Кротона на Пифийских играх был дважды первым в пятиборье и один раз победил в коротком беге (Paus. X.9.2; ср.: Aristoph. *Acharn.* 215; *Vesp.* 1206)⁷⁹.

на Играх XXVI Олимпиады 1996 г. в Атланте). См.: Зеличенко и др. 2012, 591. Американская легкоатлетка Джесси Джойнер-Керси завоевала золотые медали и как победительница женского семиборья, и в прыжках в длину на Играх XXIV Олимпиады в Сеуле в 1988 г., а на Играх XXVI Олимпиады в 1996 г. в Атланте она повторила свой успех в семиборье и завоевала бронзу в прыжке в длину. См.: Зеличенко и др. 2012, 233-234.

⁷⁷ Matthews 1994, 135.

⁷⁸ Golden 2004, 130.

⁷⁹ Decker 2012, 86.

Таким образом, соревнования в античном пятиборье стали своеобразным итогом развития легкой атлетике в программе Олимпийских игр, т. к. после пятиборья в нее был добавлен только бег вооруженных гоплитов. Пентатлон на Олимпийских играх, возможно, был первым в истории античного спорта примером многоборья, и именно в Олимпии были сформированы правила этого состязания и его состав (метание диска, прыжки, метание копья, бег и борьба). Можно предположить, что «ядро пятиборья» состояло в первую очередь из состязаний, которые отсутствовали в программе панэллинских игр, как отдельные агоны (метание диска, прыжки и метание копья). Вероятно также, что если в этих трех состязаниях не было абсолютного победителя, то судьба пятиборья решалась в беге или в борьбе.

Литература

- Белоусов, Л.С. и др. 2016: Белоусов, Л.С., Ватлин, А.Ю., Стрелков, А.В. *Олимпийское движение: история и современность*. М.
- Гвоздева, Т.Б. 2013: *Олимпийские игры античности (от мифа к истории)*. М.
- Гвоздева, Т.Б., Логинов, А.В. 2018: Суд и судейство Ахилла на погребальных играх в «Илиаде» Гомера. *ДВАМ* 8, 122–146.
- Гвоздева, Т.Б. 2019: Возрастные категории атлетов на Олимпийских играх античности. *Современный юрист*. 3(28), 28–37.
- Гвоздева, Т.Б. 2021а: Хронология Олимпийских игр (от античности до наших дней). В кн.: *Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности)*. СПб., 292–424.
- Гвоздева, Т.Б. 2021б: Право участия в Великих Панафинейях. В кн.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Гвоздева (отв. ред.), *Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В.И. Кузицина*. СПб., 258–300.
- Гвоздева, Т.Б. 2022а: Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх. *Вестник РУДН. Серия Всеобщая история*. 14(3), 243–256.
- Гвоздева, Т.Б. 2022б: Атлеты Древней Греции на панэллинских играх. В кн.: Ф.А. Михайловский (отв. ред.; Ю.В. Куликова сост., общ. ред.), *Древний мир: История и археология*. М., 113–128.
- Зеличенко, В.Б. и др. 2012: Зеличенко, В.Б., Спичков В.Н., Штейнбах В.Л. *Легкая атлетика. Энциклопедия*. Т. 1. М.
- Зеличенко, В.Б. и др. 2013: Зеличенко, В.Б., Спичков В.Н., Штейнбах В.Л. *Легкая атлетика. Энциклопедия*. Т. 2. М.
- Курберген, П. де. 2011: *Олимпийские мемуары*. М., 2011.
- Олимпийские игры в политике... 2021: *Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности)* / отв. ред. В.О. Никишин. СПб.

- Традиции античного олимпизма... 2015: *Традиции античного олимпизма в мировой культуре: от древности до наших дней* / под ред. Т.Б. Гвоздевой. М.
- Bean, G.E. 1956: Victory in the Pentathlon. *AJA* 60, 361–368.
- Breen, F. 1972: Die Leibesübungen im alten Griechenland. In: H. Überhorst (hg.), *Geschichte der Leibesübungen*. Bd. II. Berlin–München–Frankfurt, 82–167.
- Crowther, N.B. 1992a: Second-place finishes and lower in Greek athletics (including the Pentathlon). *ZPE* 90, 97–102.
- Crowther, N.B. 1992b: Rounds and byes in Greek athletics. *Stadion* 18, 68–74.
- Crowther, N.B. 2007: *Sport in Ancient Times*. London.
- Decker, W. 2012: *Sport in der griechischen Antike: vom minoischen Wettkampf bis zu den Olympischen Spielen*. Hildesheim.
- Dougherty, C. 1994: Archaic Greek foundation poetry: Questions of genre and occasion. *JHS* 114, 35–46.
- Ebert, J. 1963: *Zum Pentathlon der Antike*. Berlin.
- Ebert, J. 1972: *Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen*. Berlin.
- Ebert, J. 1974: Noch einmal zum Sieg im Pentathlon. *ZPE* 13, 257–262.
- Egan, R. 2007: How the Pentathlon was won: Two pragmatic models and the evidence. *Phoenix* 61, 39–54.
- Faber, M. 1891: Zum Funfkampf der Griechen. *Philologus* 50, 469–498.
- Fedde, F. 1888: *Der Funfkampf der Hellenen*. Breslau.
- Floyd E.D., 1965: Pindar's oath to Sogenes. *TAPhA* 96, 139–151.
- Gardiner, E.N. 1903: The method of deciding the Pentathlon. *JHS* 23, 54–70.
- Gardiner, E.N. 1910: *Greek Athletic Sports and Festivals*. London.
- Gardiner, E.N. 1930: *Athletics of the Ancient World*. Oxford.
- Gardner, P. 1880: The Pentathlon of the Greeks. *JHS* 1, 210–223.
- Golden, M. 2004: *Sport in the Ancient World from A to Z*. London–New York.
- Golden, M. 2015: *Children and Childhood in Classical Athens*. Baltimore.
- Harris, H.A. 1964: *Greek Athletes and Athletics*. London.
- Harris, H.A. 1972: *Sport in Greece and Rome*. London–Ithaca–New York.
- Henrich, K.E. 1892: *Über das Pentathlon der Griechen*. Diss. Würzburg.
- Kyle, D.G. 1990: Watching and winning the Greek Pentathlon. *JSH* 17, 291–305.
- Kyle, D.G. 2007: *Sport and Spectacle in the Ancient World*. Malden.
- Kyle D.G. 2014: Greek Athletic Competitions: The Ancient Olympics and More. In: P. Christesen, D.G. Kyle (ed.), *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Malden, MA–Oxford–Chichester, 21–35.
- Lee, H.M. 1976: The TEPMA and the javelin in Pindar Nemean VII 70–3, and Greek athletics. *JHS* 96, 70–79.
- Lee, H.M. 1995: Yet another scoring system for the ancient Pentathlon. *Nikephoros* 8, 41–55.
- Marquardt, H. 1886: *Zum Pentathlon der Hellenen*. Progr. Gustrow.
- Matthews, V. 1994: The Greek Pentathlon again. *ZPE* 100, 129–138.
- Merkelbach, R. 1973: Der Sieg im Pentathlon. *ZPE* 11, 261–269.
- Miller, S.G. 1975: The Pentathlon for boys at Nema. *CSCA* 8, 199–201.

- Miller, S.G. 1990: *Arete. Greek Sports from Ancient Sources*. Berkeley–Los Angeles.
- Miller, S.G. 2004: *Ancient Greek Athletics*. New Haven–London.
- Moretti, L. 1953: *Iscrizioni agonistiche greche*. Roma.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici*. Roma.
- Moretti, L. 1987: Nuovo supplemento al catalogo degli Olympionikai. *MGR* 12, 67–91.
- Myers, E. 1881: The Pentathlon. *JHS* 2, 217–21.
- Olivova, V. 1984: *Sports and Games in the Ancient World*. London.
- Potter, D. 2012: *The Victor's Crown: A History of Ancient Sport from Homer to Byzantium*. Oxford.
- Romano, D.G. 2021: Greek footraces and field events. In: A. Futrell, T. Scanlon (eds.), *The Oxford Handbook of Sport and Spectacle in the Ancient World*. Oxford, 209–220.
- Segal, C. 1968: Two agonistic problems in Pindar, Nemean 7.70–4 and Pythian 1.42–45 *GRBS* 9, 31–45.
- Swaddling, J. 2008: *The Ancient Olympic Games*. London.
- Sweet, W.E. 1983: A new proposal for scoring the Greek Pentathlon. *ZPE* 50, 287–290.
- Sweet, W.E. 1987: *Sport and Recreation in Ancient Greece. A Sourcebook with Translations*. Oxford.
- Weiler, I. 1988: *Der Sport bei den Völkern der alten Welt*. Darmstadt.
- Young, D.C. 2004: *A Brief History of the Olympic Games*. London.

С.К. Сизов

**Е.А. МОЛЕВ И ДИСКУССИЯ О «ПРОТОЭЛЛИНИЗМЕ»
И ЭЛЛИНИЗМЕ НА БОСПОРЕ***

Аннотация. Е.А. Молев, крупный и авторитетный исследователь боспорской истории, имел собственную концепцию относительно типологической характеристики Боспорского государства на различных этапах его существования. Главным элементом этой концепции представляется неизменная оценка Боспора как очень своеобразного государства полисного типа в течение всего правления Спартокидов, а может быть, и после них. Е.А. Молев не видел необходимости в том, чтобы отождествлять Боспор III–II вв. до н.э. с эллинистическими монархиями, созданными преемниками Александра, и тем более не видел смысла в использовании термина «протоэллинизм» для характеристики социально-политических процессов на Боспоре в более ранний период.

Ключевые слова: эллинизм, Боспорское царство, полис, тирания, деспотическая монархия.

Sergey K. Sizov

**E.A. MOLEV AND THE DISCUSSION ON “PROTOHELLENISM”
AND HELLENISM IN THE BOSPORUS**

Abstract. E.A. Molev, a prominent and authoritative researcher of Bosporan history, had his own conception of the typological characteristics of the Bosporan state at different stages of its existence. The main element of this conception is the constant assessment of the Bosporus as a very peculiar state of the *polis* type during the entire reign of the Spartokids, and perhaps even after them. E.A. Molev did not see the need to identify the Bosporan state in the 3rd and 2nd centuries BCE with the Hellenistic monarchies created by Alexander’s successors, and even more so, did not see any sense in using the term “proto-Hellenism” to characterize the socio-political processes in the Bosporus in the earlier period.

Keywords: Hellenism, Bosporan kingdom, *polis*, tyranny, despotic monarchy.

Дискуссия о типологической характеристике Боспорского государства в позднеклассический и эллинистический периоды имеет давнюю историю. Еще М.И. Ростовцев отмечал уникальность «боспорского феномена», назвав государство Спартокидов «очень своеобразным и единственным явлением в конституционной истории античного мира», которое нельзя отнести полностью ни к младшей тирании, ни к эллинистической монархии. До конца IV в. до н.э. конституционный строй Боспора все-таки больше напоминал тиранию, а затем был перестроен на эллинистических началах, так что стал «приближаться к тому положению, в котором находились Пергамское царство и другие, более мелкие малоазийские эллинистические монархии»⁸⁰. По мнению С.А. Жебелёва, элементы эллинистической государственности появились там еще ранее — в начале IV в. до н.э., так что Боспор можно поставить в один ряд с такими эллинистическими царствами, как Пергам Вифиния или Понт⁸¹. В дальнейшем эту мысль стал развивать В.Д. Блаватский, который ввел в научный оборот понятие «протоэллинизм» для обозначения процессов, происходивших в позднеклассический период на Боспоре, где государство эллинистического типа, как он считал, сложилось задолго до восточного похода Александра⁸². Идея почти полного сходства между Боспором IV в. до н.э. и возникшими позднее эллинистическими монархиями была поддержана и некоторыми другими исследователями⁸³, однако встретила и серьезные возражения.

Развернутой критике концепция «протоэллинизма»⁸⁴ на Боспоре была подвергнута в работах Ф.В. Шелова-Коведяева, Ю.Г. Виноградова,

---

* Автор выражает благодарность А.А. Завойкину за помощь в подготовке данной публикации.

⁸⁰ Ростовцев 1989, 183, 193; Rostovtzeff 1930, 582–588; 1941, 597–598.

⁸¹ Жебелёв, 1953, 158.

⁸² Блаватский 1959, 14–20; 1964, 59; 1985, 109–132. Чертами эллинизма на Боспоре в IV в. до н.э. он считал смешанный, греко-варварский характер государственности и культуры, градостроительство, подобное тому, которое развернулось в Азии со времени Александра, и некоторые другие признаки. Полноценная эллинистическая монархия, с его точки зрения, окончательно сформировалась на Боспоре в правление Эвмела (Блаватский 1985, 130–131).

⁸³ См., в частности: Яйленко 1990, 308–309; Андреев 1996, 16.

⁸⁴ Следует различать понятия «протоэллинизм» и «предэллинизм», хотя в некоторых исследованиях между ними ставится знак равенства (Сапрыкин 2017, 132: «Теория протоэллинизма (=предэллинизма) получила убедительную долю критики»; Суриков 2014, 96, примеч. 51: «эти два термина могут употребляться как взаимозаменяемые синонимы»). В работах Э.Д. Фролова, который

А.А. Завойкина, С.Ю. Сапрыкина, хотя и с несколько разных позиций⁸⁵. В конечном итоге все эти исследователи согласны с тем, что Боспор при Спартокидах представлял собой государство полисного типа, хотя и отличавшееся рядом особенностей: обширная варварская периферия, удивительно долговечный тиранический режим, почти полное отсутствие признаков автономии «малых городов» в рамках этого «мегаполиса» (по выражению А.А. Завойкина⁸⁶) или «территориально-тиранической державы» (по определению Ю.Г. Виноградова)⁸⁷. В то же время на Боспоре времен Спартокидов не наблюдаются такие характерные черты эллинистических монархий, как верховная собственность царя на землю, династийный культ монархов и некоторые другие. Ю.Г. Виноградов в свое время высказал мнение, затем подробно обоснованное в работах С.Ю. Сапрыкина, согласно которому настоящая эллинистическая государственность была принесена на Боспор только Митридатом Евпатором⁸⁸.

Тем не менее, концепция «протоэллинизма», а затем полноценного эллинизма во времена Спартокидов в недавние годы нашла себе новых сторонников. В частности, А.В. Подосинов, вновь перечислив черты сходства между государством Спартокидов и эллинистическими монархиями Востока, пришел к выводу, что «если и не называть период истории Боспора до эллинизма “протоэллинизмом”, то типологически это явление одного порядка с эллинизмом»⁸⁹, поскольку «греко-

---

активно использовал второй из указанных терминов, под «предэллинизмом» понимается совокупность исторических обстоятельств и процессов, которые способствовали наступлению эллинистической эпохи (Фролов 1990, 14–15; 1996, 53–60), но никак не возникновение близких прототипов эллинистического государства в позднеклассическую эпоху, что подразумевал под «протоэллинизмом» В.Д. Блаватский. Напротив, Э.Д. Фролов подчеркивал, что «младшая тирания и греко-македонская эллинистическая монархия являют собою два различных исторических типа», которые не состояли между собой ни в каком генетическом родстве (Фролов 1990, 52–53). См. об этом также: Габелко 2016, 270.

⁸⁵ Шелов-Коведяев 1985, 182–186; Виноградов 1990, 247–248; Сапрыкин 2003, 28–30; 2017, 132–139; Завойкин 2001, 150–180; 2014, 21–26; 31–34; 41–43; 2018, 42–47.

⁸⁶ Завойкин 2007, 235–236; 2014, 44; 2018, 46; 2021, 177.

⁸⁷ Виноградов 1990, 247.

⁸⁸ Виноградов 1990, 247–248; Сапрыкин 2002, 266–268; 2003, 29–30; 2008, 229–234; 2017, 140–143.

⁸⁹ Подосинов 2014, 136.

варварский симбиоз, который усматривают на Боспоре многие исследователи, не мог не приводить к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа»⁹⁰. Тезис о том, что породившие эллинизм процессы проявились на Боспоре раньше, чем во многих других частях греческого мира, поддержал и И.Е. Суриков⁹¹, хотя и из иных соображений, которые определяются его пониманием главного существенного различия между классикой и эллинизмом как изменения общественной психологии греков «от гражданина к подданному»⁹². Таким образом, дискуссия о типологической характеристике государства Спартокидов на Боспоре продолжается и далека от завершения.

Е.А. Молев, разумеется, не мог не высказать собственную точку зрения по вопросу о протоэллинизме и эллинизме на Боспоре. В этой связи заслуживают особого внимания его публикации, которые специально посвящены типологии Боспорского государства при Спартокидах. Первая из них вышла в свет в «Вестнике Нижегородского университета» за 1996 г. под названием: «Политическая структура Боспорского государства при поздних Спартокидах»⁹³. В этой статье Е.А. Молев вначале подробно останавливается на вопросе о том, как было организовано Боспорское государство в ранний период правления Спартокидов, и приходит к следующим выводам. Форму власти, сложившуюся на Боспоре к началу IV в. до н.э., он, применяя термин, достаточно устоявшийся в историографии, именует корпоративной тиранией (что означает одновременное пребывание у власти нескольких представителей правящей династии в качестве соправителей). Административная система Спартокидов, пишет Е.А. Молев, первоначально формировалась практически полностью на полисной основе, однако позднее дополнялась системой территориально-этнических округов, управляемых членами династии и «друзьями» тиранов⁹⁴. Полисы пользовались внутренней автономией, причем пограничные города имели особый статус.

---

⁹⁰ Подосинов 2018, 168.

⁹¹ Суриков 2014, 116–117.

⁹² Суриков 2014, 103–116; 2015, 19–67; 2018, 64–103.

⁹³ Цитируется по изданию: Молев 2017, 90–104.

⁹⁴ В более поздней работе Е.А. Молев называет Боспор «территориальным или надполисным государством» (Молев, 2012, 77). Тем не менее, он всегда продолжал считать Боспор государством полисного типа. В одной из последних своих работ Е.А. Молев в принципе согласился с концепцией А.А. Завойкина, согласно которой Боспор представлял собой огромный полис, образовавшийся путем «принудительной симполитии» (Молев 2019, 8–9).

Подчиненные Боспору варвары сохраняли свою социальную и экономическую организацию и уплачивали дань Спартокидам. На территории Боспора существовало три категории земельных угодий: полисные земли, территории, находившиеся в собственности племен, и отдельный земельный фонд, принадлежавший тиранам. Опорой этой тирании являлось наемное войско, союзные скифы, а также землевладельческая и торговая аристократия внутри греческой общины Боспора⁹⁵.

В начале эллинистического периода, отмечает Е.А. Молев, известные события, описанные Диодором (XX.22.1–26.2) и связанные с захватом единоличной власти Эвмелом, «должны были привести к изменению формы организации государственной власти. Корпоративная тирания должна была бы уступить место наследственной монархии»⁹⁶. Однако эта попытка не удалась, как считает Е.А. Молев, прежде всего из-за возмущения, которое действия Эвмела вызвали у гражданского коллектива. Тот эпизод в рассказе Диодора (XX.24.4), где говорится о созыве Эвмелом народного собрания и объявленных им уступках, включая восстановление «отеческого строя», Е.А. Молев считает безусловным доказательством того, что народное собрание представляло собой «достаточно важный политический орган государства, и попытка этого правителя изменить существующее государственное устройство Боспора оказалась неудачной в значительной степени из-за противодействия граждан. Следовательно, и его авторитарный режим вынужден был считаться с силой полисных традиций, сотрудничать с гражданской общиной и сохранять ее как социально-политическое целое»⁹⁷. Таким образом, преобразование корпоративной тирании в монархию эллинистического типа не состоялось. «Организационная структура государственной власти на Боспоре при Эвмеле сохранилась в прежнем виде. Не изменилась она и далее, вплоть до падения династии Спартокидов»⁹⁸. Изменения в титулатуре правителей со времени Спартока III, который стал именоваться царем не только подвластных племен, но и самого Боспора, в организации государства принципиально ничего не

---

⁹⁵ Молев 2017, 90–95.

⁹⁶ Молев 2017, 96.

⁹⁷ Молев 2017, 99. Здесь Е.А. Молев противопоставляет свою оценку довольно распространенной точке зрения, согласно которой созыв народа Эвмелом не имел государственно-правового значения, а явился лишь способом объявить населению о будущей политике правителя (см., в частности: Шелов-Коведяев 1985, 151; Иванчик 2018, 74).

⁹⁸ Молев 2017, 100.

изменило⁹⁹. Лишь изменение общей ситуации на Боспоре и в Северном Причерноморье в течение второй половины III и во II в. до н.э. ослабило экономическую и социальную базу власти Спартокидов, «сохранение же прежней формы государственного устройства — корпоративной тирании — в таких условиях неизбежно вело к падению правящей династии»¹⁰⁰.

О том, насколько изменилось государственное устройство Боспора по окончании долгого правления Спартокидов и после включения Боспора в состав Понтийского царства, Е.А. Молев пишет в другой работе, опубликованной в 2001 г. в сборнике «Из истории античного общества» и озаглавленной: «Политическое положение Боспора в составе Понта»¹⁰¹. Необходимо подчеркнуть, что Е.А. Молев считал Боспор не обособленным государством, которое объединяла с Понтом только личная уния, а неотъемлемой частью Понтийского царства в составе одной из его провинций¹⁰². Отсюда следует важный вывод: «Превращение Боспора в составную часть Понта вызвало необходимость приведения его государственной системы в соответствие с системой управления и законодательства Понта», что выразилось, прежде всего, в установлении права верховной собственности понтийского царя на полисные и племенные земли. «Характер этих изменений, — отмечает Е.А. Молев, — вполне соответствовал духу эллинистических государств»¹⁰³. Еще одно нововведение Митридата — предоставление внутренней автономии городам Боспора по примеру малоазийских полисов — Е.А. Молев оценивает, вслед за Ю.Г. Виноградовым¹⁰⁴, как «начало эллинизма на Боспоре»¹⁰⁵.

Наконец, третье исследование Е.А. Молева, опубликованное в издании «Боспорский феномен» в 2013 г., целиком посвящено рассматриваемой здесь проблеме. Оно называется «Прото-, просто и постэллинизм на Боспоре»¹⁰⁶. В этой небольшой по объему работе Е.А. Молев высказал свое отношение к различным точкам зрения по вопросу о том, «в

---

⁹⁹ Молев 2017, 100–102; тот же вывод: Завойкин 2014, 31–32; 2018, 47; Сапрыкин 2017, 138.

¹⁰⁰ Молев 2017, 104.

¹⁰¹ Цитируется по изданию: Молев 2017, 122–130.

¹⁰² Молев 2017, 122–124; Molev 2009, 321–328.

¹⁰³ Молев 2017, 125.

¹⁰⁴ Vinogradov 1993, 143.

¹⁰⁵ Молев 2017, 126.

¹⁰⁶ Цитируется по изданию: Молев 2017, 131–134.

какой мере Боспор можно считать государством эллинистического типа»¹⁰⁷, и вкратце обосновал собственную позицию. Во-первых, он согласился с мнением о том, что термин «протоэллинизм» является неудачным «по вполне очевидным причинам»¹⁰⁸. Во-вторых, Е.А. Молев отметил, что «в процессе формирования Боспорского государства постепенно складывались и такие черты, которые оказались свойственными и эллинистическим государствам», а именно:

- завоевание как способ укрепления государства;
- процесс этнического и культурного взаимодействия эллинов и местного населения, формирование этнической общности «боспорян»;
- царская титулатура Спартокидов;
- божественные почести Перисаду I (Strabo. VII.4.4);
- наемная армия, как опора власти правителя;
- филэллинская внешняя политика Спартокидов, которая выразилась «в предоставлении льгот и привилегий отдельным эллинским полисам, прежде всего Афинам»¹⁰⁹.

Однако достаточно ли перечисленных признаков для того, чтобы предположить, что в период эллинизма государственная система Боспора подверглась перестройке? «Определенные изменения в политической системе Боспора, — пишет Е.А. Молев, — могли происходить и под влиянием эллинистических монархий с учетом их могущества. Однако реальным среди таких изменений можно, пожалуй, назвать только постепенное закрепление в титулатуре Спартокидов наименования “царь”, хотя и титул «архонт» применялся время от времени вплоть до последнего Перисада». Отсюда следует достаточно определенный вывод: «Таким образом, называть Боспор при Спартокидах государством эллинистического типа достаточных оснований я пока не вижу. Это был, конечно же, своеобразный государственный организм, но основой его был полис, постепенно расширяющийся в результате завоевательной деятельности своих тиранов и вышедший в итоге за свои тесные рамки»¹¹⁰.

Таким образом, Е.А. Молев подтвердил высказанный им ранее тезис, согласно которому Боспор в течение всего времени правления Спартокидов был государством полисного типа, а не эллинистической монархией. Однако в заключение рассматриваемой работы он все же

---

¹⁰⁷ Молев 2017, 131.

¹⁰⁸ Молев 2017, 132.

¹⁰⁹ Молев 2017, 132–133.

¹¹⁰ Молев 2017, 133. Та же мысль: Молев 2016, 13.

высказывает мнение, которое не совпадает с точкой зрения, поддержанной им в работе предыдущей. Речь идет о возможном приходе эллинизма на Боспор при Митридате VI. Теперь Е.А. Молев выражает скорее скептическое отношение к такой оценке перемен, произошедших на Боспоре после его присоединения к Понтийскому царству: «Подчинение Боспора Понту, — заявляет он, — не намного приблизило характер его государственности к эллинистической, поскольку Понт также не принадлежал к числу классических эллинистических государств, и в основе его государственной системы преобладали иранские, а не греко-македонские принципы политического устройства». «Поэтому, — пишет он, — я не вижу оснований для того, чтобы говорить о превращении Боспора в эллинистическое государство со времени правления Митридата Евпатора и его преемников»¹¹¹. Наконец, в-третьих, Е.А. Молев находит ненужным термин «постэллинизм» в отношении процессов, происходивших на Боспоре уже в начале новой эры. С его точки зрения, этот период в истории Боспора следует называть римским¹¹².

Резюмируя обзор нескольких работ Е.А. Молева, относящихся к интересующей нас теме, следует отметить, что этот крупный и авторитетный исследователь боспорской истории, конечно же, имел собственную концепцию относительно типологической характеристики Боспорского государства на различных этапах его существования. Главным элементом этой концепции представляется неизменная оценка Боспора как очень своеобразного государства полисного типа в течение всего правления Спартокидов, а может быть, и после них. Е.А. Молев, как уже отмечалось, не видел необходимости в том, чтобы отождествлять Боспор III–II вв. до н.э. с эллинистическими монархиями, созданными преемниками Александра, и тем более не видел смысла в использовании термина «протоэллинизм» для характеристики социально-политических процессов на Боспоре в более ранний период. С течением времени мнение Е.А. Молева по некоторым конкретным вопросам могло изменяться. Так, он предполагал вначале существование автономии полисов в составе Боспора при Спартокидах, включая сохранение собственных государственно-правовых институтов¹¹³, но затем, согласившись с доводами А.А. Завойкина, пришел к выводу о том, что города

---

¹¹¹ Молев 2017, 133–134. Эту же мысль Е.А. Молев высказывает и в более поздней работе (Молев 2016, 12–13).

¹¹² Молев 2017, 134.

¹¹³ Молев 2017, 92.

были включены в Боспорское государство на правах административных единиц и лишены политической самостоятельности¹¹⁴. Изменились, как мы видели, и его взгляды относительно того, принес ли эллинизм на Боспор Митридат. Тем не менее, в основе своей его концепция типологии Боспорского государства оставалась достаточно стабильной и логичной. К сожалению, Е.А. Молев не успел изложить и обосновать эти взгляды в более подробном и фундаментальном исследовании; может быть, поэтому процитированные выше выводы и оценки не вызвали в научной литературе такого количества откликов, которого они заслуживают.

С точки зрения автора этих строк, мнение, высказанное в работах Е.А. Молева (равно как и А.А. Завойкина, С.Ю. Сапрыкина и ряда других исследователей) о полисном по преимуществу характере Боспорского государства при Спартокидах даже в эллинистическое время, в целом вполне справедливо. При всей уникальности «Боспорского феномена», это всё же было античное греческое государство, в котором существовал гражданский коллектив, обладавший определенными привилегиями (πολιτεία, ἔκκτησις и другие права, фигурирующие в декретах Спартокидов, ἀτέλεια, предоставленная гражданам Эвмелом в рамках восстановления «отеческого строя»: Diod. XX.24.4). Титул архонта для обозначения власти Спартокидов над городами Боспора более близок к традициям греческой государственности, чем к титулатуре правителей древних государств иных типов¹¹⁵. Присоединение территорий, населенных негреческими племенами, и эксплуатация их в интересах полиса также были явлением нередким в истории эллинских колоний, особенно расположенных на берегах Черного моря¹¹⁶.

Несколько необычно выглядит практически полное отсутствие признаков полисного самоуправления и собственного гражданства в отдельных городах Боспора при Спартокидах, которое может навести на мысль, что «полисные традиции на Боспоре были прерваны на весь период правления династии Спартокидов»¹¹⁷. Действительно, к настоящему времени обнаружено примерно 20 декретов, изданных Спартокидами, где правители предоставляет гражданство на всем Боспоре и другие привилегии иноземцам от своего имени, в то время как даже обыч-

---

¹¹⁴ Молев 2019, 8–9.

¹¹⁵ Е.А. Молев справедливо считал принятие этого титула Спартокидами «данью полисным традициям» (Молев 2017, 69).

¹¹⁶ Сапрыкин 2017, 137.

¹¹⁷ Иванчик 2018, 75.

ных проксенических декретов, изданных каким-либо полисом, не найдено вовсе¹¹⁸. Однако такая картина может объясняться скудостью источниковой базы. Соотношение 20:0 может выглядеть впечатляющим, однако не дает основания для окончательных и безапелляционных выводов. Надо учитывать, что иноземные соискатели проксении — преимущественно люди торговые — были заинтересованы получить привилегии именно от Спартокидов, которые контролировали гавани и рынки. Предоставление проксении и/или гражданства на всей территории государства, включавшего в себя несколько полисов, было нередким явлением и в самой Греции, а именно в федерациях¹¹⁹, причем соотношение количества федеральных и полисных проксенических декретов могло демонстрировать огромный перевес в пользу первых. К примеру, от эллинистической Этолийской федерации до нас дошло более сотни декретов о предоставлении проксении, гражданства и других привилегий во всей Этолии союзными органами власти¹²⁰, а аналогичных постановлений, изданных входившими в союз полисами, до недавнего времени было известно всего шесть¹²¹, пока не было обнаружено сразу 18 проксенических декретов города Каллиполя¹²². Вполне возможно, что одна-единственная эпиграфическая находка может полностью перевернуть наши представления о статусе городов на Боспоре.

Еще одна уникальная черта боспорской государственности — рекордная по длительности наследственная тирания Спартокидов. Сторонники идеи о раннем наступлении эллинизма на Боспоре настаивают на том, что обычная греческая тирания не могла продолжаться столь долго, и поэтому монархия Спартокидов — это явление иного типа¹²³. Е.А. Молев посвятил специальную статью вопросу о причинах долговечности тирании на Боспоре, где указал ряд факторов, которые спо-

---

¹¹⁸ Сапрыкин, Федосеев 2011, 89–114; Шелов-Коведяев 2018, 279; Иванчик 2018, 70–75; Завойкин 2021, 178.

¹¹⁹ В контексте сравнения с Боспором на это уже обратил внимание Грибанов 2012, 81–82.

¹²⁰ *IG IX* 1², 4–50, 135, 136, 137b, 187, 193, 195, 201. В некоторых из указанных надписей приведен текст сразу нескольких декретов, так что цифра «более 50», приведенная в работе: Грибанов 2012, 81, является неточной. К этому перечню можно добавить и ряд аналогичных документов, опубликованных после издания цитируемого корпуса. Об этолийских проксенических постановлениях см.: Fossey 1996.

¹²¹ *IG IX* 1², 417, 740, 750; *IG IX* 2, 61–62; *Syll.*³ 522.

¹²² *SEG LVI* 581–598 (публикация: Rousset 2006).

¹²³ См., например: Подосинов 2014, 134.

собствовали необычайно длительному существованию авторитарной власти в этом государстве¹²⁴. Он совершенно прав в том смысле, что экономические, этнические и прочие особенности ситуации на Боспоре были настолько своеобразными, что искать там те же закономерности, которые определяли исторический процесс в самой Греции, было бы занятием, не всегда оправданным. В развитие положений, высказанных Е.А. Молевым, хотелось бы заметить, что в силу ряда причин на далекой периферии греческого мира оказались чрезвычайно живучими те явления, которые на берегах Эгейского моря носили временный и переходящий характер. Государство Спартокидов обычно сравнивают с державой Дионисия в Сицилии¹²⁵, но стоит напомнить, что еще до Дионисия в Сиракузах длительное время существовала тирания Дейноменидов, а после него — монархия Агафокла и Гиерона II. В общей сложности из трех столетий истории Сиракуз (V–III вв. до н.э.) этот город около полутора веков находился под властью тиранов. В далекой Массалии еще долгое время после того, как полисы Эллады избавились от господства аристократии, существовал аристократический (именно аристократический, а не олигархический) режим, при котором вся власть принадлежала шестистам так называемым «тимухам», которые отличались от остальных граждан не имущественным цензом, а происхождением (Strabo. IV.1.5)¹²⁶. Возможно, одним из решающих факторов такой «консервации» архаичных и недемократических режимов на периферии была именно географическая отдаленность: в самой Греции и даже в Сицилии подобные правительства нередко лишались власти с помощью внешних сил, но едва ли можно было ожидать, чтобы герой-освобо-

---

¹²⁴ Молев 2019. В этой статье Е.А. Молев перечислил ряд обстоятельств, действовавших длительному сохранению власти Спартокидов, которые уже отмечались другими исследователями (Спартокиды, не будучи сами эллинами по происхождению, имели возможность опираться на элиту негреческих племен, их власть имела мощную экономическую базу, в том числе благодаря торговым связям с Афинами, многие члены правящего рода имели выдающиеся личные качества). Согласившись с этими соображениями, Е.А. Молев добавляет от себя некоторые дополнительные объяснения долговечности тирании на Боспоре, в частности, фактор преемственности (от Археанактидов к Спартокидам), несомненный экономический расцвет Боспора в IV в. до н.э., формирование новой этнической общности — «боспорян».

¹²⁵ Ростовцев 1989, 183; Виноградов 1983, 412–416; Фролов 1996, 54–56; Завойкин 2014, 34, 44; 2018, 43–44.

¹²⁶ См.: Momigliano 1975, 56: “The ancient sources describe Massalia as a city which had decided to remain unchanged in its archaic Hellenic shape”.

дитель наподобие Тимолеонта отправился бы, скажем, из Милета свергать тиранию на Боспоре.

В заключение следовало бы заметить, что скептическое отношение Е.А. Молева к характеристике Боспорского государства при Спартокидах как монархии эллинистического типа также кажется вполне обоснованным. Надо лишь уточнить терминологию. В эллинистическую эпоху существовали разные виды монархий. Например, царства Антигонидов в Македонии, Эакидов в Эпире, Гиерона II в Сицилии значительно отличались и по социально-экономической структуре, и по идеологическому обрамлению верховной власти, и по некоторым другим признакам от монархий, существовавших на Ближнем Востоке. Главной отличительной чертой этих последних следовало бы считать ярко выраженное наследие восточных цивилизаций: система царского землевладения, династийный культ и ряд других проявлений восточной деспотии, включая даже практику комплектования армии из военных поселенцев, известную еще по «Законам Хаммурапи». Поэтому державы, подобные империям Птолемеев и Селевкидов, следовало бы называть точнее — «восточными эллинистическими монархиями». Государство Спартокидов к таковым явно не относилось: здесь не было древних традиций деспотического правления и преобладания государственной земельной собственности над частной, обожествление Спартокидов происходило лишь эпизодически, наличие «царской хоры» в письменных источниках не засвидетельствовано, а попытки доказать ее существование на основании одних лишь археологических данных¹²⁷ не выглядят достаточно убедительными.

Предположение, согласно которому порядки, характерные для восточной эллинистической монархии, были установлены на Боспоре Митридатом, выглядит более правдоподобным, хотя и оно нуждается в новых и более недвусмысленных доказательствах. Оставив на усмотрение специалистов разрешение вопроса о том, насколько преобладание иранских традиций препятствовало, как считал Е.А. Молев, характеристике самого Понтийского царства как «классической эллинистической монархии»¹²⁸, отметим только, что имеются лишь косвенные данные относительно того, подвергся ли социально-политический строй Боспора существенной перестройке после вхождения в состав Понта¹²⁹.

---

¹²⁷ Масленников 2010–2015.

¹²⁸ Молев 2017, 133–134.

¹²⁹ Подробные обоснования предположения о такой перестройке см. в работах: Сапрыкин 1996, 282–285; 2003, 29–30; 2006, 89–92; 2017, 139–141.

Письменных свидетельств, подтверждающих установление верховной собственности царя на землю, равно как и расширение непосредственных царских владений, не обнаружено, а характеристика вновь построенных крепостей как центров военных поселений типа восточной катойкии опять-таки нуждается в прямых (например, эпиграфических) доказательствах¹³⁰. Расширение прав городских общин при Митридате также трудно считать достаточным доказательством «преобразования Боспорского царства в эллинистическую монархию»¹³¹, если понимать под «эллинистической монархией» ее восточный тип.

Таким образом, представляется, что Е.А. Молев имел достаточно оснований, чтобы усомниться в том, был ли Боспор при Спартокидах и даже после них «государством эллинистического типа»¹³². Означает ли это, что эллинизм как явление обошел стороной Северное Причерноморье? Отечественные исследователи, которые в наши дни изучают эллинистическую историю, рассуждая об эллинизме вообще, обычно ссылаются на положения, в свое время выдвинутые К.К. Зельиным¹³³, который определял эллинизм следующим образом: это конкретно-историческое явление, для которого характерно «взаимодействие эллинских и местных начал (главным образом, восточных) в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре»¹³⁴. Следует заметить, что в этой дефиниции имеется одно выражение, которое допускает слишком широкое толкование. Упомянутая о взаимодействии начал, Зельин пишет: «главным образом, восточных». Возникает вопрос: «а каких еще»? Может быть, северных или юго-западных? Если любой греко-варварский синтез или симбиоз можно считать проявлением эллинизма, то почему бы не провозгласить важнейшим очагом эллинизма, например, уже упоминавшуюся Массалию? По словам Юстина (XLIII.4.1–2), «от них, массалиотов, галлы переняли более культурный образ жизни, частью вовсе покинули, частью смягчили свои варварские обычаи, научились обработке полей и возведению стен вокруг городов. Тогда же они стали жить, руководясь законами, а не правом оружия, научились возделывать виноградники и са-

---

¹³⁰ Подобные же сомнения высказаны в работе: Завойкин 2014, 48.

¹³¹ Vinogradov 1993, 143.

¹³² Молев 2017, 133.

¹³³ Габелко 2009, 171; Суриков, 2015, 21–22; Сапрыкин 2017, 127; Балахванцев 2020, 22. Кажется, лишь И.А. Ладынин не высказал согласия с концепцией Зельина (Ладынин 2018).

¹³⁴ Зельин 1955, 104.

жать оливы»¹³⁵. Современные исследователи, комментируя это высказывание в духе «post-colonial studies», напротив, делают акцент на самобытности материальной и духовной культуры кельтов и находят признаки галльского влияния на различные стороны жизни массалиотов¹³⁶. Разве это не «эллинизм» в широком толковании этого понятия? То же самое наблюдалось и на Боспоре, и поэтому А.В. Подосинов утверждает, что «греко-варварский симбиоз не мог не приводить к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа»¹³⁷.

Если бы Е.А. Молев понимал эллинизм столь же широко, то и он, много и подробно писавший о греко-варварском взаимодействии на Боспоре, обязательно признал бы, что «протоэллинизм» развивался в Северном Причерноморье уже в позднеклассическую эпоху, а «просто эллинизм», как он его именовал, уже точно наступил в этих краях в конце IV в. до н.э., если не раньше. Однако он, очевидно, подразумевал под эллинизмом нечто иное.

С нашей точки зрения, гораздо точнее, чем многие другие исследователи, сущность этого явления выразил А.С. Балахванцев, по словам которого «сфера эллинизма охватывала лишь те завоеванные Александром, его полководцами и эллинистическими, прежде всего греко-бактрийскими, царями регионы, где реализовывался греко-восточный синтез»¹³⁸. Уточним, что одним из главных результатов такого синтеза, может быть, даже наиболее важным, было использование завоевателями давно укоренившихся на Востоке традиций деспотической монархии со всеми ее особенностями¹³⁹. В то же время следует различать понятия «эллинизм» и «эллинистическая цивилизация», хотя первое из них и дало название второму. Если эллинизм и был «конкретно-историческим явлением, принадлежавшим истории древнего Востока»¹⁴⁰ (хотя к греческой истории он тоже имеет непосредственное отношение), то эллинистическая цивилизация охватывала огромные территории и на Востоке, и на Западе и выглядела достаточно монолитной, иначе придется

---

¹³⁵ См. также обзор археологических свидетельств о влиянии греческих колоний на материальную культуру племен Южной Галлии: Шкунаев 1992.

¹³⁶ См., например: Dietler 2010, 110–111.

¹³⁷ Подосинов 2014, 130.

¹³⁸ Балахванцев 2020, 28.

¹³⁹ А.С. Балахванцев пишет, главным образом, о традициях державы Ахеменидов (Балахванцев 2020, 26), но деспотия на Востоке имела гораздо более глубокие корни.

¹⁴⁰ Балахванцев 2020, 28.

признать, что в Восточном Средиземноморье (не говоря уже о Западном) в III–II вв. до н.э. существовало не менее двух разных цивилизаций¹⁴¹. При всем многообразии локальных вариантов эллинистической цивилизации, она всё же представляла собой единое целое¹⁴². От Сицилии до Бактрии греческий язык, религия и культура были основными для правящей элиты и основной части городского населения; повсюду, от Македонии до Месопотамии, появлялись и развивались полисы греческого типа, восточная и западная части эллинистического мира прочно соединялись тысячами хозяйственных взаимосвязей. Схожая ситуация наблюдалась, например, и при формировании западноевропейской средневековой цивилизации, которая также стала результатом синтеза, «итогом встречи и слияния двух миров, тяготевших друг к другу, итогом конвергенции римских и варварских структур»¹⁴³, однако сам процесс этого синтеза происходил далеко не на всей территории Западной Европы. Тем не менее, и эта цивилизация со временем стала выглядеть единой и цельной, несмотря на всевозможные, иногда весьма существенные различия в развитии разных областей. Аналогичным образом сложилась и эллинистическая цивилизация: процесс синтеза, происходивший на Востоке, придал ей неповторимое своеобразие и, несомненно, так или иначе повлиял на историческое развитие западной части эллинистического мира, но цивилизационное единство эллинистической ойкумены определялось далеко не только одним греко-восточным синтезом. Поэтому Боспор был частью эллинистического мира и эллинистической цивилизации независимо от того, существовала ли там монархия восточного эллинистического типа, или нет.

Литература

Андреев, Ю.В. 1996: Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов). *ВДИ* 1, 3–17.

---

¹⁴¹ Подобное «дробление» цивилизаций не представляется плодотворным направлением для исторических обобщений. Интересно, что в знаменитый перечень цивилизаций у А. Тойнби (всего он их насчитал 21) эллинистическая цивилизация не вошла вообще, с его точки зрения, это было продолжение цивилизации эллинской (Тойнби 1996, 67).

¹⁴² Вопреки мнению А.С. Балахванцева, который неправомерно, на наш взгляд, отождествляет понятия «сфера эллинизма» и «эллинистическая ойкумена» (Балахванцев 2020, 28).

¹⁴³ Ле Гофф 1992, 27.

- Балахванцев, А.С. 2020: Споры об эллинизме. *Восток-Oriens* 4, 21–31.
- Блаватский, В.Д. 1959: Процесс исторического развития государств в Северном Причерноморье. В кн.: А.П. Смирнов (ред.), *Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху*. М., 7–39.
- Блаватский, В.Д. 1964: *Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора*. М.
- Блаватский, В. Д. 1985: *Античная археология и история*. М.
- Виноградов, Ю.Г. 1983: Полис в Северном Причерноморье. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античная Греция*. Т. 1. М., 366–420.
- Виноградов, Ю.Г. 1990: Боспор и эллинизм. Тезисы доклада в обзоре: Акопян А.П., Бадер А.Н. III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван, 1988). *ВДИ* 1, 242–248.
- Габелко, О.Л. 2009: Еще раз о проблеме «протоэллинизма». В кн.: О.Л. Габелко (ред.), *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уолбанка (Казань, 9–11 декабря 2009 г.)*. Казань, 173–183.
- Габелко, О.Л. 2016: Poleмические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма. В кн.: О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Синицын (ред.), *ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова*. М.–СПб., 264–280.
- Грибанов, Д.В. 2012: Боспорские проксении и проблема государственного устройства державы ранних Спартокидов. В кн.: А.В. Махлаюк (ред.), *Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени: XIII чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова: Материалы Международной научной конференции (Нижний Новгород, 25–27 сентября 2012 г.)*. Нижний Новгород, 80–82.
- Жебелёв, С.А. 1953: *Северное Причерноморье*. М.–Л.
- Завойкин, А.А. 2001: Боспорский феномен или псевдо-эллинизм на Боспоре. *ДБ* 4, 150–180.
- Завойкин, А.А. 2007: Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе. В кн.: Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленников (ред.), *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор*. Москва–Киев–Запорожье, 219–243.
- Завойкин, А.А. 2014: Образование Боспорского государства: от полиса к царству (некоторые итоги и перспективы дискуссии). *Древнейшие государства Восточной Европы* 2014, 18–56.
- Завойкин, А.А. 2018: Боспор и Средиземноморье: соотношение политических форм от архаики до эллинизма. В кн.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен*. Ч. 1. СПб., 40–48.
- Завойкин, А.А. 2021: Фанагория и Спартокиды (историко-археологический очерк). *ПИФК* 4, 174–193.
- Зельин, К.К. 1955: Некоторые основные проблемы истории эллинизма. *СА* 22, 99–108.

- Иванчик, А.И. 2018: Боспорское царство эпохи Спартокидов: уникальная форма греческой государственности. В кн.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен*. Ч. 1. СПб., 69–75.
- Ладынин, И.А. 2018: Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадийность и закономерность или историческая конкретность и случайность? *Диалог со временем* 65, 185–206.
- Ле Гофф, Ж. 1992: *Цивилизация средневекового Запада* / пер. с фр. М.
- Масленников, А.А. 2010–2015: *Царская хора Боспора*. Т. 1–3. М.
- Молев, Е.А. О причинах особенностей боспорской государственности. В кн.: А.В. Махлаюк (ред.). *Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени*: XIII чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова: Материалы Международной научной конференции (Нижегород, 25–27 сентября 2012 г.). Нижний Новгород, 77–79.
- Молев, Е.А. 2016: Особенности боспорской государственной системы. *Ирисиона. Античный мир и его наследие*. Вып. 5. Белгород, 7–13.
- Молев, Е.А. 2017: *Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора*. Нижний Новгород.
- Молев, Е.А. 2019: Причины долголетия боспорской тирании. *БИ* 39, 3–19.
- Подосинов, А.В. 2014: Образование Боспорского царства в свете теории «протоэллинизма». *Древнейшие государства Восточной Европы* 2014, 123–140.
- Подосинов, А.В. 2018: Варварское окружение Боспора как фактор эволюции его государственной системы. В кн.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен*. Ч. 2. СПб., 166–168.
- Ростовцев, М.И. 1989: Исследования по истории Скифии и Боспорского царства, Т. II, гл. VI. *ВДИ* 2, 183–197.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2002: *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2003: Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии. *ВДИ* 1, 11–35.
- Сапрыкин, С.Ю. 2006: Новая митридатовская катойкия на Боспоре. *ВДИ* 2, 79–96.
- Сапрыкин, С.Ю. 2008: О хронологических границах эллинизма. В кн.: А.Ю. Дворниченко (ред.), *История. Мир прошлого в современном освещении: сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова*. СПб., 213–235.
- Сапрыкин, С.Ю., Федосеев Н.Ф. 2011: Особенности проксенической деятельности Боспора. *Аристей* 4, 89–114.
- Сапрыкин, С.Ю. 2017: Эллинизм в Причерноморье. *БИ* XXXV, 126–167.
- Суриков, И.Е. 2014: Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады»). *Древнейшие государства Восточной Европы* 2014, 76–122.
- Суриков, И.Е. 2015: *Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.
- Суриков, И.Е. 2018: *Античная Греция. Политогенез, политические и правовые институты. (Opuscula selecta II)*. М.

- Тойнби, А. 1996: *Постижение истории* / пер. с англ. М.
- Фролов, Э.Д. 1990: Исторические предпосылки эллинизма. В кн.: Голубцова Е.С. (ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 14–58.
- Фролов, Э.Д. 1996: Предэллинизм на греческом Западе (к проблеме отношений «полис–монархия» и «эллины–варвары»). *ПИФК* 3, 53–60.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. *Древнейшие государства на территории СССР* 1984, 5–187.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 2018: Декреты, найденные в Пантикапее в 2015 году. *БФ*. Ч. 1, 275–281.
- Шкунаев, С.В. 1992: Греческие центры и культура Юга Галлии в эллинистическое время. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: восток и запад*. М., 177–200.
- Яйленко, В.П. 1990: Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: история, политика, культура*. М., 249–309.
- Dietler, M. 2010: *Archaeologies of Colonialism: Consumption, Entanglement, and Violence in Ancient Mediterranean France*. Berkeley.
- Fossey, J. 1996: The Proxenia Decrees of the Aitolian Federation. *The Ancient World* 27, 158–167.
- Molev, E.A. 2009: Bosphoros under the Rule of Mithridates VI Eupator. In: J.M. Højte (ed.), *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Aarhus, 321–328.
- Momigliano, A. 1975: *Alien Wisdom: The Limits of Hellenization*. Cambridge.
- Rostovtzeff, M.I. 1930: The Bosphoran Kingdom. *САН* VIII, 561–589.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. I–III. Oxford.
- Rousset, D. 2006: Les inscriptions de Kallipolis d’Etolie. *BCH* 130, 381–434.
- Vinogradov, Ju.G. 1993: Anmerkungen zu Kapitel VI: Staat und Kultur des Bosphoranischen Reiches. In: H. Heinen (ed.), *M. Rostowzew, Skythien und der Bosphorus*. Bd. II. Stuttgart, 135–152.

Ю.Н. Кузьмин

ФАНАГОРИЙСКИЙ ПОСОЛ В РИМЕ*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о времени прибытия в Рим Гедика, сына Эвода, «посла фанагорийцев с Боспора», который был похоронен в колумбарии «Винья Кодины III» в одной нише с переводчиком с сарматского языка боспорцем Аспургом, сыном Биомаса (*CIL VI 2 5207 = IG XIV 1636 = IGR 261 = IGUR II 567*). Несмотря на то, что строительство колумбария относится к концу правления Августа и принципату Тиберия (ок. 10–37 гг. н.э.), приводятся аргументы в пользу того, что Гедик посетил Рим ранее, между 63 и ок. 50 гг. до н.э., когда Фанагория была независимым полисом. К тому же в 10-х гг. I в. до н.э. Фанагория была переименована в Агрипсию и официально называлась так в последующие столетия. Миссия Гедика могла быть связана с обретением фанагорийцами свободы при поддержке римлян в 63 г. до н.э. после гибели Митридата VI или с угрозой со стороны его сына Фарнака II, захватившего город примерно десятилетие спустя. То, что в посольство, которое, видимо, следует рассматривать в контексте фанагорийско-римских отношений, входил переводчик с сарматского языка представляется маловероятным, т. к. дипломатические контакты с сарматами приобрели для Рима актуальность позднее, при Августе (*RGDA 31.2*). Аспург, сын Биомаса, мог прибыть в Рим в составе какой-то другой боспорской миссии или даже жить в нем. Двух боспорцев, Гедика и Аспурга, возможно, похоронили (или перезахоронили) вместе в колумбарии как земляков, но умерли они, очевидно, в разное время. Важно и то, что их эпитафии, помещенные на одной табличке, были выполнены разными резчиками.

Ключевые слова: Фанагория, Рим, Боспорское царство, Гедик, посол, Аспург, переводчик, колумбарий.

Yuri N. Kuzmin

A PHANAGORIAN AMBASSADOR IN ROME

Abstract. This article deals with the time of arrival in Rome of Hedykos, the son of Euodos, the “ambassador of the Phanagorians from the Bosporos”, who was buried

---

* Я благодарен за разнообразную помощь в работе М.Г. Абрамзону, А. Брю, И.Г Гурину, А.А. Завойкину, Х. Зенст, М. Мари, В.П. Никонорову, В.Н. Парфёнову, Е.В. Смыкову, К. Франк, В. Хекелю, А. Чошкуну и Х. Штауб. Они, конечно же, несут ответственности за авторские выводы.

in the columbarium “Vigna Codini III”, in the same niche with the Bosphoran Aspourgus, the son of Biomastos, a translator from the Sarmatian language (*CIL* VI 2 5207 = *IG* XIV 1636 = *IGR* 261 = *IGUR* II 567). Despite the fact that the construction of the columbarium dates back to the end of Augustus’ reign and Tiberius’ principate (c. 10–37 AD), the author proposes arguments in favor of the theory that Hedykos visited Rome between 63 and c. 50 BC, when Phanagoria was an independent *polis*. Besides, towards the end of the first century BC Phanagoria was renamed in Agrippia and it was an official name of the city in the following centuries. The mission of Hedykos could be connected with the gaining of independence by the Phanagorians with support of the Romans in 63 BC after the death of Mithridates VI or the threat from his son Pharnakes II, who conquered Phanagoria around the decade later. It seems unlikely that the embassy, which was apparently connected with Phanagorian-Roman relations, included a translator from the Sarmatian language, especially since diplomatic contacts with the Sarmatians became urgent for Rome later, under Augustus (*RGDA* 31.2). Aspourgus, the son of Biomastos, might have either come to Rome with some other Bosphoran mission or even lived in the city. Both these Bosphorans, Hedykos and Aspourgus, may have been buried (or reburied) together in the columbarium as fellow countrymen, but they passed away at different times. It is also important that the epitaphs of Hedykos and Aspourgus were inscribed on the same slab by different letter-cutters.

Keywords: Phanagoria, Rome, Bosphoran Kingdom, Hedykos, ambassador, Aspourgus, translator, columbarium.

В конце третьей войны против римлян (74–63 гг. до н.э.) разгромленный ими Митридат VI Евпатор, потеряв родовые владения в Малой Азии, бежал на Боспор Киммерийский, бывший частью его рушившейся державы, где царь, думая о реванше, хотел собрать новую армию и продолжить борьбу. Однако этим планам не суждено было осуществиться. В 63 г. до н.э. жители Фанагории по призыву некоего Кастора, пострадавшего ранее от действий царского придворного Трифона, подняли восстание против Митридата, который сам в тот момент находился в Пантикапее¹. Рассказы об этих событиях, которые сохранились у Аппиана (*Mithr.* 108–112), а также Орозия (VI.5.1–2), дополнили важные археологические находки, сделанные в Фанагории и ее античной акватории в два последних десятилетия (здание со следами упомянутого Аппианом пожара на акрополе, затонувший корабль из флота Митридата, постамент статуи Гипсикрата-Гипсикратии)².

---

¹ См. подробнее: Молев 1995, 133–135; Ballesteros Pastor 1996, 277–282.

² Сгоревшая «резиденция» на акрополе, в которой находилась часть семьи Митридата и царский гарнизон, а также найденные в ней нумизматические сви-

Отпадение Фанагории, а за ней и других городов Боспора, а также Херсонеса нанесло мощный удар по Митридату. Когда в Пантикапее против царя выступил Фарнак, один из его сыновей, управлявший Боспором, Митридат, не пожелавший сдаться и быть выданным римлянам, приказал телохранителю убить себя.

После гибели Митридата Евпатора римляне сохранили власть над Боспорским государством у Фарнака (II) (63–47 гг. до н.э.), но не вернули ему Понтийское царство. Однако Фанагория за восстание против Митридата получила от его победителя Помпея «свободу и автономию» (App. *Mithr.* 113), став независимым полисом впервые с рубежа V–IV вв. до н.э., когда город был подчинен Спартокидами. Кастор был признан «другом римлян» (App. *Mithr.* 114)³.

Из сообщения Аппиана известно, что какое-то время спустя после обретения Фанагорией независимости Фарнак напал на город, осадил его и, разгромив страдавших от голода фанагорийцев в сражении, добился признания своей власти, сопровождавшейся и выдачей царю заложников (App. *Mithr.* 120). Согласно археологическим данным, в связи с этими событиями были демонтированы городские стены⁴. Таким образом, Фанагория вновь стала частью Боспорского государства. Возможно, что подчинение Фанагории произошло ок. 50 г. до н.э. на фоне

детельства: Абрамзон, Кузнецов 2011, 64–94; корабль и обнаруженный рядом с ним таран с символикой Митридата и его династии — звезды и полумесяца: Кузнецов, Ольховский 2016, 338–346; Кузьмин 2017, 399; постамент надгробного памятника «Гипсикрата, жены царя Митридата Евпатора Диониса»: Кузнецов 2007, 238–243; ср. Bongard-Levine, Kochelenko, Kouznestov 2006, 277–288 (с комментарием П. Бернара); *SEG* LVI 934. См. также: Завойкин, Толстиков 2017, 63–67. Что касается исторической интерпретации памятника Гипсикрата-Гипсикратии, то следует отметить вероятность того, что Гипсикратия, одна из жен (или наложниц) Митридата, упоминаемая в литературных источниках только ок. 65 г. до н.э. (Val. Max. IV.6 ext. 2; Plut. *Pomp.* 32.8; ср. Eutrop. VI.12.3), умерла и была погребена в Фанагории до восстания ее граждан против царя, а не участвовала в попытке его подавления, погибла и была похоронена в городе, что подразумевает восстановление контроля над ним на некоторое время Митридатом, хотя это противоречит подробному рассказу Аппиана. Памятник Гипсикратии, возможно, являвшийся частью какого-то большого монумента, мог быть разрушен после обретения фанагорийцами независимости. Теория о том, что памятник Гипсикратии был сооружен после 63 г. до н.э., не имеет серьезных оснований.

³ О Каstore, его происхождении и карьере см.: Панов 2005, 41–45; Завойкина 2013а, 268–269; Coşkun 2014, 131–138.

⁴ Цветаева 1965, 234–236; Завойкин 2022, 113–115.

разгрома Красса парфянами и накануне начала войны между Цезарем и Помпеем, до похода Фарнака в Колхиду и Малую Азию⁵.

В 48–47 гг. до н.э. Фарнак попытался вернуть родовые владения в Понте, но был разгромлен Цезарем и погиб после возвращения на Боспор, где в отсутствие царя против него восстал Асандр, ставший в итоге новым правителем Боспорского государства. Для укрепления своего положения Асандр женился на Динамии, дочери Фарнака и внучке Митридата.

Начиная с Асандра боспорские правители были вынуждены лавировать в отношениях с римлянами, не раз пытавшимися утвердить в Пантикапее своих ставленников. Так или иначе, Боспор попал в зависимость от Рима. Видимо, в 10-х гг. до н.э. Фанагория была переименована в Агриппию в честь сподвижника Августа М. Випсания Агриппы, как об этом косвенно свидетельствуют эпитафические (*CIRB* 979, 982–983, 1051) и нумизматические источники⁶. Наименование Фанагории Агриппией, бывшее официальным именем полиса, фиксируется в эпитафике еще в начале IV в. н.э. (*CIRB* 1051)⁷, хотя, очевидно, прежнее название города не было забыто, а в литературной традиции (у Страбона и других авторов вплоть до Прокопия Кесарийского и Феофана Исповедника) присутствует только оно (или его варианты)⁸.

* * *

В колумбарии «Винья Кодини III» (*Vigna Codini III*) на Аппиевой дороге в Риме, открытом в 1852 г., в одной нише были похоронены два боспорца, чьи эпитафии написаны на греческом языке: «Гедик, сын Эвода, посол фанагорийцев с Боспора» и «Аспург, сын Биомаса, переводчик сарматов, боспорец».

---

⁵ Обзор точек зрения о датировке фанагорийской кампании Фарнака II: Coşkun 2019, 92–94. См. также: Чореф 2012, 55–56 (на основе анализа чеканки Фарнака высказано предположение, что захват им Фанагории имел место в 245 г. боспорской эры = 53/52 г. до н.э.).

⁶ См., например: Орешников 1914, 37–43; Орешников 1922, 130–131; Фролова 1997, 24–38; Болдырев 1999, 30–38; Heinen 2011, 225–239; Hind 2019, 281.

⁷ Попытки оспорить мнение о переименовании Фанагории в Агриппию (Денисова 2000, 258–263), особенно с привязкой к этому и сомнений в ее локализации рядом с п. Сенной (Мельников 2015, 79–85), не являются успешными, создавая при этом и немалое число противоречий (см., например, критические замечания Х. Хайнена: Heinen 2011, 233–239).

⁸ Ср.: Hind 2019, 277.

CIL VI 2 5207 = IG XIV 1636 = IGR 261 = IGUR II 567:

A

Ἡδύκος Εὐόδου
πρεσβευτῆς Φανα-
γορειτῶν τῶν κα-
τὰ Βοοῶστρον·
vacat

B

Ἄσπουργος · Βιομ-
άσου · υἱὸς · ἑρμηνε-
ύς · Σαρματῶν · Βω-
σπορανός.

Эпитафии Гедика и Аспурга
(© Epigraphic Database Roma [www.edr-edr.it]: EDR148490)

Имена Ἦδυκος и Εὐδοκος были крайне редкими в Северном Причерноморье (ср. *LGPN IV*, s.v. Εὐδοκος, Ἦδυκος). Имя «Гедик» фиксируется дважды: 1) фанагорийский посол, умерший в Вечном городе; 2) Гедик, сын Атты — в списке имен из Горгииппии, датируемом II в. н.э. (*CIRB* 1145, v. 5). Для имени «Эвод» имеются тоже два примера: 1) отец посла Гедика; 2) Эвод, сын Деметрия, фигурирующий в списке имен III в. н.э. из Феодосии (*CIRB* 947b, v. 7).

Строительство колумбария «Винья Кодина III», в котором было похоронено немало вольноотпущенников первой римской императорской династии, обычно датируют концом правления Августа и принципатом Тиберия (ок. 10–37 гг. н.э.) или более широко — эпохой Юлиев-Клавдиев⁹. Соответственно, к этому времени ряд исследователей относит и пребывание в Риме Гедика¹⁰.

То, что посол фанагорийцев мог быть в Риме в первые десятилетия н.э., некоторые антиковеды пытаются объяснить гипотетическим правом его родного города, на тот момент являвшегося частью Боспорского государства, на международные сношения. Для обоснования «особого статуса» Фанагории приводят наличие в ней полисных институтов, зафиксированных в эпиграфических источниках (демос и совет: *CIRB* 979, 982–983)¹¹. Однако полисный статус в составе монархии не давал права проведения внешней политики¹².

---

⁹ Borbonus 2014, 34–38, 167–168; ср.: Coarelli 2007, 375–376.

¹⁰ Moretti 1972, 164; Денисова 2000, 258; Habicht 2001, 14–15; Ricci 2006, 82; Avram 2012, 304; Avram 2013, 308; Braund 2018, 156, n. 70; ср.: *LGPN IV*, s.v. Ἦδυκος (2).

¹¹ Minns 1913, 613; Гайдукевич 1949, 340–341; Цветаева 1979, 31; Сапрыкин 2002, 175–176; ср.: Завойкина 2013b, 178–179; Мельников 2015, 81.

¹² Есть мнение и о некоем понижении статуса Фанагории в Боспорском государстве после ее завоевания Фарнаком II (Сапрыкин, Fedoseev 2010, 431). Оно основано на том, что в первые века н.э. Горгииппия и Феодосия, видимо, являлись центрами округов, к которым были приставлены царские представители, обозначавшиеся в эпиграфических источниках как ὁ ἐπι τῆς Γοργυπτείας (*CIRB* 1115, 1129) и ὁ ἐπι τῆς Θεοδοσίας (*CIRB* 36a, 64), в то время как Фанагория подчинялась «<наместнику> Острова» (ὁ ἐπι τῆς νήσου — *CIRB* 40, 697, 982, 1000; νησάρχης — Кузнецов 2007, 229–232 = *SEG LVI* 933). Однако расположение Фанагории (Агриппии) на крупном острове могло привести к тому, что именно к нему, а не к названию одного из находившихся на нем городов было привязано обозначение представителя царя. Объективным индикатором статуса Фанагории является наличие в ней полисных институтов — демоса и совета (см. выше), а также кратковременная чеканка вскоре после переименования города в

Была высказана точка зрения, что посольство, в котором якобы вместе участвовали фанагориец Гедик и переводчик Аспург, было связано с поездкой в Рим боспорского царя Аспурга, упомянутой в его первом письме горгиппийцам в 16 г. н.э. (*SEG XLVI 940 I*, vv. 4–5: ... πρὸς τὸν σεβαστὸν αὐτοκράτορα ἀναβᾶσει)¹³, но у нее нет серьезных оснований¹⁴.

Прибыть в Рим посол именно «фанагорийцев» мог между 63 г. до н.э., когда город получил от Помпея и римлян свободу, и до 10-х гг. до н.э., когда Фанагория была переименована в Агриппию¹⁵. Впрочем, эти рамки можно еще сузить: 63 – ок. 50 гг. до н.э., когда Фанагорию захватил и вновь включил в Боспорское царство Фарнак¹⁶. Нет никаких оснований допускать, что позднее Фанагория еще раз на какое-то время стала независимым полисом и вернула исконное имя¹⁷.

Посольство фанагорийцев в Рим могло быть связано с обретением ими независимости в 63 г. до н.э. или угрозой со стороны Фарнака примерно десятилетие спустя¹⁸. Неизвестно, возглавлял ли Гедик миссию, или был лишь одним из ее участников¹⁹. Однако не вызывает сомнений, что Гедик, сын Эвода, принадлежал к элите гражданского коллектива своего полиса²⁰.

Можно допустить, что Гедик прибыл в Рим в конце 60-х гг. до н.э., чтобы получить от сената официальное подтверждение распоряжений Помпея о статусе Фанагории. Однако из-за того, что вследствие политической борьбы в Риме и активности противников Помпея новое устройство Востока после его кампаний было утверждено только в 59 г.

Агриппию бронзы от имени «агриппийцев», наряду с одновременными эмиссиями «кесарийцев» (пантикапейцев).

¹³ Панов 2008, 139, 322.

¹⁴ Ср.: Сапрыкин 2010, 181.

¹⁵ Ср.: Орешников 1914, 37, примеч. 2; Завойкина 2013а, 263, примеч. 127.

¹⁶ Ср.: Сапрыкин 2010, 181.

¹⁷ Один из аргументов противников переименования Фанагории в Агриппию связан именно с миссией «посла фанагорийцев» Гедика в Рим, когда без разбора принимается ее датировка первыми десятилетиями н.э., привязанная ко времени строительства колумбария (Денисова 2000, 258).

¹⁸ С.Ю. Сапрыкиным было высказано интересное предположение, что Гедик мог прибыть в Рим в связи с триумфом Помпея в 61 г. до н.э. (Сапрыкин 2010, 181).

¹⁹ К. Хабахт допустил, что, несмотря на погребение в Риме, Гедик умер не в Вечном городе (Habicht 2001, 15), что представляется сомнительным.

²⁰ Ср.: Завойкина 2013а, 263.

до н.э.²¹, Гедик не дождавшись этого мог умереть в Вечном городе²². Если же посольство состоялось накануне захвата Фанагории Фарнаком, Гедик, узнав о судьбе родного полиса, мог остаться в Риме и провести в нем остаток жизни..

Похороненный в одной нише с Гедиком переводчик с сарматского языка Аспург, сын Биомаса, судя по имени, сам был сарматом. Необязательно допускать, что он участвовал в том же самом посольстве, что и Гедик, как это нередко делается²³. Оснований считать Аспурга, сына Биомаса, гражданином Фанагории²⁴ нет, в эпитафии он именуется просто «боспорец». Если миссия Гедика имела место между 63 и ок. 50 гг. до н.э. и была связана с фанагорийско-римскими отношениями, включение в ее состав переводчика с сарматского языка представляется сомнительным. Дипломатические контакты с сарматами стали актуальны для Рима несколько позднее, со времени принципата Августа. В «Деяниях божественного Августа» упоминается о прибытии к императору послов от сарматских «царей»²⁵.

Переводчик Аспург мог постоянно жить в Риме или умереть там во время пребывания в составе какого-то посольства с Боспора²⁶. В боспорских надписях засвидетельствованы переводчики с варварских языков, входившие в государственный аппарат и занимавшие, в том числе, и важные позиции в придворной иерархии²⁷.

---

²¹ См. подробнее: Seager 2002, 81–83.

²² Данная гипотеза была высказана Е.В. Смыковым в частной переписке в связи с моим докладом о Гедике, прочитанном на восьмой конференции «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» в Саратовском государственном университете в сентябре 2022 г. Пользуясь случаем, я еще раз выражаю ему благодарность.

²³ Noy 2000, 102; Ricci 2006, 82; Панов 2008, 139, 322; Завойкина 2013а, 254; Den Hollander 2014, 150.

²⁴ Завойкина 2013а, 254.

²⁵ *RGDA* 31.2: *Nostram amicitiam appetiverunt per legatos Bastarnae Scythaeque et Sarmatarum qui sunt citra flumen Tanaim et ultra reges, Albanorumque rex et Hiberorum et Medorum*. Угроза со стороны сарматов не раз отмечалась Овидием во время его пребывания в ссылке в Томах (например: Ovid. *Ex Pont.* 1.2.45, 77; *Trist.* II.191; III.10.5; IV.10.110).

²⁶ Den Hollander 2014, 150.

²⁷ В двух надписях начала III в. н.э. упоминается Герак, сын Понтика, ἀρχερσινεὺς Ἀλανῶν (*CIRB* 1053; Pavlichenko, Fedoseev 2018, 328 = *EP* 2018 44); ср. *CIRB* 698.

В Риме Гедика и Аспурга могли похоронить или, что более вероятно, перезахоронить вместе в одной нише в колумбарии как земляков, но умерли они, очевидно, в разное время. В пользу этого свидетельствуют и различные варианты передачи их этникона (Гедик — *κατὰ Βοῶς λόρος / Аспург — Βωστορανός*)²⁸, возможно, скопированные с оригинальных эпитафий на табличку, помещенную рядом с их общим погребением в колумбарии «Винья Кодины III». Важно отметить и то, что эпитафии Гедика и Аспурга были выполнены разными резчиками (см. рис.).

Литература

- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2011: Новые данные о восстании 63 г. до н.э. в Фанагории. *ВДИ* 2, 64–94.
- Болдырев, С.И. 1999: О времени переименования Фанагории в Агриппию. *ДБ* 2, 30–38.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Денисова, В.И. 2000: Боспор конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. (к проблеме переименования городов). В кн.: В.Ю. Зуев (ред.), *Συστήματα. Памяти Юрия Викторовича Андреева*. СПб., 258–263.
- Завойкин, А.А. 2022: Оборонительные сооружения и некоторые проблемы исторической периодизации Фанагории в V–I вв. до н.э. *АВ* 35, 105–118.
- Завойкин, А.А., Толстиков, В.П. 2017: Очерк политической истории Пантикапей и Фанагории. В кн.: В.Д. Кузнецов, В.П. Толстиков (ред.), *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. М., 47–67.
- Завойкина, Н.В. 2013а: Фанагорийское общество (по материалам эпитафики). В кн.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1 (Фанагория. Результаты археологических исследований 1)*. М., 240–313.
- Завойкина, Н.В. 2013б: *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. М.
- Кузнецов, В.Д. 2007: Новые надписи из Фанагории. *ВДИ* 1, 227–243.
- Кузнецов, В.Д., Ольховский, С.В. 2016: Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015 гг.). В кн.: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 2 (Фанагория. Результаты археологических исследований 4)*. М., 325–352.
- Кузьмин, Ю.Н. 2017: Таран корабля. В кн.: В.Д. Кузнецов, В.П. Толстиков (ред.), *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. Каталог выставки. М., 399.
- Мельников, О.Н. 2015: Кесария и Агриппия на Боспоре. Локализация по данным нумизматики и эпитафики. *ТС* 7, 79–85.
- Молев, Е.А. 1995: *Властитель Понта*. Нижний Новгород.
- Орешников, А.В. 1914: Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. *НС* 3, 1–68.

---

²⁸ Ср.: Завойкина 2013а, 254, примеч. 78.

- Орешников, А.В. 1922: Этюды по нумизматике Черноморского побережья. 8. Пантикапей, Мирмекий и Фанагория под разными названиями. *ИРАИМК* 2, 126–136.
- Панов, А.Р. 2005: Восстание Кастора в Фанагории: интерпретация источников. *БФ*, 41–45.
- Панов, А.Р. 2008: *Рим на северо-восточных рубежах. Взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н.э. – первой трети II в. н.э.* Арзамас.
- Сапрыкин, С.Ю. 2002: *Понтийское царство на рубеже двух эпох.* М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2010: Рец.: Панов А.Р. Рим на северо-восточных рубежах. Взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н.э. – первой трети II в. н.э. Арзамас, 2008. *ВДИ* 4, 174–183.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.).* Ч. I. М.
- Цветаяева, Г.А. 1965: Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических данных. В кн.: *Новое в советской археологии.* (МИА 130). М., 234–236.
- Цветаяева, Г.А. 1979: *Боспор и Рим.* М.
- Чорэф, М.М. 2012: “*Calamitas virtutis occasio*”, или к истории последних лет царствования Фарнака II. *Научные ведомости БелГУ* 7(126) 22, 44–59.
- Avram, A. 2012: Contribution à la prosopographie externe des cités grecques et des peuples indigènes du nord et de l’est du Pont-Euxin. In: A. Hermary, G.R. Tsetschladze (eds.), *From the Pillars of Hercules to the Footsteps of Argonauts.* Leuven–Paris–Walpole, Mass., 2012, 279–313.
- Avram, A. 2013: *Prosopographia Ponti Euxini externa.* Leuven–Paris–Walpole, Mass.
- Ballesteros Pastor, L. 1996: *Mitridates Eupátor, rey del Ponto.* Granada.
- Bongard-Levine, G., Kochelenko G., Kouznestov, V. 2006: Les fouilles de Phanagorie: nouveaux documents archéologiques et épigraphiques du Bosphore. *CRAI*, 150/1, 255–292.
- Borbonus, D. 2014: *Columbarium Tombs and Collective Identity in Augustan Rome.* New York.
- Braund, D. 2018: *Greek Religion and Cults in the Black Sea Region. Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era.* Cambridge.
- Coarelli, F. 2007: *Rome and Environs. An Archaeological Guide.* Berkeley–Los Angeles–London.
- Coşkun, A. 2014: Kastor von Phanagoreia, Präfekt des Mithradates und Freund der Römer. In: N. Povalachev (hg.), *Phanagoreia und darüber hinaus ... Festschrift für Vladimir Kuznetsov.* Göttingen, 131–138.
- Coşkun, A. 2019: The Course of Pharnakes II’s Pontic and Bosporan Campaigns in 48/47 B.C. *Phoenix* 73/1–2, 88–113.
- Habicht, Chr. 2001: Tod auf der Gesandtschaftsreise. *SE* 13, 9–17.
- Heinen, H. 2011: Kaisareia und Agrippeia: das Tor zur Maiotis als augusteisches Monument. In: N. Povalachev, V. Kuznetsov (hg.), *Phanagoreia und seine historische Umwelt.* Göttingen, 225–240.

- Hind, J. 2019: Phanagoria and Phanagoras — The Toponym and the Name of the Oikist (Founder). *AWE* 18, 277–283.
- Den Hollander, W. 2014: *Josephus, the Emperors, and the City of Rome. From Hostage to Historian*. Leiden–Boston.
- Minns, E.H. 1913: *Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge.
- Moretti, L. (ed.) 1972: *Inscriptiones Graecae urbis Romae*. Vol. II/1. Roma.
- Noy, D. 2000: *Foreigners at Rome. Citizens and Strangers*. London.
- Pavlichenko, N., Fedoseev, N. 2018: A New Inscription of Herakas, Son of Pontikos, ἄρχερμηνὲς Ἀλανῶν. *Hyperboreus* 24/2, 315–336.
- Ricci, C. 2006: *Stranieri illustri e comunità immigrate a Roma: vox diversa populorum*. Roma.
- Saprykin, S., Fedoseev, N. 2010: New Lead Plaques with Greek Inscriptions from East Crimea (Bosporos). In: R.W.V. Catling, F. Marchand, M. Sasanow (eds.), *Onomatologos. Studies in Greek Personal Names presented to Elaine Matthews*. Oxford, 422–434.
- Seager, R. 2002: *Pompey the Great. A Political Biography*. 2nd ed. Oxford.

А.В. Махлаюк

**МИТРИДАТ VI ЕВПАТОР И РИМ:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДВУХ ДЕРЖАВ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССОРА Е.А. МОЛЕВА***

Аннотация. Рассматриваются исследования профессора Е.А. Молева, посвященные противостоянию Рима и Понтийской державы Митридата VI Евпатора. Оценивается оригинальный вклад Е.А. Молева в разработку данной темы, анализируются как его общие подходы к ее исследованию, так и интерпретация отдельных конкретных вопросов, которые ставились и решались автором и в русле его собственного научного поиска, и в связи с весьма интенсивным развитием новейшей мировой историографии, посвященной Митридату Евпатору, его державе и его войнам с Римом. Эти исследования вносят важный и интересный вклад в общую картину, освещают комплекс действительно значимых вопросов (предыстория Митридатовых войн, роль Боспора в римско-понтийском противостоянии, состав вооруженных сил, значение морского фактора и пиратов в этой борьбе, участие рабов в военных событиях, особенности возникновения и функционирования созданной царем Понта державы), предлагая ряд оригинальных идей и аргументов за и против существующих точек зрения.

Ключевые слова: Е.А. Молев, Митридат VI Евпатор, Митридатовы войны, Понтийское царство, Рим, Боспор, империя.

Aleksandr V. Makhlaiuk

**MITRIDATES VI EUPATOR AND ROME:
THE CONFRONTATION OF TWO EMPIRES
IN THE STUDIES OF PROFESSOR E.A. MOLEV**

Abstract. The paper deals with the studies of Professor E.A. Molev, dedicated to the confrontation between Rome and the Pontic state of Mithridates VI Eupator. The original contribution of E.A. Molev in the study of this topic, both his general approaches to it and the interpretation of individual specific issues that were posed and

---

* Работа подготовлена при поддержке РФФ в рамках проекта № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

solved by the author are analyzed within the very intensive development of the current world historiography on Mithridates Eupator, his empire and his wars with Rome. These studies make an important and interesting contribution to the overall picture, highlight a set of really significant issues (prehistory of the Mithridatic Wars, the role of Bosphorus in the Roman-Pontic confrontation, the composition of the armed forces, the importance of the maritime factor and pirates in this struggle, the participation of slaves in military events, specifics of the emergence and functioning of the empire created by the king of Pontus), suggesting a number of original ideas and arguments for and against existing points of view.

Keywords: E.A. Molev, Mithridates VI Eupator, Wars of Mithridates, Kingdom of Pontus, Rome, Bosphorus, empire.

Профессор Евгений Александрович Молев (1947–2021), как хорошо знают его коллеги и ученики, был ученым с весьма широким диапазоном научных интересов, среди которых безусловное первенство принадлежит археологическим изысканиям (главным образом раскопкам городища Китея) и истории Боспора (с преимущественным вниманием к эпохе эллинизма). Археолог и историк в Е.А. Молеве, начиная с его первых шагов в науке, всегда взаимно дополняли друг друга. И если его профессиональный путь как археолога неразрывно на протяжении более чем 50 лет был связан с Северным Причерноморьем, то как историк он сформировался прежде всего как специалист по истории Понтийской державы Митридата VI Евпатора, которой была посвящена его кандидатская диссертация «Черноморская держава Митридата Евпатора», выполненная под научным руководством профессора В.Г. Боруховича и успешно защищенная в Ленинградском университете в 1977 г.¹, а также первая небольшая книга «Митридат Евпатор: Создание Черноморской державы», вышедшая в издательстве Саратовского государственного университета незадолго до защиты диссертации². Дополнением и продолжением этой книги на новом уровне стала монография «Властитель Понта»³, которая была издана в 1995 г. сразу после защиты автором докторской диссертации⁴. В этой диссертации, как и в монографии, в которой были кратко освещены основные вопросы диссертационного

---

¹ Молев1977b.

² Молев1976.

³ Молев1995a.

⁴ Молев1995b.

исследования⁵, специальная глава была посвящена взаимоотношениям Боспора с Митридатом. Тем не менее Е.А. Молев посчитал необходимым вновь обратиться к ключевой фигуре причерноморской (и восточносредиземноморской) истории конца II – первой половины I в. до н.э., чтобы осветить основные моменты драматического противостояния понтийского царя, подчинившего своей власти и Боспорское царство, и другие причерноморские области и вступившего в смертельную схватку с Римской республикой, которая стремилась окончательно утвердиться в качестве единственного гегемона Восточного Средиземноморья. Эта книга, хотя и написана преимущественно в повествовательном ключе и по своему жанру не предполагала пристального внимания к проблемным вопросам, долгое время оставалась в российской науке единственным целостным очерком, посвященным Митридату VI Евпатору⁶.

После этого на протяжении десяти лет Е.А. Молев к данной теме обращался сравнительно редко⁷, сосредоточившись в большей степени на ранней истории Боспора и публикации результатов своих археологических исследований. Однако начиная с 2005 г. и вплоть до последних лет жизни он публикует целый ряд статей и докладов, в которых рассматриваются как различные аспекты и проблемы отношений Рима и Митридата (предыстория Митридатовых войн, роль Боспора в римско-понтийском противостоянии, состав вооруженных сил, значение морского фактора и пиратов в этой борьбе, участие рабов в военных событиях), так и особенности возникновения и функционирования созданной царем Понта державы. Последней теме посвящена также одна из работ, написанная Евгением Александровичем накануне его безвременной кончины, — это еще не опубликованная глава «Держава Митридата VI Евпатора как империя» для готовящейся коллективной монографии об имперском Средиземноморье. Таким образом, можно сказать, что вопросы противоборства двух держав — Рима и Понта — оставались в

---

⁵ Молев 1994.

⁶ В последние годы появился целый ряд русскоязычных работ, преимущественно научно-популярного характера, в которых освещаются биография и военная деятельность Митридата: Наумов 2010; Талах 2012; Елисеев 2013; Чернявский 2016.

⁷ К «митридатовской» теме можно отнести только рецензию на монографию С.Ю. Сапрыкина о Понтийском царстве (Молев 1998) и несколько небольших работ, конкретизировавших ранее высказанные автором идеи о положении и роли Боспора в державе Митридата: Молев 1999а; 1999b; 2000; 2001, 2002а; 2002b.

фокусе внимания Е.А. Молева практически на всем протяжении его научного пути. Взятые в своей совокупности, они служат существенным углублением его более ранних работ по теме, которые были посвящены историографии и источниковедческим аспектам⁸ и, так сказать, общему нарративу об исторических судьбах Митридата Евпатора и его державы, включавшей в свой состав такую ключевую для всего Причерноморья формацию, как Боспор. Сразу надо оговорить, что в большинстве своем работы Е.А. Молева сосредоточены, так сказать, на митридатовой стороне, исследуют действия, планы, военно-политическую стратегию, вооруженные силы, реакции понтийского царя на действия римлян. Иначе говоря, это не столько история римской политики, сколько углубление истории Митридата. Но как раз такой ракурс оказывается важен для уяснения ряда важных моментов и собственно римской истории и показывает вклад Е.А. Молева в ее изучение.

Цель нашего очерка — оценить (разумеется, пока что только в первом приближении) оригинальный вклад Е.А. Молева в разработку названной темы, выяснив как его общие подходы к ее исследованию, так и интерпретацию отдельных конкретных проблем, которые ставились и решались автором и в русле его собственного научного поиска, и в связи с весьма интенсивным развитием новейшей мировой историографии, посвященной Митридату Евпатору, его державе и войнам с Римом⁹. За состоянием дел в этой области Е.А. Молев всегда присталь-

---

⁸ Историографический очерк, посвященный изучению становления митридатской державы, собственно, стал одной из первых публикаций Е.А. Молева по данной теме (Молев 1977а). Историографическим аспектам темы посвящены и отдельные более поздние работы Е.А. Молев, в том числе: Молев 2019d, в которой дана оценка вклада Д.Б. Шелова в изучение истории Боспора в связи с деятельностью Митридата Евпатора и отмечено влияние идей коллеги на взгляды и подходы самого Евгения Александровича. В частности, в названной работе (Молев 2019d, 32) он указывает, что Д.Б. Шелов обратил его внимание на недостаточное использование материалов о Фракии и понтийско-фракийских связях, что определило направление его дальнейших поисков и в результате новых исследований в значительной степени сблизило точки зрения (Молев, 1985b, 286–292; 1991, 26–27; Молев 1994, 84). Что касается источниковедческих сюжетов, то прежде всего надо указать работы о значении для истории боспоропонтийских отношений такого важного эпиграфического памятника, как открытая в 1976 г. надпись на фрагменте постамента статуи Митридата (Молев 1978 и 1999b; Виноградов, Молев, Толстиков 1982 и 1985).

⁹ За несколько десятилетий после защиты докторской диссертации и выхода в свет «Властителя Понта» эта историография существенно пополнилась как

но следил и стремился, по возможности, в полной мере учесть все те труды, что публиковались зарубежными коллегами. Как представляется, именно появления целого ряда новейших, в том числе монографических исследований, посвященных римско-пантийскому противостоянию, стало одной из причин активизации работы Е.А. Молева в этом направлении, и, знакомясь с этими трудами, он, как признанный специалист по Митридату, не мог не откликнуться на высказываемые точки зрения и возникающие дискуссии. Возвращаясь — на новом уровне — к когда-то затронутым вопросам, он продолжал всё более тщательно анализировать имеющиеся источники и оттачивать аргументы в пользу своей позиции.

Одним из таких вопросов являются особенности положения Боспора в составе державы Митридата Евпатора, в которую он вошел около 107/106 г. до н.э., после разгрома скифского восстания под предводительством Савмака. Раз за разом обращаясь к этой весьма дискуссионной теме¹⁰ (важной также и для понимания расстановки сил в римско-пантийском противостоянии), Е.А. Молев полемизировал с авторитетными мнениями (Т. Рейнака, Д.Б. Шелова, В.Ф. Гайдукевича, С.Ю. Сапрыкина и других исследователей), доказывая, что Боспор не мог быть ни обособленной политической единицей в составе Пантийского царства, управляемой особым наместником, ни вассальным царством, ни вице-царством, но представлял собой единую в административном отношении провинцию или сатрапию — новое образование вместе с Херсонесом и какой-то частью Скифии и вновь подчиненными племенами в Азии¹¹. Центром ее стал, вероятно, Пантикапей¹².

В то же время в поле зрения Е.А. Молева в 2000-е гг. появляются новые сюжеты, требовавшие более пристального внимания к действиям второй стороны, т. е. Рима, в многолетнем противоборстве. Показательна в этом плане статья «Встреча Митридата с Марием в плане развития

фундаментальными монографическими трудами, так и большим количеством исследований конкретных сюжетов. См., например: Ballesteros Pastor 1996; de Callataÿ 1997; Mastrocinque 1999; Erciyas 2006; Matyszak 2008; Højte (ed.) 2009; Mayor 2010 (русский перевод: Мэйор 2015); Roller 2020. Из работ, посвященных конкретным сюжетам отметим те, которые наиболее близки к проблематике, разрабатывавшейся Е.А. Молевым: Olbrycht 2011; Arrayás Morales 2013; 2016a; 2016b; 2016c; Ballesteros-Pastor 2014; 2018.

¹⁰ См.: Молев 1974; 1980; 1999a; 2000; 2001; 2002a; 2002b; 2009; 2018c; Molev 2009.

¹¹ Молев 2001, 93; ср. Molev 2009, 322.

¹² Молев 2009, 171.

военной доктрины Понта»¹³. В ней ставится вопрос не только о том, как эта встреча повлияла на военные планы Митридата, но и о том, какие цели мог преследовать римский полководец. Отвечая на этот вопрос, автор убедительно возражает против точки зрения, согласно которой Марий был главой некоего официального римского посольства, и приводит дополнительные аргументы в пользу мнения, что его поездка в Малую Азию была скорее неофициальной дипломатической миссией, направленной на решение вопроса о Галатии и Каппадокии в нужном для римлян варианте. Интересные соображения высказываются и по вопросу о том, почему именно Марий взялся за эту миссию. В частности, Е.А. Молев справедливо подчеркивает, что в сложившейся ситуации только такой человек, как Марий — многоопытный полководец, известный своими блестящими победами, мог серьезно напугать понтийского царя и заставить его отказаться от претензий к Риму, но не от дальнейших завоеваний вообще. Римлянам же было важно в тот момент, избежав большой войны с сильным противником, вместе с тем предоставить Митридату свободу рук против других малоазийских правителей. Соответственно, эта встреча повлияла на изменение того, что исследователь (на наш взгляд, несколько анахронистично) называет военной доктриной Митридата¹⁴, которая на данном этапе была ограничена целью установления понтийского господства в пределах Малой Азии. Однако последующие действия римских наместников в восточных провинциях коренным образом усугубили ситуацию, сделав войну неизбежной, причем, как считает Е.А. Молев, не по вине Митридата. Как он заметил еще в «Властителе Понта», «очевидное нежелание считаться с реальностью и традиционное римское высокомерие по отношению к другим народам очень дорого обошлись Риму»¹⁵.

К проблеме причин римско-понтийских войн Е.А. Молев специально обращается и в статье «Митридат и Рим: “кто” был “кем” накануне первой Митридатовой войны?»¹⁶, в которой приходит к выводу, что Митридат накануне первой войны с Римом действовал в оборонительном ключе, желая сохранить и укрепить независимость своего государ-

---

¹³ Молев 2005.

¹⁴ Этой теме посвящена также другая статья, в которой дается также оценка вооруженных сил, имевшихся в распоряжении понтийского царя: Молев 2013.

¹⁵ Молев 1995, 62.

¹⁶ Молев 2019b.

ства за счет соседей в соответствии с идеологией того времени¹⁷. И поэтому «не надо искать других агрессоров там, где и так всё очевидно»¹⁸.

Полемизирует Е.А. Молев и с другими высказанными в научной литературе мнениями. Так, он решительно выступил против утверждения, что Митридата можно считать организатором социального протеста народов Малой Азии против римского господства. По его мнению, у Митридата, который, действительно, довольно широко привлекал в свои войска рабов, отнюдь не было какой-либо широкомасштабной социальной программы, и его шаги диктовались необходимостью привлечь на свою сторону низы провинции Азия и пополнить свою армию¹⁹. Только после поражения армии Архелая в Греции царь отменяет долги, налоги, освобождает рабов и дает гражданские права метекам, но это был не более чем сиюминутный политический ход, и в данном случае Митридат не вмешивается в земельные дела полисов²⁰.

Впрочем, исследователь не исключал возможной связи Спартака с Митридатом, несмотря на полное молчание источников на этот счет²¹. Ибо понтийский царь не упускал ни одной возможности, чтобы причинить вред Риму, и имел контакты с италийскими союзниками Рима накануне своей первой войны с римлянами, а в его войсках было немало перебежчиков из числа италийцев. Сама «рабская война», как указывает Е.А. Молев, делала Спартака объективным союзником понтийского царя и не могла не вызывать у него стремления укрепить этот союз. При всей своей гипотетичности эта мысль, которая ранее, насколько я могу судить, не высказывалась в научной литературе, заслуживает, как представляется, внимания. Кроме того, вопреки высказывавшимся в литературе мнениям²², Е.А. Молев продолжал считать, что планы Митридата вторгнуться в Италию через Фракию не были плодом римской пропаганды, но представляются вполне реальными²³.

Касается Е.А. Молев в своих исследованиях Митридатовых войн и вопроса о составе и боевых качествах вооруженных сил понтийского царя²⁴. Он приходит к выводу, что, несмотря на численное равенство и

---

¹⁷ Ср. Молев 2019с, 75. См. также: Molev 2021.

¹⁸ Молев 2019b, 480.

¹⁹ Молев 2020b.

²⁰ Ср. Молев 2002a, 62.

²¹ Молев 1995a, 121–122.

²² Короленков2011, 143.

²³ Молев 1985b; 2018d.

²⁴ Молев 2010; 2013; 2018b.

даже превосходство на отдельных этапах войск Митридата над римскими и несмотря на его попытки преобразовать их по римскому образцу, боевые качества понтийской армии так и не достигли уровня римлян, ибо, в конечном счете, «собранная по частям его держава так и осталась обычной “восточной” деспотией и не смогла... превратиться в единое государство с общими интересами»²⁵.

Рассматривая же процесс создания понтийского военного флота и его участие в боевых действиях в период первой и последующих Митридатовых войн²⁶, Е.А. Молев отмечает, что хотя Митридат начал использовать флот еще до столкновения с Римом и рассчитывал с его помощью воспрепятствовать римлянам высадиться в Азии, он потерпел неудачу и победа римлян в первой войне с Понтом наглядно показала обеим сторонам значимость военно-морских сил. Во всяком случае, установка царя на количество кораблей, а не на качество подготовки экипажей и командного состава флота не оправдалась; кроме того, обстановка сложилась так, что значительная часть сил понтийского флота была вынуждена заниматься не блокадой вражеских берегов с целью пресечения попыток переправы римских войск в Грецию, а снабжением своих сухопутных войск²⁷. Так же и в ходе третьей войны флот Митридата был привязан к боевым действиям сухопутной армии и фактически не решал самостоятельных боевых задач; и в дальнейшем его роль свелась лишь к обороне городов своего государства²⁸. В рамках «военно-морской» темы Е.А. Молев специально останавливается и на вопросе о союзе Митридата с пиратами²⁹ и аргументирует точку зрения, что прямая помощь пиратов понтийскому флоту в боевых действиях была незначительной в сравнении с их самостоятельными действиями против Рима и не оказала существенного влияния на итог войны, хотя их действия при обороне Аполлонии и Синопы были достаточно эффективны.

Тему римско-понтийского противостояния Е.А. Молев изначально разрабатывал, рассматривая его преимущественно со стороны Понта и действий Митридата, с акцентом на боспорский фактор его политики, но в последние годы обратился также к сюжетам, связанным с римской стороной, с теми внутривосточными перипетиями, что возникали в самом Риме в непосредственной связи с Митридатовыми войнами.

---

²⁵ 2018b, 247.

²⁶ Молев 2016; 2019a.

²⁷ Молев 2016, 350, 352.

²⁸ Молев 2019a, 99–100.

²⁹ Молев 2018a.

Этим эпизодам он посвятил две статьи, включив в поле зрения соответствующий круг римских источников (прежде всего речи Цицерона).

Одна из них посвящена триумфу, полученному в 81 г. до н.э. Луцием Лицинием Муреной, одним из сподвижников Суллы, в связи с итогами второй Митридатовой войны, которые получили неоднозначные оценки в античных источниках и современной историографии³⁰. Задаваясь вопросом, почему Мурена оказался в рядах победителей царя Понта, наряду с Суллой, Лукуллом и Помпеем, хотя реальным победителем был только последний, а сам Мурена был разбит и не взял под контроль часть Каппадокии, которую Митридат должен был вернуть Ариобарзану, Е.А. Молев вполне убедительно показывает, что этот триумф был получен отнюдь не за реальные военные заслуги. Это произошло потому, что решение о предоставлении триумфа Мурене было принято лично Суллой, в руках которого тогда находилась власть в Риме и который нуждался в позитивной истории своего правления и ради этого связал военные действия Мурены со своими реальными победами, с одной стороны, представив себя спасителем Рима от столь сильного врага, как Митридат, а с другой, показывая, что военная ситуация в Малой Азии находится под контролем Рима. Но уже у младших его современников (Цицерона, Тита Ливия) такая оценка вызывала вполне законные сомнения. Сама же вторая Митридатова война, вопреки мнению некоторых исследователей, выглядит событием не большим, чем набег грабителя³¹.

Во второй статье Е.А. Молев обращается к вопросу о влиянии такого знакового события, как «Эфесская резня» 88 г. до н.э., на конкретные действия римских политических лидеров, чтобы объяснить парадоксальную ситуацию, когда их решения в отношении царя Понта далеко не всегда соответствовали тому, что надлежало бы сделать в ответ на массовое убийство своих сограждан³². Исходя из косвенных данных, Е.А. Молев полагает, что к избиению римлян в провинции Азия Митридата, вероятнее всего, побудил римский изгнанник Публий Рутилий Руф³³, несправедливо осужденный в 92 г. до н.э. якобы за вымогательства и злоупотребления во вверенной ему провинции. Он имел переписку с Митридатом и, по предположению исследователя, мог указать царю на пагубную деятельность римских публиканов и ростовщиков в

---

³⁰ Молев 2020а.

³¹ Молев 2020а, 152.

³² Молев 2021.

³³ Ср. Roller 2020, 148–149.

провинции, с которыми он сам пытался бороться, и предостеречь царя от возможного сотрудничества с ними. Однако эта рекомендация Рутилия, очевидно, не могла распространяться на всех римлян и италиков, находившихся в Азии, но касалась только названной наиболее одиозной группы римлян. Поэтому, делает вывод автор, «то, что в реальности досталось всем римлянам и италийцам, — это уже следствие собственной инициативы Митридата»³⁴. Как и в более ранней работе³⁵, резонно и аргументированно выступает Е.А. Молев против мнения о предполагаемом некоторыми историками союзе Митридата с Суллой и Катилиной. В целом убедительно обосновывается оригинальный вывод, что изначально «Эфесская резня» не стала реальным фактором дальнейшего противостояния Рима с Понтом, поскольку «для политических деятелей Рима месть за погибших римских граждан далеко не всегда была достаточно веским основанием для объявления войны. Резня римлян, устроенная понтийским царем, стала следствием прежде всего ненависти к римлянам местного населения». Это кровопролитие обнажило крайнюю непопулярность Рима в Азии, и поэтому «римские политически деятели постарались не слишком его афишировать, тем более что сами поступали в аналогичных (и не только) случаях точно так же»³⁶. В этой же статье Е.А. Молев решительно возражает против использования некоторыми исследователями для характеристики Митридата категории «успешный психопат»³⁷ и связи с этим формулирует свою принципиальную позицию: «Мне кажется, что при всех прочих равных условиях, наиболее важной является оценка политического деятеля в источниках его исторической эпохи. И если никакие древние авторы не считали Митридата сумасшедшим, то тем более и у нас для этого нет никаких оснований»³⁸.

Такой позиции, надо сказать, Е.А. Молев последовательно придерживался на всем протяжении своей работы над темой римско-понтийского противостояния, сознательно избегая каких бы то ни было произвольных оценок и построений, опирающихся не столько на источники, сколько на субъективные пристрастия и искусственные конструкции. Это относится в первую очередь к общим оценкам главных событий и действующих лиц. Отдавая должное недюжинным талантам,

---

³⁴ Молев 2021, 229.

³⁵ Молев 1985, 292.

³⁶ Молев 2021, 235.

³⁷ Mayor 2010, 173.

³⁸ Молев 2021, 236.

неимоверному упорству, дерзновенной грандиозности замыслов и личному мужеству властителя Понта, а вместе с тем не затушевывая его промахов и пороков, он неизменно стремился к взвешенности и конкретным, и тем более обобщающим суждений, которая достигалась отказом от крайностей «проримского»³⁹ и «промитридатовского» взглядов, недопущением как очернения образа Митридата, так и его романтической героизации⁴⁰. Как исследователю скорее позитивистского склада, Е.А. Молеву были чужды «виртуальные» мыслительные эксперименты, «научное использование воображения», призванное «заполнить пробелы между дошедшими до нас рассказами и встроенными в контекст фразами», как характеризует такой метод современная исследовательница⁴¹. Для Е.А. Молева всё же основополагающим подходом всегда оставалась опора на тщательный анализ сохранившихся источников (с презумпцией достоверности ядра фактографической информации, в них отложившейся) и строго логические аргументы. Не будем забывать и о том, что его работы о Митридате, включая и «Властителя Понта», — это не историко-биографические реконструкции, но история становления и гибели «предпоследней» могучей эллинистической державы, что предполагает совершенно иную целевую исследовательскую установку: концентрацию не на личности, а на исторических событиях и процессах, развивавшихся по собственной логике, в конкретных взаимосвязях и взаимообусловленности, вскрыть которые и есть главная задача историка. При этом широкие концептуальные обобщения как таковые, споры о содержании генерализирующих категорий не были в фокусе его внимания, за исключением тех сравнительно немногих включений в перманентную дискуссию о сущности эллинизма и его локальных вариантах⁴².

---

³⁹ Такой проримский взгляд характерен, например, для Т. Моммзена, который изобразил Митридата врагом культуры, восточным султаном-деспотом, хотя и признавал в нем замечательную, в полном смысле слова всемирно-историческую фигуру (Моммзен 1994, 195–197).

⁴⁰ Такая героизация, отчасти питаемая восхищением некоторых античных авторов, явственно присутствует в недавних научно-популярных работах, в которых Митридат предстает как борец против однополярной мировой системы, который гораздо ближе и понятнее, чем многие деятели западной истории (Елисеев 2013), как вождь, который, «подняв знамя эллинизма, повсюду обрел искренних друзей» (Чернявский 2016, 6).

⁴¹ Мэйор 2015, 13.

⁴² См. об этом статью С.К. Сизова на страницах настоящего издания.

Тем не менее, в одной из своих последних работ, подготовленных к публикации незадолго до ухода из жизни, Е.А. Молев обратился к общей характеристике Понтийского царства Митридата Евпатора как империи⁴³. Непосредственным импульсом для этой небольшой статьи, очевидно, стало знакомство с недавней работой Сабины Мюллер, в которой основное внимание уделено характеристике личности царя Понта и его борьбе с Римом, но остались практически не выделены те черты государственной системы Понтийского царства, которые позволяют характеризовать его именно как империю⁴⁴. Отталкиваясь от характеристик понтийской государственной системы в трудах своих предшественников, автор приходит к выводу, что именно Митридат VI Евпатор стал тем политическим лидером, который, опираясь на достижения предшествующих правителей Понта (территориальное расширение царства, включение в его состав греческих городов, создание новой административной системы и прочной финансовой баз), превратил государство в империю в самом конце II в. до н.э., когда после разгрома скифов принял титул «царь царей», что стало ключевым моментом в данном процессе, так же как и обожествление понтийского царя под именем Диониса, которое, как и титул «царь царей», зафиксировано в известной посвятельной надписи из Нимфея (*SEG* 37 668), датируемой Е.А. Молевым в пределах 106–102 гг. до н.э.⁴⁵ При этом, как констатирует Е.А. Молев, «понтийское самодержавие не было ни системой эллинистического правления, ни деспотией восточного типа. В нем присутствовали и сочетались и те, и другие черты».

С этим выводом, который не получил в данной работе подробного обоснования, думается, можно поспорить. Безусловно, более детальной характеристики (в том числе и в сопоставлении с другими эллинистическими империями) заслуживают и выделенные Е.А. Молевым имперские черты Понтийской державы, равно как и другие, оставшиеся вне его поля зрения ее структурные элементы (например, царский двор).

---

⁴³ Молев (в печати).

⁴⁴ Müller 2020.

⁴⁵ В современной литературе, однако, более распространенной является дата 89/88 г. до н.э. Обзор мнений см.: Engels 2014, 345. Нимфейская надпись, однако, не позволяет сказать, именовался ли Митридат «царем царей» или «великим царем царей». Похоже, что и римляне не знали о существовании у Митридата титула «царь царей» или «Великий царь царей», во всяком случае ни в одном из римских свидетельств о Митридатовых войнах он не упоминается. См.: Lerouge-Cohen 2022, 367–369.

Интересно было бы поставить вопрос о том, в какой степени Понт можно считать морской империей. Так или иначе, рассмотрение державы Митридата в имперской перспективе, лишь бегло упомянутое Е.А. Молевым, безусловно, является весьма перспективным направлением дальнейших исследований, особенно в русле тех подходов, которые развиваются в рамках «имперского поворота», в том числе и применительно к истории эллинистических монархий. Эти последние (главным образом государства Антигонидов, Селевкидов и Птолемеев) в настоящее время рассматриваются не как «царства» или страны (Македония, Сирия, Египет), но именно как империи, как сетевые политии или транзакционные системы (transactional systems), в которых властные отношения являются предметом согласования между различными имперскими и местными акторами⁴⁶.

В заключение рискнем высказать предположение, что очерченная исследовательская позиция Е.А. Молева в разработке темы римско-понтийского противоборства, с характерной равноудаленностью от сугубо «проримского» и «промитридатовского» ракурсов, с акцентом на позитивистской фактографичности и объективистской причинности, по своим исходным предпосылкам, с одной стороны, является отчасти следствием его неизменной сосредоточенности на Боспоре, который исторически, на протяжении своего существования, нередко оказывался периферийной сценой противостояния великих держав и, вовлекаясь в него, должен был балансировать между ними. Соответственно, и на Рим, и на Понтийскую державу как таковые Е.А. Молев смотрел более отстраненно, в значительной степени через призму Боспора, который оставался предметом его наиболее углубленного интереса. С другой стороны, как археолог, он во главу угла ставил «ососязаемость» исторического факта и, быть может, поэтому не склонен был увлекаться конструированием концепций.

Так или иначе, исследования римско-понтийского противостояния, которыми на протяжении почти 50 лет увлеченно занимался Е.А. Молев, вносят важный и интересный вклад в общую картину, освещая комплекс действительно значимых вопросов (предыстория Митридатых войн, роль Боспора в римско-понтийском противостоянии, состав вооруженных сил, значение морского фактора и пиратов в этой борьбе, участие рабов в военных событиях) и предлагая ряд оригинальных идей и аргументов за и против существующих точек зрения.

---

⁴⁶ Об этих подходах см., в частности: Kosmin 2014; Strootman 2014; 2019.

Литература

- Виноградов, Ю.Г., Молев, Е.А., Толстиков, В.П. 1982: Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи. В кн.: *Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье»*, Цхалтубо, 21–27 мая 1982 г.: Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 8–11.
- Виноградов, Ю.Г., Молев, Е.А., Толстиков, В.П. 1985: Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи. В кн.: О. Лордкипанидзе (отв. ред.), *Причерноморье в эпоху эллинизма: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья Цхалтубо–1982*. Тбилиси, 589–601.
- Елисеев, М. 2013: *Митридат против римских легионов. Это наша война! М.*
- Короленков, А.В. 2011: Митридат и Серторий. *Studia historica* 11, 140–159.
- Молев, Е.А. 1974: Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре. *АМА* 2, 60–72.
- Молев, Е.А. 1976: *Митридат Евпатор: Создание Черноморской державы* / под ред. Р.А. Стручалиной. Саратов.
- Молев, Е.А. 1977а: Создание Черноморской державы Митридата Евпатора (историография вопроса). *АМА* 3, 20–29.
- Молев, Е.А. 1977б: *Черноморская держава Митридата Евпатора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.*
- Молев, Е.А. 1978: Новые эпиграфические находки из Керчи. *ВДИ* 2, 131–134.
- Молев, Е.А. 1979: Малая Армения и Митридат Евпатор. В кн.: Б.Б. Пиотровский (отв. ред.), *Проблемы античной истории и культуры: Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене»* [18–23 мая 1976 г.]. Т. 1. Ереван, 185–191.
- Молев, Е.А. 1980: О пропонтийской ориентации боспорян в период подчинения Боспора Понту. В кн.: *Проблемы античной истории и классической филологии: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии»*, 6–8 февраля 1980 г. Харьков, 43–44.
- Молев, Е.А. 1982: О происхождении и приходе к власти в Понте династии Митридатидов. В кн.: *Эллинизм в Причерноморье: Тезисы докладов*. Тбилиси, 68–70.
- Молев, Е.А. 1983: К вопросу о происхождении династии понтийских Митридатидов. *ВДИ* 4, 131–139.
- Молев, Е.А. 1985а: Митридат Ктис — правитель Понта. В кн.: О. Лордкипанидзе (отв. ред.), *Причерноморье в эпоху эллинизма: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья Цхалтубо–1982*. Тбилиси, 581–589.
- Молев, Е.А. 1985б: Западнопонтийские города в антиримских войнах Митридата Евпатора. *Годишник на Софийски университет «Климент Охридски» Исторически факултет 77/ 2*, 286–293.

- Молев, Е.А. 1991: Фракия в войнах Митридата Евпатора. В кн.: *Болгаристика в системе общественных наук: Опыт, уроки, перспективы*: Тезисы докладов и сообщений Второй всесоюзной конференции по болгаристике (II Дриновских чтений), 5–7 февраля 1991 г. Харьков, 26–27.
- Молев, Е.А. 1994: *Боспор в период эллинизма*. Нижний Новгород.
- Молев, Е.А. 1995а: *Властитель Понта*. Нижний Новгород.
- Молев, Е.А. 1995б: *Политическая история Боспора в период эллинизма (III – первая половина I в. до н.э.)*: Дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород.
- Молев, Е.А. 1998: Рец.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. *ВДИ* 4, 207–214.
- Молев, Е.А. 1999а: Боспор под властью Митридата и Фарнака. В кн.: *VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского*. М., 79.
- Молев, Е.А. 1999б: О времени установки статуи Митридата Евпатора в Нимфее. *Античный мир*: Материалы научной конференции. Белгород, 85–91.
- Молев, Е.А. 2000: Положение Боспора в составе Понтийской державы Митридата Евпатора. В кн.: *VII чтения памяти профессора Н.П. Соколова*: Тезисы докладов. Нижний Новгород, 42–44.
- Молев, Е.А. 2001: Политическое положение Боспора в составе Понта. *ИИАО* 7, 90–101.
- Молев, Е.А. 2002а: Боспор в составе Понта. *Известия на народния музей Бургас* 4, 59–68.
- Молев, Е.А. 2002б: Правление Фарнака на Боспоре. *БФ*, 146–151.
- Молев, Е.А. 2005: Встреча Митридата с Марием в плане развития военной доктрины Понта. *Antiquitas Aeterna* 1, 205–210.
- Молев, Е.А. 2009: Митридат VI Евпатор и его потомки на Боспоре. *Норция* VI, 171–179.
- Молев, Е.А. 2010: Вооруженные силы Митридата Евпатора на Боспоре. *ИИАО* 13, 141–147.
- Молев, Е.А. 2012: Рим и Понт от Фарнака I до Митридата VI. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6(3), 168–172.
- Молев, Е.А. 2013: Армия и военная доктрина Понта до Митридата Евпатора. В кн.: А.А. Сеницын, М.М. Холод (сост. и науч. ред.), *KOINON ΔΡΩΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег*. СПб., 237–241.
- Молев, Е.А. 2016: Военно-морской флот Понта – первые испытания. *МАИАСК* 8, 346–356.
- Молев, Е.А. 2018а: Пираты Митридата Евпатора против Рима. *Stratum plus* 4, 311–316.
- Молев, Е.А. 2018б: Военные силы Понта при Митридате Евпаторе. В кн.: О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Сеницын (ред.), *ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова*. М.–СПб., 243–247.
- Молев, Е.А. 2018с: Особенности территориального и государственного формирования Понта от Ктиста до Евпатора. *Исторический вестник* 26, 42–65.

- Молев, Е.А. 2018d: Из политической истории Боспора (Фарнак как наследник Митридата Евпатора). *Мнемон* 18/1, 373–381.
- Молев, Е.А. 2019а: Морской фактор в борьбе Понта с Римом. *Ученые записки Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского* 5(71)/1, 93–102.
- Молев, Е.А. 2019б: Митридат и Рим: «кто» был «кем» накануне первой Митридатовой войны? *МАИАСП* 11, 473–483.
- Молев, Е.А. 2019с: Внешнеполитические планы Митридата в оценке античных авторов. В кн.: *Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. VI*. Материалы научной сессии кафедры всеобщей истории к 40-летию начала антиковедческих исследований. Белгород, 67–76.
- Молев, Е.А. 2019d: «Митридатика» в трудах Д.Б. Шелова. *Вестник Танаиса*. № 5. Т. 2. Ростов-на-Дону, 31–41.
- Молев, Е.А. 2020а: Награда... за поражение (триумф Мурены за победу над Митридатом Евпатором). *АВ* 29, 147–154.
- Молев, Е.А. 2020б: Рабы в войнах Митридата VI Евпатора. *МАИАСП* 12, 545–552.
- Молев, Е.А. 2021: «Эфесская резня» как политический инструмент в руках римской политической элиты эпохи Митридатовых войн. В кн.: А.В. Махлаук (отв. ред.), *История и культура античного мира (к 100-летию со дня рождения профессора В.Г. Буруховича)*: Сб. науч. тр. Нижний Новгород, 224–238.
- Молев, Е.А. (в печати): Держава Митридата VI Евпатора как империя.
- Моммзен, Т. 1994: *История Рима*. Т. II. СПб.
- Мэйор, А. 2015: *Митридат. Отважный воин, блестящий стратег, злоедействующий отравитель. 120–63 гг. до нашей эры* / пер. с англ. Л. Огарёвой. М.
- Наумов, Л.А. 2010: *Митридатовы войны: (мысли дилетанта)*. М.
- Талах, В.Н. 2012: *Рожденный под знаком кометы: Митридат Евпатор Дионис* / Под ред. В.Н. Талаха, С.А. Куприенко. 2-е, доп. и перераб. Киев.
- Чернявский, С.Н. 2016: *Митридат Великий, «последний эллин»*. М.
- Arrayás Morales, I. 2013: Más piratas que corsarios: Mitridates Eupátor y Sertorio ante el fenómeno pirático. *Latomus* 72, 96–121.
- Arrayás Morales, I. 2016а: Conectividad mediterránea en el marco del conflicto mitridático. *Klio* 98, 158–183.
- Arrayás Morales, I. 2016b: Las guerras mitridáticas en la geopolítica mediterránea: Sobre los contactos entre Mitridates Eupátor y los Itálicos. *Aevum* 90, 155–87.
- Arrayás Morales, I. 2016с: Sobre la fluctuación en las alianzas en el marco de las guerras mitridáticas: Algonos casos significativos en Anatolia *REÁ* 118, 79–98.
- Ballesteros Pastor, L. 1996: *Mitridates Eupator, rey del Ponto*. Granada.
- Ballesteros-Pastor, L. 2014: The Meeting Between Marius and Mithridates and the Pontic Policy in Cappadocia. *Cedrus* 2, 225–239.
- Ballesteros- Pastor, L. 2018: De Rey del Ponto a Rey de Reyes. El imperio de Mitridates Eupátor en el contexto del Oriente tardo-helenístico. In: L.R. Cresci, F.

- Gazzano (eds.), *De imperiis. L'idea di impero universale e la successione degli imperi nell'antichità*. Roma, 137–170.
- de Callataÿ, F. 1997: *L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies*. Louvain-la-Neuve.
- Engels, D. 2014: Überlegungen zur Funktion der Titel “Groskönig” und “König der Könige” vom 3. zum 1. Jh. v. Chr. In: V. Cojocar, M. Dana, A. Coşkun (eds.), *Interconnectivity in the Mediterranean and Pontic World during the Hellenistic and the Roman Periods*. Cluj- Napoca, 333–363.
- Erciyas, D.B. 2006: *Wealth, Aristocracy and Royal Propaganda under the Hellenistic Kingdom of the Mithradatids*. Leiden–Boston.
- Højte, J.M. (ed.) 2009: *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Aarhus.
- Kosmin, P.J. 2014: *The Land of the Elephant Kings: Space, Territory, and Ideology in the Seleucid Empire*. Cambridge, Mass.
- Lerouge-Cohen, Ch. 2022: *Souvenirs du passé perse à l'époque hellénistique. Arménie, Cappadoce, Commagene, Perside, Pont, Royaume Arsacide*. Bruxelles.
- Mastrocinque, A. 1999: *Studi sulle Guerre Mitridatiche*. Stuttgart.
- Matyszak, Ph. 2008: *Mithridates the Great: Rome's Indomitable Enemy*. Barnsley.
- Mayor, A. 2010: *The Poison King: The Life and Legend of Mithradates, Rome's Deadliest Enemy*. Princeton–Oxford.
- Molev, E.A. 2009: Bospor under the Rule of Mithridates VI Eupator. In: J.M. Højte (ed.), *Mithridates VI and the Pontic Kingdom*. Aarhus, 209–215.
- Molev, E.A. 2021: Ancient authors on the foreign policy plans of Mithridates VI Eupator. In: *International Conference “Process Management and Scientific Developments”* (Birmingham, United Kingdom, Novotel Birmingham Centre, January 13, 2021). Part 2. Birmingham, 138–146.
- Müller, S. 2020: Mithradates VI and the Pontic Empire. In: R. Rollinger, J. Degen, M. Gehler (eds.), *Short-term Empires in World History*. Wiesbaden, 129–154.
- Olbrycht, M.J. 2011: Subjects and allies: the Black Sea empire of Mithridates VI Eupator (120–63 BC) reconsidered. In: E. Papuci-Władyka, M. Vickers, J. Bodzek, D. Braund (eds.), *PONTIKA 2008: Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st–26th April 2008, Kraków*. Oxford, 275–281.
- Roller, D.W. 2020: *Empire of the Black Sea: The Rise and Fall of the Mithridatic World*. Oxford.
- Strootman, R. 2014: *Courts and Elites in the Hellenistic Empires: The Near East After the Achaemenids, c. 330 to 30 BCE*. Edinburgh.
- Strootman, R. 2019: The Ptolemaic Sea Empire. In: R. Strootman, F. van den Eijnde, and R. van Wijk (eds.), *Empires of the Sea: Maritime Power Networks in World History*. Leiden–Boston, 113–152.

О.Ю. Климов

КТО ОНИ, РАБЫ, КОНФИСКОВАННЫЕ ПРИ ЦАРЯХ ФИЛАДЕЛЬФЕ И ФИЛОМЕТОРЕ (OGIS 338)?

Аннотация. В статье рассматривается одно важное положение декрета города Пергама, изданного в 133 г. до н.э. и предоставлявшего льготы ряду категорий бесправного населения. Автор полагает, что упоминаемые в тексте рабы, конфискованные при царях Аттале II и Аттале III, принадлежали тем придворным, над которыми были произведены расправы при восшествии царей на престол. Как известно, воцарение Аттала III сопровождалось убийствами приближенных Аттала II. Упоминание данной категории рабов позволяет предполагать, что не только переход власти к Атталу III, но и воцарение Аттала II протекало болезненно и сопровождалось расправами над приближенными предшественника. В соответствии с завещанием Аттала III эти рабы, как и другое царское имущество, переходили в собственность Рима, поэтому городским декретом им не предоставлялась свобода.

Ключевые слова: Эллинизм, Малая Азия в период эллинизма, Пергамское царство, Аттал II, Аттал III, восстание Аристоника.

Oleg Yu. Klimov

WHO THEY ARE, THE SLAVES CONFISCATED UNDER THE KINGS PHILADELPHUS AND PHILOMETOR (OGIS 338)?

Abstract. The article discusses one important provision of the decree of the city of Pergamon, issued in 133 BC and providing benefits to a number of categories of the disenfranchised population. The author believes that the slaves mentioned in the text, confiscated under the kings Attalus II and Attalus III, belonged to those courtiers who were massacred during the accession of the kings to the throne. It is known, that the accession of Attalus III was accompanied by the murders of Attalus II's associates. The mention of this category of slaves suggests that not only the transfer of power to Attalus III, but also the accession of Attalus II proceeded painfully and was accompanied by reprisals against the close ones of the predecessor. In accordance with the will of Attalus III, these slaves, like other royal property, became the property of Rome, so they were not granted freedom by the city decree.

Keywords: Hellenism, Asia Minor during the Hellenistic period, the Kingdom of Pergamon, Attalus II, Attalus III, the revolt of Aristonicus.

В 133 г. до н.э. гражданская община города Пергама приняла декрет, которым предоставлялись льготы ряду категорий бесправного населения и вводились суровые кары тем, кто намеревался покинуть город. Документ был составлен после смерти Аттала III Филометора, которая произошла, вероятно, весной 133 г. до н.э., но до утверждения завещания в Риме, которое состоялось в июле того же года¹. Считается, что декрет был издан в тот момент, когда на территории Пергамского царства началось событие, известное как восстание Аристоника или восстание гелиополитов, поэтому принятием настоящего декрета граждане столицы намеревались смягчить остроту ситуации в городе и объединить разные категории населения против опасности². Несмотря на то, что данному документальному свидетельству уделено немало внимания в литературе, некоторые его строки, тем не менее, требуют дополнительного пояснения.

Приведем перевод этого уникального эпиграфического источника, поскольку это важно для нашего последующего изложения. Документ гласит:

При жреце Менестрате, сыне Аполлодора, в 19-й день месяца Эвменей. Решил народ, по предложению стратегов. Поскольку царь Аттал Филометор и Эвергет, покинувший число людей, оставил отечество наше свободным, присоединив и гражданскую землю, которую он выделил, следует утвердить завещание у римлян. Необходимо ради общей безопасности предоставить гражданские права и подчиненным группам (людей) ввиду их полной благосклонности, оказанной народу. В добрый час! Народу постановить, чтобы предоставить гражданские права нижезаписанным: внесенным в списки пареков и тем из воинов, которые населяют город и страну, равным образом и македонянам, и мисийцам, и катекам, числящимся в крепостях и в древнем городе, и масдианам, и ... и стражникам, и другим вспомогательным войскам, живущим или имеющим владения в городе или в стране, равно как и женщинам и детям. В пареки перевести происходя-

---

¹ Hopp 1977, 133; Vogt 1959, 45.

² Юлкина 1947, 168; Блаватская, Голубцова, Павловская 1969, 192–193. О событиях конца правления Аттала III см.: Magie 1950, 30–33, 725, n.1; 778, not. 86; Carrata Thomes 1968, 27–31; Hansen 1971, 147–163; Vavřínek 1975, 109–129; Hopp 1977, 107–120; Gruen 1984, 592–601; Will 417–419; Kallet-Marx 1995, 97–99; Habicht 2008, 373–378; Deubner 2006, 13–17.

щих от вольноотпущенников и царских рабов: взрослых и юношей, также и женщин, кроме купленных при царях Филадельфе и Филометоре и конфискованных из частных владений, ставших царскими; то же и относительно общественных рабов; те же из живущих постоянно, кто или оставил ко времени смерти царя или собирается покинуть город или страну, те, и мужчины и женщины, будут лишены гражданских прав, а имущество каждого из них будет передано городу...»³

(OGIS 338. Пер. К.М. Колобовой,
с незначительными изменениями⁴)

Согласно декрету, надлежало освободить и дать статус пареков, то есть свободных неграждан, рабам городским (принадлежавшим городу Пергаму) и царским, «за исключением купленных при царях Филадельфе и Филометоре и конфискованных из частных владений, ставших царскими» (πλὴν τῶν ἡγορασμένων ἐπὶ τοῦ Φιλαδέλφου καὶ Φιλομήτορος βασιλέων καὶ τῶν ἀνειλημμένων[v] ἐκ τῶν οὐσιῶν τῷ γεγενημένῳ βασιλικῶν — vv. 23–25)⁵. Цари Филадельф и Филометор — это Аттал II (159–138 гг. до н.э.) и его племянник Аттал III (138–133 гг. до н.э.)⁶.

Кто были эти рабы, купленные при царях Филадельфе и Филометоре и конфискованные из частных владений, ставших царскими? Почему в отношении них сделано исключение: почему они не были освобождены из рабства вместе с некоторыми другими категориями рабов? В. Диттенбергер и М. Остин, указав в комментарии на то, что в документе идет речь о собственности, конфискованной короной, не предложили пояснения причины конфискации⁷. Данного объяснения недостаточно, и потому можно пойти дальше в попытках найти ответ на поставленные вопросы. Проливают свет на ситуацию некоторые факты из истории

---

³ Комментарии к документу см.: Юлкина 1947, 160–164; Hansen 1971, 152; Carrata Thomes 1968, 37–41; Нопп 1977, 131–135; Deubner 2006, 81–95. Более полное указание на предшествующую литературу см.: Нопп 1977, 132, Anm. 53; Deubner 2006, 81, Anm. 375.

⁴ Колобова 1962, 551–552.

⁵ Ср. перевод документа: Hansen 1971, 152; Austin 2006, 431; Deubner 2006, 82.

⁶ Климов 2010, 111, 117, 361, 364; Hansen 1971, 130, 149; Нопп 1977, 59, 107; Allen 1983, 181; Habicht 2008, 373, 376.

⁷ Dittenberger 1903, 536, n. 24; Austin 2006, 431, n. 8.

правления Аттала III, о которых упоминают Диодор Сицилийский и Юстин. По словам Диодора, Аттал III, став царем, пригласил во дворец приближенных своего предшественника, где по его приказу все они были убиты наемниками, после чего были истреблены их дети и жены. Точно так же были уничтожены и некоторые военные и административные лица (Diod. XXXIV.3). Юстин подтверждает эту информацию: «В Азии царь Аттал, получив от отца своего Эвмена и дяди по отцу Аттала богатейшее царство, запятнал свое правление убийствами друзей и казнями родичей, ложно обвиняя их то в том, будто они злодейски убили его мать-старуху, то — невесту Беренику. Проявив такую безумную и преступную жестокость, он оделся в рубище, отпустил бороду, отпустил волосы наподобие находящихся под судом, не появлялся в обществе, не показывался народу, не устраивал у себя дома веселых пиров, проявлял все признаки безумия, вообще вел себя так, что казалось, будто его карают маны убитых им людей... он получил солнечный удар и на седьмой день умер. В завещании он назначил своим наследником римский народ» (Just. XXXVI.4.1–5. Пер. А.А. Деконского и М.И. Рижского). Многие ученые давно обратили внимание на то, что в античной традиции личность последнего пергамского монарха представлена исключительно негативно и, вероятно, не вполне объективно, особенно в утверждениях древнегреческих и римских авторов о том, что Аттал III не занимался государственными делами: эти утверждения противоречат дошедшим до нас эпиграфическим свидетельствам (ср.: *OGIS* 332; *RC* 66, 67, 68, 69)⁸. Принимая эту оценку личности и деятельности Аттала III, следует сделать важную оговорку: при этом у нас нет оснований сомневаться в сообщениях Диодора Сицилийского и Юстина о расправах Аттала III над приближенными своего дяди и предшественника Аттала II⁹.

Итак, два автора определенно говорят о расправах царя Аттала III Филометора над приближенными его предшественника. Подобные расправы обычно сопровождалась конфискацией имущества убитых, в составе которого, несомненно, были и рабы. Поскольку расправа была произведена над представителями наиболее знатной и богатой группы

---

⁸ См.: Колобова 1962, 548–549; Юлкина 1947, 165; Климов 2010, 117–121; Беликов 2003, 144–145; Cardinali 1910, 269–320; McShane 1964, 193; Hansen 1971, 142–145; Нопп 1977, 116; Engster 2004, 66–82; Deubner 2006, 16–17.

⁹ Косвенным свидетельством этих расправ можно считать также сообщение Плутарха и некоторых других авторов об увлечении царя приготовлением ядов (Plut. *Demetr.* 20).

пергамской придворной элиты, число конфискованных рабов могло быть весьма значительным, и они составили, видимо, достаточно многочисленную категорию, которую необходимо было в декрете упомянуть.

В связи с этим возникает вопрос о том, почему эти рабы не были освобождены и не были переведены в категорию вольноотпущенников или пареков подобно некоторым другим категориям? Пергамский декрет был принят городским народным собранием после обнаружения завещания Аттала III и касался рабов, принадлежавших частным лицам и гражданской общине. Конфискованные рабы, о которых идет речь, составлявшие часть богатства репрессированных людей, поступили в государственную (царскую) казну и потому не подлежали юрисдикции городских властей; городские власти не имели права распоряжаться ими. Содержание царского завещания точно не известно, но в любом случае — передавалось ли Риму все царство или, как считают некоторые исследователи, только царские владения — надлежало передать в руки римлян царское (государственное) имущество. Следовательно, Риму принадлежали и рабы, конфискованные царями и ставшие государственными (царскими), а гражданская община столицы не имела права ими распоряжаться¹⁰. По этой же причине не освобождались рабы, купленные при царях Аттале II Филадельфе и Аттале III Филометоре, — они также входили в состав царской собственности, которая переходила в руки Рима.

В этой ситуации присутствует еще один важный момент, нуждающийся в пояснении. Декрет упоминает о рабах, купленных и конфиско-

---

¹⁰ О завещании Аттала III в источниках: Strab. XIII.4.2; Plut. *Tib. Gracch.* 14; App. *Mithr.* 62; App. *BC.* V.4; Liv. *Perioch.* 58; 59; Flor. 35.1–3; Val. Max. V.2.3; Vell. Pat. I.4.1; Just. XXXVI.4.1–5; Jul. Obs. 28; Eutrop. IV.18. В литературе о содержании завещания см.: Колобова 1962, 553; Magie 1950, I, 32–33; II, 780–781, n. 91–94; Carrata Thomes 1968, 32 ff.; Hansen 1971, 148–150; Hopp 1977, 127–129; Kallet-Marx, 1995, 99, n. 9; Habicht 2008, 378, n. 203, 205; Deubner 2006, 19–33.

Мы намеренно не разделяем в данном случае государственную и царскую личную собственность. Конечно, в Пергамском царстве, как и в других эллинистических государствах, существовала государственная собственность, а цари имели личный домен, но информации по этому вопросу недостаточно. Кроме того, можно полагать, что разделение этих категорий собственности в эллинистических царствах по причине специфики государственной власти и экономической модели нередко было весьма условным. О царском домене в государстве Селевкидов см.: Бикерман 1985, 114, 168; Смирнов 2011, 113–114, 115–116.

ванных, т. е. вошедших в состав царского имущества при двух царях — Аттале II Филадельфе и Атталe III Филометоре, но Диодор и Юстин сообщают только о репрессиях, которые обрушил Аттал III на приближенных своего предшественника и дяди Аттала II Филадельфа. Подобное поведение Аттала III в некоторой степени объяснимо.

Для этого следует обратиться к вопросу о дате его рождения и обстоятельствам воцарения на престоле. Считается, что Атталу III Филометору в момент смерти в 133 г. до н.э. было от 28 до 36 лет, следовательно, он родился, как полагают, между 168 и 161 гг. до н.э. Э. Хансен считает датой его рождения 162 г. до н.э. По мнению Й. Хоппа, дата рождения последнего пергамского царя падает на 161 г. до н.э. Р. Аллен доказывает, что наиболее вероятным годом рождения Аттала III является 168 г. до н.э.¹¹ Воцарение Аттала II Филадельфа состоялось в 159/8 г. до н.э., при этом незадолго до смерти своего брата Эвмена II он стал соправителем последнего¹². Восемнадцатилетнего возраста Аттал III достиг после 150 г. до н.э., но не позже 143 г. до н.э. Следовательно, повзрослевший Аттал III от 5 до 12 лет пребывал в статусе наследника и ожидал воцарения на престоле. Возможно, этим длительным ожиданием власти объясняется его ненависть к приближенным дяди — Аттала II, которых он приказал сразу же истребить, надев царскую диадему.

О переходе власти от Эвмена II к его брату Атталу II известно немного. Если считать, что упоминание в пергамском декрете 133 г. до н.э. конфискованных рабов относится не только к Атталу III, но и к Атталу II Филадельфу, то возникают основания предположить, что переход власти от Эвмена II к Атталу II, так же как затем от Аттала II к Атталу III, не был простым и безболезненным. Может быть, при дворе существовал круг влиятельных лиц, желавших после смерти Эвмена II привести к престолу юного сына Эвмена II Аттала III, чтобы самим определять государственную политику? Возможно также, что эти люди рассчитывали на то, что Аттал II не будет царствовать так долго — 21 год — и передаст власть племяннику, когда тот достигнет совершеннолетия. Так или иначе, но упоминание рабов, конфискованных при Атталe II Филадельфе, позволяет осторожно предположить, что этот царь, придя к власти после смерти своего брата Эвмена II или позже, в процессе правления расправился с какой-то группой влиятельных и богатых людей, конфисковав их имущество, в составе которого присутствовали рабы. Если это предположение верно, в распоряжении иссле-

---

¹¹ Hansen 1971, 474; Hopp 1977, 25; Allen 1983, 181, 193.

¹² Daux 1935, 230; Hansen 1971, 127; Habicht 2008, 373.

дователей оказывается факт, позволяющий по-новому взглянуть на процесс переход власти от Эвмена II к его брату Атталу II.

Разумеется, предложенное толкование фразы в тексте декрета о рабах, конфискованных при царях Аттале II Филадельфе и Аттале III Филопаторе, является лишь гипотезой, которую можно будет опровергнуть или подтвердить только на основе новых источников, но представляется, что на современном уровне знания она помогает понять некоторые детали, связанные с этим весьма содержательным, но не простым для понимания документом.

Литература

- Беликов, А.П. 2003: *Рим и эллинизм. Проблемы политических, экономических и культурных контактов*. Ставрополь.
- Блаватская, Т.В., Голубцова, Е.С., Павловская, А.И. 1969: *Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н.э.* М.
- Климов, О.Ю. 2010: *Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства*. СПб.
- Колобова, К.М. 1962: Аттал III и его завещание. В кн.: *Древний мир. Сборник статей в честь академика В. В. Струве*. М., 545–554.
- Смирнов, С.В. 2012: Царский домэн у Селевкидов в III в. до н.э. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 11, 109–116.
- Юлкина, О.Н. 1947: Пергамский декрет 133 г. до н.э. *ВДИ* 4, 160–168.
- Allen, R. 1983: *The Attalid Kingdom. A Constitutional History*. Oxford.
- Austin, M. 2006: *The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest. A Selection of Ancient Sources in Translation*. 2nd ed. Cambridge.
- Cardinali, G. 1910: La morte di Attalo III e la rivolta di Aristonico. In: *Saggi di Storia Antica e di Archeologia offerti a G. Beloch*. Roma, 269–320.
- Carrata Thomes, Fr. 1968: *La rivolta di Aristonico a la origini della provincia romana d'Asia*. Torino.
- Daux, G. 1935: Craton, Eumene II et Attale II. *BCH* 59, 210–230.
- Deubner, Fr. 2006: *Bellum Asiaticum. Der Krieg der Römer gegen Aristonikos von Pergamon und die Einrichtung der Provinz Asia*. 2., überarbeitete Auflage. München.
- Dittenberger, W. 1903: *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae*. Vol. I. Lipsiae.
- Engster, D. 2004: Attalos III. Philometor — ein “Sonderling” auf dem Thron? *Klio* 86.1, 66–82.
- Foucart, P. 1904: La formation de la province Romaine d'Asie. *Memoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres* 37, 297–339.
- Gruen, E. 1984: *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. Vol. 1. Berkeley–Los Angeles.
- Habicht, Chr. 2008: The Seleucids and their rivals. In: *CAH*. 2nd ed. Vol. VIII. Rome and the Mediterranean to 133 B.C. Cambridge.

- Hansen, E. 1971: *The Attalids of Pergamon*. Ithaca.
- Hopp, J. 1977: *Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden*. München.
- Kallet-Marx, R.M. 1995: *Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C.* Berkeley–Los Angeles.
- Magie, D. 1950: *Roman Rule in Asia Minor to the End of the third Century after Christ*. Vol. I–II. Princeton.
- McShane, R.B. 1964: *The Foreign Policy of the Attalids of Pergamon*. Urbana.
- Vavřínek, V. 1957: *La revolte d'Aristonikos*. Praha.
- Vavřínek, V. 1973: On the structure of the Slave Revolts. In: P. Oliva, J. Burian (hg.), *Sozialen Problemen in Hellenismus und im Römischen Reich*. Akten der Konferenz (Liblice, 10–13 Oktober 1972). Praha, 203–212.
- Vavřínek, V. 1975: Aristonicus of Pergamum: Pretender on the Throne or Leader of a Slave Revolt. *Eirene* 13, 109–129.
- Will, Ed. 2003: *Histoire politique du monde hellénistique*. T. 2. Nancy.
- Vogt, J. 1959: Pergamon und Aristonikos. In: *Atti del terzo congresso internazionale d'epigraphia greca e latina*. Roma, 45–54.

В.О. Никишин

РИМ И ИУДЕЯ: ТРИ ЭПИЗОДА ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена взаимоотношениям Рима и вассальных правителей Иудеи — Ирода Архелая, Ирода Антипы, Агриппы I и Агриппы II. Вассальные правители полностью зависели от своих римских патронов, их статус определялся двумя факторами: во-первых, это личное расположение правящего императора; во-вторых, это уровень компетентности самого вассального правителя и его способность обеспечивать в своих владениях безопасность и правопорядок. Если правитель демонстрировал свою неэффективность как управленец, терял популярность у подданных (Архелай) или попадал в опалу у императора (Антипа), его ожидали неминуемая отставка и ссылка. Впрочем, даже несмотря на исключительно осторожную и лояльную политику Агриппы I и Агриппы II, вассальное Иудейское царство в конце I в. н.э. было ликвидировано римскими властями, а бывшие владения царей из династии Иродиадов получили провинциальное устройство.

Ключевые слова: клиентные царства, Иудея, Ирод Великий, Ирод Архелай, Ирод Антипа, Иродиада, Агриппа I, Агриппа II.

Vladimir O. Nikishin

ROME AND JUDEA: THREE EPISODES FROM THE HISTORY OF RELATIONSHIPS

Abstract. The article is devoted to the relationships between Rome and the vassal rulers of Judea — Herod Archelaus, Herod Antipas, Agrippa I and Agrippa II. Vassal rulers were completely dependent on their Roman patrons, their status was determined by two factors: firstly, this is the personal benevolent attitude of the ruling emperor; secondly, it is the level of competence of the vassal ruler himself and his ability to ensure security, law and order in his realm. If the ruler demonstrated his inefficiency as a manager, lost popularity with his subjects (Archelaus) or fell into disgrace with the emperor (Antipas), he was expected to be inevitably resigned and exiled. However, even despite the exceptionally cautious and loyal policy of Agrippa I and Agrippa II, the vassal kingdom of Judea at the end of the 1st century A.D. was liquidated by the Roman authorities, and the former possessions of the kings from the Herodian dynasty received a provincial structure.

Keywords: client kingdoms, Judea, Herod the Great, Herod Archelaus, Herod Antipas, Herodias, Agrippa I, Agrippa II.

По мнению известного британского антиковеда Грега Вульфа, понятие *pax Romana* подразумевало обеспечение мира в провинциях и безопасность имперских границ¹³. По-видимому, клиентные царства в составе Римской империи сохранялись лишь до тех пор, пока вассальные цари более или менее эффективно исполняли свои административные и военные функции, способствовавшие решению этих двух задач. В процессе изучения источников создается впечатление, что на Палатине о клиентных царствах и их правителях вспоминали главным образом тогда, когда в той или иной области начинались военные действия либо серьезные беспорядки, восстания или мятежи¹⁴. В свое время Цицерон назвал республиканский Рим «господином царей» (*dominus regum*) (*Dom.* 90). Точнее сказать, «господином царей» тогда был сенат; в эпоху Империи таковым стал император. В самом деле, зависимость клиентных правителей от своего августейшего патрона была полной. Так повелось начиная с принципата Августа — создателя системы клиентных царств на рубежах Римской империи. Как пишет о вассальных царях Светоний, «не раз они покидали свои царства, чтобы повседневно сопровождать его (Августа. — *В.Н.*) не только в Риме, но и в провинциях — без царских отличий, одетые в тоги, прислуживая ему, как клиенты» (*Aug.* 60. Здесь и далее цит. в пер. М.Л. Гаспарова).

Утвердившись в роли властителя огромной Средиземноморской державы, Август взял на вооружение практику романизации отпрысков чужеземных властителей. Если в республиканскую эпоху подобных случаев было крайне мало и ни о какой продуманной политике в этом направлении говорить не приходится, то Август инициировал политический курс, направленный на создание целой системы зависимых от Рима клиентных монархий¹⁵. Положение вассальных правителей (*inservientes reges*, как их называет Тацит¹⁶: *Hist.* II.81) по отношению к Риму представляло собой своего рода клиентелу (*clientela*)¹⁷, мало чем отличавшуюся от политического рабства (*servitus*). Недаром Тацит в «Агриколе» называет клиентных царей «орудиями рабства» (*instrumenta servitutis*) (*Agr.* 14). Как пишет об Августе Светоний, «царства, которыми он овладел по праву войны, он почти все или вернул прежним их

---

¹³ Woolf 1993, 179.

¹⁴ Hekster 2010, 49 ff.

¹⁵ Braund 1984, 10.

¹⁶ Только в сохранившихся книгах «Анналов» упоминается около 30 клиентных царей. См.: Gowing 1990, 316.

¹⁷ Harris 1979, 135, п. 2.

властителям, или передал другим иноземцам. Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал и обучал вместе со своими» (*Aug.* 48). Характерно, что император отнюдь не принуждал облеченных властью родителей присылать своих сыновей в Рим: инициатива всегда исходила от самих царей¹⁸.

Во времена Августа в Риме более или менее длительное время находились отпрыски «союзника и друга римского народа» Ирода I Великого (37–4 гг. до н.э.), который «введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и нерушимый строй жизни» (*Jos. Ant. Jud.* XV.8.1. Здесь и далее цит. в пер. Г.Г. Генкеля. См.: *Jos. Ant. Jud.* XV.10.1; XVI.1.2; XVII.1.3; 4.3; *BJ.* I.22.2; 23.1; 31.1; 32.2)¹⁹. Всего при дворе Августа в разное время побывало восемь из девяти сыновей царя Ирода. Один из его внуков, будущий вассальный царь Иудеи Ирод Агриппа I Великий (41–44 гг.), в юности воспитывался и обучался вместе с сыном Тиберия, Друзом Младшим (*Jos. Ant. Jud.* XVIII.6.1). О тесных связях потомков Ирода Великого с римским императорским домом свидетельствуют, в частности, их имена: Агриппа I получил свое имя в честь зятя Августа и личного друга царя Ирода, Марка Випсания Агриппы²⁰, царские сыновья получили имена Агриппы и Друза (*Jos. Ant. Jud.* XVIII.5.4). Несомненно, в сыновьях и внуках вассальных царей Август видел потенциальных проводников римского политического и культурного влияния в ряде сопредельных и/или подконтрольных Риму стран. В последние десятилетия I в. до н.э. «проект Августа» начал активно воплощаться в жизнь, причем в самых разных регионах: в Северной Африке и Парфии, за Рейном и на Дунае, в Южном Причерноморье и Иудее.

Важную роль в системе международных отношений рубежа новой эры играла династическая политика, одним из наиболее эффективных инструментов которой был династический брак. На этом поле деятельности немало преуспел царь Ирод I — не только незаурядный государственный деятель и полководец, но и непревзойденный мастер матриониальных комбинаций. В частности, Ирод имел обыкновение женить

---

¹⁸ Braund 1984, 12.

¹⁹ См.: Leon 1960, 14; Braund 1984, 10–11.

²⁰ Braund 1984, 77.

членов своей династии на близких родственниках (*Jos. Ant. Jud.* XVII.1.2). Об этом и о многом другом нам поведал выдающийся еврейский историк Йосеф бен Матитьяху, известный как Иосиф Флавий (ок. 37–100 гг. н.э.). Его сочинения «представляют собой наш единственный цельный источник по истории Палестины времен Ирода и римских прокураторов, свитков Мертвого моря и формирования устной традиции, на которой основывался раввинистический иудаизм, времен Иоанна Крестителя и Иисуса Христа»²¹. Так вот, как сообщает Иосиф Флавий, сын Ирода Аристокбул женился на своей кузине Беренике, дочери Саломеи, сестры Ирода (*Ant. Jud.* XVI.1.2; *BJ.* I.23.1); после казни мужа по приказу Ирода Береника была выдана замуж за дядю своего деверя Антипатра (*BJ.* I.28.1). Брат Береники Антипатр женился на сестре Аристокбула, т. е. на своей кузине Кипре (*Ant. Jud.* XVIII.5.4). И далее в том же духе. Таким образом, инцест среди представителей династии Иродадов стал обычной практикой. Оказал ли он какое-либо влияние на ход истории — не только династической, но и, к примеру, военно-политической? Вопрос остается открытым... Этот очерк посвящен четырём вассальным правителям Иудеи: братьям Ироду Архелая и Ироду Антипе, их племяннику Агриппе I и сыну последнего, Агриппе II.

Эпизод I. Этнарх Ирод Архелай

Ирод Архелай²² (ок. 23 г. до н.э.—ок. 18 г. н.э.) свои юные годы провел в Риме (*Jos. Ant. Jud.* XVII.1.3). То обстоятельство, что, как сообщает Иосиф Флавий, и у его отца, Ирода Великого, и у его старшего брата и наиболее вероятного наследника престола, Антипатра, с давних пор в Риме были свои прочные связи (*Ant. Jud.* XV.10.1; XVII.3.2; 4.3), позволяет практически с полной уверенностью утверждать, что и у Архелая имелись свои «друзья» (*amici*) в столице империи. Безусловно, он рассчитывал на их помощь, когда после смерти отца и Антипатра (4 г. до н.э.) отправился в Рим, чтобы Август утвердил его в статусе наследника покойного Ирода (*Jos. Ant. Jud.* XVII.8.1–2; 9.3). Туда же отплыл и младший брат Архелая, Ирод Антипа²³, которого царь Ирод в более

---

²¹ Раджак 1993, 13.

²² Имя Архелай означает «правитель народа» (греч.).

²³ Антипа — уменьшительная форма имени Антипатр. В том, что касается происхождения братьев Ирода Архелая и Ирода Антипы, Иосиф Флавий не смог избежать путаницы: если принять во внимание сообщаемые им сведения (*Ant. Jud.* XVII.1.3; 9.3–4; 10.1), то выходит, что, с одной стороны, Архелай и

раннем завещании назвал своим преемником (Jos. Ant. Jud. XVII.9.4). В Евангелии от Луки одна из притч Иисусовых весьма прозрачно намекает на этот эпизод борьбы за власть в Иудейском царстве: «Некоторый человек высокого рода отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться... Но граждане ненавидели его и отправили вслед за ним посольство, сказав: не хотим, чтобы он царствовал над нами» (Лк. 19:12; 14. Цит. Синодальный перевод Св. Писания). В самом

Антипа вроде бы являлись сыновьями самарянки Малтаки (четвертой жены Ирода Великого), с другой же — напротив, матери у них были разными и, следовательно, Архелая и Антипу следует признать не единоутробными, а сводными братьями. Любопытную версию на сей счет предложил Даниэль Шварц. По его мнению, Иосиф Флавий, стремившийся обосновать приоритетные права на иудейский престол своего покровителя, царя Агриппы II (и, соответственно, его отца Агриппы I, друга императоров Калигулы и Клавдия), подкреплял эти права не только сакральными знаменами и генеалогическими выкладками (имеется в виду родство отца и сына по женской линии с угасшей царской династией Хасмонеев: Агриппа I был внуком Мариамны I, правнучки царя Александра Янная), но и попутной дискредитацией конкурентов этой ветви династии Иродиадов — дядьев Агриппы I, Архелая и Антипы, которые в изображении Флавия оказываются, во-первых, сыновьями самарянки (к самарянам иудейская знать всегда относилась с нескрываемым презрением) и, во-вторых, порочными, недостойными и жестокими правителями, открыто нарушавшими иудейские обычаи и закон Моисеев, о чем свидетельствуют, в частности, их браки: Архелай женился на вдове брата Александра Глафире, а Антипа «увел» жену у брата Ирода Боэта еще при его жизни (см. об этом ниже). По мнению Д. Шварца, Иосиф Флавий намеренно «навел тень на плетень», создав у читателя «Иудейских древностей» впечатление, будто оба одиозных отпрыска Ирода Великого, Архелай и Антипа, были рождены самарянкой Малтакой, что на самом деле не соответствует истине (Schwartz 2018, 32–40). Версия Д. Шварца, безусловно, заслуживает внимания; то, что Агриппа II принимал активное участие в создании «Иудейских древностей», хорошо известно (Euseb. HE. III.10.10–11). На наш взгляд, то обстоятельство, что кое-где на страницах грандиозного труда Иосифа Флавия попадаются сведения, компрометирующие либо одного Агриппу II (Ant. Jud. XX.7.3. Ср.: Juv. VI.157–159), либо отца и сына разом (Jos. Ant. Jud. XVII.2.2), свидетельствует о том, что к моменту окончания работы над «Иудейскими древностями» (94 г. н.э.; эту дату назвал сам автор: Ant. Jud. XX.11.1) последний вассальный царь Иудеи, скорее всего, уже умер, и автор мог не опасаться его гнева по поводу упоминаний о лихонимстве августейших отца и сына или об оскорбительных слухах насчет инцеста Агриппы II с собственной сестрой Береникой. Характерно, что при жизни Агриппы II Иосиф Флавий отзывался о нем как о «достойном восхищения» правителе (ὁ θαυμασιώτατος βασιλεὺς) (Contra Ap. I.9).

деле, положение Архелая осложнялось тем, что многие иудеи, ненавидя Ирода, перенесли эту ненависть и на его наследников; после смерти царя в Иудее началась смута, когда, по словам Иосифа Флавия, «полная разнузданность овладела народом» (*Ant. Jud.* XVII.10.6).

Чего добивались бывшие подданные царя Ирода, отправившие в Рим весьма представительное посольство? Замены монархии Ирода-адов самоуправлением под властью римского наместника провинции Сирии (*Jos. Ant. Jud.* XVII.11.1–2). И что же император? Август был осторожным и предусмотрительным политиком; видимо, с одной стороны, он не хотел раздражать иудеев, но, с другой стороны, не желал и идти у них на поводу. Поэтому он принял компромиссное решение: присоединять бывшие владения Ирода Великого к провинции Сирии не стал, однако и Архелая царем не утвердил. Архелай стал всего лишь этнархом, удовлетвовавшись устным обещанием императора в будущем наградить его царским титулом, если он, Архелай, покажет себя достойным этого титула (*Jos. Ant. Jud.* XVII.11.4). Кроме того, Архелаю достались далеко не все владения его отца, а лишь Иудея, Самария и Идумея; остальные области Август разделил между братьями Архелая, Антипой и Филиппом, получившими титулы тетрархов²⁴. В конечном счете Архелай не оправдал надежд Августа: он оказался неэффективным управленцем, а кроме того, был крайне непопулярен среди своих подданных (*Jos. BJ.* II.7.3). Видимо, последней каплей, переполнившей чашу терпения Августа, стала женитьба Архелая без санкции императора на Глафире, вдове его сводного брата Александра (*Jos. Ant. Jud.* XVII.13.1; *BJ.* II.7.4).

Глафира, дочь царя Каппадокии и Киликии Трахеи Архелая I Филопатора, стала женой Александра в 18/17 г. до н.э. (*Jos. Ant. Jud.* XVI.1.2)²⁵. Новоявленная царица иудейская отличалась родовитостью: официальная генеалогия возводила ее происхождение по линии отца к македонской династии Аргеадов, а по линии матери — к Ахеменидам²⁶. У Александра и Глафиры родилось трое детей: дочь и два сына —

---

²⁴ Антипа стал тетрархом Галилеи и Перее, Филипп — тетрархом Гавланикиды, Авранитиды, Батанеи, Трахонитиды, Панеады и Итуреи (*Jos. Ant. Jud.* XVII.9.4; *BJ.* II.6.3).

²⁵ Ирод I, по всей видимости, был заинтересован в союзе с Архелаем I, и этот союз он намеревался скрепить династическим браком. Со своей стороны, Архелай, наверное, надеялся когда-нибудь увидеть свою дочь царицей Иудеи: Александр был вероятным наследником престола.

²⁶ См.: Караваев 2021, 21.

Александр и Тигран (Jos. *Ant. Jud.* XVII.1.2; XVIII.5.4). Последний в 6 г. н.э. по воле Августа стал царем Великой Армении Тиграном V (*RGDA.* 27.2). Что же касается его родителей, то на престол царства Иудейского им взойти не довелось: в 8/7 г. до н.э. Ирод казнил сына²⁷, а Глафиру отправил к отцу, вернув приданное (Jos. *Ant. Jud.* XVII.1.1; *BJ.* I.28.1). Прошло около десяти лет, и где-то в промежутке между 2 и 5 гг. н.э. Глафира вышла замуж за вассального царя Мавретании Юбу II (*OGIS* 359; 363), став, таким образом, царицей Мавретанской²⁸. Впрочем, скоро брак распался: вероятно, развестись с Глафирой Юбу II настоятельно «попросил» Август, опасавшийся чрезмерного усиления политического влияния отца Глафиры, царя Архелая I, в регионе²⁹. В 5/6 г. н.э. Глафира, разведясь с Юбой II³⁰, вышла замуж за Ирода Архелая, который ради нее оставил свою первую жену, Мариамну III (Jos. *Ant. Jud.* XVII.13.1; *BJ.* II.7.4). Этот брак не мог считаться левиратным, поскольку у Глафиры были дети от Александра, поэтому Иосиф Флавий порицал женитьбу Архелая на вдове своего брата (*Ant. Jud.* XVII.13.1)³¹.

Как бы то ни было, и этот брак долго не продлился: уже в 6 г. н.э. Глафира внезапно умерла, а ее третьего мужа срочно вызвали в Рим, и этот вызов не сулил Архелаю ничего хорошего. В Вечном городе перед лицом самого императора и в присутствии влиятельных свидетелей из Иудеи Архелай был обвинен в злоупотреблении властью, жестокости и тирании, лишен должности, титула этнарха, всего имущества и сослан в галльский город Виенну (ныне Вьен, деп. Изер, Франция) (Jos. *Ant. Jud.* XVII.13.2–4; *BJ.* II.7.3–4; Strabo. XVI.2.46; Cass. Dio LV.27.6; Nic. Dam. *FGrH* 2 A, p. 424–425). Там он, по всей видимости, и умер несколько лет спустя (ок. 18 г. н.э.). Бывшие владения Архелая Август включил в состав провинции Сирии (Jos. *Ant. Jud.* XVII.13.5). Таким образом, иудейская элита (в первую очередь священство) добилась своего: фор-

---

²⁷ Впоследствии в Риме объявился самозванец — Лжеалександр, который без особого труда был разоблачен (Jos. *BJ.* II.7.1).

²⁸ Первая супруга Юбы II, Клеопатра Селена II, как считается, умерла ок. 5 г. до н.э. См.: Никишин 2017, 8; Караваев 2021, 19.

²⁹ См.: Roller 2018, 56–57.

³⁰ Иосиф Флавий (Jos. *Ant. Jud.* XVII.13.4; Jos. *BJ.* II.7.4) пишет, будто Глафира вернулась к отцу после смерти Юбы, но это невозможно, поскольку последний скончался в 23 г. н.э., пережив Архелая I на 6 лет. Здесь Флавий, безусловно, ошибся.

³¹ Об этом свидетельствует, в частности, приведенный Флавием «вещий сон» Глафиры, якобы ставший предвестием ее скорой внезапной смерти (*Ant. Jud.* XVII.13.4; *BJ.* II.7.4).

мально монархия была ликвидирована, а Синедрион вернул себе прежнее значение, некогда отнятое у него царем Иродом³².

Эпизод II. Тетрарх Ирод Антипа

Тетрарх Галилеи и Перее Ирод Антипа³³ первым браком был женат на одной из пяти дочерей набатейского царя Ареты IV Великого (он же Филопатрис, Филодем или Харитат IV; правил в 9 г. до н.э. – 40 г. н.э.) (Jos. *Ant. Jud.* XVIII.5.1). Скорее всего, женой Антипы стала старшая дочь Ареты, Фазелис; время заключения брака неизвестно: возможно, это произошло еще при жизни Ирода Великого (тогда молодожены должны были быть совсем юными), ведь Антипа вполне мог унаследовать отцовский престол (первоначально царь Ирод именно Антипу назначил своим преемником: Jos. *Ant. Jud.* XVIII.6.1; 8.1; 9.4)³⁴, и, таким образом, этот династический брак при определенных условиях наверняка способствовал бы урегулированию давних пограничных споров между двумя вассальными царствами³⁵. Кому принадлежала инициатива заключения данного брака? Либо царю Ироду, либо самому Августу — однозначно сказать нельзя, хотя, безусловно, без санкции императора сам брак был бы невозможен. Теоретически допустимо, но маловероятно, что этот брак был заключен после смерти Ирода Великого: ведь

---

³² См.: Филатов 2020, 126. Ср.: Метелица 2010, 94.

³³ Оценки Ирода Антипы в историографии варьируются в диапазоне от успешного и дельного администратора, обеспечившего экономический подъем в Галилее, до флегматичного и трусливого деспота, слепо идущего на поводу у Иродиады. Очевидно, истина, как всегда, лежит где-то посередине (Jensen 2007, 8–11). Не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что Антипа был лояльным клиентом Рима и при нем во вверенной ему тетрархии активно продолжался процесс эллинизации (Smith 2010, 88–89). Наконец, сама продолжительность его правления свидетельствует, во-первых, об относительной внутриполитической стабильности в тетрархии Антипы и, во-вторых, о том, что его римские патроны были им довольны (Noehner 1972, 57).

³⁴ Завещание было переписано в пользу Антипы после того, как Ирод узнал об интригах своего старшего сына Антипатра, намеревавшегося отравить отца (loc. cit.). Узнав о том, что Ирод перед смертью успел казнить Антипатра, Август произнес знаменитую фразу: «Лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном» (Macr. *Sat.* II.4.11).

³⁵ См.: Shillam 2016, 150–153. По мнению К.В. Неклюдова, этот брак был заключен «с целью установить мир между Иудеей и Аравией и создать буферную зону между Римом и парфянами» (Неклюдов 2011а, 33).

царство Ирода, как известно, после его смерти было разделено между тремя наследниками, среди которых Антипа занимал вовсе не первое место; в результате он не получил не только царского титула, но даже титула этнарха, которого удостоился от Августа его старший брат Архелай, и именовался всего лишь тетрархом; так что Арете IV не было тогда особого резона выдавать старшую дочь за Антипу.

В юности Ирод Антипа жил и воспитывался в Риме (*Jos. Ant. Jud.* XVII.1.3)³⁶, поэтому на Палатинском холме его вполне могли рассматривать как потенциального вассального царя. Как бы то ни было, после смерти отца (4 г. до н.э.) Антипа, которому к тому времени исполнилось предположительно лет 16–17³⁷, несмотря на свои интриги против брата Архелая (*Jos. Ant. Jud.* XVII.9.4; 11.1–4; *BJ.* П.2.1–7; 6.1–3), стал не царем Иудеи и даже не этнархом, а всего лишь тетрархом Галилеи и Перее (4 г. до н.э.–39 г. н.э.) (*Jos. BJ.* I.7–8; *Ant. Jud.* XVII.8.1). Как бы то ни было, этот пост он занимал исключительно долго — 42 года, во многом благодаря тому расположению, которое к нему питал Тиберий (*Jos. Ant. Jud.* XVIII.2.3).

Брак Антипы с дочерью Ареты IV (будем называть ее Фазелис) отличался продолжительностью, однако детей у супругов не было; по видимому, тетрарх не питал к жене нежных чувств. В 35 г. н.э., как следует из обстоятельного рассказа Иосифа Флавия, этому браку пришел конец. Как сообщает Иосиф, «около этого времени³⁸ царь каменистой Аравии Арета и тетрарх поссорились между собою по следующей причине: Ирод был давно уже женат на дочери Ареты. Во время одного путешествия в Рим он заехал к своему сводному брату Ироду, который родился от дочери первосвященника Симона. Влюбившись в жену брата, Иродиаду (она была дочерью их общего брата Аристобула и сестрою Агриппы Великого), он рискнул предложить ей выйти за него замуж. Иродиада³⁹ согласилась и сговорила с ним войти в его дом, когда он возвратится из Рима. При этом было условлено, что Ирод прогонит дочь Ареты⁴⁰. После этого тетрарх отплыл в Рим, заключив выше-

---

³⁶ Антипа жил в Риме примерно в 7–5 гг. до н.э. См.: Noehner 1972, 17.

³⁷ См.: Noehner 1972, 30.

³⁸ Иосиф Флавий дает нам точный хронологический ориентир: это кончина тетрарха Филиппа, последовавшая «на двадцатом году правления Тиберия», т. е. в 34 г. н.э. (*Ant. Jud.* XVIII.4.6).

³⁹ Иродиада родилась между 9 и 7 гг. до н.э. См.: Noehner 1972, 154.

⁴⁰ Очевидно, Иродиада не собиралась мириться с полигамией, ставшей обычным делом среди представителей династии Ирода Великого.

указанный договор. Когда же он, по исполнению в Риме всего нужного, собирался вернуться домой, жена его, без его ведома успевшая разузнать всё о его условиях с Иродиадою, просила разрешения уехать в Махерон, находящийся как раз на границе владений Ареты и Ирода, причем никому не сказала о цели этой своей поездки. Ирод согласился, не предполагая, что жене его что-либо известно. Последняя между тем заранее послала в Махерон к начальнику, поставленному там ее отцом, просьбу приготовить все к дальнейшему путешествию. Затем она явилась сама и поехала тотчас же в Аравию, причем арабские князья последовательно сопровождали ее, пока она (довольно скоро) не приехала к отцу своему. Ему она рассказала о намерении Ирода. Арета на основании этого решил начать войну со своим зятем, именно на границах Гамалитиды. Собрав войска, обе стороны вступили в борьбу, причем вместо Ареты и Ирода сражались их военачальники. В происшедшей тут битве всё войско Ирода было уничтожено, благодаря измене нескольких перебежчиков, которые примкнули к Ироду, принадлежа собственно к числу подданных тетрарха Филиппа. Ирод отписал об этом Тиберию. Император разгневался на образ действий Ареты, послал Вителлию⁴¹ приказ объявить ему войну и представить ему Арету либо живым в оковах, либо прислать ему его голову» (*Ant. Jud.* XVIII.5.1). Война Ареты IV с Иродом Антипой (36–37 гг. н.э.) вскоре завершилась без решительного результата вследствие смерти Тиберия (*Ant. Jud.* XVIII.5.2–3).

Итак, если опираться на сведения, сообщаемые Иосифом Флавием, получается следующая хронологическая канва: в 34 г. н.э. начался роман Ирода Антипы и Иродиады, в 35 г. н.э. дочь Ареты IV вернулась к отцу, а Ирод Антипа и Иродиада официально стали мужем и женой, в 36 г. н.э. разгорелся военный конфликт между Аретой IV и Иродом Антипой, завершившийся несколько месяцев спустя (в 37 г. н.э.) без решительного результата ни для одной из сторон.

Таким образом, вторым браком Иродиада была замужем за тетрархом Иродом Антипой (*Jos. Ant. Jud.* XVIII.5.4). Саломея, дочь Иродиады от первого брака с Иродом Боэтом (*Jos. Ant. Jud.* XVII.1.2; XVIII.5.1; 4)⁴², вышла замуж за тетрарха Филиппа (*Jos. Ant. Jud.* XVIII.5.4), кото-

---

⁴¹ Луций Вителлий, наместник Сирии в 35–39 гг. н.э.

⁴² Поскольку отец, Ирод Великий, лишил его наследства, Ирод Боэт (род. ок. 27 г. до н.э., ум. после 34 г. н.э.) провел свою жизнь как частное лицо. В этом контексте можно легко понять, почему обладавшая сильным характером, честолюбивая и амбициозная Иродиада оставила мужа, рядом с которым у нее

рый дважды доводился ей дядей — родным (как брат ее отца, Ирода Боэта) и внучатым (как дядя ее матери, Иродиады). В историографии сложилась традиция, в соответствии с которой Ирода Боэта принято называть Иродом Филиппом I, а тетрарха Филиппа — Иродом Филиппом II⁴³. Последний в 4 г. до н.э.—34 г. н.э. был тетрархом Гавланитиды, Авранитиды, Батанеи, Трахонитиды, Панеады и Итуреи (Jos. *Ant. Jud.* XVII.9.4; *BJ.* II.6.3. Ср.: Лк. 3:1). После смерти Ирода Филиппа II (этот брак был бездетным: Jos. *Ant. Jud.* XVIII.4.6) Саломея вышла замуж за своего кузена, Аристовула IV⁴⁴, сына царя Халкиды Ирода II⁴⁵. Саломея родила Аристовулу IV, как сообщает Иосиф Флавий, троих сыновей: Ирода, Агриппу и Аристовула (*Ant. Jud.* XVIII.5.4).

Закон Моисеев запрещает мужчине брать в жены супругу брата (Лев. 18:16; 20:21), единственное исключение — левиратный брак (Втор. 25:5. Ср.: Мк. 12:19). Поскольку брак Антипы и Иродиады был заключен в 35 г. н.э., видимо, еще при жизни Ирода Боэта (Ирода Филиппа I), левиратным он считаться никак не мог; к тому же у Иродиады была дочь от первого брака. В соответствии с законом Моисеевым развод мог дать муж жене, а не наоборот; соответственно, женщина могла вновь выйти замуж, лишь получив развод от бывшего мужа (Jos. *Ant. Jud.* XV.7.10). Разумеется, в жизни случалось всякое. Так, Саломея, сестра Ирода Великого, в 28/27 г. до н.э. сама послала разводное письмо своему мужу Костобару, таким образом, инициировав развод (Jos. *Ant. Jud.* XV.7.10). Племянницы Иродиады (Jos. *Ant. Jud.* XX.7.2–3) последовали примеру злосчастной тетки и даже хуже: «В то время как Друзилла вышла замуж за необрезанного язычника, две ее сестры, Мариамна и Береника, самовольно оставили своих супругов, Юлия Архелая и М. Антония Полемона, и вступили в новые браки с такой вольностью, которую евреи, подобные Иосифу, допускали только для мужчин»⁴⁶. Как бы то ни было, в глазах иудейских ортодоксов Иродиада была ви-

---

не было ни малейшего шанса когда-нибудь примерить царский пурпур, и связала свою жизнь с одним из его братьев, стоявших у кормила власти.

⁴³ См.: Неклюдов, Ткаченко 2011, 651–652; Noehner 1972, 132–136; Krieger 1994, 51–56; Gillman 2003, 40; Jensen 2006, 43–44.

⁴⁴ Правнук Ирода Великого, царь Малой Армении (54–72 гг. н.э.) и Халкиды (54–92 гг. н.э.). Сохранились монеты, датированные примерно 62 г., с изображениями Аристовула (на аверсе) и Саломеи (на реверсе). См.: Meshorer 1982, 171.

⁴⁵ Ирод II (ум. в 48 г. н.э.) после смерти своего брата, Агриппы I (41–44 гг. н.э.) стал вассальным царем Иудеи.

⁴⁶ Григер 2007, 198.

новна в том, что нарушила закон, Ирод Антипа — в том, что он «увел» жену у брата. Соответственно, брак Антипы и Иродиады являлся незаконным и кровосмесительным⁴⁷.

Вообще вся эта история в высшей степени характерна для Ирода Антипы, который, прожив немало лет в Риме, можно сказать, с молодых ногтей проникся не только эллинской культурой, но и римским образом жизни (кстати сказать, процедура развода в римском праве была предельно простой⁴⁸). Став тетрархом, он, с одной стороны, чтобы лишний раз не раздражать подданных, старался чисто внешне соблюдать иудейские традиции и закон Моисеев, о чем свидетельствуют и его монетная чеканка⁴⁹, и отдельные эпизоды из истории его отношений с римскими властями (*Jos. Ant. Jud.* XVIII.5.3; *Philo. Leg. ad Gai.* 38); с другой стороны, в своей частной жизни Антипа не отличался особым благочестием и соблюдением закона: так, известно, что Тивериада была им основана на месте старого кладбища, которое он приказал снести (*Jos. Ant. Jud.* XVIII.2.3), а его резиденция была украшена скульптурами (*Jos. Vita.* 65), что, разумеется, шло вразрез с предписаниями иудаизма.

В 39 г. н.э. одиозный тандем постигло фиаско. Роковую роль в этой истории сыграл брат Иродиады, Ирод Агриппа. Как сообщает все тот же Иосиф Флавий (*Ant. Jud.* XVIII.6.1–2), проживавший в Риме на протяжении многих лет и вконец промотавшийся Агриппа был вынужден покинуть Вечный город. Когда именно это произошло, неизвестно⁵⁰.

---

⁴⁷ Обличение Иоанном Крестителем брака Антипы и Иродиады как незаконного и кровосмесительного, видимо, стало той последней каплей, которая переполнила чашу терпения галилейского тетрарха; он давно уже опасался влияния проповеди Иоанна на умы своих подданных, что и привело к казни пророка в Махероне. См.: Hoehner 1972, 145.

⁴⁸ См.: Treggiari 1991, 446–458.

⁴⁹ См.: Неклюдов 2011а, 54. Интересные наблюдения о монетной чеканке Ирода Антипы см.: Jensen 2007, 26–30. В частности, М. Йенсен констатирует, что за 43 года своего правления Антипа выпустил не более пяти серий монет (начиная с 19/20 г. н.э.). Все они, в соответствии с религиозным запретом, были лишены портретных изображений. О монетах Ирода Антипы см. также: Meshorer 2001, 81–84.

⁵⁰ Единственное, что можно сказать точно, это то, что Агриппа уехал из Рима спустя какое-то время после смерти Друза Младшего (23 г. н.э.), о чем пишет Флавий (*Ant. Jud.* XVIII.6.1). В своем переводе Г.Г. Генкель к словам «Тиберий запретил друзьям своего скончавшегося сына показываться ему» добавил в скобках наречие «недавно», что, на наш взгляд, совершенно неоправданно и сбивает читателя с толку; действительно, в таком случае из контекста можно

Прибыв в Палестину и мучаясь от хронического безденежья, Агриппа впал в отчаяние и уже якобы подумывал о самоубийстве, как вдруг на помощь ему пришла жена — и по совместительству его кузина — Кипра. «Она отправила жене⁵¹ тетрарха Ирода, сестре своей⁵² Иродиаде, письмо, в котором рассказала о намерении Агриппы и о том, что его к этому побудило, и просила ее как родственницу помочь ее мужу выпутаться, причем указывала на свои собственные в этом направлении попытки, несмотря на то, что она сама не обладала такими крупными средствами. Иродиада и муж ее послали за Агриппой, дали ему для жительства Тивериаду, определили ему вместе с тем известную сумму денег на содержание и дали ему звание тивериадского агоранома⁵³» (*Ant. Jud.* XVIII.6.2). Вскоре, однако, Агриппа и Антипа поссорились (*loc. cit.*), после чего Агриппа вернулся ко двору Тиберия (*Ant. Jud.* XVIII.6.4). Там он нажаловался на тетрарха, но император, благоволивший Антипе, все эти жалобы отклонил (*Jos. BJ.* II.9.5).

Следуя принятой нами хронологической канве, все упомянутые события, связанные с Агриппой, произошли в довольно узком временном диапазоне: Иродиада стала женой Антипы в 35 г. н.э., Тиберий умер в марте 37 г. н.э. Когда императором стал Гай Калигула (37–41 гг. н.э.), он даровал своему другу Агриппе царский титул (37 г. н.э.). В 39 г. н.э. тщеславная Иродиада, позавидовав успехам брата, втянула своего слабовольного мужа в интригу, ставшую гибельной для них обоих. Вот как Флавий описывает развязку этой интриги:

Между тем сестра Агриппы, Иродиада, бывшая замужем за тетрархом Галилеи и Перее Иродом, стала завидовать могуществу своего брата, видя, что он занимает гораздо более высокое

сделать вывод, что, как минимум, уже в 25 г. н.э. Ирод Антипа и Иродиада были мужем и женой, что противоречит всему написанному Иосифом Флавием на этот счет. Напротив, нам представляется, что никакого хронологического противоречия здесь нет и указание Флавия на кончину Друза Младшего носит самый приблизительный характер.

⁵¹ В оригинальном тексте Флавий употребил причастие от глагола *συνοικέω* — «жить вместе»; Г.Г. Генкель в переводе использовал существительное «жена»; по нашему мнению, его вполне можно заменить словом «сожительница», что в большей степени отвечает ортодоксальным взглядам Иосифа Флавия.

⁵² Ошибка Г.Г. Генкеля. В оригинале у Флавия — «его сестре». В самом деле, Иродиада была сестрой Агриппы.

⁵³ Т. е. смотрителя рынков.

положение, чем ее муж, и вернулся, покрытый почетом и богатый, тогда как ему некогда пришлось спастись бегством от кредиторов. Она печалилась и сердилась при такой перемене в положении брата, особенно же она была недовольна, когда видела Агриппу в царском облачении разъезжающим по улицам. Тут она не была в состоянии скрыть свое неудовольствие и зависть и уговаривала мужа отправиться в Рим и добиться там подобных же почестей. Она указывала на то, как трудно жить ей, если Агриппа, сын некогда казненного родным отцом своим Аристобула, человек, впадший в такую нужду, что люди из сострадания изо дня в день доставляли ему всё необходимое для жизни, человек, уехавший от своих кредиторов, теперь вернулся домой царем, тогда как Ирод, сын царя, которому самое происхождение дает право на занятие такой высокой должности, сидит себе спокойно дома, оставаясь частным человеком⁵⁴. “Если ты, Ирод, — говорила она, — раньше не огорчался тем, что занимаешь положение ниже отца своего, то теперь по крайней мере воспользуйся своим царским происхождением и не оставайся позади человека, который пользовался твоими деньгами; не допускай, чтобы он добился своей бедностью большего, чем мы, так как мы можем многого достигнуть при помощи нашего богатства; стыдись быть ниже тех, кто вчера еще и позавчера жили благодаря твоему состраданию. Поедем в Рим и не будем щадить ни труда, ни денег, потому что нисколько не лучше копить деньги, чем добиться с помощью их царского престола”.

Ирод настойчиво отклонял это предложение, любя свой покой и подозрительно относясь к шумной римской жизни. Иродиаду он старался отговорить от ее намерения. Ввиду этого последняя, однако, еще более приставала к нему, настаивая на том, что необходимо пустить в ход все, чтобы добиться царского престола. Она не раньше успокоилась, чем склонила его на свою сторону; впрочем, он не умел ей ни в чем отказать и подчинился ее решениям. Итак, он приготовился к отъезду, который обставил всевозможную пышностью, не щадя для этого денег, и отправился в Рим в сопровождении Иродиады. Лишь только Агриппа узнал об

---

⁵⁴ В оригинальном тексте употреблено слово *ιδιωτεία*, т. е. «частная жизнь». Таким образом, Флавий считал возможным назвать человеком, проживающим «частную жизнь», тетрарха, правителя довольно обширной области, лишь потому, что тот не обладал царским титулом.

их намерениях и приготовлениях, как и сам принял свои меры. Узнав об их отъезде, он отправил в Рим Фортуната, одного из своих вольноотпущенников, которому вручил подарки для императора, а также письмо, направленное против Ирода. Остальное Фортунат при случае должен был словесно сообщить Гаю. Фортунат поехал немедленно вслед за Иродом, и плавание его было столь благополучно, что он прибыл к императору одновременно с Иродом. Последнего он застал у Гая, которому Фортунат сейчас же вручил письмо. Оба корабля одновременно пристали в Дикеархии. Гая они нашли в кампанском городке Байях, который отстоит от Дикеархии на расстоянии пяти стадий. <...> Гай только что разговаривал с Иродом, который явился к нему раньше других, как ему было подано письмо Агриппы, содержащее обвинения против Ирода. Дело в том, что Агриппа обвинял последнего в участии в заговоре Сеяна при императоре Тиберии и в заговоре с парфянским царем Артабаном, направленном против Гая⁵⁵. Он подкреплял свой донос указанием, что в арсенале Ирода лежит заготовленное для 70 000 воинов оружие⁵⁶. Гай, прочитав письмо, пришел в беспокойство и спросил Ирода, правда ли то, что сказано в письме об оружии. Не имея возможности отрицать истину, Ирод признался, что это так. Тогда Гай поверил также обвинению в соучастии его в заговоре, отнял у него тетрархию и присоединил ее к царству Агриппы. Вместе с тем он предоставил последнему также все деньги Ирода, которого приговорил к позорной ссылке в галльский город Лугдунум⁵⁷. Узнав, что Иродиада — сестра Агриппы, император вернул ей ее личные средства и, полагая, что она не захочет разделить печальную участь своего мужа, сказал, что отныне защитником ей будет брат ее. Однако

---

⁵⁵ Когда в 36 г. н.э. римский наместник Сирии Луций Вителлий встретился на мосту через Евфрат с парфянским царем Артабаном III для заключения мирного договора, посредником в ходе переговоров выступил именно Ирод Антипа (*Jos. Ant. Jud.* XVIII.4.5).

⁵⁶ Скорее всего, это вооружение предназначалось для борьбы с набатеями, а не против Рима (см.: Неклюдов 2011b, 635).

⁵⁷ Лугдунум, или Лугдун Конвенарум, совр. Сен-Бертран-де-Комменж (в 100 км к юго-западу от Тулузы). В «Иудейской войне» тот же Флавий в качестве места ссылки Ирода Антипы называет почему-то Испанию вместо галльского Лугдуна (*VJ.* II.9.6). Возможно, память изменила историку; впрочем, здесь вполне мог ошибиться средневековый переписчик, перепутавший Галлию с Испанией.

Иродиада ответила на это: “Государь! Ты великодушно и милостиво предложил мне исход, но мне мешает воспользоваться милостью твоею моя преданность мужу: я, разделявшая с ним все, когда он был счастлив, теперь не считаю себя вправе бросить его при перемене судьбы”. Император рассердился на нее за это великодушие и приговорил ее к ссылке вместе с Иродом. Имущество ее он предоставил Агриппе. Такое наказание постигло Иродиаду от Господа Бога за ее зависть к брату и за то, что она легкомысленно уговорила мужа, а он ее послушался».

(*Ant. Jud.* XVIII.7.1–2).

Нельзя не признать, что в данной ситуации Иродиада повела себя великодушно, как самая что ни на есть преданная и любящая жена. Что в дальнейшем случилось с ними обоими, неизвестно: с тех пор в источниках они не упоминаются. Более или менее определенно можно сказать только то, что бывший тетрарх Ирод Антипа и его жена Иродиада умерли в ссылке в Лугдуне Конвенарум после 39 г. н.э.

Эпизод III. Цари Агриппа I и Агриппа II

Человек неглупый и дипломатичный (Т.Ю. Фрибус назвала его «чужестранцем-приспособленцем»⁵⁸), Ирод Агриппа (род. в 10 г. до н.э.) пользовался расположением императоров Гая Калигулы и Клавдия, с которыми он был в приятельских отношениях задолго до того, как они взошли на престол (*Jos. Ant. Jud.* XVIII.6.4–5). В знак особого благоволения к Агриппе Калигула, даровав своему другу в 37 г. н.э. тетрархии Филиппа и Лисания (*Jos. Ant. Jud.* XVIII.6.10; *Cass. Dio* LIX.8.2), вместе с титулами царя и «друга Цезаря» вручил ему также знаки преторского достоинства — *ornamenta praetoria* (*Philo. In Flacc.* 40). К последним относились тога-претекста, курульное кресло и почетный эскорт из 6 ликторов. В 39 г. н.э. Калигула передал Агриппе тетрархию репрессированного им Ирода Антипы (*Jos. Ant. Jud.* XVIII.7.2). Несмотря на всю свою обходительность и греко-римское образование, Агриппа так и не стал «своим» в Риме: близость царя к Калигуле компрометировала его в глазах римлян, видевших в нем «наставника тирана» (*Cass. Dio* LIX.24.1). После убийства Калигулы (24 января 41 г. н.э.) Агриппа проявил незаурядную энергию и дипломатические способности, чем нема-

---

⁵⁸ Фрибус 2002, 120.

ло содействовал сохранению режима принципата и переходу власти в руки своего сверстника и друга юности Клавдия (Jos. Ant. Jud. XIX.4.1–2). Став императором, в знак своего расположения Клавдий передал Агриппе ряд областей в Палестине, включая Иудею и Самарию (Jos. Ant. Jud. XIX.5.1; Cass. Dio LX.8.2). Так в 41 г. н.э. в руках Ирода Агриппы I сосредоточились все владения его деда Ирода Великого. Кроме того, Клавдий даровал Агриппе консульские украшения — *ornamenta consularia* (Cass. Dio LX.8.2). На монетах, отчеканенных от имени Агриппы I, царь именовался «Великим»⁵⁹.

Несмотря на совершенно исключительное положение царя Агриппы I при дворе двух императоров, его правление нельзя считать безоблачным. И немудрено: для того чтобы возникло подозрение в нелояльности, клиентному правителю достаточно было совершить один неверный шаг, незначительный промах, который был чреват для него весьма серьезными последствиями. К примеру, когда Агриппа I по собственной инициативе начал сооружение новых крепостных стен вокруг Иерусалима, наместник Сирии Гай Вибий Марс немедленно уведомил об этом императора. Как пишет Иосиф Флавий, Клавдий, «усмотрев в этом предприятии некоторое опасное новшество, приказал Агриппе немедленно приостановить постройку стен. Агриппа не считал возможным ослушаться» (Ant. Jud. XIX.7.2. Ср.: ВЛ. II.11.6). В 42 г. н.э. в Тивериаде состоялся съезд правителей ряда клиентных царств Востока. Гостеприимный кров Агриппы I почтили своим присутствием Антиох IV Коммагенский, «великий царь» Эмесы Сампсикерам II, понтийский царь Полемон II, правитель Малой Армении Котис IV и Ирод II Халкидский (брат Агриппы). Самого факта этой встречи оказалось достаточно, чтобы у бдительного Вибия Марса возникли подозрения в нелояльности царственных клиентов императора. Наместник лично отправился в Тивериаду, чтобы потребовать от гостей Агриппы немедленно отбыть во свояси (Jos. Ant. Jud. XIX.8.1). Этот случай наглядно показывает степень самостоятельности вассальных царей⁶⁰.

Правя под строгим надзором со стороны римских должностных лиц, Агриппа I неукоснительно соблюдал все религиозные предписания иудаизма и умел ладить как со своими подданными, так и с иноземцами (Jos. Ant. Jud. XIX.6.1; 7.3). Жизнь научила его лавировать и обходить острые углы, поэтому он стремился и римским властям угождать, и ев-

---

⁵⁹ См.: Hoehner 1972, 108, n. 5; Meshorer 2001, 232.

⁶⁰ См.: Ранович 1949, 133.

реев без нужды не злить⁶¹. Будучи человеком греко-римской культуры, Агриппа построил в Берите театр и амфитеатр, термы и портики, устраивал гладиаторские бои (Jos. Ant. Jud. XIX.7.5). В 44 г. н.э. в Кесарии Палестинской он на римский манер организовал игры в честь Клавдия (Jos. Ant. Jud. XIX.8.2). Неудивительно, что у царя было немало противников, недовольных не только его увлечением греко-римской культурой, но и пресмыкательством перед римскими провинциальными властями⁶²: известие о смерти Агриппы I в народе было встречено с ликованием (Jos. Ant. Jud. XIX.9.1).

Его сын, Ирод Агриппа II (48–92/93 гг. н.э.), или Марк Юлий Агриппа⁶³, как и отец, в юности воспитывался в Риме, но уже при дворе Клавдия (Jos. Ant. Jud. XIX.9.2). Престол своего отца он унаследовал не сразу. В 48 г. н.э., после смерти дяди, царя Ирода II Халкидского, Агриппа получил от Клавдия титул царя Халкиды⁶⁴ и смотрителя за Иерусалимским храмом (Jos. Ant. Jud. XX.5.2; 9.7; BJ. II.12.1). В 53 г. н.э. Клавдий взамен Халкиды передал Агриппе территорию бывшей тетрархии Филиппа (Ирода Филиппа II) и ряд других областей (Jos. Ant. Jud. XX.7.1; BJ. II.12.8). В 61 г. н.э. Нерон еще более расширил владения Агриппы II, отдав ему Тивериаду и юг Перее (Jos. Ant. Jud. XX.8.4). Став царем, Агриппа начал чеканить монеты с изображением императора, иногда с собственным профилем и языческой символикой, тем самым грубо оскорбляя религиозные чувства своих подданных⁶⁵. И это притом, что монетная чеканка в клиентных царствах отнюдь не контро-

---

⁶¹ См.: Smith 2010, 100.

⁶² Причина неприязни к Агриппе I заключалась еще и в его происхождении: дед Агриппы, Ирод Великий, как пишет Иосиф Флавий, был «идумеянином, т. е. полуевреем, тогда как по справедливости и обычаям (страны) эта власть (над Иудеями. — В.Н.) должна принадлежать лишь кровным иудеям» (Jos. Ant. Jud. XIV.15.2).

⁶³ Отец Агриппы II, Агриппа I как римский гражданин мог носить имя Гай Юлий (в честь Калигулы) или Марк Юлий (в честь М. Випсания Агриппы). Во втором случае Агриппа II унаследовал не только отцовский *nomen*, но и *praenomen*. См.: Braund 1984, 44.

⁶⁴ Имеется в виду Халкида Ливанская.

⁶⁵ См.: Madden 1881, 139–169. Агриппа II явно подражал римской чеканке. Первым из потомков Ирода начал помещать на своих монетах изображения императора и его родственников внучатый дядя Агриппы, тетрарх Филипп: на его бронзовых монетах появляются портреты Августа, Ливии и Тиберия (Dahmen 2010, 108).

лировалась римскими властями, а изображения и надписи на монетах определяли сами клиентные цари⁶⁶.

Агриппа II много строил, украшая Кесарию Филиппову, переименованную им в Неронию в честь Нерона (61 г. н.э.), однако эта деятельность отнюдь не прибавила ему популярности среди подданных (Jos. Ant. Jud. XX.9.4). Несмотря на все свои старания (Jos. BJ. II.16.3–4), не пользовавшийся уважением подданных царь не сумел предотвратить восстание иудеев и был вынужден бежать из Иерусалима под градом камней (Jos. BJ. II.17.1). В дальнейшем Агриппа II деятельно помогал римлянам подавлять мятеж (Tac. Hist. V.1). В 75 г. н.э. этот римский вассал получил от Веспасиана в награду за верность знаки преторского достоинства — *ornamenta praetoria* (Cass. Dio LXVI.15.4). Кроме того, Веспасиан еще более расширил владения Агриппы (Phot. Bibl. Cod. 33), который умер в Риме в конце I в. н.э. уже под занавес правления Домициана⁶⁷. Едва ли после 70 г. н.э. он сохранил хоть какую-то реальную власть в своем эфемерном «царстве». У Агриппы II не было прямых наследников⁶⁸, и бывшие владения последнего иудейского царя перешли под прямое управление римских провинциальных властей. В 135 г. н.э., после подавления восстания Симона Бар-Кохбы, Иерусалим превратился в колонию Элию Капитолину, а провинция Иудея была переименована в Сирию Палестинскую⁶⁹.

Литература

- Григер, М.В. 2007: Социальный аспект взаимодействия Восток – Запад в римской Иудее (37 г. до н.э. – 135 г. н.э.). *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки* 149(4), 193–202.
- Караваев, А.Г. 2021: Правящий дом Мавретании в семье постэллинистических династий Средиземноморья I в. н.э. *Египет и сопредельные страны* 2, 14–38.

---

⁶⁶ См.: Dahmen 2010, 100. Ср.: Braund 1984, 125–126.

⁶⁷ Год смерти Агриппы II устанавливается лишь приблизительно (до 94 г. н.э., когда Иосиф Флавий завершил работу над «Иудейскими древностями»: Jos. Ant. Jud. XX.11.1). Чаще всего исследователи называют 92 или 93 гг. н.э. См., напр.: Немировский 2000, 270.

⁶⁸ Потомки Александра, сына Ирода Великого, были живы еще во времена Траяна, т. е., строго говоря, династия Иродиадов не пресеклась со смертью Агриппы II. Скорее всего, на Палатинском холме заблаговременно было принято принципиальное решение об упразднении вассального Иудейского царства.

⁶⁹ См.: Моммзен 1995, 396, 400.

- Метелица, А.С. 2010: Иерусалимский синедрион и римская провинциальная администрация Иудеи (I в.). *Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: гуманитарные и социальные науки* 1(35), 93–99.
- Моммзен, Т. 1995: *История Рима. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана* / пер. с нем. СПб.
- Неклюдов, К.В. 2011а: Период правления тетрарха Ирода Антипы по данным археологии. *Христианское чтение* 5(40), 31–59.
- Неклюдов, К.В. 2011б: Ирод Антипа. *ПЭ XXVI*, 634–640.
- Неклюдов, К.В., Ткаченко, А.А. 2011: Иродиана. *ПЭ XXVI*, 651–654.
- Немировский, А.А. 2000: Агриппа II. *ПЭ I*, 270–271.
- Никишин, В.О. 2017: Как культура преодолела негативный стереотип: портрет мавретанского царя Юбы II в контексте римских этнических предрассудков. *Египет и сопредельные страны* 2, 43–59.
- Раджак, Т. 1993: *Иосиф Флавий. Историк и общество* / пер. с англ. М.
- Ранович, А.Б. 1949: *Восточные провинции Римской империи в I–III вв.* М.–Л.
- Филатов, А.А. 2020: Иудейские посольства в Рим в I в. н.э. В кн.: В.Г. Вовина, М.О. Мельцин (отв. ред.), *Евреи в мировой истории, культуре и политике: материалы Международной научной конференции 26 апреля 2020 г.* СПб., 124–132.
- Фрибус, Т.Ю. 2002: Юлии-Клавдии глазами римлян и варваров. *АМА* 11, 117–123.
- Braund, D.C. 1984: *Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship*. London.
- Dahmen, K. 2010: With Rome in mind? Case Studies in the Coinage of Client Kings. In: T. Kaizer, M. Facella (eds.), *Kingdoms and Principalities in the Roman Near East*. Stuttgart, 99–112.
- Gillman, F.M. 2003: *Herodias: At Home in That Fox's Den*. Collegeville.
- Gowing, A.M. 1990: Tacitus and the Client Kings. *TAPhA* 120, 315–331.
- Harris, W.V. 1979: *War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C.* Oxford.
- Hekster, O. 2010: Trophy kings and Roman power: A Roman perspective on client kingdoms. In: T. Kaizer, M. Facella (eds.), *Kingdoms and principalities in the Roman Near East*. Stuttgart, 45–55.
- Hoehner, H.W. 1972: *Herod Antipas*. Cambridge.
- Jensen, M.H. 2006: *Herod Antipas in Galilee: The Literary and Archaeological Sources on the Reign of Herod Antipas and its Socio-Economic Impact on Galilee*. Tübingen.
- Jensen, M.H. 2007: Herod Antipas in Galilee: Friend or Foe of the Historical Jesus? *JSHJ* 5(1), 7–32.
- Krieger, K.-S. 1994: *Geschichtsschreibung als Apologetik bei Flavius Josephus*. Tübingen–Basel.
- Leon, H.J. 1960: *The Jews of Ancient Rome*. Philadelphia.
- Madden, F.W. 1881: *Coins of the Jews*. London.
- Meshorer, Y. 1982: *Ancient Jewish Coinage. Vol. 2. Herod the Great Through Bar Kokhba*. Dix Hills–New York.

- Meshorer, Y. 2001: *A Treasury of Jewish Coins: From the Persian Period to Bar Kokhba*. Jerusalem–New York.
- Roller, D.W. 2018: *Cleopatra's Daughter and Other Royal Women of the Augustan Era*. New York.
- Schwartz, D.R. 2018: Malthace, Archelaus, and Herod Antipas: Between Genealogy and Typology. In: M.M. Piotrkowski, G. Herman, S. Dönitz (eds.), *Sources and Interpretation in Ancient Judaism: Studies for Tal Ilan at Sixty*. Leiden, 32–40.
- Shillam, M.W. 2016: *Imperial Matchmaker: The Involvement of the Roman Emperor in the Arrangement of Marriages between Client Kings*. PhD Thesis. University of New England.
- Smith, M.J. 2010: The Political Context of the Gospels. In: M. Harding, A.M. Nobbs (eds.), *The Content and Setting of the Gospel Tradition*. Grand Rapids (Michigan)–Cambridge, 79–104.
- Treggiari S. 1991: *Roman Marriage. Justi conigues from the Time of Cicero to the Time of Ulpian*. Oxford.
- Woolf, G. 1993: Roman peace. In: J. Rich, G. Shipley (eds.), *War and Society in the Roman World*. London, 171–194.

В.Н. Парфёнов

НА БЕРЕГАХ РЕЙНА И БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО (ПЕРВЫЕ ШАГИ ИМПЕРАТОРА ТРАЯНА)

Аннотация. В статье анализируется поведение императора Траяна после смерти его предшественника Нервы. Необычной чертой этого поведения было отсутствие нового принцепса в столице на протяжении полутора лет. Автор полагает, что полугодовое пребывание Траяна в римских провинциях на Рейне объяснялось в первую очередь необходимостью установления доверительных отношений с расположенными там войсками. Последующее инспектирование императором военных гарнизонов дунайских провинций было продиктовано его военными приготовлениями, направленными против Дакийского царства. Агрессивные намерения императора подтверждаются надписью его представителя Марка Ульпия Прима (*КБН 43*), который должен был обеспечить поддержку военных усилий Траяна Боспорским царством и другими римскими сателлитами в Северном Причерноморье.

Ключевые слова: принцепс Нерва, император Траян, Домициан, армия, Германия, Дакия, Боспорское царство.

Victor N. Parfyonov

ON THE BANKS OF THE RHINE AND THE CIMMERIAN BOSPORUS (THE FIRST STEPS OF EMPEROR TRAJAN)

Abstract. The article analyzes the behavior of Emperor Trajan after the death of his predecessor Nerva. An unusual feature of this behavior was the absence of a new princeps in the capital for a year and a half. The author believes that Trajan's six-month stay in the Roman provinces on the Rhine was primarily explained by the need to establish trusting relations with the troops stationed there. The Emperor's subsequent inspection of the military garrisons of the Danube provinces was dictated by his military preparations directed against the Dacian Kingdom. The aggressive intentions of the emperor are confirmed by the inscription of his representative Marcus Ulpius Primus (*CIRB 43*), who was supposed to provide support for Trajan's military efforts by the Bosporan Kingdom and other Roman satellites in the Northern Black Sea region.

Keywords: princeps Nerva, emperor Trajan, Domitian, army, Germania, Dacia, Bosporan Kingdom.

В истории Римской империи вторая половина 97 г. н.э. доставляет исследователям немало загадок. После падения династии Флавиев сенат избрал новым принцепсом одного из своей среды, Марка Кокцея Нерву. Однако положение его у власти оставалось неустойчивым, прежде всего потому, что авторитетом в военных кругах он не пользовался, тогда как вооруженные силы, особенно гвардия, встретили гибель Домициана с негодованием и жаждали отомстить за его смерть.

Ситуация вышла из-под контроля летом или в начале осени 97 г., когда в результате выступления преторианской гвардии, требовавшей покарать убийц Домициана, Нерва был вынужден санкционировать казнь главных участников заговора против последнего Флавия. Его ответным ходом стало усыновление и провозглашение своим наследником одного из военачальников, выдвинувшихся при Домициане, Марка Ульпия Траяна. Этот (внешне неожиданный) шаг стал результатом целой цепи интриг и закулисных сделок в среде римской военно-политической элиты, представленной как сенаторами в Риме, так и командующими крупными войсковыми группировками в провинциях.

Хотя и после этого общая ситуация продолжала оставаться сложной, однако возможную гражданскую войну удалось предотвратить. Как отметил еще Кеннет Уотерс, «теперь, хотя Траян едва ли мог сказать, что он контролирует всю римскую армию, определенное количество командующих ничего не имело против него, и, как показало дальнейшее развитие событий, этого оказалось вполне достаточно...»¹

К этому можно добавить, что о поведении преторианцев после их мятежа в 97 г. ничего предосудительного не известно. Похоже, они удовлетволялись выполнением их основного требования (казнь убийц Домициана), выражением им благодарности со стороны императора Нервы и, очевидно, выдачей донатива. Возникает впечатление, что и гвардия, в том числе и ее префект Касперий Элиан, которому традиция приписывает роль лидера мятежа, не имела ничего против назначения Траяна наследником Нервы.

27 января 98 г. Нерва умирает. На следующий день (*dies imperii*) Траян получает от сената все необходимые полномочия единоличного правителя, соответственно изменяется и его титулатура². Сам он находится в это время в Кёльне, где и получает известие о смерти Нервы (Eutrop. VIII.2.1; *Epit. de Caes.* 13.2). Вместо того, чтобы поспешить в

---

¹ Waters 1975, 387 f.

² Hanslik 1965, 1044 f.; Kienast 2004, 122. Cp.: Venning 2011, 503.

Рим, где с нетерпением ждали его прибытия (Martial. X.6–7), новый император вплоть до осени 98 г. остается в германских провинциях, затем еще примерно год инспектирует границу по Дунаю и лишь около октября 99 г. прибывает в столицу³. Таким образом, Траян с момента получения им единоличной власти отсутствовал в центре державы свыше полутора лет.

На первый взгляд, столь необычное поведение было крайне рискованным: Геродиан видит именно в такого рода промедлении основную ошибку Песценния Нигера, провозглашенного императором войсками римского Востока в начале гражданской войны 193–197 гг. (Herod. II.8.9–10). Но принципиальное отличие ситуации 97–98 гг. от сложившейся столетие спустя заключалось в том, что Траян получил власть по решению «комитета командующих» войсками, сконцентрированными еще Домицианом для большой войны на Среднем Дунае. Войска эти составляли около половины всех вооруженных сил Римской империи⁴. Оспаривать мнение столь представительного собрания не решился никто. Предполагается, правда, что реальным соперником Траяна мог стать Куриаций Матерн, бывший при Домициане наместником Сирии⁵, но ко времени получения Траяном единоличной власти эта проблема была так или иначе решена.

Одним из первых действий Траяна в качестве августа считается вызов к нему в Германию префекта претория Касперия Элиана вместе с основными виновниками мятежа преторианцев и казнь их там за дискредитацию престижа Нервы⁶. В этом деле вообще много странностей. Не вдаваясь сейчас в подробности (это тема отдельного исследования), можно лишь отметить: выражение Кассия Диона или его эпитоматора (LXVIII. 5.4) по поводу участия лидеров преторианского бунта, которых Траян «убрал с дороги» (ἐκλόδων ἐλοίχσαστο), слишком туманно, чтобы безоговорочно утвердиться в мнении об их казни. Вполне возможно, что они были лишь уволены в отставку⁷.

Римское общественное мнение ожидало от Траяна дальнейших действий по одному из двух возможных вариантов: либо как можно скорее

---

³ Halfmann 1986, 184; Venning 2011, 503.

⁴ Grainger 2020, 80.

⁵ Alföldy, Halfmann 1973, 331 ff.; Griffin 2000, 90; Парфенов 2008, 332 сл.; Eck, Pangerl 2008, 219–226; Eck 2016, 99–106; Jackson 2022, 90 f.

⁶ Hanslik 1965, 1046; Bennett 2005, 52; Venning 2011, 503; Speidel 2009a, 128; Князький 2016, 50.

⁷ Waters 1969, 388, n. 9; Jones 1973, 279, n. 19; Berriman, Todd 2001, 327.

прибыть в столицу, либо начать военные действия за Рейном, одержать победу над германцами и уже в ореоле триумфатора опять-таки возвратиться в Город. В любом случае, как отметил Гуннар Зелентаг, от него ждали, чтобы он показался сенату и плебсу, произнес программные речи, лично принял декларируемые почести, дал игры, удовлетворил потребность плебса в восторженном почитании нового властителя, разделил трапезу с сенаторами; короче говоря, установил на месте нужные контакты (*ein kommunikatives Nahverhältnis zu etablieren*)⁸.

Вместо этого Траян оставался в Германии, но никакой войны не вел. Если не считать его собственноручного письма сенату с клятвенным обещанием не подвергать аристократов репрессиям (*Cass. Dio LXVIII. 5.2*), дальнейшие намерения его оставались непонятны широкой публике, да и верхушке римского общества, кроме немногих посвященных⁹. Предполагается, что выход в свет в 98 г. «Германии» Тацита мог быть попыткой объяснить или хотя бы угадать возможные мотивы поведения нового императора¹⁰.

Г. Зелентаг¹¹ обратил внимание на один монетный тип, характерный для ранней золотой (намного реже — серебряной) чеканки Траяна. На реверсе этих монет изображалась женщина с оливковой ветвью, персонафикация Германии, сидящая на шестиугольных щитах, которые в римском изобразительном искусстве являются характерной частью германского вооружения, тогда как оливковая ветвь — традиционный атрибут богини мира *Pax*¹². По мнению Зелентага, сопоставляющего этот тип с монетными эмиссиями Домициана, изображающими покоренную Германию, «эти монеты являются первым свидетельством, представляющим умиротворенную (*befriedeten*) провинцию в римском монетном деле вообще... Смысл был ясен: в противоположность Домициану, Траян не только покорил Германию, он ее реально умиротворил»¹³.

---

⁸ Seelentag 2004, 130.

⁹ С этим обещанием диссонирует предполагаемая казнь руководителей мятежа гвардии, которые, будучи преторианскими офицерами, вполне могли относиться к римской аристократии. Это еще один повод усомниться в том, что казнь действительно имела место.

¹⁰ Кнабе 1981, 125.

¹¹ Seelentag 2004, 132.

¹² Mattingly, Sydenham 1926, 245–247, n. 5, 15, 35–36; Strack 1931, 69 f., Nr. 12, 23.

¹³ Seelentag 2004, 132.

С этой точкой зрения можно согласиться, уточнив, что монеты как Домициана, так и Траяна подразумевали не римские провинции на Рейне, а обширную территорию к востоку от него. Она была потеряна после разгрома легионов Квинтилия Вара в 9 г. и была в течение всего I в. н.э. объектом настойчивых, но большей частью напрасных усилий Рима по ее возвращению.

Германский исследователь полагает, что Траян отказался от агрессивной политики в Германии, так как уже наметил другую цель — nämlich das dakische Reich. Поскольку стратегической необходимости в войне на Рейне не было, Германию следовало надолго умиротворить, не втягиваясь в длительный конфликт, благо в римской истории уже были примеры, когда чисто формальное признание римского верховенства над врагом и взаимный отказ от наступательной политики прокламировались как победы Рима (Август и Германия, Нерон и Армения)¹⁴.

Согласно этой точке зрения, уже начиная с *dies imperii* Траяна, император целенаправленно готовился к уничтожению державы дакийского царя Децебала, чем и объяснялось его длительное пребывание на северных рубежах Римской державы. Р. Ханслик полагал, что к мнению о серьезности дакийской опасности для Рима Траян мог придти достаточно рано, когда во времена Домициана занимал (предположительно) пост наместника Мёзии. Впрочем, исследователь оговорился, что момент, когда именно Траян начал целенаправленно готовиться к новой *bellum Dacicum*, остается под вопросом¹⁵.

Думается, что вполне определенный ответ на этот вопрос следует искать далеко от берегов Рейна, где находился тогда Траян, и он содержится в одной внешне невыразительной, но дающей важнейшую для нашей темы информацию пантикапейской надписи. Уцелевшая часть текста на постаменте статуи царя Савромата I, которую воздвиг в знак благодарности некий Марк Ульпий Прим (КБН 43), выглядит таким образом:

[-----
-----]
ΟΣΦΙΛΟΚΑΙΣΑΡΑΚΑΙΦΙ[--]
ΡΩΜΑΙΟΝΕΥΣΕΒΗΜΑ[---]
ΣΟΥΛΠΙΟΣΠΡΕΙΜΟΣ[--]
ΝΙΔΙΟΝΕΥΕΡΓΕΤΗ[-]
[--] ΤΩΙ ΔΩΤ Ε[---]

¹⁴ Seelentag 2004, 48, 131.

¹⁵ Hanslik 1965, 1048 f.

Начало надписи с именем и отчеством царя не сохранилось, но оно надежно восстанавливается, благодаря хорошо видной дате (КБН-альбом 2004, № 43). В восстановленном виде надпись читается так:

[Τιβ. Ἰούλιον Σαυρομάτην
υἰὸν βασιλέως Ῥησκοупόριδ]-
ος, φιλοκαίσαρα καὶ φι[λο]-
ρόμαιον, εὐσεβῆ, Μά[ρκο]-
ς Οὐλλιος Πρεῖμος [τὸ]-
ν ἴδιον εὐεργέτη[v]
[ἐν] τῷ ΔQT ἔ[τει]¹⁶.

Издатели надписи в *КБН* датировали ее 97 г. н.э., не учтя того обстоятельства, что начало года по боспорскому календарю относится к октябрю, а не к январю, как в юлианском. Соответственно, надпись 394 г. боспорской эры должна датироваться периодом от начала октября 97-го по конец сентября 98 г. н.э.¹⁷

Как уже приходилось аргументировать автору этих строк, дедикант Марк Ульпий Прим не может быть ни боспорским военачальником, ни отставным римским военным моряком или ауксилиарием, как предполагалось ранее в научной литературе. Единственно возможный вариант — это был вольноотпущенник Траяна (или, может быть, еще его отца и полного тезки, Траяна-старшего), прибывший на Боспор с важной дипломатической миссией, скорее всего, на корабле из состава римского военного флота, в весенне-летнюю навигацию 98 г.¹⁸ Более ранним временем датировать этот визит не следует, во-первых, потому, что плавание в штормовой осенне-зимний период 97/8 г. острой необходимостью не вызывалось и было бы крайне рискованным; во-вторых, до конца января 98 г. Траян пребывал в ранге цезаря и едва ли обладал необходимыми полномочиями для осуществления крупных дипломатических акций¹⁹.

---

¹⁶ «Тиберия Юлия Савромата (*его статую*), сына царя Рескупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, Марк Ульпий Прим (*поставил*) своего благодетеля в 394 году» (пер. А.И. Доватура и Д.П. Каллистова).

¹⁷ В КБН-альбоме эта неточность исправлена (КБН-альбом 2004, 345).

¹⁸ Важную роль императорских вольноотпущенников при Траяне считал необходимым публично подчеркнуть Плиний Младший (*Pan.* 88.2–3).

¹⁹ Ср. Jackson 2022, 93: «the subordinate partner in the Principate».

Суть успешно выполненной миссии Прима — привлечение Боспорского царства и других римских сателлитов в Северном Причерноморье к подготовке войны против Децебала. В таком случае путешествие Прима должно было включать в себя посещение не только Пантикапея, но и Ольвии с Херсонесом, и сообщение от имени Траяна о даровании римского гражданства избранным представителям правящей верхушки этих государств²⁰. Очевидно, в Пантикапее личный представитель нового императора встретил радушный прием, достиг полной договоренности по всем пунктам данного ему поручения и был щедро вознагражден царем, коль скоро счел необходимым выразить ему свою благодарность таким образом.

Следовательно, мнение о том, что Траян сразу после начала своего самостоятельного правления, еще находясь в германских провинциях, занялся подготовкой, в том числе дипломатической, войны против Дакийского царства Децебала, находит документальное, точно датированное подтверждение в далекой от Рейна столице Боспорского царства.

Новый властелин Рима с самого начала повел себя нестандартно. Столичная знать и плебс ждали, что Траян отметит начало своего принципата войной, победой, триумфом и вернется в Рим после смерти Нервы. Кроме того, он должен был испытывать психологическое давление со стороны Рейнской армии Рима, которая жаждала настоящего дела. Все это, по мнению Г. Зелентага, прямо-таки вынуждало Траяна к большой войне против свободной Германии. Однако две существенные причины препятствовали тому, чтобы превратить спокойную до того римско-германскую границу в зону боевых действий. Первой причиной были стратегические соображения. Поскольку со времени Домициана, как считает Г. Зелентаг, на Дунае продолжалось хрупкое перемирие, а не прочный мир, то, если бы Траян втянулся в германскую войну, ситуацией могли воспользоваться даки и тогда Рим получал еще один фронт.

Вторая причина, с точки зрения германского исследователя, заключалась в том, что в случае длительного отсутствия императора в Риме продолжилась бы нестабильность, которая была характерна для принципата Нервы и могла перерасти во взаимное отчуждение императора и сената, присущее времени Домициана. Так Траян оказался в ситуации конфликта между ожиданиями, которые, с одной стороны, возлагало на него войско, а с другой — сенат и столичный плебс²¹.

---

²⁰ См.: Парфенов 2008а, 212 слл.; 2009, 216 слл.; 2009а, 349–354.

²¹ Seelentag 2004, 148 f.

Если действительность и соответствовала этому представлению²², то Траян решил данную дилемму весьма своеобразно. Не уступая настроениям, характерным для Рейнской армии, он сохранил мир на римско-германской границе и занялся ее обустройством, поскольку был заинтересован в сохранении прочного тыла в будущей войне против даков²³. С другой стороны, и в Рим он не торопился, так что столичное население продолжало пребывать в ожидании и теряться в догадках.

По данному поводу можно заметить, что длительное пребывание нового императора в германских провинциях объяснялось не только и не столько этим: в конце концов, руководство укреплением германского лимеса, сооруженного при Домициане, Траян вполне мог поручить своим легатам. Едва ли дело было только, как полагал Г. Хальфман, в переговорах «для обеспечения состояния мира с германцами на правобережье Рейна»²⁴. Разумеется, если бы римская сторона на них была представлена первым лицом, это ускорило бы процесс, но Траян, хотя бы из соображений престижа, мог доверить эти переговоры своим подчиненным, чтобы самому принять в них участие лишь на финальной стадии, непосредственно перед заключением соответствующего договора. Скорее всего, так и было в действительности, поскольку это соответствовало обычной дипломатической практике. Во всяком случае, столь долгое пребывание Траяна на Рейне ни обустройством границы, ни затянувшимися переговорами с варварами не объяснить, главная причина кроется в чем-то другом, и разгадку надо искать во взаимоотношениях императора с войсками, расквартированными в обеих провинциях, *Germania superior* и *Germania inferior*.

Как метко выразился Дж. Кемпбелл, «армия была источником силы и (психологического) комфорта для носителя верховной власти»²⁵. Траяну, профессиональному военному, это было известно лучше, чем многим другим. Поэтому своей основной задачей он считал выстраивание доверительных отношений с войсками, в первую очередь с теми, что составляли гарнизон обеих Германий.

---

²² Г. Ханслик не случайно оговаривается по поводу решения Траяна начать войну против даков «вследствие роста их силы и надменности» (Cass. Dio LXVIII. 6.1), что «такова официальная римская версия» (Hanslik 1965, 1048).

²³ В новейшей биографии Траяна, за возможность ознакомиться с которой я признателен А.В. Махлаюку, Н. Джексон выделяет целых пять причин новой Дакийской войны, но в конечном счете приходит к заключению, что главным здесь для Траяна были его личные амбиции (Jackson 2022, 119 f., 121).

²⁴ Halfmann 1986, 185.

²⁵ Campbell 1984, 400.

Надо полагать, особых проблем с легионами и ауксилиарными формированиями Германии Верхней у него не было: солдаты и офицеры должны были гордиться тем, что именно их командующий стал наследником трона, а затем повелителем огромной державы, что сулило им особое положение и, соответственно, приятные бонусы. Иное дело — римский гарнизон Нижней Германии.

После разгрома в 89 г. мятежа Антония Сатурнина нижнегерманским войском под командованием Лаппия Максима его воины с полным основанием считали себя спасителями своего государя и верховного главнокомандующего, то есть Домициана. Наряду с наградой в виде донатива, все воинские части и флот Нижней Германии (последнему уже Веспасиан даровал титул *Augusta*) получили почетное наименование *pia fidelis Domitiana*, засвидетельствованное в документах того времени²⁶.

Более того, весь римский гарнизон Нижней Германии, как доказывает военный диплом 95/96 г., стал титуловаться *exercitus pius fidelis Domitianus*²⁷, что само по себе было выдающимся отличием. Как отмечает В. Эк, «эта формула совершенно ясно свидетельствует, что все воинские части вместе, то есть всё войско, остались лояльными в отношении императора и поэтому они как единое целое заслужили, по сравнению с другими провинциальными армиями, его особую признательность»²⁸.

Всё должно было измениться после убийства Домициана, которое нанесло сильный удар по моральному духу армии вообще²⁹, а нижнегерманского войска в особенности. С гибелью Домициана и принятием сенатского постановления о *damnatio memoriae*, если исходить из буквы этого решения, должны были быть аннулированы как почетные титулы частей и соединений, в которых содержалось его имя, так и соответствующее наименование всей армии Нижней Германии. Поэтому словам Плиния Младшего (*Pan.* 18.1) о гибельном упадке дисциплины в

---

²⁶ Webster 1969, 110, 161; Eck 2014, 102.

²⁷ *AE* 2003, 2055. Цит. по: Eck 2014, 102.

²⁸ Eck 2014, 102.

²⁹ Выражение Светония о том, что воины были потрясены дворцовым переворотом в Риме (*miles gravissime tulit* — *Suet. Dom.* 23), конечно, относится не только к преторианцам, но и ко всей армии, в которой Домициан пользовался популярностью не только из-за резкого повышения *stipendium*, но и потому, что он проводил в войсках больше времени, чем любой другой правитель Рима со времени Второго триумvirата. См.: Campbell 1984, 57; Eck 2014, 103; Парфенов 2021, 131 слл.

армии (*disciplinam castrorum lapsam, extinctam*), с которым пришлось иметь дело Траяну, вполне можно поверить, хотя он кривит душой, называя это «злом прежнего времени (*prioris saeculi malo* (sc. *Domitiani*))» — это было «зло» совсем недавнего времени, периода эфемерного принципата Нервы.

Второй удар по самолюбию и корпоративному духу нижегерманских войск, по мнению Вернера Эка, был нанесен тем, что наследником императорского трона осенью 97 г. стал Траян, командующий верхнегерманской армией, той самой, чей мятеж за несколько лет до того они подавили. В результате действия обоих факторов в *Germania inferior* сложилась кризисная ситуация³⁰.

В столь непростой обстановке Траян должен был проявить максимум такта и осторожности. Для этого ему необходимо было провести среди солдат и офицеров Рейнской армии Рима достаточно продолжительное время, не забывая при этом контролировать общую ситуацию в империи и особенно в столице.

Поведение Траяна в армейской среде описывает Плиний Младший: участие императора в военных упражнениях вместе с рядовыми солдатами, демонстрация заботы о них, подбадривание уставших и больных, и так далее, вплоть до ежевечернего обхода солдатских палаток перед сном, так что сам император ложился спать последним (Plin. *Pan.* 13.1–3). К этому присоединилось уважительное отношение к подчиненным Траяну командирам, так что в результате солдаты и офицеры смотрели на императора и как на верховного военачальника, стремясь заслужить его одобрение, и как на боевого товарища (Plin. *Pan.* 19.1–3).

Можно не сомневаться, что снабжению и денежному довольствию Рейнской армии тоже уделялось должное внимание. Сохранились даже заслуженные при последнем Флавии почетные наименования войск Нижней Германии, из их номенклатуры было убрано только имя Домициана. Официальные документы времени Траяна и его преемников свидетельствуют, что вся армейская группировка провинции *Germania inferior* по-прежнему именовалась *exercitus pius fidelis*³¹.

Если вернуться к вышеупомянутой римской монетной чеканке начала правления Траяна, то профессор Зелентаг полагает, что уже выбор металла (золото; из благородных металлов монеты этого типа не выпускались) свидетельствовал о том, что главным адресатом этих эмиссий было сенаторское сословие (*die senatorische Zielgruppe*), а целью —

---

³⁰ Eck 2014, 103.

³¹ Eck 2014, 102f.

убедить римскую аристократию в том, что основная задача в Германии решена и новая война там не нужна³². Однако представляется, что главным «потребителем» золотых и серебряных монет была все-таки армия, содержание которой являлось основной статьёй расходов государственного бюджета³³. Следовательно, такого рода «наглядная агитация» рассчитывалась не только и, может быть, не столько на верхушку римского общества в столице, сколько на армию, ее как рядовой, так и командный состав.

В конечном счете, только полностью убедившись в преданности ему Рейнской армии и в мире на римско-германской границе, Траян отбыл в инспекционную поездку по дунайским провинциям, которым предстояло в недалеком будущем стать плацдармом для наступления против даков. Германские же были доверены проверенным военачальникам, землякам и личным друзьям императора: наместником *Germania superior* стал Луций Юлий Урс Сервиан, *Germania inferior* — Луций Лициний Сура, при активном участии которых «подковерная борьба» за трон при Нерве закончилась в пользу Траяна³⁴.

Литература

- Кнабе, Г.С. 1981: *Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги*. М.
- Князький, И.О. 2016: *Император Траян*. СПб.
- Парфенов, В.Н. 2008: Домициан и его «генералитет». В кн.: А.Ю. Дворниченко (ред.), *История: мир прошлого в современном освещении*. Сб. науч. ст. к 75-летию проф. Э.Д. Фролова. СПб., 327–336.
- Парфенов, В.Н. 2008а: Ульпии на Боспоре: кто есть кто? В кн.: В.Н. Зинько (ред.-сост.). *Боспорские чтения*. Вып. IX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. *Militaria*. Керчь, 211–214.
- Парфенов, В.Н. 2009: Боспорская хронология: несколько замечаний. *БИ XXI*, 212–225.
- Парфенов, В.Н. 2009а: Боспорская миссия Марка Ульпия Прима. *АМА 13*, 349–354.

---

³² Seelentag 2004, 132 f.

³³ «*Stipendia* выплачивались в основном в денариях, как показывают археологические находки и документальные данные» (Speidel 2009: 350, n. 4). Командный состав, естественно, предпочитал золото.

³⁴ Eck 1985, 47 f., 155 f. Возможно, Суру уже сменил Л. Нераций Приск (Eck 1985, 156 ff.), но суть дела от этого не меняется — германские провинции были оставлены в надежных руках: все трое принадлежали к виднейшим сторонникам (most critical supporters) Траяна в римском сенате (Jackson 2022, 88 f., 94).

- Парфенов, В.Н. 2021: *Quartum stipendium* Домициана и римские финансы. В кн.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Гвоздева (отв. ред.), *Экономика, право, власть в древнем мире*. Посвящается памяти В.И. Кузищина. М., 131–161.
- Alföldy, G., Halfmann, H. 1973: M. Cornelius Nigrinus Curiatius Maternus, General Domitians und Rivale Traians. *Chiron* 3, 331–374.
- Bennett, J. 2005: *Trajan optimus princeps. A Life and Times*. London–New York.
- Berriman, A., Todd, M. 2001: A very Roman coup: the hidden war of imperial succession, A.D. 96–8. *Historia* 50/3, 312–331.
- Campbell, J.B. 1984: *The Emperor and the Roman Army, 31 B.C. – 235 A.D.* Oxford.
- Eck, W. 1985: *Die Statthalter der germanischen Provinzen vom 1.–3. Jahrhundert*. Köln–Bonn.
- Eck, W. 2014: Traians Herrschaftsbeginn in Germania inferior und seine Städtepolitik in dieser Provinz. In: I. Piso, R. Varga (eds.), *Trajan und seine Städte. Colloquium Cluj-Napoca, 29. September – 2. Oktober 2013*. Cluj-Napoca, 101–109.
- Eck, W. 2016: Prosopographische Nichtidentitäten: M. Cornelius Nigrinus Curiatius Maternus, Curiatius Maternus und Maternus — drei verschiedene Personen aus der Zeit der Flavier. *Politica antica* 6, 99–110.
- Eck, W., Pangerl, A. 2008: Eine Konstitution für die Auxiliartruppen Syriens unter dem Statthalter Cornelius Nigrinus aus dem Jahr 93. *ZPE* 165, 219–226.
- Grainger, J. D. 2020: *The Roman Imperial Succession*. Philadelphia.
- Griffin, M. 2000: Nerva to Hadrian. *CAH*², 84–131.
- Halfmann, H. 1986: *Itinera principum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich*. Stuttgart.
- Hanslik, R. 1965: M. Ulpius Traianus. Römischer Kaiser 98–117. *RE*, Spplbd. 10, 1035–1102.
- Jackson, N. 2022: *Trajan: Rome's Last Conqueror*. Barnsley.
- Jones, B.W. 1973: Casperius Aelianus: an enigma? *Classical Journal* 68/3, 277–279.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle: Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. 3. Aufl. Darmstadt.
- Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1926: *The Roman Imperial Coins*. Vol. II. *Verpasian to Hadrian*. London.
- Seelentag, G. 2004: *Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat*. Stuttgart.
- Speidel, M.A. 2009: Roman army pay scales In: Speidel M.A. *Heer und Herrschaft im Römischen Reich der Hohen Kaiserzeit*. Stuttgart 349–380.
- Speidel, M.A. 2009a: Traian: Bellicosissimus Princeps. In: M.A. Speidel. *Heer und Herrschaft im Römischen Reich der Hohen Kaiserzeit*. Stuttgart, 121–165.
- Strack, P. 1931: *Untersuchungen zur römischen Reichsprägung des zweiten Jahrhunderts*. Tl. I. *Die Reichsprägung zur Zeit des Traian*. Stuttgart.
- Venning, T. 2011: *A Chronology of the Roman Empire*. London.
- Waters, K.H. 1969: Traianus Domitiani continuator. *AJPh* 90/4, 385–405.
- Waters, K.H. 1975: The reign of Trajan, and its place in contemporary scholarship (1960–72). *ANRW* II.2, 381–431.
- Webster, G. 1969: *The Roman Imperial Army of the first and the second centuries A.D.* London.

И.Ю. Ващева

ИЗУЧЕНИЕ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ТАВРИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Аннотация. В статье предпринята попытка историографического анализа истории Северного Причерноморья времен поздней античности и раннего Средневековья. Рассматривается актуальность данной проблематики, специфика ее изучения и та источниковая база, на которую оно опирается. Отмечены основные вехи в изучении данной проблематики, подходы, на которые опирались исследователи в тот или иной период, и тот новый уровень, на который вышли позднебоспорские исследования за последние 20 лет. Вместе с тем показаны наиболее сложные и дискуссионные проблемы, обсуждаемые сегодня в научной литературе, и основные гипотезы, раскрывающие особенности жизни Боспора после гуннского нашествия, в период IV–VI вв. н.э.

Ключевые слова: поздняя античность, ранняя Византия. Крым, Таврика, Боспор, историография.

---

* В свое время автору этой статьи посчастливилось много общаться с Е.А. Молевым, слушать его лекции, быть его аспирантом, поучаствовать в работе Китейской экспедиции. Особенное впечатление производило то, с какой любовью и интересом Евгений Александрович рассказывал о предмете своих изысканий, о Крыме и греческих городах Северного Причерноморья. Автор же, тогда еще аспирант 1-го года, «получивший в удел» проблематику ранней Византии, окунулся в абсолютно новую для себя тему и со страхом и волнением думал, как же осилить этот совершенно неприподъемный материал. И на этом пути всегда встречал неизменную поддержку Е.А. Молева. В качестве скромной, но искренней благодарности Евгению Александровичу за его неизменную поддержку, участие и живой интерес к моим изысканиям автор приносит этот небольшой текст, в котором соединились воедино и поздняя античность, и ранняя Византия, и история Крыма. Автор отдает себе отчет, что данная статья не лишена изъянов, но светлая память и неизменная благодарность учителю заставили автора, как и много лет назад, начать изучение совершенно новой и практически незнакомой ему проблематики и прикоснуться к истории, которая была столь значима для Е.А. Молева.

STUDYING LATE ANTIQUE TAURICA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The article attempts a historiographical analysis of the study of the history of the Northern Black Sea region in the Late Antiquity and early Middle Ages. The relevance of this issue, the specifics of the study and the source base on which it relies are considered. The main milestones in the study of this issue are noted, as well as the approaches the researchers relied on in a particular period, and the new level reached by late Bosporan studies over the past 20 years. At the same time, the most complex and debatable problems discussed today in the scholarly literature and the main hypotheses which reveal the features of the life of the Bosphorus after the Hun invasion, in the period of the 4th to 6th centuries A.D. are shown.

Key words: Late Antiquity, early Byzantium, Crimea, Taurica, Bosphorus, historiography.

Изучение Северного Причерноморья в эпоху поздней античности и ранней Византии сегодня оказывается как никогда актуальным. Хронологически данный период ограничивается, с одной стороны, серединой – второй третью III в. н.э., временем «готских походов», с другой стороны, VI в. н.э., когда Боспорские земли входят в состав Византийской империи. Это очень сложный период во многих отношениях. Он совпадает с так называемой «эпохой поздней античности», временем сложнейшей внутренней трансформации всех устоев античного общества. Вместе с тем, на это время приходится пик Великого переселения народов, когда именно через этот регион проходили волны массовой миграции и готов, и гуннов, и многих других племен. Естественно, эти миграционные процессы оказывали влияние на облик и образ жизни позднеантичного Боспора и вызывали сложные этно-формационные процессы, о характере и результатах которых до сих пор спорят ученые. Это регион порубежный. Можно сказать, что именно на этой линии произошло столкновение цивилизованного мира и «варварского» мира кочевников. Очень сложной и в то же время очень актуальной сегодня проблематикой является изучение соприкосновения, столкновения и взаимодействия этих двух миров, не только в плане взаимовлияний, но и в системе координат «свой» – «чужой». Кроме того, этот регион оказывается полем весьма сложных культурно-религиозных изменений. Если проблема утверждения христианства и «религиозного поворота» IV века оказывается довольно сложной и дискуссионной даже для центральных областей Римской империи, то территория позднеантичной

Таврики в этом отношении ставит еще больше вопросов из-за обилия здесь самых разных культов и религиозных практик, смешения религиозных и этно-конфессиональных интересов местного населения, этнический состав которого также представляет собой сложнейшую проблему, которая в последнее время привлекает всё большее внимание.

Вместе с тем стоит отметить не только огромное количество сложнейших вопросов, требующих своего решения, острую дискуссионность многих из них и то несомненное общественно-политическое звучание, которое получают многие из них в условиях развития политической ситуации в современной России. Важно и то, что за последние время, в связи с масштабным строительством в Крыму, появился новый археологический материал, введены в научный оборот многие новые памятники, что позволяет пролить свет на ранее неизвестные моменты в политической, этнической, социально-экономической, культурной и религиозной истории позднеантичной Таврики.

Изучение данной проблематики обладает своей спецификой, связанной в первую очередь с состоянием источниковой базы. Письменные источники по истории Северного Причерноморья очень скудны как в количественном отношении, так и в содержательном. «Племена Северного Причерноморья не имели своей письменности или имели ее лишь в зародыше. Боспорская историческая традиция не сохранилась. Поэтому особое значение приобретают источники, происходящие с территории Византийской империи. Важнейшими из них являются произведения на греческом и латинском языках, принадлежащие современникам описываемых событий»¹.

Письменные источники по истории позднеантичного Причерноморья описаны еще М.И. Ростовцевым в 1925 г.² Однако сведения позднеантичных и византийских авторов носят отрывочный характер, информация, содержащаяся в них, довольно однотипная. В частности, большинство историков, от Аммиана Марцеллина до Евнапия, Зосима, Приска Панийского, Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского, очень кратко рассказывают о приходе гуннов, их переправе через Боспор Киммерийский и утверждении гуннского владычества в причерноморских землях. О появлении готов в Северном Причерноморье некоторую информацию дает Иордан. Павел Орозий и Прокопий Кесарийский сообщают о столкновении готов и гуннов. Ситуация, связанная с утверждением христианства в данном регионе (существование хри-

---

¹ Болгов 1996, 2–3.

² Ростовцев 1925.

стианской общины на Боспоре и функционирование Боспорской епархии), освещается в сочинениях византийских церковных деятелей V в., в частности, в письмах святителя Иоанна Златоуста и в «Церковной истории» Эрмия Созомена Саламинского. О христианизации боспорских гуннов в VI в. рассказывается в «Церковной истории» Псевдо-Захарии. В актах и материалах Вселенских и поместных церковных соборов содержатся данные о боспорских епископах. О включении Боспора в состав Византии и политике византийцев в Северном Причерноморье рассказывают Иоанн Малала в своей «Хронографии» и тот же Прокопий Кесарийский в «Истории войн Юстиниана». Общеполитическая ситуация в империи и на ее окраинах в конце VI – начале VII в. описана в «Истории» Феофилакта Симмокатты и «Церковной истории» Евагрия Схоластика. О взаимоотношениях Боспора с чечевыми народами во второй половине VI в. говорится во фрагментах «Истории» Менандра Протектора. О событиях VII в. аутентичных источников не сохранилось. Некоторые сведения содержатся в более поздних сочинениях: «Летописи» IX в. византийца Феофана и «Бревиарии» патриарха Никифора.

В целом же, специфику ситуации определяет полное отсутствие собственно боспорской письменной традиции в рассматриваемый период и наличие в распоряжении историков преимущественно позднеантичных и византийских источников, в основном на греческом и значительно меньше на латинском языке. В любом случае, это источники внешнего происхождения, рассказывающие только о тех явлениях и событиях, которые были интересны этим авторам, и показывающие боспорские реалии через призму собственных традиций и представлений, следствием чего является фрагментарность и избирательный характер сообщаемых сведений³. Соответственно, реконструируемая картина жизни позднеантичной Таврики оказывается довольно отрывочной и не всегда однозначной.

Довольно важный пласт информации дают *нумизматические и эпиграфические* источники. Однако после гуннского нашествия второй половины IV в. они практически исчезают. Основным источником по истории данного региона остается только археология⁴. С первой четверти XIX в. до 90-х гг. XX в. «в Крыму открыты и в различной степени исследованы свыше ста городов, укрепленных городищ, поселений, более шестидесяти некрополей интересующего нас периода и около

---

³ Болгов 1996, 8.

⁴ Болгов 1996, 4.

двух десятков одновременных одиночных погребений в более ранних степных курганах. Во время раскопок найдены новые эпиграфические памятники, печати, монеты, стеклянные сосуды, амфорная тара, краснолаковая и лепная посуда, орудия труда, вооружение, детали одежды, украшения, амулеты, кресты и другие предметы»⁵. Но, как отмечает Н.Н. Болгов, «отрывочность и неполнота источников, плохая сохранность позднеантичных слоев археологических памятников долгое время препятствовали сколько-нибудь полному изучению этого исторического периода в целом»⁶.

Стоит сказать, что за последние 20 лет ситуация сильно изменилась. Масштаб археологических работ 1990–2000-х гг. может поразить воображение по сравнению с предшествующим временем. Остро встал вопрос о полной и качественной публикации добытого материала. Началась работа по каталогизации и полному изданию музейных коллекций⁷. Значительное увеличение источниковой базы и новые подходы к интерпретации материала существенным образом изменили современные представления об античной и раннесредневековой истории Боспора (Таврики). «В связи с развернувшимся в последние годы строительством на Керченском полуострове — трассы газопровода, линий электропередач, моста через Керченский пролив и подходов к нему, трассы «Таврида» — проводятся масштабные археологические разведки и раскопки, в результате которых были получены (и продолжают добываться) новые археологические данные, способствующие более глубокому пониманию исторических процессов, в том числе, и в интересующий нас период. За последнее время были исследованы практически все земляные оборонительные сооружения Боспора, выявлены новые поселения разного времени, в том числе и поселения, появившиеся на Боспоре на рубеже VI–VII вв., изучены новые некрополи, как грунтовые, так и курганные. Поэтому ныне необходимо историческое осмысление кардинальных изменений на Боспоре, произошедших с приходом на Боспор тюрок в 576 г., и дальнейших событий, приведших к возвращению власти Византии, масштабной смене населения и действительному утверждению христианства — как общепринятой религии»⁸.

Кроме того, очень продвинулись в последнее время нумизматика и эпиграфика. За десятилетия, минувшие со времени издания «Корпуса боспорских надписей» (1965 г.), эпиграфический материал увеличился в

---

⁵ Айбабин 1999, 5.

⁶ Болгов 1996, 2.

⁷ Болгов 2007, 533.

⁸ Ермолин 2019, 3.

несколько раз. Современные исследователи активно обращаются к позднебоспорским надписям⁹, и их интерпретация может пролить свет на те обстоятельства, которые не освещаются письменными источниками. Что касается византийской и крымской нумизматики, то и здесь появилось много нового. Как пишет старший научный сотрудник Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, хранитель монет Древнего Рима и Византии В.В. Гурулева, начиная с 2000 г. проводилась большая работа по фиксации находок византийских монет в Крыму, поскольку за полвека со времени создания топографии В.В. Кропоткина¹⁰ и обобщающей статьи И.В. Соколовой¹¹ появилось большое количество новых, еще не введенных в научный оборот нумизматических памятников. «В ходе работы выявлялись новые и уточнялись определения ранее известных византийских монет, происходящих из Крыма, в музеях Украины и России, а также в частных коллекциях; велись архивные изыскания. В результате были созданы электронные базы данных, где учтены монеты из музейных и частных коллекций Крыма, Киева, Одессы, Москвы, Санкт-Петербурга, а также известные по публикациям. В общей сложности в базы данных включено около 15 000 византийских монет, составлена предварительная топография их находок»¹². Из всех разделов крымской нумизматики на сегодняшний день лучше всего изучены херсоно-византийские выпуски. Монографии В.А. Анохина¹³ и И.В. Соколовой подвели итоги многолетних изысканий. Новые находки херсоно-византийских монет активно публикуют и анализируют Н.А. Алексеенко¹⁴, А.Н. Коршенко¹⁵ и др. Стоит отметить и огромное количество работ по нумизматике ранневизантийского Крыма, опубликованных в последние 10 лет М.М. Чорефом¹⁶. В целом, постоянно пополняющийся нумизматический материал также помогает

---

⁹ Диатроптов, Емец 1995; Евдокимов 1999; Яйленко 2010; Виноградов 1998.

¹⁰ Кропоткин 1962 и 1965.

¹¹ Соколова 1968.

¹² Гурулева 2018, 61.

¹³ Анохин 1977.

¹⁴ Алексеенко 2005 и 2011

¹⁵ Алексеенко, Коршенко 1996 и 1999.

¹⁶ Чореф 2015; 2013; 2010а; 2010б; 2012. Правда, не все выводы М.М. Чорефа принимаются научным сообществом. В.В. Гурулева, например, отмечает, что в многочисленных публикациях автор «выдвигает много собственных идей, но, к сожалению, они лишены убедительных доказательств» (Гурулева 2018, 80) и приводит оценку его работ известным исследователем Н.А. Алексеенко (Алексеенко 2011).

осмыслению исторических реалий и особенностей жизни Таврики в IV–VI вв.

Первые попытки изучения истории Северного Причерноморья в этот сложный, формативный период, относятся к концу XIX – началу XX в. Именно тогда был собран и освоен основной массив письменных источников, представлена примерная картина событий, происходивших в этом регионе в III–VI вв., предложены некоторые гипотезы, обсуждаемые и поныне, начато систематическое изучение археологических памятников. Первыми серьезными работами стали публикации археологического материала и попытки его интерпретации. Говоря об этом раннем этапе, Н.Н. Болгов¹⁷ отмечает, в частности, работы В.В. Шкорпила, руководившего раскопками в Керчи в начале XX в., Ю.А. Кулаковского, В.В. Латышева, Ю.Ю. Марти, А.А. Спицына, Н.П. Кондакова. Серьезных монографий, дающих полную картину жизни позднего Боспора до недавнего времени не было. Тем более ценно, что еще в начале XX в. Юлиан Кулаковский высказал мнение о том, что гунны быстро и беспрепятственно прошли через Боспорский пролив на запад во второй половине IV в., а на Таврическом полуострове утвердились лишь после смерти Атиллы. Гунны, так же как и готы в III в., по всей видимости, не селились в Пантикапее и других городах и, во всяком случае, «не вызвали каких-либо изменений в культурном облике его обитателей»¹⁸. Таким образом, «с именем Кулаковского связано рождение концепции непрерывности истории Боспора и его институтов на протяжении IV–VI вв.»¹⁹

В советское время история позднего Боспора изучалась в контексте проблематики разложения и гибели античного общества и появления новых феодальных отношений. Основной акцент делался на развитие экономики и античный способ производства. Причем, как и в случае с Римской империей, в качестве основного разрушающего фактора, приведшего к гибели государства, рассматривался внешний фактор — варварские нашествия, имевшие катастрофический характер. Как пишет, например, И.Т. Кругликова, «если позднеантичный период в истории Римской империи принято начинать со времени царствования Диоклетиана, когда, после кризиса III в., наиболее ярко проявляются черты разложения античного способа производства, то позднеантичный период в истории Боспорского царства наступил значительно раньше. В результате интенсивного проникновения на его территорию варварских

---

¹⁷ Болгов 1996, 6–7.

¹⁸ Кулаковский 1914, 57.

¹⁹ Болгов 1996, 7.

(особенно сарматских) племен, а также других серьезных потрясений, перенесенных Боспорским государством в конце II в. до н.э. – I в. н.э., произошли серьезные изменения в экономике Боспорского царства, в характере его культуры, этническом и социальном составе его населения. Заканчивается позднеантичный период истории Боспора в 80-е гг. IV в., когда Боспорское царство подверглось окончательному разгрому в результате гуннского нашествия»²⁰. Родоначальником этой концепции считают А.Л. Якобсона²¹, поскольку в его монографии история ранне-средневековой Таврики начинается с конца IV–V в., соответственно, античный период закончился с нашествием гуннов. Такая точка зрения оставалась господствующей вплоть до конца советской эпохи.

Настоящий прорыв в изучении позднего Боспора происходит в 80-е–90-е гг. XX в. Он связан как с колоссальным расширением источниковой базы, так и с глобальными концептуальными изменениями. Базовым памятником археологии позднего Боспора становится Ильичевское городище на севере Тамани (древний остров Киммерида), изучавшееся под руководством Э.Я. Николаевой²². Основные результаты раскопок и выводы автора были представлены в серии статей и окончательно сформулированы в диссертации 1984 г.²³ Кроме того, позднеантичные слои городов и поселений Боспора изучали: В.Д. Блаватский (Пантикапей, Фанагория), В.Ф. Гайдукевич (Тиритака), М.М. Кобылина (Фанагория), Д.Б. Шелов (Танаис), Н.И. Сокольский (Кепы), Е.М. Алексеева (Горгиппия), В.А. Горончаровский (Илурад), Е.А. Молев (Китей), И.Т. Кругликова (мыс Казантип) и др.

Как новые археологические данные, так и передатировки поздних слоев боспорских городов приводят ученых к иной оценке значения гуннского завоевания IV в. Если раньше априорно признавался катастрофический характер этих завоеваний, которые, как принято было считать, уничтожили боспорские города, то теперь всё больше и больше ученые начинают говорить о континуитете материальной и культурной жизни в боспорских городах вплоть до второй половины VI в.²⁴

В 1989 г. А.В. Сазанов выпустил две концептуальные статьи о необходимости пересмотра датировок древностей Боспора, а в 1991 г. вместе с Е.А. Молевым поставил вопрос о новой концепции истории

---

²⁰ Кругликова 1966, 6.

²¹ Якобсон 1954 и 1964.

²² Болгов 2007, 535.

²³ Николаева 1984.

²⁴ Болгов 1996; Сазанов 1989; Николаева 1984; Молев, Сазанов 1991.

Боспора²⁵. В своих работах автор последовательно выступает против концепции А.Л. Якобсона о гуннском разгроме IV в. и настаивает на том, что Боспор избежал гуннского нашествия в конце IV в. и хронология позднебоспорского археологического материала должна быть кардинально пересмотрена. Как справедливо отмечает Н.Н. Болгов, А.В. Сазанов показал, что в результате некритического восприятия концепции гуннского погрома в трудах ряда ученых возникла лакуна: Восточный Крым V–VI вв. считался обезлюдившим. Единственный путь к тому, чтобы ее заполнить, он видит в пересмотре хронологии важнейших категорий вещественных источников²⁶. Вклад ученого в науку неоспорим. Правда, период с конца IV по VII в. включительно автор называет ранневизантийским, что вносит определенную путаницу в историю боспорских городов. Здесь, вероятно, стоит согласиться с Н.Н. Болговым²⁷, что лучше именовать этот период позднеантичным, что было бы точнее и в терминологическом, и в содержательном отношении. Но важно то, что с 1991 г. без громких заявлений ученые начинают активно пересматривать прежние концептуальные схемы, что приведет в конечном итоге к совершенно новой интерпретации позднеантичной истории Боспора. По сути, именно в последнее десятилетие сложилось новое понимание хронологических границ позднеантичного периода в истории Северного Понта: конец III – середина VI в.²⁸

В 1996 г. появилась первая комплексная монография об истории позднеантичного Боспора, написанная учеником Е.А. Молева Н.Н. Болговым²⁹. Как оценивает сам автор, это была «первая попытка общесторического осмысления жизни Боспора конца III – VI вв. как позднеантичной... В монографии дается первый цельный очерк истории Боспорского государства в период поздней античности, исследуются характер материальной культуры и формы социальной организации позднего Боспора, выявляется преемственность государственных форм, показаны источники позднебоспорской государственности и ее историческая эволюция»³⁰. В монографии в качестве базовой модели представлена концепция континуитета материальной жизни, социальных практик и духовной культуры. Монография сразу получила высокую оценку³¹.

---

²⁵ Сазанов 1989; Сазанов, Иващенко 1989; Молев, Сазанов 1991.

²⁶ Сазанов 1989.

²⁷ Болгов 2007, 537.

²⁸ Болгов 2007, 538.

²⁹ Болгов 1996.

³⁰ Болгов 1996, 2.

³¹ Хворостяный 2000.

Как пишет Ю.Г. Виноградов, «одной из ключевых проблем отечественного антиковедения стала в последнее десятилетие концепция континуитета позднеантичного Боспора, призванная ответить на кардинальные вопросы: как и в какой степени повлияли опустошительные нашествия готов, а затем гуннов на перманентное развитие античной культуры, экономики и государственности в Боспорском царстве IV–V вв., какими путями и когда оно было в конечном итоге интегрировано в Византийскую империю. Предварительные итоги дискуссии по этим жгучим вопросам подведены в новейшей монографии Н.Н. Болгова»³². При этом он соглашается не со всеми выводами автора, но настаивает даже на еще более последовательном проведении концепции континуитета, распространении ее и на сферу государственной власти: «концепция континуитета, которая практически всеми ее поборниками замыкалась рамками материальной и духовной культуры, должна быть распространена и на самую важную сферу — государственность, Боспорское царство в период от смерти Аттилы до воцарения Юстина I не только продолжало существовать как политический организм со своими традиционными и новоприобретенными институтами, но и процветало, как о том свидетельствует одно только эксплозивное появление в нем датированных документов. Кардинально новые веяния, и прежде всего осязаемое воздействие византийского диктата, нашедшего моментальное отражение в дипломатике документов, появляются лишь с момента интеграции Боспора в Империю сперва при Юстине (*Procop. Bell. Pers.* I.12.8) и окончательно с воцарением Юстиниана (*Procop. De aed.* III.7.10; *Malal. Chron.*, p. 43i; *Theophan. Chron.*, p. 175 Boor)»³³. Именно на этой концепции континуитета будет построена и докторская диссертация Н.Н. Болгова³⁴.

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о существенном прорыве в изучении позднеантичного Боспора, связанном и с расширением источниковой базы, и с открытием новых памятников, и с систематическим изучением археологического материала, массовой публикацией археологических отчетов и материалов экспедиций, и с появлением новых подходов к интерпретации полученных данных, новыми гипотезами и большим количеством регулярно проводимых конференций, наконец с появлением сразу нескольких значимых монографий и выделением целых направлений научных исследований в изучении Северного Причерноморья позднеантичной эпохи. После 1996 г.

---

³² Виноградов 1998, 233.

³³ Виноградов 1998, 246.

³⁴ Болгов 2003.

многие концептуальные положения уточнялись, выходили новые публикации, однако хронология и модель позднеантичной истории Таврики, которые были разработаны и представлены в 80–90-е гг. XX в., продолжают оставаться в современной научной литературе базовыми.

Стоит сказать, что, несмотря на все достижения западной исторической науки, в области изучения Крымской истории приоритет, бесспорно, принадлежит российским и украинским исследователям. Иностранные авторы рассматривают историю Северного Причерноморья преимущественно в связи с готским или гуннским нашествием в общем контексте Великого переселения народов или в связи с византийской внешней политикой и хазарскими интересами в этом регионе. Собственно крымская история и тем более история позднеантичного Боспора осталась вне сферы их интересов. Можно назвать всего несколько довольно крупных работ, появившихся в Европе за последние 250 лет. Первой и почти единственной монографией, дающей связное описание истории Крыма, долгое время оставалась книга И. Тунманна «Крымское ханство»³⁵, появившаяся в 1784 г. Следующей работой, рассматривающей довольно широкий круг вопросов истории позднеантичной Таврики, является коллективный труд под редакцией К. Цукермана, изданный уже начала XXI в.³⁶ Ближе всего к изучению данной проблематики подошли ученые с русскими корнями (М.И. Ростовцев³⁷, М. Казанский³⁸). Однако, как правило, их работы либо касаются истории позднеантичного Крыма не напрямую, либо рассматривают до-

---

³⁵ Тунманн 1991. Считается, что именно И.Э. Тунманну принадлежит очерк «Таврическое наместничество или Крым» в географической серии «Большое землеописание Бюшинга» (Tuhmann. I. Die Taurische Statthalterschaft oder die Krim, 1784 in: Bueschings grosse Erdbeschreibung). Однако в этом издании авторство Тунманна не указано; раздел издан анонимно. О том, что он написан Тунманном, нам известно лишь потому, что, во-первых, почти тождественная работа издавалась под его именем в Лейпциге в 1774 г. в отдельном издании; во-вторых, в 1786 г. в Страсбурге под его именем издан французский перевод данной работы в виде отдельного оттиска из французского же издания всего Бюшинга и под заглавием «Description de la Crimée» (Thounmann J. Description de la Crimée: Traduit de l'Allemand / Joh. Thunmann (Thounmann). Strassbourg, 1786). В-третьих, Тунманн назван в качестве автора этого раздела в повторном издании «Землеописания Бюшинга», вышедшем в Гамбурге в 1787 г., где данный раздел назван «Die Taurische Statthalterschaft oder die Krim» («Таврическое наместничество или Крым»). Первое издание на русском языке: Тунманн 1936.

³⁶ Zuckerman (ed.) 2006.

³⁷ Ростовцев 1913; 1918; Rostovtzeff 1922.

³⁸ Kazanski 1991; Казанский 2018; 2019; 2021.

вольно узкие вопросы и не ставят своей целью глобальных обобщений. Поэтому и в плане археологических открытий, и в плане применения новых концептуальных подходов, и соответственно в интерпретации новых данных приоритет российских и украинских ученых здесь очевиден.

Итак, в огромном количестве информации и тех публикаций, которые в обилии появляются сегодня, можно выделить несколько наиболее обсуждаемых, сложных и дискуссионных тем.

Во-первых, это значение готских и гуннских походов, их роль в истории Крыма и Причерноморья и, соответственно, хронология поздне-боспорской истории. Как уже отмечалось, весь спектр оценок лежит между двумя полюсами. С одной стороны, это концепция континуитета, которая переносит фокус с внешних факторов на внутреннее развитие и, соответственно, с разрушительных последствий гуннского завоевания на преемственное развитие форм материальной и духовной культуры на Боспоре вплоть до VI в. На другом полюсе — признание гибели Боспора как отдельного самостоятельного государства в результате гуннского нашествия в конце IV в. Именно такой подход был принят в советской историографии³⁹. Соответственно, позднеантичный период однозначно связывался с разложением и упадком традиционного способа производства и упадком в экономической, социальной и культурной сферах, а позднеантичная история Боспора заканчивалась гуннским нашествием конца IV в.

Другой важнейшей проблемой, ставшей предметом специальных исследований в 1990-е гг., являются *этнические процессы*, протекавшие на территории Крыма в первые века н.э. Крым оказался той ключевой точкой, где сталкивались интересы империи и союзов племен, созданных в разные периоды в регионе готами, гуннами, аварами, древними булгарами и славянами. Через Крым Византия поддерживала связи с тюркскими каганатами, хазарским государством и Киевской Русью⁴⁰. Именно поэтому вопросы этнической и этнополитической истории всегда были значимы для понимания особенностей развития данного региона.

В трудах по истории Крыма XIX – первой трети XX в. дан всесторонний анализ многочисленных свидетельств письменных источников о проникновении на полуостров в рассматриваемый период алан, готов, гуннов, булгар, хазар и других племен и народов. В исторической лите-

---

³⁹ Болгов 2007, 534

⁴⁰ Айбабин 1999.

ратуре того времени утвердилось мнение о готском составе населения Юго-Западного Крыма. М.И. Ростовцев писал о доминировании сарматов и аланов на Боспоре и готов на Южном Берегу. В публикациях 1930-х – начала 1990-х гг. высказывались весьма противоречивые мнения об этнических процессах на полуострове в позднеримский период и раннее Средневековье. В советских работах второй трети XX в. господствовало мнение об автохтонности населения раннесредневекового Крыма. Многие исследователи активно отстаивали ведущую роль тавро-скифов в Юго-Западном Крыму после III в. Эта концепция изложена и в обобщающих монографиях А.Л. Якобсона о средневековом Крыме⁴¹, и в «Археологии УССР». В последние годы проблемы этногенеза в средневековом Крыму бурно обсуждаются не только в научной, но и в научно-популярной литературе и даже в периодической печати. В настоящее время назрела потребность обобщить результаты многолетних научных исследований и объективно выяснить истоки формирования сложной по своему генезису этнической общности, которая с рубежа IX–X вв. населяла Крым⁴². В монографии А.И. Айбабина освещается новая концепция истории Крыма III–IX вв., основанная на комплексном исследовании письменных и археологических источников. В итоге автор приходит к выводу, что население Крыма, обитавшее там в эпоху раннего средневековья, корректнее называть алаано-готским⁴³.

В 2012 г. А.Л. Ермолин, вновь обратившись к этой проблематике, на основании изучения археологических комплексов, открытых в 2007–2008 гг., пришел к заключению, что «население позднего Боспора подверглось значительной варваризации, новая волна которой привнесла на Керченский полуостров германские и гуннские элементы, а также усилила сармато-аланские». Эту новую этническую общность первых веков н.э., отличающуюся еще большей степенью варваризации, автор предлагает назвать термином «поздние боспоряне»⁴⁴.

Еще одной дискуссионной проблемой является оценка политической системы позднего Боспора. Практически всеми признается, что между Византией и государствами Таврики существовали довольно тесные связи (экономические, культурные, религиозные и проч.), однако степень самостоятельности управления или зависимости от византийской администрации оценивается по-разному. Основная дискуссия здесь развернулась между Н.Н. Болговым и Ю.Г. Виноградовым. Ю.Г. Виногра-

---

⁴¹ Якобсон 1964.

⁴² Айбабин 1999, 4.

⁴³ Айбабин 1999, 111.

⁴⁴ Ермолин 2012, 24.

дов полагал⁴⁵, что сохранение сильного государства на Боспоре было главным стержнем континуитета. Н.Н. Болгов же более осторожно утверждал, что сохранение государства имело место, но скорее благодаря всей консервативной традиции сложно организованной социальной жизни и культуры⁴⁶. Точка в этой дискуссии пока так и не поставлена. В недавней диссертации А.Л. Ермолин, например, приходит к такой формулировке: «Общая оценка позднеантичного периода истории Боспора IV–VI вв. н.э. достаточно негативная: имели место элементы дисконтинуитета, варваризации, деградации (особенно искусства) при общем продолжении жизни Боспора как сложно организованного потестарного общества с царской властью, системой обороны, городами, письменностью, греческим языком и другими признаками прежней государственности»⁴⁷. Таким образом, с одной стороны, в противовес идее континуитета Н.Н. Болгова, автор утверждает, что «позднеантичное время на Боспоре в целом имело значительные черты дисконтинуитета. Расселение во многом приобретало очаговый характер, жизнь на многих поселениях прекратилась. Ослабевшее государство уже не могло поддерживать единую хозяйственную систему». А с другой стороны, буквально на той же странице говорит о том, что «поселения существовали на протяжении всего позднеантичного времени без заметных потрясений и практически не изменили своего облика... Окончательно жизнь на местных поселениях замирает не ранее прихода тюрок в 576 г. н.э.»⁴⁸

О политической истории Таврики V – первой половины VI в. рассуждает и М.М. Чорев, привлекая данные нумизматики. Дело в том, что ни письменные источники, ни результаты археологических исследований не дают целостного представления о времени и обстоятельствах становлении византийской провинции в регионе. Практически общепринятой является точка зрения, что Херсон в IV–V вв. не являлся важным для Византии административным центром. Правда, не все историки склонны видеть в нем и рядовой византийский город. Так, В.М. Зубарь предположил⁴⁹, что до Юстиниана I Херсон не входил в состав империи. По логике исследователя, только при этом правителе он оказался под влиянием Византии и стал центром провинции. Точку зрения

---

⁴⁵ Виноградов 1998.

⁴⁶ Болгов 2007, 543–544; 1998.

⁴⁷ Ермолин 2012, 24.

⁴⁸ Ермолин 2012, 23.

⁴⁹ Зубарь 2004, 637.

В.М. Зубаря разделяет А.И. Айбабин⁵⁰, а также его ученик Н.И. Храпунов⁵¹. Однако А.И. Романчук справедливо заключила, что отсутствие однозначно трактуемых сведений о статусе Херсона в крайне немногочисленных ранневизантийских письменных источниках не дает оснований говорить о его подконтрольности империи⁵². М. Чореф, в свою очередь, привлекает данные нумизматики и показывает, что возобновление работы Херсонского монетного двора при Юстиниане I свидетельствует об усилении византийского влияния на Таврику. Данное обстоятельство он связывает с учреждением провинции⁵³.

К этой же проблеме обращается известный украинский исследователь С.Б. Сорочан⁵⁴. Решая вопрос о государственном устройстве Херсона и Боспора в позднеантичный период, он приводит убедительные доводы в пользу усилившегося византийского влияния и византийского военного присутствия в регионе. Главный постулат выдвигаемой им новой концепции заключается в отказе от признания потери авторитета Византии в крымском регионе в указанный период, когда на территории Крымского полуострова между Херсоном и Боспором локализовалась имперская провинция. Разнородное полиэтничное население Таврики «находилось под политическим и налоговым контролем византийской центральной власти. В последней четверти VI в. земли Таврийской провинции были переданы из-под управления местных архонтов в ведение администрации высшего военного и гражданского губернатора, называемого дукой. Херсонес и Боспор превращаются в структуру дуката»⁵⁵.

Таким образом, сам материал источников, как письменных памятников, так и археологических, дает возможность разных, очень неоднозначных интерпретаций. Поэтому позиция Н.Н. Болгова, утверждающего континуитет материальной культуры и традиционных форм организации жизни, но очень сдержанного и осторожного в оценках боспорской государственности этого периода, представляется нам вполне обоснованной.

Еще одной сложнейшей проблемой, получившей в настоящее время новый импульс, стала проблема христианизации Северного Причерноморья. Она вызывала интерес исследователей как в российской, так и в

---

⁵⁰ Айбабин 1999, 124.

⁵¹ Храпунов 2009, 49–52.

⁵² Романчук 2008, 92–99.

⁵³ Чореф 2013, 184.

⁵⁴ Сорочан 2014; Зубарь, Сорочан 1998; Сорочан 2013; 2013а; 2003.

⁵⁵ Сорочан 2014, 113.

украинской историографии, еще с XIX в. Естественно, что за 150 лет накопилось довольно большое количество работ, рассматривающих различные аспекты христианизации Боспора и Херсонеса. Однако удивительно, что вплоть до конца XX в. не появилось комплексных фундаментальных работ на эту тему. Первой действительно крупной работой, предлагающей системный взгляд на эту проблему, стала диссертация П.Д. Диатроптова⁵⁶, а первой монографией — работа В.М. Зубаря и А.М. Хворостяного⁵⁷. Показательно, что данная работа строится на комплексном анализе всей совокупности имеющихся источников, причем не столько на отрывочных и очень немногочисленных свидетельствах письменных источников, сколько на данных археологии и эпиграфики (склепы, в том числе с надписями, надгробия, культовые сооружения, предметы с христианской символикой). Многие из анализируемых памятников был открыты уже в начале XX в. О важности эпиграфических источников для исследования этой темы писали П.Д. Диатроптов и И.А. Емец⁵⁸. Еще одним важным источником по религиозным представлениям населения Боспора являются визуальные источники, а именно христианские погребальные росписи, которые сегодня активно изучаются⁵⁹.

Религиозная жизнь жителей позднеантичного Крыма отличалась большой сложностью: продолжали существовать традиционные языческие культы (с преобладанием женских культов плодородия), постепенно утверждается христианство, довольно сильное влияние в регионе имел иудаизм. Как показывают исследователи, несмотря на то, что Боспорская епархия существовала уже в начале IV в. и боспорский епископ Кадам присутствовал на Никейском соборе 325 г. и что в конечном итоге эти земли окажутся под властью Византии, полностью христианской Таврика не станет еще и ко второй половине VI в. н.э.⁶⁰ Специфику и сложности процесса христианизации в этом регионе раскрывает несколько крупных работ комплексного характера⁶¹.

Своего рода итог многолетних исследований этно-религиозной ситуации в регионе в этот сложный период подводит С.А. Ермолин в своей диссертации⁶². На основании всей совокупности археологического ма-

---

⁵⁶ Диатроптов 1988.

⁵⁷ Зубарь, Хворостяный 2000. Рец.: Диатроптов 2006.

⁵⁸ Диатроптов, Емец 1995.

⁵⁹ Завадская 2007; Зинько 1991; Зинько 1994; Зинько 2000; Зинько 2004а и др.

⁶⁰ Ермолин 2012, 26.

⁶¹ Зубарь 1991, 8–29; Зинько 2004; Зубарь, Сорочан 2005.

⁶² Ермолин 2019.

териала (с учетом недавно введенных в научный оборот результатов раскопок 2000–2018 гг. на Керченском полуострове) в ней впервые дана комплексная картина этно-религиозной жизни боспорского общества в VI в., позволяющая переосмыслить устоявшиеся стереотипы о массовой (или полной) христианизации населения в период до 576 г. В частности, в работе показано, что «переход к мирной жизни на Боспоре после возвращения власти империи (с 589–590 гг.) привел к активному освоению региона византийцами, приходу нового населения с христианскими ценностями и обрядностью, унифицированным погребально-поминальным обрядом; впервые появляются христианские кладбища, а христианство впервые реально охватывает большинство населения»⁶³. При этом позднебоспорское общество VI в. представляло собой сложную этноконфессиональную мозаику, в которой греки боспоряне населяли приморские города, существовали и иудейские общины, в то время как сельская местность была занята готским и сармато-аланским населением и находилась под влиянием гуннских кочевников⁶⁴. В VI в. на территории Европейского Боспора сложилась сложная синкретичная этнорелигиозная ситуация, представленная смешением и взаимовлиянием языческих и иудейских верований, а также христианства; до VI в. на Боспоре не наблюдалось массовой христианизации, которая затронула лишь городское греческое население, а также часть сармато-аланов и готов, в то время как большинство жителей было язычниками, что доказывают археологические данные (отсутствие христианских храмов и кладбищ, погребальный обряд).

Возвращение византийской власти в 589–590 гг. (после нашествия тюркютов) имело следствием установление прочного византийского влияния, единой системы власти империи в Крыму, массовую христианизацию новоприбывшего населения, связанную с гибелью прежних языческих центров, с развитием христианской церкви, с целенаправленной политикой имперских властей по христианизации варварских народов и возвратом греческого населения в регион; процесс реальной христианизации европейского Боспора был завершён лишь к середине VII в. — христианский безынвентарный погребальный обряд теперь доминирует у нового боспорского населения.

---

⁶³ Ермолин 2019, 6–7.

⁶⁴ Как отмечает С.А. Ермолин, на Керченском полуострове до 576 г. могла находиться готская страна Дори или, по крайней мере, ее важный анклав, сосредоточенный на юго-востоке — в районе Китея, Киммерика и Акры с центром в Китее (где найдены готские захоронения в некрополе Джурга Оби).

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что за последние 20 лет в изучении боспорских реалий IV–VI вв. учеными сделано удивительно много. С учетом недавно открытых источников пересматриваются многие концептуальные установки и базовые модели, которые еще 20 лет назад казались незыблемыми. Ставятся и решаются новые проблемы. Меняется общий взгляд на жизнь позднеантичного общества, причем не просто уточняются некоторые детали, но развиваются целые направления научных исследований, появляются своего рода научные школы.

В этой связи нельзя не сказать о роли Е.А. Молева в этих исследованиях. При том что главными направлениями в его научной деятельности было археологическое изучение Китея и Боспора в эпоху эллинизма, в изучении поздней античности им было сделано тоже немало. Ему принадлежит одна из немногих монографий, в которой дается целостная картина развития северопонтийского города на всем протяжении его существования⁶⁵ и тем самым показывается преемственность его развития, эволюция и континуитет. Кроме того, уже в 1991 г. вместе с А.В. Сазановым им была высказана мысль о продолжении существования боспорских городов и после гуннского нашествия и таким образом о необходимости выделить целый период в их истории вплоть до вхождения в состав Византийской империи (IV–VI вв.). В дальнейшем эту принципиальную мысль разовьет ученик Е.А. Молева Н.Н. Болгов в серии статей и первой в отечественной науке монографии, посвященной позднеантичному Боспору. Наконец, стоит отметить, что это направление стали продолжать и развивать ученики Н.Н. Болгова, многие из которых уже защитили кандидатские и докторские диссертации в Белгороде по данной проблематике⁶⁶.

Таким образом, можно говорить о том, что Евгению Александровичу удалось наметить новое, очень важное и перспективное направление исследований, создать школу северопонтийских исследований, воспитать целое поколение археологов и историков, развивающих это направление. В целом, история позднеантичной Таврики представляется крайне перспективным полем исторических исследований. Пересечение греческих и варварских традиций, прежних античных и новых явлений, способность выжить и развиваться в сложнейших, практически катастрофических условиях, устойчивость экономической системы, причины и факторы ее жизнеспособности, характер государственной власти, утверждение христианства в регионе со сложной этно-конфессиональ-

---

⁶⁵ Молев 2010; Молев, Молева 2016; 2022.

⁶⁶ Ермолин 2019; Рябцева 2009; Ярцев 2016.

ной историей, специфика менталитета и восприятие варваров, проходивших через эти земли в системе координат «свой» – «чужой», некоторые аспекты гендерной истории (смешанные браки и особенности брачных отношений, социально одобряемые и неодобряемые модели поведения и т. д.) — все эти вопросы наверняка станут предметом специальных исследований в ближайшие годы и помогут лучше понять специфику социально-экономической, политической, религиозной, материальной, духовной жизни этого чрезвычайно сложного и интересно-го региона в эпоху позднее античности и ранней Византии.

Литература

- Айбабин, А.И. 1999: *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь.
- Айбабин, А.И. 2017: О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI века. *Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Международные отношения* 5, 38–45.
- Алексеевко, Н.А. 2011: Нумизматика и ее литературное наследие: к вопросу о «черном пиаре» в современной нумизматической библиографии. В кн.: *XVI Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 г.*: Тезисы докладов и сообщений. СПб., 249–251.
- Алексеевко, Н.А. 2005: Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. *МАИЭТ* 11, 437–451.
- Алексеевко, Н.А. 2011: Большой корсунский клад херсонско-византийских монет X в. *ХСб* 16, 9–34.
- Алексеевко, Н.А., Коршенко, А.Н. 1996: Позднеримские медные монеты Феодосия II и Валентиниана III. В кн.: *IV Всероссийская нумизматическая конференция, г. Дмитров, 22–26 апреля 1996 г.*: Тезисы докладов и сообщений. М., 20–22.
- Алексеевко, Н.А., Коршенко, А.Н. 1999: К вопросу о возобновлении работы Херсонесского монетного двора в V в. н. э. В кн.: *Международный нумизматический альманах «Монета»*. № 6. Вологда, 5–12.
- Анохин, В.А. 1977: *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.)*. Киев.
- Болгов, Н.Н. 2003: *Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье (конец III – VI вв.)*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород.
- Болгов, Н.Н. 1991: Некоторые проблемы историографии Боспора IV–VI вв. н.э. В кн.: Г.Т. Тюнь (отв. ред.), *Проблемы историографии всеобщей истории: Межвузовский сборник научных статей*. Петрозаводск, 33–38.
- Болгов, Н.Н. 1998: Позднеантичное государство на Боспоре: угасание или расцвет? В кн.: *Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы научной конференции*. СПб., 18–24.
- Болгов, Н.Н. 2001: Отечественная историография о проблеме континуитета истории позднего Боспора. В кн.: *Жебелевские чтения-3. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 года*. СПб., 216–220.

- Болгов, Н.Н. 2002: *Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв.* Белгород.
- Болгов, Н.Н. 2007: Город Китей в позднеантичный период: особенности топографии и новые материалы. В кн.: *Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок.* Ч. 1. СПб., 171–177.
- Болгов, Н.Н. 1996: *Закат античного Боспора.* Белгород.
- Болгов, Н.Н. 2007: Исследования по истории позднеантичного Боспора в 1996–2006 гг. *Мнемон* 6, 533–548.
- Болгов, Н.Н., Болгова, А.М., Рябцева, М.Л. 2011: Еще раз о Саваге — магнате из Китая (V в.). В кн.: *Боспорский феномен. Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.).* СПб., 247–250.
- Виноградов, Ю.Г. 1998: Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века). *ВДИ* 1, 233–247.
- Гурулева, В.В. 2018: Основные проблемы нумизматики Крыма византийской эпох. В кн.: *Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 94: Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма».* СПб., 61–82.
- Диатроптов, П.Д. 1988: *Распространение христианства в Северном Причерноморье:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Диатроптов, П.Д. 2006: Рец. на: Зубарь В.М., Хворостяный А.М. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III - первая половина VI в.). Киев: Институт археологии НАН Украины, 2000. 179 с. 68 илл. *ВДИ* 4, 197–201.
- Диатроптов, П.Д., Емец, И.А. 1995: Корпус христианских надписей Боспора. *Эпиграфический вестник* 2, 7–40.
- Евдокимов, П.А. 1999: Эпитафии из Северного Причерноморья как источник по представлениям древних греков о жизни и смерти. *Эпиграфический вестник* 5, 10-32.
- Ермолин, А.Л. 2012: *Система расселение, обороны и этноконфессиональный состав населения Европейского Боспра в III–VI вв.:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород.
- Ермолин, С.А. 2019: *Европейский Боспор VI – I пол. VII вв. Проблемы смены населения и христианизация:* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород.
- Ермолин, С.А., Болгов, Н.Н. 2018: Изучение этно-конфессиональной истории позднеантичного Боспора. *МАИАСК* 10, 296-309.
- Зинько, О.О. 2004: *Раннеохристианський Боспор (III–VI ст.):* Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ.
- Завадская, И.А. 2007: К вопросу об эволюции христианской погребальной росписи в ранневизантийский период. В кн.: *VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святница и сакральные объекты.* Керчь, 98–108.
- Зинько, Е.А. 1995: Пантикапейские расписные склепы (итоги и перспективы исследования) // *Крымский музей* 1/1994. Симферополь, 101–106.

- Зинько, Е.А. 2000: Позднеантичные пантикапейские расписные склепы. В кн.: *I Боспорские чтения. Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров*: Материалы междунар. науч. конф. Керчь, 66–68.
- Зинько, Е.А. 2004: Вопросы хронологии раннехристианских склепов Боспора. *БФ*. Ч. 1, 308–318.
- Зинько, Е.А. 1991: Перспективы исследования пантикапейских расписных склепов, В кн.: *Проблемы археологии и истории Боспора*: Тезисы докладов юбилейной конференции. Керчь, 17.
- Зубарь, В.М., Сорочан, С.Б. 1998: О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты. *ХСб* 9, 118–132.
- Зубарь, В.М. 1991: Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом. В кн.: *Византийская Таврика*. Киев, 8–29.
- Зубарь, В.М. 1994: *Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории*. Киев.
- Зубарь, В.М., Сорочан, С.Б. 2005: *У истоков христианства в юго-западной Таврике: эпоха и вера*. Киев.
- Зубарь, В.М., Хворостяный, А.М. 2000: *От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.)*. Киев.
- Казанский, М.М. 2018: Военная политика Юстиниана и готы на Боспоре Киммерийском. В кн.: *Восточная Европа в древности и Средневековье: XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Паушто, Москва, 17–20 апреля 2018 г.*: Материалы конференции. М., 127–129.
- Казанский, М.М. 2019: Начало эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском: итоги и перспективы. В кн.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.-сост.), *XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований*: Материалы международной научной конференции. Симферополь–Керчь, 256–265.
- Казанский, М.М. 2021: Гунны на Боспоре Киммерийском. *БИ* XLII, 108–131.
- Кропоткин, В.В. 1962: *Клады византийских монет на территории СССР* (САИ. Е4-4). М.
- Кропоткин, В.В. 1965: Новые находки византийских монет на территории СССР. *ВВ* 26, 166–189.
- Кругликова, И.Т. 1966: *Боспор в позднеантичное время (очерки экономической жизни)*. М.
- Кулаковский, Ю.А. 1914: *Прошлое Тавриды*. Киев.
- Латышев, В.В. 1896: *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*. СПб.
- Молев, Е.А. 2002: Система обороны Китея. *Боспорские исследования*. Т. II. Симферополь–Керчь, 297–312.
- Молев, Е.А. 2010: *Боспорский город Китей*. Симферополь–Керчь.
- Молев, Е.А., Молева Н.В. 2016: *Боспорский город Китей*. Часть II. Симферополь–Керчь.

- Молев, Е.А., Молева, Н.В. 2022: *Боспорский город Китей*. Ч. III. Нижний Новгород.
- Молев, Е.А., Сазанов, А.В. 1991: Позднеантичный материал из раскопок Китея. В кн.: Е.А. Молев (отв. ред.), *Вопросы истории и археологии Боспора*: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж–Белгород, 63–73.
- Николаева, Э.Я. 1984: *Боспор после гуннского нашествия*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Романчук, А.И. 2008: *Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы*. В 2 т. Т. 2: Византийский город. Тюмень.
- Ростовцев, М.И. 1913: Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. *Известия Императорской Археологической Комиссии* 49, 1–62, 133–140.
- Ростовцев, М.И. 1918: *Эллинизм и Иранство на юге России*. Пг.
- Ростовцев, М.И. 1925: *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников письменных и археологических*. Л.
- Рябцева, М.Л. 2009: *Боспор и германцы в конце IV – середине VI в.*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород.
- Сазанов, А.В. 1999: *Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Соколова, И.В. 1968: Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму. *ВВ* 29(54), 254–264.
- Сорочан, С.Б. 2013: Еще раз о дуках ранневизантийского Херсона и Боспора. *БФ*, 334–338.
- Сорочан, С.Б. 2013а. *Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.)*. *Очерки истории и культуры*. Ч. 1. Харьков–Москва.
- Сорочан, С.Б. 2014: Византийские военные силы в Крыму в VI—VII вв. *Stratum plus* 6, 113–131.
- Сорочан, С.Б. 2003: Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления». *ВВ* 62, 21–46.
- Тунманн, И. 1936: *Крымское ханство* / пер. с нем. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь.
- Тунманн, И. 1991: *Крымское ханство* / пер. с нем. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Симферополь.
- Хворостяный, А.И. 2000: Рец. на: Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород: БГПУ, 1996. *Археология* 1, 150–155.
- Херсонес Таврический... 2004: *Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э.: Очерки истории и культуры* / под ред. А.А. Владимирова, Д.В. Журавлева, В.М. Зубаря и др. Харьков.
- Храпунов, Н.И. 2009: *Администрация византийского Херсона (конец IV–XI века)*: Дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Чореф, М.М. 2015: *История византийской Таврики по данным нумизматики*. Тюмень–Нижневартовск.
- Чореф, М.М. 2013: Становление Византийской Таврики: по данным нумизматики. *МАИАСК* 5, 166–186.

- Чореф, М.М. 2010: К истории монетного дела Херсона в V в. В кн.: М.Г. Агапов (отв. ред.), *10 лет после миллениума: новое в гуманитарном знании (история, политика, когнитивные практики): к 65-летию Института истории и политических наук ТюмГУ*: сб. материалов науч.-практ. конф. Ч. I. Тюмень, 140–148.
- Чореф, М.М. 2010: К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. В кн.: Н.М. Куковальская (отв. ред.), *Сугдейский сборник*. Вып. IV. Киев–Судак, 332–339.
- Чореф, М.М. 2012: «Non deficit alter aureus», или к вопросу о составе денежного обращения Тавриды в первые века нашей эры. В кн.: В.И. Кузищин (ред.), *Причерноморье. История, политика, культура*: Избр. материалы IX междунар. науч. конф. «Лазаревские чтения». Вып. VIII (III). Сер. А: Античность и средневековье. Севастополь, 152–176.
- Яйленко, В.П. 2010: Христианские и парохристианские надписи Боспора. *ДБ* 14, 610–711.
- Якобсон, А.Л. 1954: *Византия в истории раннесредневековой Таврики*. СА 21, 148–163.
- Якобсон, А.Л. 1958: Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. В кн.: В.Ф. Гайдукевич, Т.Н. Книпович (ред.), *Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг.* (МИА. № 85). М., 458–501.
- Якобсон, А.Л. 1964: *Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры*. М.–Л.
- Ярцев, С.В. 2016: *Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород.
- Kazanski, M. 1991: *Les Goths (Ier–VIIe s. ap. J.C.)*. Paris.
- Rostovtzeff, M. 1922: *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.
- Zuckerman, C. (ed.) 2006: *La Crimee entre Byzance et le Khaganat khazar* / Ed. C. Zuckerman. Paris.

ЧАСТЬ II

ΜΝΜΗΣ ΧΑΡΙΝ.

О ЕВГЕНИИ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ МОЛЕВЕ,
ЧЕЛОВЕКЕ, УЧЕНОМ, РУКОВОДИТЕЛЕ

ТРИ ВРЕМЕНИ ЖЕНИ МОЛЕВА

Гений места — выражение, применяемое к человеку, ревностно оберегающему неповторимую атмосферу места.

Энциклопедический словарь

Мое знакомство с Женей Молевым было сначала мимолетным, как будто на встречах курсах. Младше меня по возрасту на каких-то полтора месяца, он учился курсом старше. Как он рассказывал сам, когда он был еще в дошкольном возрасте, его отец, желая уберечь сына от влияния улицы, раньше времени отправил отпрыска в школу, в далеких военных гарнизонах такое было возможно. В пространстве истфила того времени он как-то сразу воспринимался человеком, увлеченным наукой; с Владимиром Григорьевичем Боруховичем, ставшим его научным руководителем, ему повезло. Запомнился с книгой по античной истории какого-то дореволюционного издания. Постоянно в движении, часто в окружении друзей. И это тоже он: в холле на третьем этаже стенная газета необычного формата с еще более неожиданным названием «Демагог», да еще и на греческом языке. Все-таки слово «демагог» в советском воспитании всегда имело негативные коннотации.

Женя колоч, за словом в карман не лезет, при всей его деликатности не смущался говорить в лицо прямо всё, что думает. В мае 1968 года в истфиловском подвале бурные собрания с вопросом «что делать?». Призыв собрать подписи под очередным протестом-требованием создаст свою коллизию. Автор, будучи старостой группы, известно, слугой двух господ, студентов и деканата, воспитанный в довольно догматическом формате, уже мимолетно уловивший настроение профессора В.В. Пугачева «не дело всё это», предлагает до подписей дело не доводить. Документ, в отличие от устного слова, всегда можно в при необходимости достать из сейфа. На крутых ступеньках, ведущих из подвала на первый этаж, на старосту налетает Молев и отчитывает: мол, ты что делаешь со своей осторожностью?

Через два года, в мае 1970-го, застал разговор Е.В. Кузнецова, тогда парторга факультета, с Женей. Кузнецов, после отъезда В.Г. Боруховича, искавший античника на кафедру всеобщей истории, имел виды на Евгения. В маленькой комнатке за сценой в холле третьего этажа (тогда это была аудитория 318) парторг сообщает ему, что по представлению органов этот проект неосуществим. Женя «держит» удар, выходя из

аудитории, говорит, что ожидал такого, но было видно, что расстроен (если не больше).

Когда он оказался вдалеке от родного факультета, кафедры, его спасает археология. Не просто преданность науке. Содружество археологов и антиковедов обречено существовать в пространстве и времени постоянного общения. Солнце, море и земля Крыма неотъемлемы от тайн, скрытых в культурных слоях полуострова. Сами раскопки — не только копание в земле, физический труд, но непрерывный контакт, радость очередной находки, изумление и вопрос: «что держит в руках археолог?», эмоции, осмысление найденного, разные мнения. В отличие от работы с документом, где смыслы слова лучше постигать в тиши, это совсем другая модель поведения и поиска. Это коллективное творчество, это единомышленники и друзья, та атмосфера, в которой Евгений жил и существовал всегда, хотя сначала было и нелегко. Те «слои» культурной памяти, культурного наследия, которые он оставил в Керчи, — это надолго.

В Белгороде, в новом коллективе, новом сообществе он сразу стал любим студентами, «которые, в отличие от взрослых, были в те времена обычно искренни» (Н.Н. Болгов). Можно говорить, ссылаясь на то же свидетельство, о «феномене Молева». На вновь созданном историческом факультете местного пединститута возникает то, чему трудно найти аналогию в те годы (автор знает, о чем говорит). Не просто блестящий курс истории Древнего мира. Он и его ученики положили начало разработке и изучению проблемы перехода от Античности к Средневековью на новых методологических принципах, новом корпусе источников. В центре научного поиска — трансформация общества в контексте медиевализации и культурного континуитета интеллектуальной традиции позднеантичного времени. Вплоть до сегодняшних дней этот проект радуется своими результатами. Что-то похожее, как представляется, есть в наследии ряда нестоличных исторических школ, занявших свое место в отечественной исторической науке.

Вернувшись в Нижний Новгород, Евгений с его открытостью, коммуникабельностью встречает любовь и признательность старых друзей, родной кафедры, но и груз административных забот. Ему мешали, но огромный опыт жизни в науке, ученой среде, воздух родного факультета одолевали любые преграды. Фактически он воссоздал медиевистскую традицию на кафедре, почти исчезнувшую в 1990-е годы. Он продолжил и преумножил антиковедческое наследие кафедры. В терминологическом словаре «История и методология исторической науки», изданном Институтом всеобщей истории РАН, во втором издании 2016 г.,

в статье «Антиковедение» кафедры истории древнего мира и Средних веков ННГУ названа в числе ведущих центров антиковедения страны в XXI веке (с. 20). Еще одним наследием его неумемного подвижничества стал огромный пласт воспоминаний выпускников, сотрудников факультета со времени его основания и до начала нового тысячелетия в трех выпусках. Свидетельство не только его собственной благодарной памяти об Alma mater, но и документ времени, его культурных и духовных ценностей. В этом же ряду и наиболее полная на то время история факультета, бесценный памятник. В нижегородский период его жизни сближала меня с ним его энергия создателя и хранителя традиций истфила на грани столетий. Географическое расстояние, разделяющее мои прошлое и память, осталось прежним, однако он, в свое время прошедший через временной разрыв, лучше других понимал меня, помогал ощущать духовную связь с моим прошлым. Такое многого стоит.

Всей своей жизнью и творчеством он заслужил память о себе как о Евгении Созидателе. Потомкам еще предстоит оценить всю полноту наследия, которое он оставил. Три времени Жени Молева — время человека, время создателя, время его творческого наследия, время памяти его современников и последователей о нем.

Всеволод Иванович Золотов

**МОИ ДРУЗЬЯ ЖЕНЯ И НАТАША
(СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МОЛЕВА)**

Казалось бы, жанр воспоминаний требует писать только о том, кому они посвящены. Но для меня, как и для всех, кто знал и знает семью Молевых, Женя и Наташа неразделимы, их, как гласит известная сентенция, могла разлучить только смерть, что, к нашему общему горю, и случилось.

Познакомил меня с супругами Молевыми наш общий учитель Владимир Григорьевич Борухович, и дело, насколько я помню (с тех пор прошло почти полвека), было так.

Оба они тогда работали в Керченском музее. Одно время, весной 1973 г., у В.Г., в спецсеминаре которого я был, по его мнению, наиболее перспективным студентом, была идея с помощью Жени тоже «пробить» направление мне в это уважаемое учреждение, немного мне знакомое. Однако на меня поступил запрос из Астраханского пединститута, и хотя наш тогдашний декан очень хотел отправить меня на работу в сельскую школу, возмущенный профессор Борухович («я в обком пойду!») сделал всё, чтобы эта начальственная мечта не осуществилась. Так я оказался в Астрахани, и наш «шефуля», как мы в спецсеминаре между собой называли Владимира Григорьевича, предложил мне летом следующего, 1974 года съездить к Жене Молеву в экспедицию.

О своих учениках Жене и Наташе В.Г. всегда отзывался с большим теплом, особо отмечая полное отсутствие мещанства в их семейной жизни. С особенным умилением он описывал один случай времен их студенческой жизни, когда замужняя уже Наташа выглядела совершенным ребенком. Керчь, лето, жара, длинная очередь к киоску с прохладительными напитками, в которой стоит и Наташа. Когда она подошла к окошку, продавщица с жалостью произнесла: «Деточка, лимонад кончился». — «Кружку пива и пачку сигарет», — басом сказала Наташа. Очередь легла от хохота.

...Бесконечно далекий теперь июль 1974 г., дорога до Керчи, выдавший виды автобус до села Заветное, а от него 8 км пешком по проселочной дороге, с полной выкладкой: рюкзаком, спальником и палаткой. Дорога проходила через холм, с макушки которого уже открывался вид на мое родное (я родился в Батуми) Черное море, поворачивала налево у рыбацкого стана. Еще примерно километр, и вот она — Казан-балка, в которой тогда располагался лагерь экспедиции. Теперь она пустынна,

останавливаются в ней на несколько часов разве что заезжие туристы. После оползня, случившегося уже в 1990-е годы, она стала непригодна для размещения даже десятка палаток, поэтому лагерь пришлось перенести наверх, на территорию городища. Как-то нас с Евгением мой уже выросший сын Алексей, тоже работавший в экспедиции, сфотографировал рядом со спуском на территорию старого лагеря (фото 1).

Фото 1. Китей 2007 г.

Тогда же, в 74-м, в лагере кипела жизнь. Встреча, наконец-то личное знакомство с Женей и Наташей (архонтом и архонтиссой Китея), масса новых впечатлений. В том году основной рабочей силой экспедиции были школьники-старшеклассники, члены археологического кружка при Керченском музее, занимавшиеся у супругов Молевых. Яркое впечатление сразу произвел незабвенный Боря (Борис Ильич) Бабич, коренной керчанин, выросший в археологических экспедициях. Даже когда он перебрался на работу в Москву, то старался как можно чаще появиться в Китее. Боря с самого возникновения экспедиции являлся за-

водилой и душой многих дел в экспедиции: от обустройства могилы наших десантников, погибших в этой балке в декабре 1941 г., до строительства из каменных глыб, в изобилии валявшихся в котловине¹, сооружения, на древнегреческий манер наименованного пританеом. В честь Бори крупный подводный камень, облепленный мидиями, именовался Большим Борисом, поскольку Боря, пока он участвовал в экспедиции, организовывал добычу и приготовление этих моллюсков, с последующим «пиром на весь мир». К полисным праздникам, опять-таки по инициативе Бори, готовились выпуски рукописных, художественно оформленных газет, которых было целых две: «Звезда Китея» и, на иностранный манер, «Жиче Казанополиса», как именовалось наше палаточное поселение в Казан-балке.

Впрочем, пританей строился уже потом, чтобы на протяжении многих лет быть местом работы для Евгения и коллег в дневное время, где можно было укрыться от палящего крымского солнца. Вечерами там устраивались посиделки и встречи с друзьями-археологами, заглядывавшими в экспедицию. Мне, правда, уже много позже, довелось там встретиться с Н.Л. Грач, О.Я. Неверовым, А.А. Масленниковым.

Вот так началась моя жизнь в Китее, чтобы продолжиться на несколько десятилетий. Куда бы меня ни забросила судьба, я всегда знал, что есть место, где мне всегда рады Женя и Наташа, которые меня помнят и любят, как и я их. Это относилось не только к Китею, но и к тем городам, где мы жили и работали. Для Молевых это Керчь, затем Белгород и, наконец, Нижний Новгород, где они учились в университете, встретились и полюбили друг друга — на всю оставшуюся жизнь. Для меня — Астрахань и Саратов, город моей студенческой юности, куда я вернулся после семи лет преподавания на истфаке Астраханского пединститута, который я всегда с теплом вспоминаю и продолжаю поддерживать связь со своими друзьями той далекой поры.

В 1974 г. новичком в археологии я уже не был: археологическая практика после первого курса университета. Потом, с подачи Тани Силовой, с которой мы занимались в спецсеминаре В.Г. Боруховича, я по-

---

¹ Высокий, обрывистый берег постепенно разрушается, вместе с ним гибнет и городище, часть которого либо обрушилась в море, либо уже под водой. Поэтому Евгений давно принял решение раскопки самого городища проводить по краю берега, пока еще не уничтожен культурный слой. Это неукоснительно соблюдалось на всем протяжении существования экспедиции, за редким исключением. По крайней мере, и мой первый раскоп 1974 г., на зольнике, и последний, 2017 г., соответствуют этому правилу.

пал в Таманскую экспедицию, которой руководил известный московский археолог Н.И. Сокольский, и с удовольствием работал там во время студенческих каникул в сезоны 1970–1972 гг. Но экспедиция Евгения Молева была особенной. Ее называли самой нищей и самой веселой из всех экспедиций на Боспоре, я оценил это сразу и в полной мере.

Политический строй восставшего из античных руин Китая радикальной демократией назвать было нельзя. Вся полнота власти принадлежала архонту, то есть Евгению как начальнику экспедиции². При нем был совет из наиболее авторитетных членов экспедиции. Важные решения принимались после обсуждения, но последнее слово оставалось за архонтом: «Мы тут посоветовались, и я решил». Народное собрание (эклесия) функционировало по праздникам, которых в Китае было не сколько.

Одним из ранних и довольно рано прекратившихся был День Макобии. Не вдаваясь в подробности, скажу только, что Макобия являлась злым и мстительным божеством, чучело которого торжественно и принародно сжигалось. Праздник исчез из быта экспедиции, когда прототипа Макобии не стало.

Обычно празднества в Китае начинались с Дня первой лопаты, который проводился все годы, пока существовала экспедиция. Праздник отмечался после того, как на раскопе кто-либо первым ломал основной рабочий инструмент, что было добрым знаком, поскольку свидетельствовало об усердии «виновника торжества» и обещало интересные находки. Сломанную лопату, украшенную плющом и цветами, водружали на агоре. Архонт произносил приличествующую случаю речь. Верховная жрица, она же архонтисса (Наташа) совершала возлияние. После общей фотографии устраивались музыкальные и поэтические состязания, завершалось всё праздничным обедом.

День Диониса проводился, пока в возвышающейся над лагерем скале, именуемой Юрантом, существовало углубление, именуемое гротом Диониса. На роль Диониса назначался наиболее подходящий по внешним данным и дарованиям участник экспедиции. Эту роль случалось исполнять Боре Бабичу, хотя особенно хорош он был в роли Посейдона. Но когда Юрант осыпался настолько, что грот Диониса исчез, творческие состязания были перенесены на День первой лопаты, а День Диониса ушел в область китайских легенд и преданий.

---

² Это железное правило для всех экспедиций, поскольку именно начальник отвечает за жизнь и здоровье ее участников.

Центральным же праздником экспедиции на всем протяжении ее существования оставался День Посейдона, к которому долго и тщательно готовились. Посейдон, брат Зевса, ведавший водной стихией и землетрясениями, был главным божеством-покровителем возрожденно-го Китея. В день праздника, пока в лагере шли приготовления, несколько человек таинственно исчезали. Это были: сам Посейдон (после Бори эта роль оказалась переходящей то к одному, то к другому участнику действия), а при нем две русалки и два морских черта, которые должны были ему ассистировать. На традиционном экспедиционном пляже, под обрывом и рядом с морем, возвышается довольно крупная скала, получившая название «камень Посейдона». Задачей Посейдона и его свиты было подготовить все необходимое к встрече праздничной процессии, возглавляемой архонтом Китея.

Тем временем на территории лагеря начиналась праздничная церемония. Все участники церемонии выстраивались на агоре. Обязательная форма одежды — греческий хитон (фото 2). Архонт, держа в деснице огромный, плоский и тупой штык от, кажется, румынской винтовки времени Второй мировой³, посвящал новичков, которые до того пребывали в разряде ксенов (гостей-чужеземцев), в метеки (свободные неграждане, имеющие право жить в городе). Те метеки, что приезжали в экспедицию вторично, посвящались уже в полноправные граждане. Китей поистине стал родным домом для многих из нас, ветераны экспедиции приезжали сюда уже с детьми, поэтому неудивительно, что достаточно рано было принято решение: если родители — граждане Китея, то их дети являются таковыми по праву рождения, без прохождения стадий ксенов и метеков.

---

³ В данном случае он выполнял роль древнегреческого меча, ксифоса. Обычно же этот штык использовался для зачистки на раскопе. Помнится, еще в советские времена длина клинка вызвала уважительное удивление заглянувших на раскоп пограничников. Китей находится в погранзоне, и пограничный наряд с собакой или без таковой был у нас обычным явлением. Мы, в свою очередь, должны были сообщать на заставу о нарушителях пограничного режима из числа заезжих туристов, что, как я помню, однажды не без злорадства и сделали — «гости» вели себя достаточно нахально, без разрешения пройдя территорию лагеря и даже не поздоровавшись с нами. Наташа (Евгений был в Керчи по делам) тут же отправила гонца на заставу, к нам на армейской машине нагрянули доблестные бойцы-погранцы в бронежилетах, касках, с автоматами, сгребли наглцов и увезли их, к нашей радости — впредь неповадно будет! Что касается штыка, то как-то в межсезонный период он загадочно исчез. Архонту пришлось заменить его обыкновенным ножом (илл. 13).

Фото 2. День Посейдона 2007 г.

После окончания приема во все категории населения Китея все участники церемонии во главе с архонтом спускались по тропинке на территорию пляжа. При этом сразу за архонтом вели «жертвенного быка» — на эту роль подбирался наиболее упитанный участник экспедиции. Представ перед грозными очами Посейдона, архонт в своем слове излагал цель нашего прибытия и просил бога оказать покровительство Китею и его населению, а в знак нашего почтения принять жертву — упитанного тельца.

Посейдон, естественно, оказывал милость, но перед этим требовал, чтобы она была заслужена не только принесением в жертву быка, но и серией испытаний для новичков, а также ристаниями. Испытания могли быть самыми экзотическими, к примеру, наполнить ведро морской водой с помощью только совковой лопаты, что выпало на долю «отца Михаила» (М.Н. Щетинина). Наиболее зрелищным видом состязаний была конная битва амазонок. Побеждала та, которой удавалось сбросить соперниц в воду, самой оставшись на «коне».

В финале церемонии толпа мокрых до нитки новоиспеченных метеков, по воле Посейдона по очереди брошенных в море, могла, в свою очередь, отомстить, выкупав там его и свиту. Богу, чертям и русалкам важно было выбрать момент, когда внимание собравшихся чем-то отвлечено, и, по возможности с максимальным достоинством, самим уйти в родную стихию. Получалось это в разные годы по-разному, но веселья в любом случае было много.

Естественно, жизнь экспедиции состояла не только из праздников — главным была работа. В раскопной иерархии я изначально предпочитал оставаться на самой нижней ступени — говоря археологическим сленгом, «на лопате». И здесь Евгений оставался самым собой, тактичным и внимательным к друзьям в большом и малом. Назначив меня начальником раскопа, который *ex officio* должен был вести дневник, он, снисходя к отсутствию у меня особой склонности заниматься этим делом, находил время, чтобы, обойдя все раскопы, задержаться на нашем, чтобы записать добытые на очередном штыке и разложенные на керамичке находки (фото 3).

Фото 3. На раскопе. 2016 г.

Еще один такого рода пример. В последние годы база экспедиции находилась уже не на городище, а в домике рыбаков, с любезного разрешения их бригадира Алексея Павловича, который при случае заглядывал к нам, по праздникам даже с семьей (илл. 20)⁴. В передней расположилась столовая, в помещении справа, в гостиной, жили Евгений с Наташей, а в маленькой каморке рядом обычно размещались семейные пары с ребенком. Так получилось, что однажды таковых у нас не оказалось, и тогда, в 2017 г., архонт предложил мне занять ее, предупредив заранее, что палатку с собой брать не надо. Я внял доброму совету, а когда приехал, то обнаружил, что Женя позаботился сам сделать в этой комнатке уборку и вставить в окно стекло, выбитое кем-то, пока домик пустовал. И в последующие годы, пока экспедиция работала, он напоминал: «Приезжай. Твоя норка тебя ждет». Но больше приехать у меня не получилось...

Когда экспедиция в 2017 г. уже закончила работу, Жене понадобилось сделать обмеры на нашем раскопе. Я вызвался пойти ему помочь, мол, когда еще мы без вечной спешки пообщаемся, прихватил с собой фотоаппарат, сделал снимок Евгения за работой (фото 4).

Особенно и не разговаривали, слишком уж давно и хорошо мы знали друг друга, иногда можно и помолчать... Как оказалось, это было в последний раз, если не считать мимолетной встречи в мае 2019 г., когда они с Наташей возвращались из Керчи после Боспорских чтений, проезжали через Саратов, а я встретил их поезд, и мы успели даже «дерябнуть по маленькой» крымского вина за эту встречу.

А за пять лет до этого мы встретились на перроне нижегородского вокзала. Случилось мне и профессору Николаю Николаевичу Болгову, ученику Молевых по белгородскому периоду их жизни, летом 2014 г. выступать официальными оппонентами на защите докторской диссертации в Томском университете. Поезд проходил через Нижний Новгород, остановка была короткой, но Женя с Наташей успели увидеться с нами и снабдить в дорогу домашними «вкусняшками» Наташиного приготовления.

Для меня главным в экспедиции Евгения была именно роскошь общения с близкими по духу людьми. Кроме Жени и Наташи, в ранние годы экспедиции, не считая молодежи, у которой был свой круг интересов и своя компания, в Казанополисе работали уже многократно упоминавшийся Боря Бабич, его будущая жена Олечка (Ольга Павловна)

---

⁴ С нашим архонтом, к обаянию которого нельзя было остаться равнодушным, дружил, кажется, весь мир, включая представителей местной администрации и пограничников, даже в недоброй памяти украинские времена Крыма.

Клименко, Сеня (Семен Алексеевич) Шестаков, Таня (Татьяна Аркадьевна) Гладкова, однокурсник Молевых Руслан (Федорович) Марышев с молодой женой Ниной, Сергей и Ирина Масленниковы. У меня, к сожалению, ежегодно ездить в экспедицию не получалось, выходило как-то сериями: несколько раз в семидесятые годы, затем перерыв (дела семейные, работа над кандидатской), потом, тоже несколько лет подряд, в восьмидесятые и так далее...

Фото 4. Завершение сезона 2017 г.

За время моего отсутствия в Китае завсегдаемыми Казан-балки и нашими общими друзьями стали те, которых давно уже нет в этом мире: москвичи Игорь Демидов и Ирина Ковалевская, отчаянная курильщица и большая любительница кофе, который она и в экспедиции любила готовить для нашего узкого круга. Обычно мы с Игорем работали на одном раскопе с Ириной и однажды, устав от ее неумолчной болтовни и сигаретного дыма, взмолились архонту: «Женя, переведи ее куда-нибудь!». «Герпите, — сурово сказал архонт, — это ваш крест». И, немного помолчав, добавил: «И мой тоже».

Дружеские отношения с начальником экспедиции делу не мешали, в необходимых случаях он проявлял принципиальность. Однажды мы с

Игорем в большой перерыв залежались на пляже и на несколько минут опоздали на работу. Запыхавшись от подъема из лагеря, появляемся на раскопе, Евгений там уже стоит. Мы хором рапортуем: «Проспали! Работаем без перерыва». Архонт отвечал: «Это вас не извиняет. Вы старше остальных и должны показывать пример». Мы с Игорем смотрим друг на друга: «Обидимся?» — «Обидимся!». Впрочем, обиды хватило ненадолго, тем более что вообще наш «ветеранский» раскоп отличался добросовестным отношением к делу и Евгений мог на нас положиться.

Тогда все мы были молоды, веселы, полны оптимизма и надежд на будущее, никто из нас и представить себе не мог, что пройдет всего несколько лет и жизнь изменится отнюдь не к лучшему, а страна, в которой мы родились и выросли, перестанет существовать. Как-то на досуге мы втроем, вспомнив известный роман братьев Стругацких, решили создать корпорацию благородных донов и даже сочинили ее шуточный устав. Взяли себе подходящие имена: Евгений стал доном Эухенио, я — доном Витторио. Сложнее было с Игорем, но, в конце концов, он остановился на доне Диго, имени, созвучном его фамилии (Демидов). С тех пор мы обращались друг к другу устно и письменно только так (разумеется, в неофициальной обстановке). Оригинал устава, написанного рукой дона Диго, я отдал Евгению, но содержание помню. К примеру: «Звание благородного дона является пожизненным и посмертным», «Все поступки благородных донов проникнуты внутренним благородством», «Взаимоотношения благородных донов отличаются крайней предупредительностью», «Благородные доны не знают слова “слишком”» и т. п.

Не забыть дивных вечеров в Китее и песен у костра, как и купаний нашей дружной компании, ночью, когда море светилось (закоперщицей здесь, конечно, была Наташа). И во всех праздничных мероприятиях наша «ветеранская» компания принимала деятельное участие. Как-то к Дню Диониса необходимо было создать нечто поэтическое, благо поэт среди нас был — Руслан Марышев. Идея родилась спонтанно, подсказанная романом Ильфа и Петрова. Результатом коллективного творчества стала «Китейская Гавриилиада». Поскольку это было уже во времена «горбостройки», когда проблема с возвращением крымских татар на родину стояла достаточно остро, наш Гаврила стал крымским татарин, попавшим в экспедицию Молева. Начиналась поэма словами:

*Луна полночная светила
И море было как слеза,*

*Когда агент ЦРУ Гаврила
На берег Крыма выползал.*

.....
*Попал Гаврила на раскопки,
и Гаврилу Молев полюбил:
За нрав его, прямой, неробкий,
За то, что воду мало пил,
За то, что не просил добавки... и т. д.*

Кроме вымышленного Гаврилы, остальные герои поэмы были реальными: Дюк (Сергей Масленников) и особенно Аграфена. В тот сезон мы работали на некрополе. Раскопано было неразграбленное женское погребение в каменном ящике из нескольких плит. Впрочем, грабить там особенно было нечего, инвентарь ограничился стеклянным (целехоньким, что редкость) сосудом. Наше воображение поразила лежащая рядом со женским скелетом отрубленная рука, конечно же, по нашему мнению, мужская (Евгений не возражал). Вот эту даму мы и окрестили Аграфеной, она же Груня. По ходу сюжета Гаврила должен был раскопать на некрополе радиопередатчик, который ждал его еще с войны, и начать свою работу агента ЦРУ. Но Дюк, который славился своим трудолюбием, решил копать и ночью, случайно обнаружил передатчик, всё поняв и залег в засаду, «чтоб закордонника засечь». В самый патетический момент в ход дела вдруг вмешалась воскресшая Аграфена. На этом наш поэт остановился и вот уже больше трех десятилетий никак не напишет продолжения, несмотря на неоднократные напоминания.

18 января 1987 г. Евгению исполнилось 40 лет. Что-то помешало нашей компании прибыть в Белгород точно к этому сроку, но мы решили исправить это досадное упущение, отправившись из Москвы в гости к Молевым уже весной: Игорь и Оля Демидовы, Ирина Ковалевская, она же пани Ковальска, и я. Посовещавшись насчет подарка и зная равнодушие донна Эухенио к морю, преподнесли ему наш коллективный дар — морской бинокль.

Отметили Женин юбилей, пошли погулять по Харгоре (Харьковской горе). Светило весеннее солнышко, уже цвели подснежники, которые пришлось спасать от Наташи, всё порывавшейся собрать роскошный букет; мы же дружно уговаривали ее пощадить природу и ограничиться минимумом. Вернувшись, благородные доны сфотографировались в прихожей втроем (фото 5). Смотрю на эту фотографию и думаю, какими же оптимистами мы были тогда! Дон Диго вообще собирался

жить до 120 лет. Увы, он ушел первым из нас. Из всей нашей дружной компании, веселившейся в белгородской квартире Молевых, остались Наташа да я...

Фото 5. Благородные доны

Шли годы, мы, поднимаясь по ступеням научной карьеры, обрастали степенями и званиями. Женя с Наташей навсегда остались верны античному Боспору, я занимался римскими штудиями, хотя временами и меня «заносило» в «земли полуденной волшебные края» — по линии римско-боспорских отношений. Несколько раз участвовал в «Боспорских чтениях», проводящихся в Керчи, их неперенными участниками были и супруги Молевы. Но там с ними пообщаться удавалось нечасто — они были нарасхват, так что мне приходилось мириться с приоритетом их коллег-археологов, необходимость их профессионального общения я, разумеется, сознавал, на то и конференции, чтобы обеспечить в первую очередь такую возможность.

Зато на конференциях более широкого профиля, Сергеевских чтениях в МГУ и Жебелёвских в СПбГУ, ситуация была иной, находилось место и для научных дискуссий, и для дружеских застолий. А когда мы оба заведовали кафедрами, Женя в Нижегородском (да еще много лет был деканом факультета), я в Саратовском университете, наше сотрудничество не ограничилось Китейской экспедицией, а стало более тес-

ным и продуктивным. Это относилось и к участию в совместных научных изданиях, и к проведению конференций, и к работе диссертационных советов.

Один из таких моментов, когда Евгений был в Саратове в качестве официального оппонента, запечатлен на снимке (фото 6). Не забывали мы навещать в Саратове и нашего дорогого учителя В.Г. Боруховича (фото 7).

Фото 6. В Саратове. Истфак СГУ, начало 2000-х гг.

Фото 7. Е.А. Молев и В.Г. Борухович

Между тем, античный полис Китей, со своим архонтом во главе, продолжал жить и работать. Основным его населением в последние годы жизни Евгения, пока здоровье позволяло ему руководить экспедицией, оставались нижегородцы и, по традиции, белгородцы, которыми руководил и продолжает руководить Н.Н. Болгов. Пока лагерь стоял на городище, рабочий кабинет архонта был оборудован в зарослях карагача. По окончании утренней смены мы иногда позволяли себе утолить там жажду сухим вином, на греческий манер щедро разбавленным водой (фото 8).

Фото 8. Е.А. Молев, В.Н. Парфенов, Н.Н. Болгов. Китей, 2010 г.

В 2021 г. у меня, к неудовольствию моему, случился юбилей, то есть дата, которая, по представлениям древних греков, является естественным пределом человеческой жизни. Я заранее решил ее никак и ничем не отмечать. Однако совсем проигнорировать не получилось — поступило довольно много поздравлений от родственников, друзей, учеников, спасибо им всем за память. В «Аристее», благодаря любезности главного редактора журнала А.В. Подосинова, по этому поводу опубликовали заметку мои гораздо более молодые, чем я, коллеги Ю.Н. Кузьмин и А.А. Сеницын, с которыми меня связывают многолет-

няя дружба и сотрудничество. В том же номере Александр Васильевич посвятил теплые слова памяти Евгения, нашего общего друга...

Но это было позже, а в июне 2021 г. меня до глубины души тронуло, когда именно в день рождения курьер вручил мне объемистый пакет. Кроме ценного подарка по моему профилю — роскошно изданной книги нашего коллеги А.Е. Негина, посвященной римскому декорированному доспеху, — в нем были поздравления: от кафедры истории Древнего мира и средних веков ННГУ, подписанное А.В. Махлаюком, и отдельное, авторства Евгения, от имени друзей и коллег по Китейской экспедиции. Я тут же ему позвонил, поблагодарил, попросил передать мою сердечную благодарность Саше Махлаюку и коллегам. Душевно поговорили, и кто тогда мог знать, что это был наш последний разговор, а жить бессменному архонту Китея оставалось меньше двух месяцев...

Свое стихотворное поздравление Женя завершил такими строками:

*Да... нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Мы те прекрасные года!*

В этих словах весь он — неисправимый романтик (илл. 28), о котором все мы, его близкие, друзья, ученики, храним и будем хранить благодарную память.

Виктор Николаевич Парфёнов

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОЛЕВ И БЕЛГОРОДЦЫ

Одним из наиболее интересных феноменов в жизни и деятельности профессора Молева были его взаимоотношения с белгородцами — коллегами и студентами из педагогического института, участниками Китейской экспедиции. Данная тема выходит за рамки непосредственной работы Е.А. Молева в БГПИ (1978–1992). Этот этап сам по себе уже был освещен в ряде публикаций¹. Об участии белгородцев в Китейской экспедиции в общем контексте ее истории также уже говорилось². Поэтому сейчас наибольший интерес может представлять история взаимоотношений Евгения Александровича с белгородцами после его отъезда из Белгорода в 1992 г., восприятие его «издалека» и своего рода рецепция его наследия.

За годы работы в БГПИ Евгений Александрович стал состоявшимся ученым, создателем и первым заведующим кафедрой всеобщей истории (1986–1992). Заслуженный авторитет он получил и у студентов, так как был одним из ведущих преподавателей молодого факультета, и история древнего мира в отрыве от его образа совершенно не воспринималась. Огромную популярность Е.А. Молев имел и как активный организатор и участник художественной самодеятельности, спортивно-массовой работы и др.

Главное его детище — Китейская экспедиция — уже за период его работы в БГПИ сформировала целую армию участников. За 13 сезонов через Китей прошло около сотни практикантов, и часть из них сложилась в прочный актив, который продолжал из года в год ездить в Крым и составлять ядро экспедиции. Наконец, в 1991 г. и в научном плане удалось выйти на новый уровень — первый подопечный Евгения Александровича поступил в столичную аспирантуру, что при отъезде Учителя породило робкую надежду на продолжение его дела в Белгороде.

---

¹ Молев Е.А., Молева Н.В. 14 лет в Белгородском педагогическом // Н.Н. Болгов (ред.), *Классическая и византийская традиция. 2008*. Белгород, 2008. С. 166–169; Болгов Н.Н. Евгений Александрович Молев: белгородский период (1978–1992) // Профессор Евгений Александрович Молев. К 70-летию со дня рождения. Автобиография. Нижний Новгород, 2017. С. 10–16; Молев Е.А. Начало преподавательской деятельности — Белгородский пединститут // Профессор Евгений Александрович Молев. К 70-летию со дня рождения. Автобиография. Нижний Новгород, 2017. С. 58–65.

² Молев Е.А. Иллюстрированная хроника Китейской экспедиции. Нижний Новгород, 2013.

Трагизм его отъезда в первые годы скрашивался, конечно, продолжением экспедиции. Хотя она стала нижегородской, в ней в 1993–1995 гг. основную часть составляли по-прежнему белгородские старожилы. Перерыв в ее работе, казавшийся поначалу недолгим, хотелось восполнить, поэтому в 1997–1999 гг. белгородский отряд приезжал на старое место, чтобы присмотреть за ним в те сложные времена, убрать сезонную растительность и т. п. Но история первого цикла Китея все-таки закончилась, и на рубеже веков это стало окончательно ясно.

Тем временем, автор этих строк в 1994 г. закончил аспирантуру и защитил диссертацию в МПГУ, чему Евгений Александрович в огромной степени содействовал, помогая как с самой диссертацией, так и с организацией отзывов. Эта — научная — линия наших контактов сразу же получила продолжение, когда в том же 1994 г. в аспирантуру МПГУ поступила Е.А. Семичева, активная участница Китейской экспедиции. В 1997 г. она успешно защитила диссертацию.

В 1996 г. Белгородский педуниверситет стал классическим университетом. Настало время думать о восстановлении в нем классической археологии и антиковедения. В начале 1997 г. мне было предложено возглавить кафедру всеобщей истории БелГУ. В 2001 г. все прочие факторы совпали, и в составе Восточно-Крымской экспедиции РАН возник Белгородский отряд во главе с Е.А. Семичевой (в 2002 г. она перешла на кафедру). Большинство старых китейцев с новыми практикантами собрались здесь.

В 2003 г. в ННГУ состоялась защита моей докторской диссертации, и Евгений Александрович выступил ее научным консультантом. Обстоятельства защиты не были простыми, но несомненный аванс со стороны Учителя, надеюсь, был хотя бы в какой-то мере оправдан в последующие годы.

В 2005 г. возродилась и Китейская экспедиция — теперь как экспедиция ННГУ. Она строилась теперь на несколько иных принципах, нежели Китей-I в его последние сезоны — в экспедиции второго цикла работали только практиканты ННГУ без посторонних волонтеров. Тем более ценным было то обстоятельство, что я был приглашен в этот состав. С 2006 г. в Китее также работал и один из первых белгородских аспирантов-античников С.Н. Прокопенко, а совсем рядом, на участке некрополя (Джурга-Оба) возник наш новый белгородский отряд, отработавший там 4 сезона (2006–2009) силами до 10 студентов ежегодно.

С 2008 г. в Китее возродилась практика белгородских студентов-первокурсников, продолжавшаяся с небольшими перерывами по

2016 год включительно. В 2012 г. состоялся предположительно заключительный сезон второго цикла, экспедиция была передана киевским коллегам, и в 2013 г. в нее поехала лишь небольшая группа исключительно белгородских участников (с новым руководителем). Но известные исторические события 2014 г. привели к новому возрождению Китея. Наш отряд всё это время сохранял боеготовность, работая в сезоне 2014 г. в составе ВКАЭ.

В 2015 г. начался III цикл истории экспедиции. Открытого листа в этом году не было, но отряд приехал и вел подготовительные работы. В последующие 2016–2017 гг. состоялось еще два полноценных сезона, давших новые замечательные находки ранневизантийского времени.

Тяжелая ситуация 2018 г., связанная как со здоровьем Евгения Александровича, так и с обстоятельствами в полевом комитете ИА РАН, образовала очередную паузу. К этому времени на городище уже начала работать Китейская экспедиция Государственного Эрмитажа во главе с А.В. Катцовой. Именно эта экспедиция рассматривалась Евгением Александровичем в качестве своих преемников. С 2019 г. мы стали работать в составе этой экспедиции, не теряя надежды на возвращение Евгения Александровича, так как этот вопрос оставался открытым.

Сезон 2020 г. (как и 2018 г.) вновь оказался «пустым», без раскопок, на этот раз из-за пандемии. Однако, наш отряд в этот юбилейный год (50-летие экспедиции) снова приехал на место для приведения в порядок территории. Приехал в этом году на памятник и Евгений Александрович. Он провел экскурсию по городищу, и наши новички последних трех лет смогли лично пообщаться с Учителем в год и в контексте 50-летия экспедиции.

Сезон 2021 г. оказался последним для остатков молевской Китейской экспедиции, и наш отряд окончательно влился в экспедицию Эрмитажа. Решение об этом Евгений Александрович принял накануне сезона, весной.

Тот факт, что белгородцы всё еще присутствуют на Китее, внушает нам определенный оптимизм, и мы надеемся еще некоторое время активно поработать на городище, которому Е.А. Молев отдал всю свою жизнь.

Таким образом, если в 1992–2005 гг. Е.А. Молева в Белгороде помнили и с ним поддерживали общение, прежде всего его студенты, ученики и коллеги по кафедре, то в течение 2006–2021 гг. выросло новое поколение белгородцев, которое знает Евгения Александровича пре-

имущественно в качестве начальника экспедиции. Несколько десятков студентов нового столетия прошли через экспедицию и работали под его непосредственным началом в Китае.

Продолжались и научные контакты. Неоднократно наши преподаватели и аспиранты приезжали на научные конференции в Нижний Новгород, прежде всего на чтения памяти проф. Н.П. Соколова.

Нередко и Евгений Александрович приезжал к нам. Это были как наши плановые конференции, так и специально задуманные для его приглашения и встречи с ним — научные сессии к 30-летию кафедры (2016 г.), к 40-летию начала антиковедческих исследований (2017 г.), к 50-летию Китайской экспедиции (2020 г.).

Каждый приезд Евгения Александровича имел не только научную, но и человеческую составляющую — это были встречи старых и верных друзей. Е.А. Молев прекрасно помнил не только всех белгородских участников экспедиции, но и многих студентов факультета. Все они были ему чем-то интересны, ко всем он проявлял внимание, и белгородцы платили ему огромной ответной любовью.

С появлением в Белгороде аспирантуры (2005 г.) и диссертационного совета (2010 г.) наши научные отношения вышли на новый уровень. Евгений Александрович нередко стал выступать в качестве официального оппонента, а в 2019 г. в качестве приглашенного члена диссовета принял участие в защите первой докторской диссертации нашего научного направления, подготовленной Ириной Зайцевой. В июне 2021 г. Евгений Александрович дал отзыв на автореферат и второй нашей соискательницы докторской степени — Елены Литовченко. Конечно, Е.А. Молев также часто давал рецензии на наши научные труды, заботливо следил за развитием нашего научного направления в целом.

Поэтому можно сказать, что после его отъезда в 1992 г. и утраты повседневного общения он стал у нас легендарным Учителем, который находится далеко, но который всегда с нами и внимательно, потечески следит за нашим ростом. Можно даже сказать, что он стал предметом определенного культа, так как мы, старшие, неизменно позиционировали его как основателя нашей кафедры и родоначальника научного направления университета, ставшего в новом столетии национальным исследовательским. И всё новые и новые поколения белгородских студентов-историков хорошо знают фамилию Молева.

Теперь он, к нашей великой печали, окончательно нас покинул в этой жизни. Но его дело, его наука, его Китай продолжают. А это значит, что и последующие поколения белгородцев не забудут имени и

дел Евгения Александровича. Ведь помимо родного ННГУ он, по сути, создал еще одну научную школу и центр притяжения, коллектив, которому он в полной мере передал свои качества ученого, наставника, друга, человека. Это человеческое измерение (помимо узко академического) и объединило вокруг него столь много людей, которые хранят о нем светлую память.

Николай Николаевич Болгов

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ Е.А. МОЛЕВА

Всем хорошо известна поговорка о том, что мир тесен. Мой опыт общения с Евгением Александровичем — наглядное тому подтверждение.

Очень давно, в 1970-х годах, я почти ежегодно летом работала в археологической экспедиции Эрмитажа под Керчью, где много лет велись раскопки одного из городов Боспорского царства — Нимфея. Руководитель экспедиции сотрудник Эрмитажа Нонна Леонидовна Грач иногда по выходным проводила для нас — студентов и молодых сотрудников — экскурсии по ознакомлению с памятниками древней истории и недавнего прошлого, расположенными в пределах автомобильной доступности. Так мы познакомились с древним Пантикапеем, «Царским» курганом, римской крепостью Илурат, Аджимушкайскими каменоломнями. Во время одной из поездок в 1973 (или 1974?) году мы остановились около небольшого раскопа, где работали несколько усталых и обгоревших, но очень жизнерадостных людей. Это были раскопки древнего Китея. Нонна Леонидовна поздоровалась с их руководителем и крикнула нам, горьковчанам: «Ну что же вы? Идите сюда, это же ваш земляк Женя Молев!» Честно говоря, я тогда о нем только слышала, но лично не была знакома, так как Евгений Молев закончил истфил несколькими годами раньше меня. Уже потом, в Керченском музее, где он работал, я узнала о его научных поисках и заслугах.

Тогда невозможно было предположить, что эта случайная встреча будет иметь важное продолжение почти 30 лет спустя.

Евгений Александрович стал заведовать нашей кафедрой всеобщей истории, оставаясь на аналогичной должности в ННГУ. У него уже был огромный научный и административный опыт — в Керчи, Белгороде и alma mater.

Должна признаться, что сначала было опасение: а сможет ли он при такой нагрузке уделять нам должное внимание? Но скоро я поняла, что беспокойство было напрасным. Евгений Александрович всегда глубоко вникал в наши дела и проблемы, быстро находил оптимальное решение. Я не помню случая, чтобы он на кого-то повысил голос. И даже после его ухода с должности, когда он был избран деканом истфака ННГУ, наши связи не прервались. Ряд наших выпускников были его аспирантами, и он всегда был готов помочь в трудной ситуации. Так, например, было с подготовкой к защите моего аспиранта Э.Б. Боева, когда мы столкнулись с неподвижными трудностями в диссертационном сове-

те Ивановского университета. Именно Евгений Александрович дал мне очень ценные советы, что позволило успешно завершить эту «эпопею».

А еще он был веселым, компанейским человеком, начисто лишенным «профессорского» высокомерия и снобизма. Он был душой компании в праздники и всегда – отзывчивым другом.

Его внезапный уход стал для меня тяжелым ударом. Но правильно говорят: человек жив, пока жива память о нем. Для меня он всегда будет живым!

Галина Вадимовна Воронкова

Е.А. МОЛЕВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ДЕКАНА

К большому сожалению, я не была ученицей Е.А. Молева: он пришел на факультет, когда я уже его закончила. Но мне посчастливилось 10 лет работать бок о бок с этим удивительным человеком в пору его руководства историческим факультетом: с 2002 по 2012 гг. я занимала должность заместителя декана по учебной работе.

Работать с Евгением Александровичем было легко и приятно, он был не конфликтным человеком, готовым ради дела искать и находить компромиссы, отзывчивым и понимающим, чутко реагирующим на то, что происходит вокруг. Его нередко ругали за мягкость и излишний либерализм, считали, что ему не хватает твердости и напористости, однако на самом деле, он мог отстаивать свою позицию, не прибегая к напору и давлению. В отличие от своего предшественника О.А. Колобова — генератора идей и реализатора амбициозных планов, решавшего единолично многие проблемы управления факультетом, Евгений Александрович скромно делал свое дело, без показухи и пафосности. Стиль его управления факультетом в полной мере можно назвать *демократичным*, поскольку все наиболее важные вопросы он пытался решать коллегиально, был открыт к диалогу с коллегами, был внимателен к их мнениям и позициям.

Одним их главных достоинств Евгения Александровича я бы назвала *внимании к людям*. Утро декана Е.А. Молева начиналось с того, что, придя на работу, он открывал свой ежедневник, где убористым почерком были выписаны дни рождения всех работников факультета, и поздравлял своих сотрудников вне зависимости от должностей и регалий. Особую заботу он проявлял к юбилярам, которых радовал не только красивыми подарками, но и выпускал небольшие брошюры об их жизни и деятельности, вкладе в науку и преподавание. Ему, как настоящему ученому-историку, было крайне важно зафиксировать на бумаге все эти результаты человеческой деятельности, все детали биографии.

Не забывал он и важные даты в истории факультета и университета. Он понимал, что время неумолимо идет вперед, люди уходят, следовательно, уходит память о них. Поэтому он инициировал выпуск нескольких сборников воспоминаний выпускников историко-филологического факультета разных лет¹. Используя личные связи, ему удалось не толь-

---

¹ Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Нижний Новгород, 2004; Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников (выпуск второй). Нижний Новгород, 2005.

ко собрать, но и подготовить к изданию эти теперь неоценимые материалы. К 60-летию факультета в 2006 г. была подготовлена по сути его история, написанная руководителями подразделений на основе личных воспоминаний, архивных данных, что стало важной вехой в *сохранении исторической памяти*². Следует заметить, что Е.А. Молев стал не только главным редактором данного сборника, но и его активным автором. Им лично были подготовлены три статьи, посвященные прошлому и настоящему исторического факультета³, динамике развития антиковедения в стенах ННГУ совместно с А.В. Махлаюком⁴ и истории кафедры истории древнего мира и Средних веков, которую он долгое время возглавлял⁵. Эти работы представляют собой детальный анализ достижений и трудностей, с которыми пришлось столкнуться нижегородским историкам с 1946 по 2006 гг. Важным дополнением этой книги стала фотогалерея деканов, заведующих кафедрами и профессоров исторического факультета ННГУ.

Евгений Александрович очень трепетно относился к ветеранам факультета, созванивался с ними, навещал, осознавая, как важно для них внимание коллег и понимание того, что их труд в университете не забыт (М.С. Садовская, Н.А. Касаткина, Э.П. Телегина, И.В. Кеткова, Е.В. Кузнецов и др.).

Учебный процесс, в отличие от университетского руководства, он считал важной составляющей работы преподавателей. Сам очень любил то, что делал, вокруг него всегда было много творческой талантливой молодежи. Он поддерживал многие начинания студенчества, готов был изыскивать средства для их финансирования, сам охотно участвовал во многих мероприятиях. Он редко отмечал посещаемость студентов на

---

² Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.) / под ред. Е.А. Молева. Нижний Новгород, 2006.

³ Молев Е.А. Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в прошлом и настоящем // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 3–33.

⁴ Молев Е.А., Махлаюк А.В. Основные направления научных исследований на историческом факультете ННГУ. Антиковедение // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 34–68.

⁵ Молев Е.А. Кафедра истории Древнего мира и Средних веков // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 148–159.

лекциях, но они ходили к нему с большим удовольствием, потому что там было интересно: то, что им рассказывал профессор Е.А. Молев, он пропустил через себя, через собственный опыт и собственную судьбу.

Большой заслугой Е.А. Молева я считаю *открытие новых перспективных направлений* подготовки выпускников. Наряду с программами по «Истории» и «Музеологии», было открыто направление «История искусств», что в условиях нашего города осуществить было крайне сложно. Однако Е.А. Молеву удалось найти специалистов, способных обеспечить качественную подготовку искусствоведов. Следует упомянуть имя доктора искусствоведения, профессора А.Н. Дони́на, специалиста по немецкой культуре и искусству позднего Средневековья и раннего Нового времени, который стал руководителем образовательной программы, И.В. Маршешеву заведующую отделом современного искусства Нижегородского государственного художественного музея, а с 2004 г. заместителя директора по научной работе ГБУК НО «Нижегородский государственный выставочный комплекс», члена Союза художников России, которая также была привлечена к преподавательской работе.

В период деканства Е.А. Молева факультет окончательно перешел на двухуровневую систему высшего образования, установил прочные научные контакты с ведущими академическими учреждениями РФ и ведущими университетами. Были заключены договоры о научном сотрудничестве с Институтом всеобщей истории и Институтом Российской истории РАН, Институтом археологии РАН, МГУ, СПбГУ, Саратовским, Казанским, Белгородским, Ивановским, Воронежским университетами и рядом других вузов. Нижегородские студенты получили возможность слушать лекции ведущих ученых, которые активно привлекались к учебному процессу. В интересах развития отделения искусств был заключен договор о сотрудничестве с театральным училищем г. Нижнего Новгорода, налаживались контакты с нижегородскими музеями с целью укрепления отделения музеологии.

Расширились международные научные связи, преподаватели получили возможность принимать участие не только во всероссийских, но и в международных конференциях (по антиковедению — в Греции, Турции, Болгарии, на Украине; по византиноведению — во Франции, по отечественной истории — в Польше, Венгрии; по балканистике — в Сербии).

Заметно выросло число публикаций нижегородских историков, число монографий и статей. В условиях ограниченного финансирования ИФ Е.А. Молев всегда старался найти средства для новой печатной продукции, способствовал ее презентации и распространению.

Существенно *выросла материально-техническая база факультета*: в 2003 г. был создан компьютерный класс, на средства факультета и

спонсоров были приобретены компьютеры новых моделей для всех кафедр факультета, обеспечен доступ в интернет, что существенным образом улучшило качество подготовки специалистов, возможности научной работы преподавателей.

С Е.А. Молевым было легко работать, поскольку он полностью *доверял тем, кто был рядом*. Мы все старались заранее планировать, делать вовремя, без авралов, насколько это позволяло «главное здание», и срывов. Он никогда не позволял себе повышать голос на подчиненных, унижать или оскорблять студентов и преподавателей. Именно такая спокойная рабочая атмосфера, нацеленная на конструктивное решение поставленных задач, позволила факультету дважды успешно пройти аккредитацию.

Еще одно качество, которое отличало Евгения Александровича, — *жизнелюбие*. Он никогда ни на что не жаловался, был доволен тем, что преподнесла ему судьба. Наслаждался каждой минутой. Гордился местом, где работает, городом, в котором живет, страной, с которой связана его жизнь. Он любил праздники, которые дарили возможность общения с друзьями и коллегами, песни под гитару, маскарады и посиделки. Его было интересно слушать, он знал много баек и анекдотов и всегда был душой компании.

Особо хочу сказать об, увы, потерянном сегодня многими качестве Евгения Александровича — *уважении к женщинам, благоговении перед ними*. Как истинный джентльмен, Евгений Александрович всегда пропускал женщин вперед, подавал им руку, говорил комплименты, дарил цветы, проявлял всяческую заботу и внимание. Как правило, возвратившись их Крымской археологической экспедиции он всегда привозил бутылку Крымского шампанского, и мы ей дружно отмечали возвращение декана в родные пенаты. Ему очень хотелось хоть немного скрасить наши будни, сделать их более приятными и яркими. Эта черта его воспитания совсем не вписывалась в наше время. М.И. Струкова, заместитель декана по вечернему и заочному отделениям, с большой любовью называла Евгения Александровича «последним гусаром нашего факультета».

Я по возрасту годилась Евгению Александровичу в дочери, его сын — мой ровесник. Поэтому с одной стороны я чувствовала в его отношении ко мне определенную отеческую заботу, а с другой стороны — уважение и паритет в вопросах организации учебного процесса.

Скоропостижный уход Е.А. Молева стал тяжелой утратой для института. Он навсегда останется в нашей памяти.

Светлана Валерьевна Григорьева

ПАМЯТИ ДОРОГОГО ЧЕЛОВЕКА: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Е.А. МОЛЕВЕ

Августовский день 2021 года. Я с семьей возвращаюсь из Крыма. В Шереметьево, в ожидании аэроэкспресса в город, вышел на улицу покурить. Снял опротивевшую маску (на протяжении всего перелета пришлось сидеть в ней: суровые антиковидные меры, как помнит читатель, были главной приметой этого периода нашей истории), жадно вдыхаю табачный дым. Вдруг пискнул телефон: пришла sms. От Александра Валентиновича Махлаюка. Открываю, читаю – и мутится в глазах. Умер Евгений Александрович Молев... А я-то, находясь на отдыхе и несколько оторвавшись от всех новостей, даже не знал, что незадолго до того они с супругой заразились коронавирусом и попали в больницу.

Горжусь тем, что, несмотря на порядочную разницу в возрасте, могу назвать себя другом Евгения. А друзей у него было очень много; с ним, кажется, просто нельзя было, познакомившись, не подружиться. Ведь его в полном смысле слова светлая личность, излучавшая внутреннее обаяние, притягивала к себе людей, располагала к себе сразу и властно.

Два таких человека было в моей жизни. Второй — Аркадий Анатольевич Молчанов, покинувший нас еще в 2010 году. Они с Евгением Александровичем были ровесниками, причем, что интересно, почти полными: Е.А. Молев родился 18 января, а А.А. Молчанов — 27 февраля 1947 года. При жизни им не довелось познакомиться лично (Аркадий, кстати, очень хотел этого, я обещал посодействовать, но тут грянула его скоропостижная кончина...). Внешне они не были похожи: Аркадий — плотного телосложения, Евгений — худой и подтянутый. Но роднила их та самая щедрость души.

Когда и при каких обстоятельствах произошла моя самая первая встреча с Евгением Александровичем – этого память, увы, не сохранила. Могу сказать только, что это было в 1990-х годах. Я нередко тогда приезжал в Нижний Новгород. Все-таки, как-никак, это мой родной регион, а, кроме того, А.В. Махлаюк, с которым мы прочно сдружились за время совместной учебы в аспирантуре, регулярно приглашал меня на конференции, проводившиеся в Нижегородском университете. В те годы Е.А. Молев заведовал там кафедрой истории древнего мира и Средних веков. Тогда же я познакомился и с Натальей Владимировной, отношения с которой были и остаются такими же теплыми.

Бывают люди, с которыми легко (даже мне, хотя мне свойственна некоторая некоммуникабельность). С которыми сходишься как-то мо-

ментально, обретаешь общий язык. Конечно, сближению способствовало и то, что каждая конференция предполагала не только сугубо научное, но и неформальное общение. Вспоминается: мы, приглашенные в гости к Молевым (довольно большая группа коллег), сидим в их квартире за столом, угощаемся, беседуем. Чрезвычайно доброжелательная, дружелюбная, веселая атмосфера. В руках у хозяина гитара, звучат песни — в том числе и та, знаменитая:

Там, за Танаис-рекой,
Скифы пьют-гуляют.
Потерял грек покой, грек покой –
Скифы пьют-гуляют...

Потом, прощаясь в прихожей, я по какому-то наитию выпалил: «Евгений Александрович, позвольте вас обнять! Вы — просто уникальный завкафедрой, я даже не знал, что такие бывают. Совершенно не могу представить себе в подобной роли, например, Василия Ивановича». Дружный хохот был ответом на эту тираду: «Да уж, Кузищин с гитарой...». А мы с Е.А. обнялись.

Часто видеться мы с ним, конечно, не могли, проживая в разных городах. Происходило это по большей части на научных мероприятиях, когда либо чета Молевых приезжала в Москву, либо я — в Нижний, либо пересекались где-нибудь «на нейтральной территории». Вот несколько эпизодов, которые помнятся.

Январь 2007 года, Сергеевские чтения в МГУ. Весь день заседаем, а по вечерам я торчу в гостиничном номере, где остановились Наталья Владимировна и Евгений Александрович (см. фото). Это — в элитной части университетского общежития ДСВ, в котором я когда-то и сам коротал свои студенческие годы. А теперь — поздний-поздний вечер, практически ночь; остальные гости разошлись, а я решил остаться ночевать (благо в соседней комнате, занятой В.Н. Парфеновым, обнаружилась свободная кровать). Е.А. вдруг предлагает мне: «А давай прочитаем вслух гумилевских “Капитанов”». Кто не помнит, как он любил это стихотворение? Оно, по сути, было девизом всей его жизни. И мы начинаем: он – уверенно (твердо и полностью знал его наизусть), я, конечно, местами запинаясь...

Декабрь 2009 года, конференция «Боспорский феномен» в Санкт-Петербурге. Это воспоминание – одно из самых ярких, я позволю себе задержаться на нем чуть подольше, несколько отклонившись от темы

Молева. Приехал рано утром, часов в пять. Хотел написать «на рассвете», – но нет, какой там рассвет, в зимнем Питере еще совершенно темно. С вокзала отправился в академическую гостиницу на Миллионной улице. Этакий типичный «дом в духе Достоевского», с мрачным внутренним двором-колодцем, с длиннейшими извилистыми коридорами. Даже предоставленный мне номер своей неправильной формой, пересекающимися не под прямым углом стенами, напоминал комнату Сони Мармеладовой.

Я решил вздремнуть, пока за окном не станет светло. Однако светло не стало. Ни в восемь часов, ни в девять, ни в десять. Настоящий день не наступил вообще за все те несколько суток, что я пробыл в городе на Неве, – передвигаться приходилось в лучшем случае в каком-то полусумраке. Жалко стало бедных петербуржцев.

Но в какое замечательное место я попал! Самый центр «северной столицы». Рукой подать до невской набережной. Выйдешь на нее – с одной стороны Эрмитаж, с другой – Марсово поле и решетка Летнего сада, напротив – шпиль Петропавловки... Если выдавалось свободное время, я без усталости гулял, гулял по питерским улицам.

Заседания конференции проходили в нескольких разных местах: то тут же рядом, в ИИМК, то в Эрмитаже, то на Васильевском острове, в Институте лингвистических исследований, которым тогда руководил Н.Н. Казанский. Эпизод моей поездки, связанный с Е.А. Молевым, имел место как раз на «Ваське», как местные жители (на их взгляд — ласково, на мой — несколько пренебрежительно) называют этот район своего города.

Отзаседавшись, пошли вечером (как всегда, многочисленной компанией участников) отдохнуть в какой-то ближний ресторанчик (эти заведения в Питере расположены часто в полуподвальных этажах старинных дореволюционных домов и необыкновенно уютны). Когда расселись за столом, я оказался бок о бок с Евгением Александровичем. Вот тут-то он вдруг и предложил мне перейти на «ты».

Было очень приятно и лестно: человек, почти годящийся мне в отцы, тем самым дал понять, что относится ко мне как к равному. Нужно сказать, что проблема обращений друг к другу между учеными разного возраста (наверное, это относится не только к ученым, но я говорю о том, что знаю и с чем сталкивался сам) является довольно непростой и даже щекотливой. Время идет, понемногу нивелируя возрастную разницу, а общение по-прежнему происходит как-то «снизу вверх». И весьма редко бывает так, что старший коллега сам выступает инициатором того, чтобы «уравняться»; гораздо чаще этого приходится добиваться, порой долго и чуть ли не мучительно.

Регулярно приезжал я поздравить Е.А. в связи с его юбилеями, начиная с 2007 года. Последний раз это случилось в 2017-м, когда праздновалось его 70-летие. Увы, следующий, 75-летний юбилей проходил уже без него...

Последний раз (разве думалось тогда, что он будет последним?!) мы виделись в 2019 году — в той же самой квартире, где когда-то звучала песня про скифов. Евгений совсем незадолго до этого вышел из больницы, где проходил лечение по поводу болезни ноги. Ходил с палочкой, прихрамывал, жаловался, что пока еще побаливает. Но был, как всегда, бодр и весел. Вынес роскошную бурку, привезенную с Кавказа, — знак его прочных связей с этим регионом. Дал примерить.

А весной следующего года разразилась эпидемия, разъезды по стране практически прекратились (в Нижнем мне довелось снова побывать только на симпозиуме памяти Евгения Александровича в январе 2022 г.). Оставалось довольствоваться перепиской. За несколько месяцев до своей кончины он предложил мне принять участие в коллектив-

ной монографии «Имперский опыт античного Средиземноморья», сбором текстов для которой он занялся. Я охотно откликнулся, подготовил и послал ему статью, он еще успел ознакомиться с ней, написал мне, что ему понравилось (круг его интересов далеко выходил за пределы наиболее близкого ему Причерноморья). Возможно, это была последняя научная работа, которую он прочел, – ибо совсем скоро стал жертвой болезни.

Если попытаться дать характеристику личности Е.А. Молева в одном слове, то, на мой взгляд, этим словом будет «романтик». Отсюда — и любовь к Гумилеву, и детские мечты о море... Даже внешне он походил не на кабинетного ученого, а на многоопытного «морского волка». Да и жизнь его была, как у истинного романтика, полна странствий и разъездов. Достаточно глянуть на строки его биографии в каком-нибудь справочном издании. Пинск – Кстово – Горький – Керчь – Анапа – Белгород... И, наконец, якорь прочно брошен при *alma mater*.

К 70-летию юбилею Евгения Александровича я написал посвященное ему стихотворение, которое позволю себе здесь привести (по сравнению с первоначальной редакцией в его текст внесены некоторые изменения).

Ты — последний из античных капитанов,
Тех веселых покорителей морей,
Для которых хороши ветра всех станов,
Но милей им всё же Нот, а не Борей.

Ветер с юга, ветер странствий... Это — греки!
Это — эллины с понтийских берегов,
Те, кому ты клятву с юности навеки
Дал: иметь одних друзей, одних врагов.

Ах, в какие же эпохи мы не жили!
Ураганы и циклоны, шторм и смерч,
Впрочем, сколько бы над нами ни кружили, —
А смотри, ведь снова нашенская Керчь.

И по-прежнему, *обветренный, как скалы,*
Но, клянусь, не старей, тысяча чертей,
Ты обходишь — и довольный, и усталый —
Свой до камешка знакомый град Китей.

А потом, как Одиссей, прорвав пространство,
Снова в Нижнем — на Итаке у себя.
Там Наташа: нежность, сила, постоянство.
Как прекрасно жить, одну всегда любя!

Пусть хранит тебя и дальше добрый гений,
Пусть ведет тебя сквозь бури и туман...
Оставайся всё таким же, друг Евгений!
С юбилеем, дорогой мой капитан!

Да, именно таким же он и остался в наших сердцах.

Игорь Евгеньевич Суриков

Χάριν ἀποδίδομι τῷ Εὐγενεῖ

30-го июня 2022 г. я, приехав в ННГУ на заседание диссертационного совета, которое для всех его членов стало очным после долгих ковидных ограничений, зашла, как обычно, на кафедру, где обитают мои коллеги-античники. Здороваясь с ними по мере их появления, я поймала себя на мысли, что еще не заглянул Евгений Александрович, и я жду, что он сейчас придет, приобнимет и скажет свое обыкновенное: «Верочка! Ты приехала! Здравствуй!». И осознание того, что уже не придет и не скажет, меня прошило душевной, ставшей физической, болью утраты, охватившей меня в месте его рабочего обитания. А к концу того дня возникло какое-то светлое, незамутненное чувство благодарности ему. И то, что тогда нахлынуло на меня, и то, что я сейчас хочу выразить в письменной речи, заключается в возвышенном античном греческом понятии «*χάριν ἀποδίδομι*» – «воздаю благодарность». Евгений Александрович любил использовать выражения греков, он иногда заканчивал письма ко мне пожеланием здравствовать и радоваться, служившим у греков и приветствием, и прощанием: *χαῖρε!* Мы будем радоваться, пока еще живы, тому, что имели возможность с ним общаться, вдохновляться его мыслями и его обаянием. Поздравляя меня с Международным женским днем – от имени не только себя, но и Натальи Владимировны — Евгений Александрович писал 6 марта «ковидного» 2021 года: «Прими наши дружеские объятия онлайн, пока нельзя в натуре». Вот и теперь, когда уже нельзя сказать ему живому слова признательности и благодарности, пусть они будут сказаны для него хотя бы «онлайн» — на просторах мироздания.

Нижегородские античники — это особый подвид профессионалов нашего дела. Среди формальных и неформальных коллективов собратьев по ремеслу они выделяются искренними, человеческими, подлинно дружескими отношениями внутри и вовне своего сообщества. Я нигде в другом месте не видела, чтобы четверо последовательно сменявших друг друга заведующих одной кафедрой за общим праздничным столом были так расположены друг к другу, признавая заслуги каждого, дружелюбно подтрунивая друг над другом. И самой щедрой душой всего этого нижегородского антиковедческого братства для меня всегда являлся Евгений Александрович.

Пожалуй, первый случай, когда я поняла всю неординарность человеческой природы Евгения Александровича, был следующий. В начале 2000-х годов, когда меня, года за три до того защитившую док-

торскую диссертацию, пригласили в один диссовет в качестве официального оппонента по докторской работе. Диссертация была написана квалифицированно, но одно меня смутило очень сильно: заметная ее часть представляла собой кандидатскую диссертацию того же автора. Диссертации тогда не выставлялись в интернете, но я была легка на подъем, могла быстро съездить и в Химки, в зал диссертаций «Ленинки», и посмотреть депонированные рукописи в ИНИОН. Убедившись, что явно не мало текста и мыслей кандидатской диссертации соискателя докторской степени перекочевали в его новую квалификационную работу, я возмутилась. поскольку мне глубоко претила схема: кандидатская диссертация публикуется в качестве монографии, а эта монография становится необходимым элементом (требуемым тогда) защиты докторской. Я все прекрасно понимала: 90-е гг. далеко не способствовали, а сильно препятствовали подготовке исследований, возраст же коллеги приближался к тому рубежу, когда для того, чтобы с ним считались всерьез при всяких формальных моментах, надо было иметь соответствующую степень. И человек способный, и профессионально подготовлен, но как написать совсем новую работу, когда «лихие девяностые» многих поставили просто на грань выживания, тем более, мужчинам надо было в этих условиях как-то кормить семью, на них в России традиционно лежит основная ответственность в этом отношении. Все это понимая, я, тем не менее, объяснила руководству диссовета по телефону, что мой отзыв будет отрицательным, поэтому, если такая ситуация неприемлема для совета, пусть меня заменят на другого в роли оппонента. Мне сначала сказали, что это не страшно, пусть защищается с отрицательным отзывом, ибо два других положительные, но некоторое время спустя позвонили и сказали, что они предпочтут пойти по пути замены оппонента. У меня камень с души упал, я не стала даже узнавать, на кого меня заменили, а информации в сети тогда не публиковали. Через какое-то время после этого при встрече Евгений Александрович мне сказал по тому поводу: «Верочка, я взял грех на душу. Я был оппонентом. У меня были для этого веские причины». Именно так и сказал: «грех на душу». И слова его меня поразили. Я отдавала себе отчет, что одни бы коллеги (многие) в такой ситуации вообще бы не заводили со мной разговора на эту тему, а из тех, кто счел бы возможным лично обозначить позицию, большинство бы сказали, что в целом, работа не так плоха, я по неопытности сильно преувеличила ее минусы, не дав положительный отзыв. Предельная честность и искренность Евгения Александровича обнажили для меня его человеческую сторону,

да и к тому же заронили некоторые сомнения в неуязвимости моего собственного «чистоплюйства» в сложном мире взаимоотношений людей друг с другом и с высшей справедливостью.

Мне памятна в деталях еще одна ситуация первого десятилетия 2000-х годов, ибо она определила значимые последствия в моей профессиональной жизни. Я, в связи с переходом на систему подготовки историков на ступени «бакалавриат-магистратура», занималась лицензированием магистратуры на историческом факультете ЯрГУ по программе «История и культура древних обществ». Процесс получения лицензии был многоступенчатым, и принципиально значимым в нем было решение Учебно-методического объединения (УМО) по классическому университетскому образованию, в рамках которого действовал Учебно-методический совет (УМС) по истории и искусствоведению, его возглавлял тогдашний декан истфака МГУ Сергей Павлович Карпов, а одним из самых авторитетных его членов был Евгений Александрович Молев. Представленные программы магистратуры проходили экспертизу на профильных кафедрах, в моем случае на кафедре истории древнего мира МГУ, докторантуру по которой я закончила, и которая возглавлялась уважаемым мною Василием Ивановичем Кузищным. Приехав на заседание УМС, я перед его началом узнала, что Василий Иванович подготовил отрицательное заключение по моей программе, и поняла, что предстоит суровая борьба. Для меня открытие магистратуры античного профиля на моем факультете было принципиально значимым моментом — без нее я бы не вырастила новых учеников, поскольку бакалавриат не дает возможности обучения в аспирантуре, не создала бы свой коллектив единомышленников, который сейчас, много лет спустя, получил статус научной школы. Я готова была «драться» за лицензирование магистратуры с «открытым забралом», возражать любым авторитетам. Василий Иванович в своем выступлении допустил тактические просчеты. Во-первых, он зачем-то для начала похвалил меня, разозлив меня для борьбы еще больше, ибо он сказал, что Вера Викторовна, конечно, «прекрасный специалист», но если она желает жить в своей провинции (это я смягчаю его формулировку, которую, разумеется, помню во всей словесной красоте, — меня сильно задело уподобление моего Ярославля некой метафоричной глухомани), то это не значит, что там может быть организована подготовка античников. Во-вторых, тактически ошибочным был упор Василия Ивановича на то, что львиную долю учебных часов проект моей программы отводил латинскому и древнегреческому языкам, это, — говорил он, — нанесет

ущерб исторической подготовке. В этом отношении мне легко было объяснить членам УМО, что — в отличие от МГУ — в бакалавриате у нас не осталось, по сравнению с пятилетней подготовкой специалистов, даже факультатива по древнегреческому, латынь же сокращена до одного семестра изучения, а это база подготовки историка-антиковеда. Я выступила с ответом на замечания к моему проекту и подвергла сомнению обоснованность отрицательного заключения. После этого возникло сначала «гробовое молчание», и, прервав затянувшуюся паузу, Сергей Павлович Карпов сказал, что мы выслушали обе стороны, для него более убедительным явилось мое выступление, но каково будет мнение членов УМО, особенно специалистов по античной истории? Первым слово взял Евгений Александрович. Он спокойно, но ярко говорил, подчеркнув, как важно готовить античников за пределами столиц. И если в Ярославле это получится, то это будет замечательно и пойдет на пользу общему делу. И что не дать возможности там создать магистратуру — глубоко ошибочный подход. Потом выступили другие присутствовавшие члены УМО, и результат голосования был в пользу положительного решения об открытии в ЯрГУ магистратуры по программе «История и культура древних обществ». За эту поддержку на УМО я глубоко благодарна Евгению Александровичу. На данный момент, на июль 2022 г., под моим научным руководством закончили магистратуру 31 человек, из них 16 поступили затем в аспирантуру ЯрГУ, МГУ и РГГУ. Вот, тем самым, еще один результат подготовки исследовательских кадров в исторической науке, к которому причастен Евгений Александрович, — и ведь это кроме его основной плодотворнейшей деятельности в качестве ученого, преподавателя, декана.

Будучи деканом факультета в ННГУ, Евгений Александрович занимался созданием при нем диссертационного совета, который предполагался объединенным, и, в поисках вуза-партнера для решения этой задачи, он в 2009 г. специально приезжал в Ярославль. Я отвела его к ректору, они обсуждали вопрос, но что-то не сложилось с совместным советом, каких-то (уже точно не помню) условий для этого не хватило. Евгений Александрович вышел от ректора не в лучшем настроении, мы пошли с ним в кафе, немного посидели, перекусили, он был мало разговорчив, да и беседа шла в каких-то невеселых тонах. Потом мы прошли с ним по ярославской набережной Волги, больше никуда не прогулялись, времени до поезда у него оставалось мало. Тот редкий случай, когда я видела его не оживленным, а каким-то даже печальным (может, он не очень хорошо себя чувствовал, не знаю). Обычный же его образ в

моей памяти — выраженно оптимистичный, энергичного и жизнестойкого человека. Я помню, с каким вдохновением он показывал мне свой знаменитый флотский китель, как искрометно шутил в ресторанчике на территории Нижегородского кремля по какому-то торжественному поводу (повода не помню, а Евгения Александровича как центра притяжения помню отчетливо). Я всегда звала его по имени и отчеству, но он обращался ко мне по имени — по праву старшего, а письма свои подписывал «твой Евгений» или даже «твой Женя». Поэтому я и позволяю себе сейчас передать мою признательность, написав отдельно от отчества его благородное, греческое в основе, имя: *χάριν ἀποδίδωμι τῷ Εὐγενεῖ.*

Спасибо, дорогой Евгений Александрович! Я благодарю судьбу, что на жизненном пути мне посчастливилось встретить Вас – умного, разностороннего, сильного духом и легкого в общении замечательного человека.

Вера Викторовна Дементьева

А.В. Махлаюк

**БИБЛИОГРАФИЯ КАК БИОГРАФИЯ
(ЗАМЕТКИ К СПИСКУ ПУБЛИКАЦИЙ
ПРОФЕССОРА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МОЛЕВА)**

Аннотация. Дается обзор публикаций известного историка-антиковеда и археолога профессора Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Евгения Александровича Молева (1947–2021). Выделяются наиболее значимые особенности его профессионального пути, получившие отражение в совокупности опубликованных научных и методических трудов, редакторской работе. Отмечается редкостная многогранность научно-исследовательской, преподавательской и организаторской деятельности, большой вклад в изучение истории Северного Причерноморья, античного Боспора и Понтийского царства, в археологические изыскания, а также в организацию научно-исследовательской и научно-педагогической работы в ННГУ и других высших учебных заведениях, в сохранение и изучение истории исторической науки в Нижнем Новгороде.

Ключевые слова: Евгений Александрович Молев, научные и методические труды, история исторической науки и археологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Aleksandr V. Makhlaiuk

**BIBLIOGRAPHY AS A BIOGRAPHY
(NOTES TO THE LIST OF PUBLICATIONS
OF PROFESSOR EUGENY ALEKSANDROVICH MOLEV)**

Abstract. The paper provides a review of the publications of the outstanding archaeologist and ancient historian, professor of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Evgeny Aleksandrovich Molev (1947–2021). The most significant features of his professional career are highlighted, as they are reflected in the list of his published works and edited volumes. The rare versatility of research topics, educational and organizational activities is noted, as well as a great contribution to the study of the history of the Northern Black Sea region, the ancient Bosphorus and the Pontic kingdoms, to archaeological research, and to the organization of research and educational activities at the Lobachevsky State University and other higher educational institutions, to the preservation and study of the history of historical studies in Nizhny Novgorod.

Keywords: Evgeny Alexandrovich Molev, published works, history of historical studies and classical archeology, the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Список опубликованных работ Евгения Александровича Молева насчитывает более трех с половиной сотен наименований (включая и те публикации, которые вышли уже *post mortem* автора) и 72 издания, редактором которых он являлся. Сюда же можно было бы добавить и два десятка газетных заметок, и отчеты о раскопках (составлявшие ежегодно на протяжении большей части его трудовой деятельности), и несколько десятков неопубликованных оппонентских отзывов о диссертациях и (издательских) рецензий на монографии, сборники, учебные пособия, и т. д. Всё это — более чем солидный итог преподавательского, собственно научного и научно-организационного труда, и превеликий объем сделанного (сотни печатных листов и тысячи страниц!) сам по себе — показательное свидетельство неутомимой и плодотворной работы на протяжении полувека. Но вместе с тем эта совокупность библиографических описаний есть зримое воплощение, можно, наверное, сказать, материализация весьма насыщенного профессионального пути с разными его этапами, перипетиями, многообразными межличностными контактами и должностными обязанностями, а также отражение авторской (исследовательской и человеческой) индивидуальности, которая проявлялась в выборе и тематике работ, и их названий, и соавторов, и научных мероприятий, и изданий, в которых публиковались работы.

Более того, рассматриваемая в таких ракурсах, библиография оказывается не просто элементом послужного списка, но, скорее, некоей формой биографии ученого, для которого публикация результатов исследовательского труда имеет первостепенное значение и многие статьи или книги часто гораздо значимее, чем количество цитирований и прочие формализованные показатели, придуманные для оценки так называемой публикационной активности. Современные наукометрические инструменты, при всей их нарастающей изощренности, очевидно, малополезны для качественного анализа¹. Помимо большого количества упущений и ошибок², они, по самой своей сути, не в состоянии выявить

---

¹ Об ограниченности (если не сказать, ущербности) формальных библиометрических показателей, для гуманитарных дисциплин в особенности, немало написано к настоящему времени. См., например: Жэнгра 2018.

² Чтобы их увидеть, достаточно бегло взглянуть на соответствующие данные на таком ресурсе, как *elibrary*, где учтено заметно менее половины от общего числа публикаций Е.А. Молева, а годом самой ранней публикаций ошибочно указан 1916-й (*sic!*). См.: https://elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=159242 (дата обращения: 07.03.2023). Соответственно, имеющиеся на данном сайте показатели (общее количество цитирований, количество соавторов, число ста-

и продемонстрировать личностное своеобразие и, так сказать, человеческое измерение научно-педагогического творчества большого ученого, которое всегда включено в определенный исторический контекст его профессионального и жизненного пути. Только при знании и учете этого контекста библиография (по возможности максимально полная) способна служить весьма информативным источником для понимания индивидуальной профессиональной траектории исследователя. Приняв во внимание данный контекст, насколько он мне известен по многолетней совместной работе, в нижеследующих заметках я попытаюсь дать краткий библиографический комментарий к списку публикаций Евгения Александровича Молева, не претендуя на содержательные оценки его вклада в разработку конкретных вопросов антиковедения — это задача отдельной большой работы, которая по силам прежде всего специалистам в тех областях, которыми он занимался.

Прежде всего стоит отметить, что даже при самом беглом взгляде на этот список, становится очевидной редкостная многогранность научно-исследовательской, преподавательской и организаторской деятельности Е.А. Молева. С сугубо библиографической точки зрения, эта многогранность находит выражение в широком спектре представленных в его публикациях жанрах академического письма — от кратких отчетов об итогах археологических работ³, тезисов или развернутых докладов на многочисленных конференциях, публикаций и обзоров отдельных групп находок (№ 126, 128, 140, 240, 244, 250, 254, 269 и др.), в том числе эпиграфических, включая клейма и граффити (№ 17, 26, 37, 83, 100, 102, 114, 119, 121, 129), и нумизматических (№ 49, 266, 286, 318), до переводов с древнегреческого⁴, научно-популярной книги (№ 134) и монографий — от первой 79-страничной «Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы» (№ 9) и двух, отражающих содержание докторской диссертации (№ 62, 68), до объемного трехтомного труда, ито-

---

тей в зарубежных журналах и т. д.) более чем сомнительны и недостаточно репрезентативны.

³ Такими отчетами являются его самые первые публикации: № 1–4, 6–8, 11–12. Здесь и далее указываются номера в списке публикаций.

⁴ Е.А. Молев принимал участие в переводе «Римской истории» Кассия Диона (№ 59, 82, 99, 109, 127, 175, 273), осуществляемом коллективом кафедры истории древнего мира и Средних веков ННГУ, и был руководителем проекта, поддержанного грантом РГНФ «“Римская история” Диона Кассия как памятник исторической и политической мысли эпохи позднего принципата: перевод с древнегреческого, научный комментарий, исследования» (2007–2009 гг.).

жащего многолетнее изучение Китая (№ 215, 298, 350). К числу монографий следует отнести и книгу «Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора» (№ 299), в которой объединены написанные в разные годы статьи по основным проблемам, находившимся в поле внимания автора на протяжении многих лет⁵. Представлены в творчестве Евгения Александровича и рецензии (хотя и в небольшом количестве: № 57, 84, 153), и историографические этюды и очерки, относящиеся главным образом к истории исторической науки и археологии в Нижегородском государственном университете⁶ (№ 94, 115, 123, 151, 157, 159–164, 181, 203, 228, 241, 246, 264, 291), но не только (№ 143, 168, 169, 219, 288, 302, 328, 338), и источниковедческие заметки к свидетельствам античных авторов (№ 67, 69, 79, 95, 107, 284), и одна статья — о Китае — в «Большой Российской энциклопедии» (№ 212).

Многообразие научно-педагогической деятельности Е.А. Молева наглядно представлено большим количеством учебных и методических пособий по тем курсам и дисциплинам, которые он преподавал. Это прежде всего общие и специальные курсы по археологии, на которых выросли целые поколения студентов и в Белгороде, и в Нижнем Новгороде (№ 23, 31, 75, 135, 213, 227, 331), и история Древнего мира (№ 45, 74, 124, 146, 332), включая и историю первобытного общества (№ 86), и курс «Введение в специальность “История”» (№ 158, 196), в котором немалое место уделялось истории факультета и исторической науки в Нижнем Новгороде (Горьком). В этом ряду следует выделить учебное пособие по спецкурсу о ранней истории Боспора «Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э.» (№ 80), которое, по сути, является небольшой монографией и именно в таком качестве часто цитируется. Заслуживает быть отмеченным и участие Е.А. Молева в составлении раздела о греческие государства Северного Причерноморья в «Хрестоматия по истории Древнего мира», подготовленной коллегами из Саратовского госуниверситета (№ 87). Древнегреческий и латинский языки также неизменно входили в круг преподаваемых Евгением Александровичем дисциплин (№ 88, 105, 125, 154). Одно время читал он и курс по римскому праву и подготовил соответствующее пособие (№ 98). Обращался Е.А. Молев (прежде всего в качестве декана истори-

---

⁵ Ее подробный разбор представлен в работах: Суриков 2017; Виноградов 2018.

⁶ Этой истории посвящена и его книга об историческом факультете ННГУ (№ 231).

ческого факультета) и к методическим и организационным проблемам подготовки будущих историков (№ 120, 148, 171, 190, 197, 209, 243, 245, 255).

Е.А. Молева всегда отличалась благодарная память и глубокое уважением к своим учителям, коллегам и людям, сыгравшим важную роль в его профессиональном становлении, и о них он неоднократно писал, в том числе о своих наставниках на историко-филологическом факультете ГГУ (№ 165), прежде всего, о Владимире Григорьевиче Боруховиче (№ 185, 211), о Викторе Францевиче Гайдукевиче (№ 139). Всё это нашло отражение и в мемуарно-автобиографических материалах, которые были опубликованы Евгением Александровичем (№ 195, 251, 307). Кроме того, как руководитель кафедры (1997–2004 гг.) и факультета (2002–2012 гг.) он брал на себя составление текстов по случаю юбилеев или ухода из жизни коллег (№ 142, 145, 185, 236, 272, 349), а также подготовил несколько буклетов, посвященных юбилейным датам коллег по кафедре и факультету (М.С. Садовской, Н.А. Касаткиной, Н.В. Молевой, М.И. Струковой).

Уважение к коллегам и товарищам по профессии, столь характерное для Е.А. Молева, выразилось еще и в том, что он неизменно откликнулся на приглашение принять участие в юбилейных или мемориальных сборниках. Из списка публикаций видно, что немалая часть статей Евгения Александровича опубликована именно в такого рода изданиях⁷, что, помимо прочего, является показателем не только его включенности в академическое сообщество, но и тех обширных дружеских и профессиональных контактов, что продолжались многие годы.

Разумеется, наиболее значительную в количественном отношении часть написанного составляют статьи исследовательского характера, в которых явно преобладают два тематических блока. К первому относятся работы, посвященные опубликованию, анализу и исторической интерпретации конкретного археологического материала, прежде всего полученного в ходе многолетних раскопок Китея, проводившихся под руководством Евгения Александровича. Второй блок составляют собственно исторические исследования, концентрирующиеся вокруг двух главных для Е.А. Молева тем: политическая история Боспора (преимущественно эллинистической эпохи, хотя и с обращением к более ранним историческим периодам) и «Митридатика» (история Понтийской

---

⁷ См., например: № 55, 78, 79, 90, 91, 112, 122, 132, 133, 144, 170, 190, 193, 207, 214, 260, 263, 268, 274, 279, 312, 319, 335, 343, 344.

державы от ее истоков до гибели Митриадата VI Евпатора и правления его ближайших преемников).

В рамках первого блока представлены не только отчетно-описательные работы, освещающие добытые материалы (артефакты, постройки, стратиграфию и т. д.), но и самые разнообразные исследовательские сюжеты, в разработке которых Е.А. Молев предстает не просто как археолог-фиксатор извлеченных из земли остатков прошлого, но скорее и в большей степени как археолог-интерпретатор, ставящий на основе археологического материала исторические проблемы и предлагающий реконструкцию тех или иных аспектов жизни боспорского социума — от экономики, этнических процессов до духовной культуры, получившей отражение в разнообразных артефактах. Так, можно выделить большую серию статей, посвященных торгово-экономическим связям и различным отраслям хозяйства на Боспоре и в первую очередь в Китее (№ 42, 48, 72, 89, 216, 229, 267, 283, 297, 300, 353). Археологические данные (в сочетании со свидетельствами письменных источников, где это возможно) служили основой и для реконструкции межэтнических, главным образом греко-варварских, взаимодействий в регионе в целом (№ 29, 39, 41, 54, 66, 77, 147, 184, 187, 188, 204, 214, 262, 313) и в том же Китее в частности (№ 111, 309). К некоторым сюжетам этой обширной темы Е.А. Молева обращался неоднократно в разные периоды своей исследовательской работы, как, например, к вопросу о царстве Гатала (№ 85, 242) или о так называемом восстании Савмака (№ 44, 237, 252).

Греко-варварские взаимодействия неоднократно рассматривались Е.А. Молевым и в их религиозном и культурном измерениях (№ 50, 101, 230, 281), в том числе в таких специальных сюжетах, как, например, символы власти на скифских антропоморфных изваяниях (№ 256). Археологические материалы из Китея служили основой для изучения религиозной жизни боспорян (№ 61, 131, 141, 193, 308). Детальное освещение получили сакральные постройки Китея и его окрестностей (№ 173, 176, 179, 183, 202, 250, 254, 270, 274, 275, 282, 351). Но китейским материалом исследования не ограничивались, и специальную разработку получили такие разнообразные культурно-исторические вопросы, как счисление годового цикла на Боспоре (№ 290), семантика образа зайца в греко-скифской тореветике (№ 278, 279), философия и философы на Боспоре (№ 295), спортивные сюжеты фресковой живописи боспорских склепов (№ 348).

Что касается второго тематического блока, то в поле зрения Е.А. Молева как историка всегда, и особенно в зрелые годы, находи-

лись многие наиболее дискуссионные проблемы ранней и эллинистической боспорской государственности (№ 47, 73, 112, 200, 201, 239, 249, 253, 257, 260, 271, 276, 277, 293, 311, 321, 325, 326), династической истории и правления отдельных царей (№ 81, 92, 97, 144, 152, 207, 258, 265, 287, 317, 329), взаимоотношения полисов между собой и с царями в Северном Причерноморье (№ 33, 90, 133, 174, 189), а также более общие вопросы, связанные с концептуальным пониманием эллинизма как исторической феномена и его спецификой на Боспоре (№ 259, 289), к которым он обратился уже в поздние годы⁸. В числе дискуссионных вопросов, к которым Е.А. Молев неоднократно обращался, были отношения Персии и Боспора, а также иранские традиции в Понтийском царстве (№ 106, 170, 191, 224, 233, 292, 305, 347). Вероятно, специалисты в соответствующих областях согласятся не со всеми идеями и аргументами, которые он предлагал, но не учитывать их в продолжающихся дебатах невозможно. А это значит, что научное наследие Е.А. Молева в этой своей части останется востребованным еще долгие годы.

То же самое можно сказать и о его многочисленных работах, посвященных истории Митридата VI Евпатора, которая, как сказано выше, на всем протяжении его научного пути оставалась важнейшей и, наверное, любимой темой Е.А. Молева. О его вкладе в изучение такого ее ключевого аспекта, как противоборство Рима и Понтийской державы, говорится в моей статье, публикуемой в данном сборнике. В дополнение к сказанному в ней следует отметить, что Е.А. Молев не ограничился в своих исследованиях только собственно митридатовским временем, но рассмотрел предысторию Понтийского царства, в частности, проблему происхождения династии понтийских Митридатидов (№ 27, 28) и правление ее первых представителей (№ 36, 320). Большое внимание было им уделено положению Боспора в составе Понтийской державы как при Митридате Евпаторе (№ 104, 108, 116, 198, 234, 277, 335), так и в правление его преемников (№ 118, 205, 316).

Важно подчеркнуть, что многие статьи и доклады Е.А. Молева были опубликованы не только в ведущих отечественных журналах («Вестник древней истории» — № 17, 28, 84, 153, 204, 286; «Боспорские исследования» — № 117, 128, 139, 140, 168, 199, 215, 229, 281, 287 и др.; «Проблемы истории, филологии, культуры» — № 72, 114, 203, 258, 314), но и в зарубежных периодических изданиях и материалах тех междунаро-

---

⁸ О позициях Е.Е. Молева в этих дискуссиях см. публикуемую в данном сборнике содержательную статью С.К. Сизова.

ных конференций, в которых он принимал участие. Помимо постсоветской Украины, это издания Болгарии (№ 34, 116, 192), Греции (№ 70, 130, 222), Турции (№ 113, 183), Чехии (№ 150), Британии (№ 178, 232, 345), Польши (№ 182, 218, 306), Дании (№ 198), Франции (№ 228), Китая (№ 322), Австралии (№ 347), Абхазии (№ 166), Ряд статей опубликован также в международном журнале «Stratum plus. Археология и культурная антропология» (№ 315, 318, 329). Из них на английском языке опубликовано 14 работ и одна статья на французском языке (№ 228).

В общей совокупности публикаций Е.А. Молева значительную долю занимают работы, выполненные в соавторстве с коллегами (среди которых такие видные специалисты, как Ю.Г. Виноградов, В.П. Толстикова, А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк, М.Г. Абрамзон, Н.Ф. Федосеев), сотрудниками по кафедре и факультету (Н.И. Солнцева, Н.Н. Толстова, А.В. Махлаюк, В.А. Блонин, Н.Н. Грибов), а также аспирантами (В.С. Борисова, Н.А. Поверин, Н.В. Кузина, А. Наумов, А.Н. Матукина, Д.В. Сиднева). С соавторством связаны и некоторые немногие публикации по темам, далеким от собственной научной специализации Е.А. Молева, таким как деятельность церковных братств Русской православной церкви во второй половине XIX в. (№ 167), обязательства из причинения вреда по соборному Уложению 1649 г. (№ 169), роль Нижегородского ополчения 1612 г. в возрождении России (№ 180), значение малых городов в развитии Российской государственности (№ 186). Очевидно, в данных случаях Е.А. Молев стремился помочь начинающим исследователям, так же как это было в начале его собственной научной карьеры, когда он готовил публикации вместе со старшими коллегами; иногда же он выступал *ex officio*, в качестве декана факультета, как и в одной из публикаций, написанной в связи с юбилеем победы в Великой Отечественной войне (№ 220). Впрочем, Евгений Александрович обращался к хотя и антиковедческим, но всё же факультативным темам, например, «Античные примеры и уроки в публицистике американских федералистов XVIII в.» (№ 136), понимание общественного прогресса в Древней Греции (№ 223) или роль городов, основанных Александром Македонским (№ 208).

Так или иначе, немалое число соавторов нельзя не признать показателем весьма широких научных контактов, готовности и способности, что называется, работать в команде. Но, пожалуй, наиболее примечательной в этом отношении чертой научного творчества Е.А. Молева является его совместная работа с Натальей Владимировной Молевой, в

соавторстве с которой подготовлены десятки публикаций, от ранних кратких отчетов о раскопках (например, № 4, 7, 11) до итоговых монографий по Китею (№ 298, 350) и публикуемой в данном сборнике статьи (№ 353). Из почти 100 опубликованных в соавторстве работ в 38 соавтором Евгения Александровича была Н.В. Молева. Эти публикации посвящены разным темам (прежде всего, результатам раскопок Китея, различным группам артефактов, сакральным комплексам, религиозной жизни и хозяйственным занятиям боспорян и т. д.), и, разумеется, вклад каждого соавтора варьируется от работы к работе. Но важнее всего сама уникальность столь плодотворного многолетнего дуэта, не имеющего аналогов в отечественной науке об античности.

Весомым дополнением к списку публикаций, безусловно, является перечень тех многочисленных изданий, в которых Е.А. Молев выступал в качестве научного или ответственного редактора. Этот перечень наглядно показывает его активную вовлеченность в научно-организационную работу, как инициативную, связанную с организацией конференций и других научных мероприятий, изданием и собственно редактированием сборников трудов, воспоминаний, монографий и журналов, так и официальную, предполагаемую занимаемыми руководящими постами. Однако в случае Е.А. Молева подчас очень трудно отделить его собственные научно-организационные инициативы от того, что обычно делается в соответствии с должностными обязанностями. Так, еще до того, как Е.А. Молев стал деканом исторического факультета, он инициировал начало или возобновление регулярного издания и стал ответственным редактором нескольких сборников научных трудов («Нижегородские исследования по краеведению и археологии» с 1996 г., «Из истории античного общества» с 1999 г.), материалов чтений, посвященных памяти основоположников высшего исторического образования в Нижегородском университете чл.-корр. АН СССР С.И. Архангельского и профессора Н.П. Соколова. И после ухода с поста декана он по-прежнему брал на себя реализацию этой работы, в частности, издание сборника «Культурный слой». В период же своего деканства (2002–2012 гг.) он положил начало и обеспечил регулярный выход таких изданий, как сборник работ студентов, магистрантов и аспирантов «Наш “Анабасис”», «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История», материалы межвузовских научно-методических конференций, посвященных теории, методологии и практике преподавания истории в высшей школе, а также был ключевой фигурой в организации издания совместно с коллегами из Казань

ского и Саратовского университетов поволжского антиковедческого журнала «Antiquitas aeterna». В качестве же декана Е.А. Молев был *primum movens* изданий, посвященных истории исторического факультета ННГУ, ответственным редактором и автором которых он являлся. Все эти начинания требовали огромного труда и внимания, предполагая, помимо собственно редакторской работы, постоянную коммуникацию с авторами, издательствами, типографией. Обширные и прочные профессиональные контакты, прирожденная общительность, научный опыт и авторитет, неутомимость и ответственность — всё это обеспечивало успех предпринимаемых издательских проектов и в значительной мере способствовало укреплению позиций и авторитета нижегородской исторической науки и археологии в российском академическом пространстве.

Надо также сказать, что все эти заботы, требовавшие немало времени и больших усилий, так же как и многотрудные обязанности руководителя факультета, отнюдь не уменьшали собственной научной продуктивности Е.А. Молева. Поразительным образом его публикационная активность в десятилетие деканства не только не снизилась по сравнению с предшествующим периодом, но и возросла более чем в два раза. Если в 1991–2001 гг. было опубликовано 64 работы, то в 2002–2012 гг. список пополнился 136 публикациями, не считая многочисленных трудов, отредактированных Евгением Александровичем. Почти на том же высоком уровне она осталась и в последующие десять лет (102 публикации за период 2013–2021 гг.), при том что именно в эти годы были подготовлены три объемных тома о результатах раскопок Китея.

В завершение нашего обзора остается добавить, что информация о жизненном пути и научной деятельности Евгения Александровича Молева нашла отражение в целой серии справочных изданий, в воспоминаниях друзей, учеников и коллег, статьях и заметках, посвященных его юбилеям и его памяти. Соответствующие материалы дополняют публикуемый список работ, как и перечень рефератов, обзорных статей и рецензий на его книги; сюда же включена и первая специальная статья, освещающая его вклад в изучение городов античного Боспора, которая была опубликована Ю.А. Виноградовым в материалах Круглого стола, посвященного 75-летию Е.А. Молева в рамках международной научной конференции в Санкт-Петербурге (15–18 ноября 2022 г.)⁹. Так же как и представленные в данном сборнике статьи С.К. Сизова и А.В. Махлаюка, эти публикации являются лишь самыми первыми шагами к всесто-

---

⁹ Виноградов 2022.

ронному изучению и осмыслению того незаурядного вклада в науку, который принадлежит Е.А. Молеву и, несомненно, будет по достоинству оценен следующими поколениями исследователей боспорского феномена.

Обращение к творческому наследию большого ученого — это не просто дань историографическому этикету, не только продолжение познавательного процесса через диалог и споры с предшественниками по научной стезе, но и сохранение памяти о человеке, который достойно, самоотверженно и плодотворно трудился во имя любимой науки. Развитие же любой науки всегда было и остается результатом личностных усилий и неотделимо от человеческой индивидуальности ученого и того жизненного пути, который им пройден и который, независимо от количества прожитых лет, краток в сравнении с необъятностью познания. Как писал великий Гиппократ, ὁ βίος βραχύς, ἡ δὲ τέχνη μακρὴ (Hippocr. *Aphorism.* I.1).

Литература

- Виноградов, Ю.А. 2018: Ценный вклад в изучение боспорских древностей. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 4, 9–13.
- Виноградов, Ю.А. 2022: Е.А. Молев и изучение боспорских городов. В кн.: *Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021)*: Материалы международной научной конференции. СПб., 35–41.
- Жэнгра, И. 2018: *Ошибки в оценке науки, или как правильно использовать библиометрию* / Пер. с фр. А. Зайцева. М.
- Суриков, И.Е. 2017: Заметки по поводу новой книги Е.А. Молева (Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. В кн.: А.В. Махлаюк (ред.), *Артефакты и сакральное в истории Боспора*. Нижний Новгород, 171–181.

Список работ Е.А. Молева*

1971

1. Раскопки Китея в 1970–1971 гг. // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых-археологических и этнографических исследований 1970 г.: Тезисы докладов. Тбилиси, 1971 (соавт. С.С. Бессонова).

1972

2. Раскопки Китэя // Археологические открытия 1971 г. М., 1972. С. 349 (соавт. С.С. Бессонова).

1973

3. Раскопки Китея // Археологические открытия 1972 г. М., 1973. С. 259 (соавт. С.С. Бессонова).
4. Археологические находки в Керчи // Археологические открытия 1972 г. М., 1973. С. 314–315 (соавт. Н.Н. Молева).

1974

5. Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре // Античный мир и археология. Вып. 2. Саратов, 1974. С. 60–72.

1975

6. Раскопки Тиритаки // Археологические открытия 1974 г. М., 1975. С. 286 (соавт. Д.С. Кириллин, Т.А. Гладкова).
7. Раскопки Китея // Археологические открытия 1974 г. М., 1975. С. 327 (соавт. Н.В. Молева, Т.А. Гладкова).

---

* Составитель А.В. Махлаюк. Библиографические списки трудов Е.А. Молева уже публиковались. См.: Из истории античного общества: Сборник научных трудов. Вып. 9–10. К 60-летию профессора Евгения Александровича Молева / под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2007. С. 27–41; Профессор Евгений Александрович Молев. К 70-летию со дня рождения. Автобиография. Нижний Новгород, 2017. С. 63–69. Публикуемый список дополнен работами и материалами, вышедшими в 2017–2022 гг. В нем заново сверены, уточнены и дополнены библиографические описания (но, к сожалению, несколько работ найти так и не удалось ни в печатном варианте, ни в Сети Интернет).

1976

8. Раскопки Китея // Археологические открытия 1975 г. М., 1976. С. 367 (соавт. С.А. Шестаков, Р.Ф. Марышев).
9. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1976. – 79 с.
10. Малая Армения и Митридат Евпатор // Тезисы докладов XIV международной конференции античников социалистических стран «Эйрене», Ереван, 18–23 мая 1976 г. Ереван, 1976. С. 277–279.

1977

11. Раскопки Китея // Археологические открытия 1976 г. М., 1977. С. 341–342 (соавт. Н.В. Молева).
12. Разведки на мысе Такиль // Археологические открытия 1976 г. М., 1977. С. 342–343 (соавт. Н.В. Молева).
13. Создание Черноморской державы Митридата Евпатора (историография вопроса) // Античный мир и археология. Вып. 3. Саратов, 1977. С. 20–29.
14. Черноморская держава Митридата Евпатора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977. – 20 с.

1978

15. Раскопки некрополя Китея // Археологические открытия 1977 г. М., 1978. С. 359 (соавт. А.А. Масленников).
16. Археологические исследования Китея и Акры // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг.: Тезисы докладов XVII конференции Института археологии АН УССР. Ужгород, 1978 (соавт. Н.В. Молева).
17. Новые эпиграфические находки из Керчи // ВДИ. 1978. № 2. С. 131–134.

1979

18. Работы Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции // Археологические открытия 1978 г. М., 1979. С. 49–50 (соавт. Г.Е. Афанасьев, В.И. Атавин, В.Е. Нахапетян).
19. Малая Армения и Митридат Евпатор // Проблемы античной истории и культуры: Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене» [18–23 мая 1976 г.] / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. Т. 1. Ереван, 1979. С. 185–191.

1980

20. Раскопки городища и некрополя Китея // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг.: Тезисы докладов XVIII конфе-

- ренции Института археологии АН УССР, Днепропетровск, апрель 1980 г. Днепропетровск, 1980. С. 118.
21. Раскопки городища и некрополя Китея // Археологические открытия 1979 г. М., 1980. С. 309.
  22. О пропонтийской ориентации боспорян в период подчинения Боспора Понту // Проблемы античной истории и классической филологии: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии», 6–8 февраля 1980 г. Харьков, 1980. С. 43–44.
  23. Методические рекомендации по курсу «Археология СССР». Ч. 1. Белгород: БелГПИ, 1980. – 51 с.

1981

24. Раскопки городища и некрополя Китея // Археологические открытия 1980 г. М., 1981. С. 285–286.

1982

25. Раскопки городища и некрополя Китея // Археологические открытия 1981 г. М., 1982. С. 301–302.
26. Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье», Цхалтубо, 21–27 мая 1982 г.: Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 1982. С. 8–11 (соавт. Ю.Г. Виноградов, В.П. Толстиков).
27. О происхождении и приходе к власти в Понте династии Митридатидов // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье», Цхалтубо, 21–27 мая 1982 г.: Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 1982. С. 68–70.

1983

28. К вопросу о происхождении династии понтийских Митридатидов // ВДИ. 1983. № 4. С. 131–139.

1984

29. Сармато-боспорские отношения при Спартокидах // IX авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР: Тезисы докладов. М., 1984. С.
30. Исследования городища, некрополя и хоры Китея // Археологические открытия 1982 г. М., 1984. С. 301.

31. Методические рекомендации по курсу «Археология СССР» Ч. II. Белгород: БелГПИ, 1984. – 39 с.

1985

32. Исследования Китея // Археологические открытия 1983 г. М., 1985. С. 321.
33. Ольвия под властью Понта // Проблемы исследований Ольвии: Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985. С. 52–53.
34. Западнопонтийские города в антиримских войнах Митридата Евпатора // Годишник на Софийски университет «Климент Охридски» Исторически факултет. 1984. Т. 77. Ч. 2. София, 1985. С. 286–293.
35. Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники юго-восточной Европы (Железный век и эпоха средневековья): Сборник научных трудов / отв. ред. Е.В. Дворецкий. Курск, 1985. С. 40–67.
36. Митридат Ктист — правитель Понта // Причерноморье в эпоху эллинизма: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья Цхалтубо–1982 / отв. ред. О. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1985. С. 581–589.
37. Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья Цхалтубо–1982 / отв. ред. О. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1985. С. 589–601 (соавт. Ю.Г. Виноградов, В.П. Толстиков).

1986

38. Боспорский город Китей в IV–III вв. до н.э. // Археология. 1986. № 54. С. 33–47.
39. Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: межвузовский сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 1986. С. 54–64.
40. Раскопки Китея // Археологические открытия 1984 г. М., 1986. С. 313.
41. К вопросу об уплате дани Боспором варварам // Античная гражданская община: Проблемы социально-политического развития и идеологии: Межвуз. сб. / отв. ред. Э.Д. Фролов. Л., 1986. С. 176–189.

1987

42. Экономические связи Боспора во II в. до н.э. // X авторско-читательская конференция «Вестника древней истории». Тезисы докладов. М., 1987. С. 163.
43. Раскопки Китея // Археологические открытия 1985 г. М., 1987. С. 375.
44. Скифы во главе с Савмаком // Киммерийцы и скифы: Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Ч. I. Кировоград, 1987. С. 22–24.
45. Практические занятия по истории древнего мира: Методические материалы. Белгород: БелГПИ, 1987. – 17 с.

1988

46. Раскопки городища и некрополя Китея // Археологические открытия 1986 г. М., 1988. С. 313.
47. Архонт Гиgienонт // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры», 19–24 сентября 1988 г. / Симфероп. гос. ун-т им. М.В. Фрунзе, Отд. археологии Крыма Ин-та археологии АН УССР. Симферополь, 1988. С. 209.
48. Торговые связи боспорского города Китея // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В.Н. Королев. Ростов-на-Дону, 1988. С. 20–30.

1990

49. Монеты из раскопок Китея // Античный мир и археология. Вып. 7. Саратов, 1990. С. 111–122.
50. Греческое и варварское в некрополе Китея // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. [Тезисы докладов]. Л., 1990. С. 93.

1991

51. Фракия в войнах Митридата Евпатора // Болгаристика в системе общественных наук: Опыт, уроки, перспективы: Тезисы докладов и сообщений Второй всесоюзной конференции по болгаристике (II Дриновских чтений), 5–7 февраля 1991 г. Харьков, 1991. С. 26–27.
52. Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии Боспора: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е.А. Молев. Белгород–Воронеж, 1991. С. 63–73 (соавт. А.В. Сазанов).

53. Некрополь Китея // Вопросы истории и археологии Боспора: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е.А. Молев. Белгород–Воронеж, 1991. С. 74–101 (соавт. С.А. Шестаков).

1992

54. Боспор и сарматы в IV–II вв. до н.э. // Среда. Личность. Общество: Доклады конференции / отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1992. С. 194–198.
55. К вопросу об изменении политической ориентации Спартокидов в конце IV в. до н.э. // Киммерийцы и скифы: Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Тереножкина. 25–28 мая 1992 г. Мелитополь, 1992. С. 65.
56. Оборонительные сооружения Китея // История и археология Слободской Украины. Тезисы докладов и сообщений Всеукраинской конференции, посвященной 90-летию XII Археологического съезда (Харьков — Старый Салтов, 19–21 октября 1992 г.). Харьков, 1992. С. 158.
57. Рец. на: Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. Киев: Наукова Думка, 1983 // Археологія. 1992. № 1. С. 126–127.

1993

58. Раскопки городища Китея в 1987–1991 гг. // Археологічні дослідження в Україні. Киев, 1993. С. 73–74.
59. Методические указания к семинарам по истории Древнего Рима: «Римская империя в I в. н.э.». Дион Кассий «Римская история». Ч. VI. Нижний Новгород: ННГУ, 1993 (соавт. Н.А. Касаткина, А.В. Махлаюк, С.К. Сизов, В.М. Строгоцкий, М.С. Садовская).

1994

60. Раскопки городища и некрополя Китея // Археологические открытия на Украине. Киев, 1994 (соавт. В.А. Хршановский).
61. О культе Афродиты в Китейском святилище // Вещь в контексте культуры: Материалы научной конференции, февраль 1994 г. / науч. ред. и сост. Т.Н. Дмитриева, В.А. Хршановский. СПб., 1994. С. 105–106 (соавт. Н.В. Молева).
62. Боспор в период эллинизма: монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1994. – 140 с.
63. Раскопки Китея // Археологические исследования в Крыму. 1993 год: Сборник научных трудов. Симферополь, 1994. С. 191–192.

1995

64. Политическая история Боспора в период эллинизма (III – первая половина I в. до н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 1995. – 36 с.
65. Древности эпохи бронзы в античных городах Боспора // Чужая вещь в культуре: Материалы научной конференции, октябрь–ноябрь 1995 года. СПб., 1995. С. 47–49 (соавт. Н.В. Молева).
66. Боспор и его соседи во II в. до н.э. // Археология. 1995. № 3. С. 27–33.
67. Аспургиане Страбона // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: Тезисы докладов [Междунар. науч. конф., 1–3 марта 1995 г.] / відповід. ред. В.И. Кадеев. Харьков, 1995. С. 72–73.
68. Властитель Понта. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. – 144 с.
69. Аспургиане у Страбона // Древности – 1995. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1995. С. 60–63.

1996

70. 25 лет раскопок Китея // Греки на Черном море: Международный археологический симпозиум: Тезисы докладов. Салоники, 1996.
71. 25 лет Китейской экспедиции // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. [Вып. 1]. Нижний Новгород, 1996. С. 76–94 (соавт. Н.В. Молева).
72. Денежное обращение в Китее // Проблемы истории, филологии, культуры. 1996. № 3. С. 75–82 (соавт. Н.В. Молева).
73. Политическая структура Боспорского государства при поздних Спартокидах // Вестник Нижегородского университета. История. Политология. Международные отношения. Нижний Новгород, 1996. С. 3–16.
74. Практикум по истории древнего мира (для студентов-историков). Нижний Новгород: ННГУ, 1996. – 55 с. (соавт. Н.А. Касаткина, А.В. Махлаюк).
75. Основы археологии: методические указания по курсу. Нижний Новгород: ННГУ, 1996. – 86 с. (соавт. Н.В. Молева).

1997

76. Раскопки Китея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: Сборник научных трудов. Симферополь, 1997. С. 210.
77. Фатеи или сираки? // Проблемы истории и творческое наследие С.И. Архангельского: Тезисы докладов. Нижний Новгород, 1997. С. 29.

78. Первые Спартокиды: кто они? // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Д.И. Багалая: Тезисы докладов научной конференции (Харьков, 16–18 апреля 1997 г.). Харьков, 1997. С. 46.
79. Термин «Боспор» у Диодора // Античный мир и Византия. К 70-летию профессора В.И. Кадеева: Сборник научных трудов. Харьков, 1997. С. 141–147.
80. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э.: Учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. – 120 с.
81. Сатир I Боспорский // Вопросы всеобщей истории и политологии (к двадцатилетию исторического факультета БелГУ): Сборник статей / отв. ред. В.Е. Михайлов. Белгород, 1997. С. 9–15.
82. Методические указания к семинарам по истории Древнего Рима: «Римская империя в I в. н.э.». Дион Кассий «Римская история». Ч. VIII. Нижний Новгород: ННГУ, 1993 (соавт. Н.А. Касаткина, А.В. Махлаюк, С.К. Сизов).

1998

83. Клейма Родоса из раскопок Китея // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы научной конференции. СПб., 1998. С. 76–81.
84. Рец. на: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996 // ВДИ. 1998. № 4. С. 207–214.
85. К вопросу о местоположении царства Гатала // Проблемы истории и творческое наследие проф. Н.П. Соколова: Материалы межвузовской конференции. Нижний Новгород, 1998. С. 37–39.
86. Первобытное общество // Всемирная история. Часть I: Учебное пособие для неисторических факультетов и отделений / под ред. Е.А. Молева. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 1998. С. 4–25.
87. [Составление и комментарии разделов]: Северное Причерноморье в сфере римского влияния; Греческие государства Северного Причерноморья. Боспор // Хрестоматия по истории Древнего мира. Эллинизм. Рим / под ред. В.Г. Боруховича, С.Ю. Монахова, В.Н. Парфёнова. М., 1998. С. 441–498 (соавт. В.В. Крапивина, С.Ю. Монахов).
88. Практическое пособие по древнегреческому языку: Учеб. пособие. Нижний Новгород: ННГУ, 1998. – 96 с. (соавт. А.В. Махлаюк).

1999

89. Торговля Китея с Родосом // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 3. Нижний Новгород, 1999. С. 95–98.
90. Нимфей и Боспор при Сатире I // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья: Международная научная конференция, посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач. СПб., 1999. С. 54–55.
91. Боспор под властью Митридата и Фарнака // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского: К 100-летию со дня рождения: Тезисы докладов: 21–22 мая 1999 г. / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М., 1999. С. 79.
92. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре Археанактидов // Из истории античного общества. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 81–90.
93. О времени установки статуи Митридата Евпатора в Нимфее // Античный мир: Материалы научной конференции. Белгород, 1999. С. 85–91.
94. Антиковедение и медиевистика в ННГУ // Проблемы антиковедения и медиевистики (к 25-летию кафедры истории древнего мира и Средних веков в Нижегородском университете): Межвуз. сб. науч. тр. Нижний Новгород, 1999. С. 3–14.
95. Диодор о сарматском завоевании Скифии // Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы докладов научной конференции 21–23 октября 1999 г. Харьков, 1999. С. 42.
96. Планы Китея, составленные П. Дюбрюксом и Ю.Ю. Марти, как источник по топографии города // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: Материалы международной научной конференции. СПб., 1999. С. 46–51.
97. Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // Античный мир и археология. Вып. 10. Саратов, 1999. С. 30–35.
98. От родовой общины к правовому государству: Учеб. пособие по курсу «Римское право». Дзержинск, 1999. – 47 с.
99. Перев. с древнегреч.: Дион Кассий Коккейян. Римская история. Книга 59, 1–30 // Из истории античного общества. Вып. 6. Нижний Новгород, 1999. С. 64–81 (соавт. Н.А. Касапкина, А.В. Махлаюк, С.К. Сизов, М.С. Садовская).

2000

100. Синопские керамические клейма из Китея // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 4. Нижний Новгород, 2000. С. 93–113.
101. Греко-варварские взаимодействия в сакральной жизни общины Китея // Духовный мир человека: проблемы и перспективы: Тезисы докладов Региональной науч. конф. Нижний Новгород, 2000. С. 272–274 (соавт. Н.В. Молева).
102. Дипинти на амфорах из раскопок Китея // I Боспорские чтения. Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров: Материалы междунар. науч. конф. Керчь, 2000. С. 85–95.
103. Основные этапы истории Китея // Таманская старина. Вып. 3. СПб., 2000. С. 42–44.
104. Положение Боспора в составе Понтийской державы Митридата Евпатора // VII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. Нижний Новгород, 2000. С. 12–14.
105. Практический курс латинского языка: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. – 208 с. (соавт. А.В. Махлаюк, Н.А. Касаткина, И.Ю. Ващева).

2001

106. О возможности персидского протектората над Боспором (по поводу статьи: Федосеев, 1997) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы Международ. науч. конф. / отв. ред. В.Ю. Зуев. Ч. 1. СПб., 2001. С. 29–33.
107. Диодор как источник о подчинении Боспора Ахеменидам // Античное общество IV. Власть и общество в античности: Материалы конференции антиковедов, 5–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 58–66.
108. Политическое положение Боспора в составе Понта // Из истории античного общества. Вып. 7. Нижний Новгород, 2001. С. 90–101.
109. Перев. с древнегреч.: Дион Кассий Коккейян. Римская история. Книга 60, 1–35 // Из истории античного общества. Вып. 7. Нижний Новгород, 2001. С. 205–244 (соавт. Н.А. Касаткина, А.В. Махлаюк, С.К. Сизов).
110. Крепостные стены Китея // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 91–96.
111. Этнический состав населения Китея // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 5. Нижний Новгород, 2001. С. 64–72.

112. К вопросу о соправительстве на Боспоре в IV в. до н.э. // 175 лет Керченскому музею древностей: Материалы международной конференции. Керчь, 2001. С. 35–37.
113. The Bosporan town of Kitei // Second International Congress of Black Sea Antiquities. Abstracts. Ankara, 2001. P. 70–71.
114. Эпиграфические памятники из раскопок Китея // Проблемы истории, филологии, культуры. 2001. Вып. X. С. 97–103.

2002

115. С.И. Архангельский как руководитель // Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке (к 120-летию со дня рождения) / отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород, 2002. С. 3–7.
116. Боспор в составе Понта // Известия на народния музей Бургас. 2002. № 4. С. 59–68.
117. Система обороны Китея // Боспорские исследования. 2002. Т. 2. С. 297–312.
118. Правление Фарнака на Боспоре // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья: III Боспорские чтения. Ч. 3. Керчь, 2002. С. 182–187.
119. Сакральные граффити из Китея // Боспорский Феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Ч. 1 / под ред. М.Ю. Вахтиной, В.Ю. Зуева, С.В. Кашаева, В.А. Хршановского. СПб., 2002. С. 146–151.
120. Итоги и перспективы развития аспирантуры на историческом факультете ННГУ (1997–2001 гг.) // Материалы II Всероссийской конференции «Подготовка научных кадров в Российской Федерации. Состояние, перспективы развития». Нижний Новгород, 2002. С. 187–188.
121. Клейма Гераклеи из Китея // Актуальные проблемы истории: Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2002. С. 11–12.
122. Монеты с легендой АП-АПОЛ и политическая история Боспора // Μνῆμα. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина / отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2002. С. 269–274 (соавт. В.С. Борисова).
123. Археология в Горьковском (Нижегородском) университете // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия «История». 2002. Вып. 1. С. 165–178 (соавт. Т.С. Пономарева, Н.И. Солнцев, Н.Н. Толстова).
124. Практикум по истории древнего мира: Для студентов отделений истории, политологии, культурологии и международных отноше-

ний. Нижний Новгород: ННГУ, 2002. – 105 с. (соавт. Н.А. Касаткина, И.Ю. Ващева, А.В. Махлаюк, Н.Ю. Сивкина).

125. Практический курс латинского языка: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. – 220 с. (соавт. Н.А. Касаткина, И.Ю. Ващева, А.В. Махлаюк, Н.Ю. Сивкина).

2003

126. Рельефные медальоны из Китея // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2003. С. 205–209.
127. Перевод с древнегреч. Дион Кассий Коккейян. Римская история. Эпитома 61-й книги // Из истории античного общества. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 192–208 (соавт. В.В. Антонов, И.Ю. Ващева, А.В. Махлаюк, Н.Ю. Сивкина).
128. Терракотовые статуэтки из Китейского святилища // Боспорские исследования. 2003. Т. 3. Керчь. 2003. С. 252–263 (соавт. Н.В. Молева).
129. Граффити на чернолаковых сосудах из раскопок Китея (1970–1995) // Древности Боспора. 2003. Т. 6. С. 217–238.
130. Kytia // Ancient Greek Colonies in the Black Sea / Ed. D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos. Vol. 2. Thessaloniki, 2003. P. 841–893.
131. К вопросу о культуре Аполлона в Китее // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. Нижний Новгород, 2003. С. 44–45.
132. Bosporos and Chersonesos in the 4th – 2nd Centuries B.C. // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Scegllov on the Occasion of his 70th Birthday / Ed. P. Guldager Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba. Aarhus, 2003. P. 209–215.
133. К вопросу о херсонесско-боспорских отношениях в IV–II вв. до н.э. // Историки в поиске новых смыслов: Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения проф. В.Д. Жигунина / отв. ред. Г.П. Мягков. Казань, 2003. С. 234–240.
134. Эллины и варвары на северной окраине античного мира. М.: Центрполиграф, 2003. – 399 с.
135. Основы археологии: Учебно-методический комплекс. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. – 130 с. (соавт. Н.Н. Грибов, Н.В. Молева).

2004

136. Античные примеры и уроки в публицистике американских федералистов XVIII в. // Политическая жизнь западной Европы: античность, Средние века, Новое время. Вып. 2. Арзамас, 2004. С. 60–64.
137. О времени основания Китея // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы международной научной конференции. Ч. I. СПб., 2004. С. 69–74.
138. Некоторые итоги изучения светильников из Китея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь, 2004. С. 259–262.
139. Виктор Францевич Гайдукевич в моей судьбе // Боспорские исследования. 2004. Т. 5. С. 5–8.
140. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея // Боспорские исследования. 2004. Т. 5. С. 405–421.
141. О культе Аполлона в Китее // Древности Боспора. 2004. Т. 7. С. 302–309.
142. Так держать! // Проблемы политической и социально-экономической истории России: Сборник научных работ, посвященных 80-летию профессора А.В. Седова / ред.-сост. Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород–Арзамас, 2004. С. 6–7.
143. Польш Дюбрюкс как исследователь Китея // Материалы IX чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова: Тезисы докладов межвузовской научной конференции, Нижний Новгород, 29–30 октября 2004 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2004. С. 40–42.
144. Еще об архонте Гиgienонте // Историк. Археолог. Литератор: к 90-летию Михаила Моисеевича Кубланова: юбилейный сборник / науч. ред. и сост. В.А. Хршановский. СПб., 2004. С. 61–66.
145. Сергей Борисович Сенюткин [некролог] // Восток (Oriens). 2004. № 6. С. 212–215 (соавт. Е.А. Григорьева, С.В. Григорьева).
146. Практикум по истории древнего мира: Для студентов отделений истории, политологии, культурологии и международных отношений. Изд. 2-е. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. – 107 с. (соавт. Н.А. Касаткина, И.Ю. Ващева, А.В. Махлаюк, Н.Ю. Сивкина).

2005

147. Греко-скифский конфликт в конце VI – начале V в. до н.э. и процесс формирования государственной системы Боспора // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в

- период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. Керчь, 2005. С. 210–214.
148. Подготовка бакалавров и магистров истории на историческом факультете ННГУ: проблемы организации и содержания профильного образования // Учебно-образовательные и научно-исследовательские практики в условиях модернизации высшего образования в России. Материалы Всероссийского совещания / отв. ред. М.С. Бобкова. М., 2005. С. 93–95 (соавт. А.В. Махлаюк, А.А. Миронос).
149. Встреча Митридата с Марием в плане развития военной доктрины Понта // *Antiquitas aeterna*. Вып. 1. Казань–Нижегород–Саратов, 2005. С. 205–210.
150. The principal results of the excavation of the Bosporan city of Kyta // Third International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts of Papers and Posters. Prague, 11–18 September 2005. Prague, 2005. P. 53 (соавт. Н.В. Молева).
151. С.Б. Сенюткин: становление ученого // История и исторический процесс: Материалы научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Сенюткина Сергея Борисовича. Нижний Новгород, 2005. С. 5–6.
152. О правлении царя Спартока VI на Боспоре в середине II в. до н.э. // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников: Материалы Международной научной конференции / отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2005. С. 381–385.
153. Рец. на: Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом) / отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica petropolitana, 2004 // ВДИ. 2005. № 4. С. 198–199.
154. Введение в древнегреческий язык. Нижний Новгород: ННГУ, 2005. – 103 с. (соавт. А.В. Махлаюк).

2006

155. Основные этапы истории Китея // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском: VII–I вв. до н.э.: Материалы международной научной конференции. СПб., 2006. С. 118–123.
156. Патрида кититов // Боспор Киммерийский и варварский мир в античности и средневековье. [Тезисы докладов, прочитанных на VII международной научной конференции «VII Боспорские чтения»]. Керчь, 2006. С. 218–221.
157. Кафедра истории древнего мира и Средних веков ННГУ на современном этапе // Проблемы антиковедения и медиэвистики. Вып. 2. Нижний Новгород, 2006. С. 3–9.

158. Введение в специальность «История»: Учебно-методический комплекс. Нижний Новгород: ННГУ, 2006. – 57 с. (соавт. А.В. Седов).
159. Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в прошлом и настоящем // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 3–34.
160. Антиковедение // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 34–69 (соавт. А.В. Махлаюк).
161. Медиевистика // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 69–83 (соавт. В.А. Блонин).
162. Археология // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 128–142 (соавт. Н.Н. Грибов).
163. Кафедра истории древнего мира и Средних веков // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 148–160.
164. Кафедра историографии и источниковедения // Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 183–185.
165. Alma mater — глазами студента и преподавателя // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников (выпуск третий). Нижний Новгород, 2006. С. 59–60.
166. Кавказские находки в материалах Китейской экспедиции // Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухум, 2006. С. 253–257 (соавт. Н.В. Молева).
167. Законодательное регулирование деятельности церковных братств Русской православной церкви в условиях пореформенной России второй половины XIX века // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 137–140 (соавт. А.Е. Малышев).
168. Виктор Францевич Гайдукевич и Китей // Боспорские исследования. 2006. Т. 13. С. 80–89.
169. Обязательства из причинения вреда по соборному Уложению 1649 г. // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2006. № 3 (21). С. 27–30 (соавт. А.М. Белякова).

170. Персия и Боспор в VI–IV вв. до н.э. // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. 1: К 180-летию Керченского музея древностей. Керчь, 2006. С. 275–285.
171. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Черты нового: Колл. монография / Руководитель авторского коллектива Р.Г. Стронгин. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – 544 с.

2007

172. Некоторые итоги работ Китейской экспедиции в 2005–2006 гг. // Актуальные вопросы истории: Материалы межвузовской научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 90–95 (соавт. Н.В. Молева).
173. Комплекс культовых зданий на юго-восточной границе Китейского городского святилища // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 219–225 (соавт. Н.В. Молева).
174. Межполюсные отношения на Боспоре до Археанактидов // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы XII Международной научной конференции (26 мая – 31 мая 2007 г.). Ростов-на-Дону, 2007. С. 37–39.
175. Перев. с древнегреч.: Дион Кассий Коккеян. Римская история. Эпитома XLII книги // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 2. Саратов, 2007. С. 424–445 (соавт. В.В. Антонов, К.В. Марков, А.В. Махлаюк, Н.Ю. Сивкина).
176. Сакральный комплекс первых веков н.э. в Китее // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 1. СПб., 2007. С. 168–171.
177. *Ἡ πατρίς κοιτέϊτων* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История, Политология, Экономика. 2007. № 8. Вып. 4. С. 5–7.
178. *Kytaia: Phases of history // Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus, 7th–1st Centuries BC: Proceedings of the International Conference, October 2000, Taman, Russia / ed. S.L. Solovyov. Oxford, 2007. P. 90–93.*
179. О культовой принадлежности архитектурного комплекса II–V вв. н.э. на восточной окраине Китейского святилища // Древности Северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 2007. С. 84–89 (соавт. Н.В. Молева).

2008

180. Роль Нижегородского ополчения 1612 г. в возрождении России // Смутное время в современной отечественной историографии: сборник статей. Нижний Новгород, 2008. С. 31–41 (соавт. А.А. Кузнецов, А.В. Морохин, Б.М. Пудалов).
181. Роль кафедры истории древней Греции и Рима ЛГУ в становлении антиковедения в Нижегородском государственном университете // История. Мир прошлого в современном освещении: сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 603–611.
182. The results of new archaeological research of the Bosporan city of Kyta in 2005–2006 // Pontika 2008: International Conference, 21st–26th April 2008, Krakow. Krakow, 2008. P. 59 (соавт. Н.В. Молева).
183. New sacred complex opened in Kyta in 2006–2007 // Paphlagonia and Pontus in Antiquity and the Early Byzantine period. Abstracts. May 31 – June 4, 2008. Izmir, 2008. P. 75.
184. Боспор и скифы: проблемы противостояния и сотрудничества // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. [IX Боспорские чтения.] Керчь, 2008. С. 192–195.
185. Владимир Григорьевич Борухович [некролог] // ВДИ. 2008. № 2. С. 215–217 (соавт. Э.Д. Фролов, В.Н. Парфенов).
186. Малые города и развитие Российской государственности // Отечественная история. 2008. № 4. С. 201–203 (соавт. К.А. Аверьянов, А.К. Тихонов).
187. Скифы и Боспор от Агаэта до Савмака // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 132–136.
188. О скифо-боспорской войне при Перисаде I // Научные ведомости Белгородского гос. университета. Серия История, Политология, Экономика. 2008. № 17. Вып. 8. С. 16–19.
189. О характере взаимоотношений полисов Боспора в VI – начале V в. до н.э. // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху: Материалы юбилейного междунар. круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 2008. С. 88–94.
190. Роль археологической практики в подготовке специалистов историков (на примере Китейской экспедиции) // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения

- А.А. Спицына (26–30 ноября 2008 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. Е.Н. Носов, И.Л. Тихонов. СПб., 2008. С. 327–331.
191. Боспор и Ахемениды по данным нарративных источников // *Textum Historiae: Исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам всеобщей истории*. Вып. 3. Нижний Новгород, 2008. С. 110–115.
192. The totals of the excavation of the Bosporan city of Kyta in 1970–1995 // *Bulgaria Pontica Medii Aevi*. Т. VI–VII. Mesambria Pontica. International seminar Nessebar, May 28–31, 2006. *Studia in honorem Professoris Vasil Guzelev*. Бургас, 2008. Р. 69–76.
193. Культы Китея: от античности к христианству // Херсонесский колокол: Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко / под ред. Э.Б. Петровой. Симферополь, 2008. С. 110–118.
194. Раскопки городища Китея // *Археологічні дослідження в Україні 2006–2007*. Киев, 2008. С. 205–206.
195. 14 лет в Белгородском педагогическом // *Классическая и византийская традиция: Материалы II международного научного семинара молодых ученых, аспирантов, студентов*. Белгород, 2008. С. 166–169.
196. Введение в специальность «История»: Учебно-методический комплекс. Нижний Новгород, 2008. – 56 с. (соавт. А.В. Седов).
197. Учебные и научные функции археологической практики (на примере Китейской экспедиции) // *Методика преподавания истории в вузе: Материалы Нижегородской региональной научно-методической конференции 8 февраля 2008 г.* Нижний Новгород, 2008. С. 3–6.

2009

198. Bospor under the Rule of Mithridates VI Eupator // *Mithridates VI and the Pontic Kingdom* / ed. J.M. Højte. Aarhus, 2009. P. 209–215.
199. Общие итоги раскопок городища Китея в 2004–2006 гг. // *Боспорские исследования*. 2009. Вып. 21. С. 375–448.
200. Проблема политико-географического термина «Боспор» // *X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы*. Керчь, 2009. С. 289–292.
201. Боспор до Археанактидов (о характере взаимоотношений полисов Боспора) // *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарские время: Сборник статей по материалам XII Международной научной конференции* / отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону, 2009. С. 39–46.

202. Сакральный комплекс римского времени в Китее // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 258–261 (соавт. Н.В. Молева).
203. Изучение истории Рима в Нижегородском университете // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. Вып. 22. С. 675–684.
204. Скифы в политической истории Боспора VI–II вв. до н.э. // ВДИ. 2009. № 3. С. 155–165.
205. Митридат VI Евпатор и его потомки на Боспоре // Норция. Вып. VI. Воронеж, 2009. С. 171–179.
206. Финикийские подвески-апотропои из Китейского святилища // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира: Материалы международной научной конференции. СПб., 2009. С. 227–230.
207. Эллинистический этап в истории Боспора (некоторые проблемы династической хронологии Спартокидов) // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уолбанка (Казань, 9–11 декабря 2009 г.). Казань, 2009. С. 237–251.
208. К вопросу о роли городов, основанных Александром Македонским (историография вопроса) // История мировых цивилизаций: этнонациональные проблемы и пути их решения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Красноярск, 27 ноября 2009 г. / отв. ред. Д.В. Григорьев. Красноярск, 2009. С. 43–48.
209. Вопросы теории, методологии истории и практики преподавания в контексте Болонского процесса // Вопросы теории, методологии и практики преподавания истории: Нижегородская региональная учебно-методическая конференция 6 февраля 2009 г. / под ред. проф. Е.А. Молева, доц. С.В. Григорьевой, проф. А.В. Медведева. Нижний Новгород, 2009. С. 3–8.
210. Раскопки городища Китей // Археологічні дослідження в Україні. Киев, 2009. С. 292–293 (соавт. Н.А. Сон).
211. Слово об учителе // Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах / сост.; вступ. ст. В.Н. Парфёнова. Саратов, 2009. С. 60–67.
212. Китей // Большая российская энциклопедия. Т. 14. М., 2009. С. 185 (Электронная версия (2016); <https://old.bigenc.ru/archeology/text/2070442>. Дата обращения: 30.01.2023).

2010

213. Эпоха меди-бронзы в археологии: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2009. – 63 с.
214. Этногеографическая ситуация на Боспоре и у его границ в конце II – первой половине I в. до н.э. // *Gaudeamus igitur*: сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе. М., 2010. С. 268–276.
215. Боспорский город Китей. (Боспорские исследования. Supplementum 6). Симферополь–Керчь: Издательский дом «АДЕФ-Украина», 2010. – 316 с., илл.
216. Рыболовство и охота в Китее // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 312–315.
217. Вооруженные силы Митридата Евпатора на Боспоре // Из истории античного общества: Сборник научных трудов. Вып. 13 / под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2010. С. 141–147.
218. О вероятности локализации Дороса на месте античного Китея // *Terra Barbarica: studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin* / [red. tomu Agnieszka Urbaniak et. al.]. Łódź–Warszawa, 2010. С. 603–606.
219. История исследований боспорского Китея // Дюбрюкс П. Собрание сочинений / сост. и отв. ред. И. В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. Н.Л. Сухачева. Т. 1. СПб., 2010. С. 515–519.
220. Великая Отечественная война: история и современность // Судьба России и Великая победа: фальсификация истории Великой Отечественной войны как антироссийская стратегия: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 17 марта 2010 г.). Ульяновск, 2010. С. 40–44.
221. Новые раскопки городища Китея // ΣΥΜΒΩΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки: Сборник научных статей. Москва–Киев, 2010. С. 188–191.
222. *Sacral complexes of Kytaia* // *Ancient Sacral Monuments in the Black Sea* / ed. E.K. Petropoulos, A.A. Maslennikov. Thessaloniki, 2010. P. 295–333 (соавт. Н.В. Молева).
223. О понимании общественного прогресса в Древней Греции // Преподавание истории в ВУЗе: концепции, методика и практика, системные связи: Нижегородская региональная учебно-методическая конференция, 29 января 2010 г. Нижний Новгород, 2010. С. 3–8.

224. О некоторых иранских традициях в Понтийской державе // Кондаковские чтения – III. Человек и эпоха: Античность – Византия – Древняя Русь: Материалы III междунар. науч. конф. / отв. ред.-сост. Н.Н. Болгов. Белгород, 2010. С. 37–42 (соавт. Н.А. Поверин).
225. Раскопки городища Китея // Археологічні дослідження в Україні. Киев, 2010. С. 119–120 (соавт. В.Н. Зинько, Н.В. Кузина, К.В. Марков).
226. Раскопки городища Китея // Археологические открытия 2007 г. М., 2010. С. 299–300.
227. Реконструкция исторической информации данных археологии с помощью информационных технологий: Учебная программа. Направление 030400 – бакалавр истории. Магистерская программа: история. Нижний Новгород: ННГУ, 2010 г. – 14 с. (соавт. Н.Н. Грибов).

2011

228. L'archéologie à l'université d'Etat de Nijni-Novgorod // *Connaissance Hellenistique. Revue du centré de formation continue et d'éducation permanente de l'Université de Provence. Aix-Marseille*, 2010. P. 6–16 (соавт. А. Наумов).
229. О рыболовстве в Китее // *Боспорские исследования*. 2011. Т. XXV. С. 123–142.
230. Культурное взаимодействие эллинов и варваров в Китее // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 254–259.
231. Исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского: к 65-летию историко-филологического факультета, к 25-летию исторического факультета. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2011. – 324 с.
232. The results of new archaeological research at the Bosporan city of Kytaiion in 2005–2007 // *Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st–26th April 2008, Krakow* / ed. E. Papuci-Władyka, M. Vickers, J. Bodzek, D. Braund. Oxford, 2011. P. 261–268 (соавт. Н.В. Молева).
233. Понтийское царство как наследник Ахеменидов // *Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций: Тезисы докладов международной научной конференции (Казань, 14–16 сентября 2011 г.)* / сост. и отв. ред. Э.В. Рунг и О.Л. Габелко. Казань, 2011. С. 79–80.

234. Боспор и Понт до Митридата Евпатора // Боспорский феномен. Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.) / ред. М.Ю. Вахтина, Е.В. Грицик и др. СПб., 2011. С. 69–72.
235. От редколлегии // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 3. Нижний Новгород, 2011. С. 9–14 (соавт. А.В. Махлаюк).
236. К 50-летию Александра Валентиновича Махлаюка // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 3. Нижний Новгород, 2011. С. 260–263.
237. Савмак — след в истории // XVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского, 7–8 апреля 2011 г. Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли. Нижний Новгород, 2011. С. 166–168.
238. Исследования российских экспедиций в Крыму в 2009–2011 гг. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда / отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. С. 304–305 (соавт. А.М. Бутягин, О.Ю. Соколова, М.Ю. Вахтина, В.А. Хршановский, Н.И. Винокуров, С.Ю. Внуков, А.А. Масленников и др.).

2012

239. Война как фактор политогенеза на Боспоре // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: Материалы конференции XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18–20 апреля 2012 г. М., 2012. С. 308–310.
240. Фасосская амфорная тара из Китея // Актуальные вопросы истории. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2012. С. 141–144 (соавт. А.Н. Быкова).
241. Становление античной археологии в Нижегородском университете // Приволжский научный журнал. 2012. № 1. С. 167–171.
242. Локализация царства Гатала: историография вопроса и новые аргументы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2(1). С. 216–219.
243. Исторический факультет // Лучшие выпускники ННГУ-2011. Нижний Новгород, 2011. С. 19–20.
244. Новая башня в системе обороны Китея // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 324–327.

245. Археологическое образование в Европе: к вопросу о междисциплинарных взаимодействиях // Межпредметные взаимодействия учебной дисциплины и науки история в учебном процессе ВУЗа: Материалы Нижегородской региональной учебно-методической конференции. Нижний Новгород, 2012. С. 3–9.
246. Археология в Горьковском (Нижегородском) университете // Личность в науке: XX век. Люди, события, идеи. В.Т. Илларионов. Нижний Новгород, 2012. С. 158–165 (соавт. Т.С. Пономарева, Н.И. Солнцев, Н.Н. Толстова).
247. Юго-западный участок обороны Китея // Культурный слой. Вып. 1. Нижний Новгород, 2012. С. 110–116 (соавт. К.В. Марков, А.Н. Матукина).
248. Рим и Понт от Фарнака I до Митридата VI // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6(3). С. 168–172.
249. О причинах особенностей боспорской государственности // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова / под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2012. С. 77–79.
250. Раскопки центрального святилища Китея // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы: Международная научная конференция, Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 30 сентября – 5 октября 2012 г.: Тезисы докладов и сообщений / под ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь, 2012. С. 50–52.

2013

251. Иллюстрированная хроника Китейской экспедиции. Нижний Новгород: ННГУ, 2013. – 66 с.
252. Савмак — кто же все-таки он? // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.): Сборник научных статей. Симферополь, 2013. С. 8–13.
253. О понимании титула «архонт» на Боспоре в свете надписи Теопротида из Нимфея // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 315–318.
254. Новые материалы о сакральном комплексе последнего периода истории центрального святилища Китея // Шестая международная археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2013. С. 289–294 (соавт. Н.В. Молева).

255. Исторический факультет ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Академия гуманитарных наук // Нижегородский музей. Специальный выпуск. Нижний Новгород, 2013. С. 122–126.
256. Символы власти и воинской доблести на скифских антропоморфных изваяниях Северного Причерноморья (генезис и эволюция образа) // Культурный слой. Вып. 2. Нижний Новгород, 2013. С. 163–181 (соавт. Н.В. Молева).
257. Некоторые итоги дискуссии о проблеме образования Боспорского царства // Мнемон. Вып. 12. СПб., 2013. С. 166–172.
258. О титулатуре Левкона I // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 2 (40). С. 208–213.
259. Прото-, просто и постэллинизм на Боспоре // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции. СПб., 2013. С. 181–185.
260. Особенности боспорской государственной системы // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана, Казань, 13–15 ноября 2013 г. / сост., отв. ред. Г.П. Мягков. Казань, 2013. С. 126–130.
261. Лепная керамика Китея // Древности Боспора. 2013. Т. 17. С. 65–109 (соавт. Н.А. Гаврилюк).
262. Скифские антропоморфные изваяния Северного Причерноморья: эмблемы власти и войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4(3). С. 15–21.
263. Армия и военная доктрина Понта до Митридата Евпатора // ΚΟΙΝΟΝ ΔΩΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от коллег и друзей / сост. и науч. ред. А.А. Сеницын, М.М. Холод. СПб., 2013. С. 237–241.
264. Проблемы и перспективы археологии в ННГУ им. Н.И. Лобачевского // Гуманитарии в XXI веке, 18–19 апреля 2013 г.: Международная научно-практическая конференция: в 2 т. / под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород, 2013. С. 594–596.

2014

265. О хронологии правления архонта Гиgienонта // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. С. 280–283.
266. Монеты из раскопок Китея 2005–2012 гг. // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. II. Одесса, 2014. С. 50–58.

267. Экономические связи Боспорского Китея // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2014. № 3. С. 63–69 (соавт. Н.В. Молева).
268. Грунтовые погребения некрополя Китея (по материалам раскопок 1986–1988 гг.) // Погребальная культура Боспорского царства: Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998) / отв. ред.-сост. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб., 2014. С. 162–171.
269. Ткацкие грузила и пряслица из Китея // Культурный слой. Вып. 3. Нижний Новгород, 2014. С. 113–135.
270. Северо-восточный участок центрального святилища Китея по материалам раскопок 2008–2011 гг. // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия Всеобщая история. 2014. № 4. С. 102–114 (соавт. Н.В. Молева).
271. Потестарный термин «архонт» в Боспорском царстве // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4. Нижний Новгород, 2014. С. 53–62.
272. К 60-летию профессора Сергея Кузьмича Сизова // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4. Нижний Новгород, 2014. С. 429–440.
273. Перевод с древнегреч.: Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI–LXIII / перев. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; предисл. и коммент. А.В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 159–216; 419–486; 531–639 [книги LIV, LIX, LX, LXI, LXII, LXIII] (соавт. А.В. Махлаюк и др.).

2015

274. Святилище у западной крепостной стены в боспорском городе Китее // Ирсина. Античный мир и его наследие. Вып. 4. Сборник научных трудов к 50-летию профессора Н.Н. Болгова. Белгород, 2015. С. 55–60 (соавт. Н.В. Молева).
275. Святилище у восточной крепостной стены в боспорском городе Китее // *Археологія і давня історія України*. Вип. 1(14). ОЛВІО. In memoriam V.V. Kharivina. / ред. С.А. Скорий. Київ, 2015. С. 264–270 (соавт. Н.В. Молева).
276. Территориальное и государственное формирование Боспора в VI в. до н.э. // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Материалы международной конференции. М., 2015. С. 205–212.

277. Географические границы Боспора накануне его подчинения Понту // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 227–231.
278. История исследования семантики образа зайца в греко-скифской торовтике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 57–65.
279. Об одном из аспектов семантики образа зайца в греко-скифской торовтике // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова / отв. ред. Д.В. Журавлев. М., 2015. С. 275–281.
280. МННМН ХАРІН... Чья память была увековечена в боспорских надгробных эпитафиях? // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого: Сб. науч. тр. / под ред. А.Н. Маслова, А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2015. С. 36–43 (соавт. Н.В. Молева).
281. Триада в сакральном граффито из Китейского святилища // Боспорские исследования. 2015. Т. XXXI. С. 155–163 (соавт. Н.В. Молева).
282. Культурный комплекс зданий в юго-восточной части Китейского городища // Античный мир и археология. Вып. 17. Саратов, 2015. С. 289–299 (соавт. Н.В. Молева).
283. Жизнеобеспечение боспорского города Китея по археозоологическим данным (раскопки 1970–1995 гг.) // Археологические вести. 2015. № 21. С. 140–147.
284. Геродот о владениях персов за Кавказом (Herod., III, 97) // Материалы по истории и археологии античного и средневекового Крыма. 2015. Вып. 7. С. 193–196.
285. Раскопки боспорского городища Китея в 2010–2012 гг. // Археологические открытия 2010–2013 гг. М., 2015. С. 786–788.

2016

286. Клад позднебоспорских статов из Китея (2012 г.) // ВДИ. 2016. № 2. С. 387–410 (соавт. М.Г. Абрамзон).
287. Архонт Гигиенонт в истории Боспора // Боспорские исследования. 2016. Т. XXXII. С. 50–60.
288. Этнополитические проблемы истории Боспора в материалах I–V Боспорских чтений // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ис-

- следователи и исследования / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. С. 289–294.
289. Особенности боспорской государственной системы // Иресиона. Вып. V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ»: Материалы научной сессии / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 2016. С. 7–13.
290. О счислении годового цикла на Боспоре // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2(68). № 1. С. 165–174 (соавт. Н.В. Молева).
291. Античная археология в Нижегородском университете им. Н.И. Лобачевского // Провинциальная Россия. 2016. № 1(2). С. 54–59.
292. К вопросу о вероятности подчинения Боспора персам // Боспорские исследования. 2016. Т. XXXIII. С. 17–29.
293. Сопей и Сопейд: К истории боспорской политической элиты // Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы международного круглого стола 22–25 ноября 2016 г. / отв. ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб., 2016. С. 47–50.
294. Следы сильных землетрясений в крепостных стенах античного города Китей, Керченский полуостров // Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы международного круглого стола 22–25 ноября 2016 г. / отв. ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб., 2016. С. 372–382 (соавторы: А.М. Корженков, А.С. Ларьков, А.В. Мараханов и др.).
295. К вопросу о философии и философах на Боспоре // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 63–70 (соавт. А.Н. Матукина).
296. Военно-морской флот Понта — первые испытания // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2016. Вып. 8. С. 346–356.
297. Новые данные о торговых связях Китея (по материалам амфорной тары из раскопок 2005–2012 гг.) // Культурный слой. Вып. 4. Нижний Новгород, 2016. С. 76–107.
298. Боспорский город Китей. Ч. II. (Боспорские исследования. Supplementum 5). Симферополь–Керчь, 2016. – 451 с., ил., табл. (соавт. Н.В. Молева).

2017

299. Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора / науч. ред. А.В. Махлаюк,

- С.К. Сизов. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2017. – 339 с.
300. Торговые связи Китея (по материалам амфорной тары) // Боспорские чтения XVIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь–Керчь, 2017. С. 331–342.
301. Материалы Херсонеса из раскопок Китея // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы международной научной конференции Севастополь, 10–12 октября 2017 года. Севастополь, 2017. С. 164–171.
302. Этнополитическая история Боспора в материалах I–V Боспорских чтений // Боспорские исследования. 2017. Т. XXXV. С. 465–487.
303. Металлы и бронзовые изделия из Китея // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 88. Перипл: от Борисфена до Боспора: Материалы юбилейных конференций. СПб., 2017. С. 290–309.
304. Красноглиняное лощеное блюдо с крестом из раскопок Китея в 2016 г. // История и археологии Крыма. Вып. V. Сборник статей / отв. ред. В.В. Майко. Симферополь, 2017. С. 222–227 (соавт. Н.В. Молева).
305. Иранское наследие в Понтийском царстве // Iranica: иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э.: [коллективная монография] / науч. ред. О.Л. Габелко и др. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2017. С. 276–283.
306. Особенности оборонительной системы боспорского города Китея (по материалам раскопок 1971–2012 гг.) // The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013 / Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг. / ed. M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski. (Światowit, Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. 1). Warszawa, 2017. С. 187–193.
307. [Автобиография] // Профессор Евгений Александрович Молев. К 70-летию со дня рождения. Автобиография. Нижний Новгород, 2017. – 98 с.

2018

308. Морские ипостаси Афродиты // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира. Вып. IX. М., 2018. С. 180–196 (соавт. Н.В. Молева).
309. Скифы в Китее // Археологія і давня історія України. 2018. Вип. 2 (27). С. 315–319.

310. Керамические клейма Китея из раскопок 2005–2012 гг. // Боспорские исследования. 2016. Т. XXXVI. С. 197–232 (соавт. Н.Ф. Федосеев).
311. Археанактиды — кто они? // XIX Боспорские чтения. Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь–Керчь, 2018. С. 309–316.
312. Итоги раскопок Китея в 2016–2017 гг. // Forum Olbicum II. Пам'яті В.В. Крапивиної (до 150-річчя дослідження Ольвії): Матеріали міжнародної археологічної конференції 4–6 травня 2018 р. Миколаїв, 2018. С. 74–77.
313. Синдика и Боспор // Электронный журнал «Кавказология». 2018. № 2. С. 30–40.
314. Лепная керамика из объектов и слоев III–VI вв. н.э. боспорского города Китея // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 3. С. 60–72 (соавт. Н.Г. Гаврилюк).
315. Пираты Митридата Евпатора против Рима // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 4. С. 311–316.
316. Из политической истории Боспора (Фарнак как наследник Митридата Евпатора) // Мнемон. 2018. Вып. 18. № 1. С. 373–381.
317. Архенанактиды — тираны, олигархи или древние правители? // Боспорские исследования. 2018. Т. XXXVII. С. 17–27.
318. Монеты из раскопок Китея как источник информации о боспорском социуме в период античности // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 6. С. 125–134.
319. Военные силы Понта при Митридате Евпаторе // ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре: Сборник статей, посвященный 50-летию И.Е. Сурикова / под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка и А.А. Сеницына. М.–СПб., 2018. С. 243–247.
320. Особенности территориального и государственного формирования Понта от Ктиста до Евпатора // Исторический Вестник. 2018. Т. 26. С. 42–65.
321. О двойном наименовании столицы Боспора // Материалы по истории и археологии античного и средневекового Крыма. 2018. № 10. С. 287–295.

2019

322. Traces of probable earthquakes on the ancient settlement Kytaia, the Kerch Peninsula, Crimea // Geodesy and Geodynamics. 2019. Vol. 10. P. 331–338 (соавт. А.М Корженков, А.Н. Овсяченко, А.С. Ларьков).

323. Амфорные клейма Родоса из раскопок Китея // Нимфей и античные города Северного Причерноморья: Резюме докладов. СПб., 2019. С. 8.
324. Морской фактор в борьбе Понта с Римом // Ученые записки Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского. 2019. Т. 5(71). № 1. С. 93–102.
325. Причины долголетия боспорской тирании (некоторые итоги исследования проблемы) // Боспорские исследования. 2019. Т. XXXIX. С. 3–19.
326. Причины долголетия боспорской тирании (некоторые итоги исследования проблемы) // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь–Керчь, 2019. С. 387–393.
327. Внешнеполитические планы Митридата в оценке античных авторов // Иресиона. Вып. 6 / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород, 2019. С. 67–76.
328. «Митридатика» в трудах Д.Б. Шелова // Вестник Танаиса. № 5. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2019. С. 31–41.
329. Институты власти боспорских Спартокидов по памятникам эпиграфики и нумизматики // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 6. С. 85–96 (соавт. Д.В. Сиднева).
330. Митридат и Рим: «кто» был «кем» накануне первой Митридатовой войны // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2019. № 11. С. 473–483.
331. Археология: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород, 2019. – 42 с. [Текст: электронный. Постоянная ссылка на документ: <http://e-lib.unn.ru/MegaPro/UserEntry?Action=FindDocs&ids=795688&idb=0>]
332. Эллины и варвары: проблемы истории и археологии античного Северного Причерноморья: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород, 2019. – 21 с. [Текст: электронный. Постоянная ссылка на документ: <http://e-lib.unn.ru/MegaPro/UserEntry?Action=FindDocs&ids=795697&idb=0>]

2020

333. Асклепий Пергамский и Артемида Эфесская на керамическом медальоне из Китея // Боспорские исследования. 2020. Т. XL. С. 196–205 (соавт. Н.В. Молева).

334. Асклепий Пергамский и Артемида Эфесская на керамическом медальоне из Китея // Боспорские чтения XXI. Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Симферополь–Керчь, 2020. С. 250–255 (соавт. Н.В. Молева).
335. Стратегии в административной системе Понта // *Nomina omnium horarum*: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова / под ред. А.В. Белоусова и Е.В. Илюшечкиной. М., 2020. С. 402–411.
336. Награда за... поражение (триумф Мурены за победу над Митридатом Евпатором) // Археологические вести. 2020. № 29. С. 147–154.
337. Работы Китейской экспедиции в 2017 г. // Культурный слой. Вып. 6. Нижний Новгород, 2020. С. 82–115.
338. Скифы в политической истории Боспора VI–IV вв. до н.э. (в исследованиях М.И. Ростовцева и наших дней) // Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева: Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2020. С. 65–73.
339. Фортификация боспорского города Китея как территориальная и сакральная маркировка его пространств // Пространства истории и истории пространств: мета-морфозы восприятия, присвоение, созидание: Материалы международной научной конференции (XVI чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова) (Нижний Новгород, 16–17 ноября 2018 г.) / под ред. А.Н. Маслова и А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2020. С. 47–55.
340. Позднеантичные укрепления Китея // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: История. 2020. Т. 6. № 3. С. 61–68.
341. Стекланные изделия из раскопок Китея // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. 7. Белгород, 2020. С. 6–21.
342. Рабы в войнах Митридата Евпатора // Материалы по истории и археологии античного и средневекового Крыма. 2020. № 12. С. 545–552.

2021

343. «Эфесская резня» как политический инструмент в руках римской политической элиты эпохи Митридатовых войн // История и культура античного мира (к 100-летию со дня рождения профессора В.Г. Боруховича): Сборник научных трудов / отв. ред. А.В. Махлаюк. Нижний Новгород, 2020. С. 224–238.
344. Портретный медальон из Китея // Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В.И. Кузищина / отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Гвоздева. СПб., 2021. С. 469–475.

345. Ancient authors on the foreign policy plans of Mithridates VI Eupator // International Conference “Process Management and Scientific Developments” (Birmingham, United Kingdom, Novotel Birmingham Centre, January 13, 2021). Part 2. Birmingham, 2021. P. 138–146.
346. Лепные светильники из раскопок Китея 2010–2017 гг. // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, находки, теории: Материалы научной конференции. Севастополь, 2021. С. 205–209.
347. On the question of the likelihood of the subordination of the Bosphorus to the Persians (Herod., III, 97) // International Conference “Process Management and Scientific Developments” (July 21, 2021). Part 2. Melbourne, 2021. P. 144–153.
348. Спортивные сюжеты на фресковой живописи боспорских склепов // Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности) / отв. ред. В.О. Никишин. СПб., 2021. С. 205–212 (соавт. Н.В. Молева).
349. К 60-летию профессора Александра Валентиновича Махлаюка [без подписи] // ВДИ. 2021. Т. 81, № 4. С. 1051–1053.

2022

350. Боспорский город Китей: Монография. Часть III. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2022. – 453 с.: с ил., табл. (соавт. Н.В. Молева).
351. Сакральные памятники Китея и его округа [Вступ. ст. и комм. Н.В. Молевой] // Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021): Материалы международной научной конференции. СПб., 2022. С. 11–30.
352. Участок городища Китей за северной линией крепостной стены // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Вып. 6. К 195-летию открытия Керченского музея древностей. Симферополь, 2022. С. 236–246.

2023

353. Скотоводство и охота в боспорском городе Китее // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения: Материалы научной конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева», Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 22 января

2022 г. / под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2023. (соавт. Н.В. Молева).

354. Держава Митридата VI Евпатора как империя // Имперский опыт античного Средиземноморья: исторические особенности, рецепция, историография: коллективная монография / под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета (в печати).

Научное редактирование

1. Вопросы истории и археологии Боспора: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е.А. Молев. Воронеж: ВГПИ; Белгород: Упринформпечать, 1991. – 130, [2] с.
2. Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Вып. 1. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1996.
3. Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Вып. 2. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. – 116 с.
4. Античность, Средние века и Новое время. Социально-политические и этнокультурные процессы: Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. – 116 с.
5. Проблемы истории и творческое наследие С.И. Архангельского: Тезисы докладов. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. – 123 с.
6. Всемирная история. Часть 1: Учебное пособие для неисторических факультетов и отделений / под редакцией Е.А. Молева. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 1998. – 258 с.
7. Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П. Соколова: Материалы межвузовской конференции 10–11 октября 1997 г. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 1998. – 258 с.
8. Проблемы британской истории и творческое наследие С.И. Архангельского: Тезисы докладов межвузовской конференции 13 февраля 1999 г. / отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: НГПУ, 1999. – 50 с.

9. Из истории античного общества: Межвузовский сборник. Вып. 6 / под редакцией Е.А. Молева. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. – 230 с.
10. Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Вып. 3. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1999. – 135 с.
11. Проблемы антиковедения и медиэвистики (к 25-летию кафедры истории древнего мира и Средних веков в Нижегородском университете): Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гуманитарного центра, 1999. – 97 с.
12. Практикум по истории древнего мира: Для студентов отделений истории, политологии, культурологии и международных отношений / сост. И.Ю. Ващева, Н.А. Касаткина, А.В. Махлаюк, Н.В. Молева, Н.Ю. Сивкина / под редакцией проф. Е.А. Молева. Нижний Новгород: ННГУ, 1999. – 88 с.
13. Махлаюк А.В., Касаткина Н.А., Ващева И.Ю., Молев Е.А. Практический курс латинского языка: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. – 208 с.
14. Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Вып. 4. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. – 182 с.
15. Хазина А.В., Софронова Л.В., Доманина С.А. *Grammatica Latina. Ars minor*. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. – 226 с.
16. VII чтения памяти профессора Н.П. Соколова: Тезисы докладов. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2000. – 200 с.
17. Митрофанов В.П. Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI – первой трети XVII веков. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2000. – 203 с.
18. Из истории античного общества: Межвузовский сборник. [Вып. 7] / под ред. Е.А. Молева. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. – 254 с.
19. Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов: Ежегодник. Вып. 5. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. – 207 с.
20. XII чтения памяти проф. С.И. Архангельского: Материалы международной конференции. Ч. 1–2. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. Ч. 1. – 273 с.; Ч. 2. – 228 с.

21. Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке (к 120-летию со дня рождения) / отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. – 74 с.
22. Махлаюк, А.В., Касаткина, Н.А., Ващева, И.Ю., Молев, Е.А., Сивкина, Н.Ю. Практикум по истории древнего мира: Для студентов отделений истории, политологии, культурологи и международных отношений. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. – 106 с.
23. Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 6. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2002.
24. Материалы VIII Чтений памяти проф. Н.П. Соколова: Тезисы докладов. Нижний Новгород: ННГУ, 2002. – 234 с.
25. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2002. Вып. 1. – 199 с.
26. Из истории античного общества: Межвузовский сборник. [Вып. 8] / под ред. Е.А. Молева. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. – 212 с.
27. Наш «Анабасис». Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 1. Нижний Новгород: Вектор-Тис, 2003. – 112 с.
28. Грибов Н.Н., Молев Е.А., Молева Н.В. Основы археологии: Учебно-методический комплекс. Нижний Новгород: ННГУ, 2003. – 130 с.
29. Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Вып. 7. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2003. – 191 с.
30. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2003. Вып. 1 (2). – 244 с.
31. Материалы IX чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова: Тезисы докладов межвузовской научной конференции, Нижний Новгород, 29–30 октября 2004 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2004. – 136 с.
32. Медиевистика и социальная работа: Сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Молева. Нижний Новгород: ННГУ; Вектор-Тис, 2004. – 326 с.
33. Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Вып. 8. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2004. – 168 с.
34. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2004. Вып. 1 (3). – 385 с.
35. Наш «Анабасис». Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 2. Нижний Новгород: ННГУ, 2004. – 129 с.
36. Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Вып. 1. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2004. – 210 с.

37. Практикум по истории древнего мира: Для студентов отделений истории, политологии, культурологии и международных отношений / под ред. проф. Е.А. Молева. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. – 106 с.
38. Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников (выпуск второй). Нижний Новгород: ННГУ, 2005. – 131 с.
39. *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал: сб. науч. тр. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань: Изд-во «Отечество», 2005. – 338 с.
40. История и исторический процесс: Материалы научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Сенюткина Сергея Борисовича. Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2005. – 208 с.
41. Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Вып. 9. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. – 198 с.
42. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2005. Вып. 4. – 165 с.
43. Наш «Анабасис». Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 3. Нижний Новгород: ННГУ, 2005. – 160 с.
44. Первая русская революция в Поволжье: вопросы истории, историографии и источниковедения: материалы Всероссийской научной конференции, 21 октября 2005 года. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – 160 с.
45. Методология и методика преподавания истории в вузе: Материалы научно-методической конференции исторического факультета ННГУ 3 февраля 2006 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2006.
46. Историческая наука в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (1946–2006 гг.) / под ред. Е.А. Молева. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 272 с.
47. Кузнецов А.А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2006. – 539 с.
48. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2006. Вып. 1(5). – 185 с.
49. Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Вып. 10. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – 117 с.

50. Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. [Вып. 3]. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2006. – 86 с.
51. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2006. Вып. 2 (6). – 201 с.
52. Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 2: Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – 406 с.
53. Проблема преемственности преподавания истории в школе и вузе: Материалы научно-методической конференции 21 февраля 2007 г. Нижний Новгород, 2007.
54. Наш «Анабасис». Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 4–5. Нижний Новгород: ННГУ, 2007. – 176 с.
55. Смутное время в современной отечественной историографии: Сборник статей. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2008. – 86 с.
56. Методика преподавания истории в вузе: Материалы Нижегородской региональной научно-методической конференции 8 февраля 2008 г. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2008. – 104 с.
57. Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Вып. 11. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. – 145 с.
58. Грибов Н.Н. Эпоха железа в археологии: Учебно-методический комплекс / под ред. проф. Е.А. Молева. Нижний Новгород: ННГУ, 2008. – 102 с.
59. Вопросы теории, методологии истории и практика преподавания истории: Учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2009. – 145 с.
60. Наш «Анабасис». Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 6–7. Нижний Новгород: ННГУ, 2009. – 144 с.
61. Нижегородский край в истории России: Материалы III межрегиональной конференции памяти профессора Н.Ф. Филатова (4 декабря 2009 г.) / под ред. проф. Е.А. Молева. Нижний Новгород: ННГУ, 2010. – 200 с.
62. Преподавание истории в ВУЗе: концепции, методика и практика, системные связи: Нижегородская региональная учебно-методическая конференция, 29 января 2010 г. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2010. – 151 с.

63. Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Вып. 12. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2010. – 161 с.
64. Наш «Анабасис». Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 8–9. Нижний Новгород: ННГУ, 2011.
65. Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 3: Проблемы источниковедения античной истории: Взгляды на историю и историческая информация в трудах античных авторов / под ред. А.В. Махлаюк и Е.А. Молева. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2011. – 309 с.
66. Проблемы качества преподавания истории в вузе: Материалы Нижегородской региональной учебно-методической конференции 19 февраля 2011 г. / под ред. проф. Е.А. Молева. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2011. – 104 с.
67. Культурный слой: сборник научных статей. Вып. 1. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2012. – 155 с.
68. Культурный слой: сборник научных статей. Вып. 2. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2013. – 218 с.
69. Культурный слой: сборник научных статей. Вып. 3. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2014. – 162 с.
70. Культурный слой: сборник научных статей. Вып. 4. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2016. – 164 с.
71. Антропоморфные изваяния. Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Лапидарная коллекция. Т. V. Керчь; Издательство ООО «Соло-Рич», 2016. – 252 с.
72. Культурный слой: сборник научных статей. Вып. 5. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2018. – 184 с.

О Евгении Александровиче Молеве

1. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 1994. С. 131.
2. К 50-летию Е.А. Молева // Боспор и античный мир: Сб. науч. тр. / под ред. С.К. Сизова. Нижний Новгород, 1997. С. 4–7.
3. Кто есть кто в Нижегородском государственном педагогическом университете. Нижний Новгород, 1998. С. 52.
4. Проблемы антиковедения и медиэвистики (к 25-летию кафедры истории древнего мира и средних веков в Нижегородском университете): Межвуз. сб. науч. тр. Нижний Новгород, 1999. С. 13.

5. Кто есть кто в Нижегородской области. Биографический справочник. Нижний Новгород, 2000. С. 195.
6. Нижегородская элита — XX век. Нижний Новгород, 2001. С. 227–228.
7. Федосеев Н.Ф. Судьбы Керченских археологов // 175 лет Керченскому музею древностей: Материалы международной конференции. Керчь, 2001. С. 28–29.
8. Шестаков С.А., Шестакова Н.Д., Боровкова В.Н. Memoria Керченского музея // III Таврические научные чтения, посвященные 160-летию со дня рождения А.Л. Бертье-Делагарда. Симферополь, 24 мая 2002 г.: сборник материалов. Симферополь, 2003. С. 48–50.
9. Кто есть кто. Нижегородская область. Нижний Новгород, 2004. С. 245.
10. Нижегородская элита. XX век. Региональный энциклопедический биографический словарь. Изд. 2-е, доп. Нижний Новгород, 2005. С. 227.
11. Энциклопедия «Лучшие люди России». Вып. V(8). Т. 2. М., 2006. С. 355.
12. К юбилею профессора Евгения Александровича Молева // Из истории античного общества. Сб. науч. тр. Вып. 9–10. К 60-летию профессора Евгения Александровича Молева. Нижний Новгород, 2007. С. 4–14.
13. Блонин В.А. О друге и коллеге // Из истории античного общества. Сб. науч. тр. Вып. 9–10. К 60-летию профессора Евгения Александровича Молева. Нижний Новгород, 2007. С. 15–18.
14. Молева Н.В. Жизнь в науке: темперамент победителя // Из истории античного общества. Сб. науч. тр. Вып. 9–10. К 60-летию профессора Евгения Александровича Молева. Нижний Новгород, 2007. С. 18–21.
15. Хршановский В.А. Благодарность судьбе // Из истории античного общества. Сб. науч. тр. Вып. 9–10. К 60-летию профессора Евгения Александровича Молева. Нижний Новгород, 2007. С. 21–23.
16. Болгов Н.Н. Феномен Молева // Из истории античного общества. Сб. науч. тр. Вып. 9–10. К 60-летию профессора Евгения Александровича Молева. Нижний Новгород, 2007. С. 24–25.
17. Бабич Б.И. Е.А. Молев Керченские годы // Из истории античного общества. Сб. науч. тр. Вып. 9–10. К 60-летию профессора Евгения Александровича Молева. Нижний Новгород, 2007. С. 25–26.
18. К 60-летию Евгения Александровича Молева // ВДИ. 2007. № 2. С. 203–204.

19. Историческому факультету Белгородского государственного университета 30 лет. Памятный адрес-календарь. Белгород, 2007. С. 5, 8, 14, 22–23, 61–62.
20. Баукова А.Ю. Науково-дослідна діяльність Керченського історико-археологічного музею (1922–1988 рр.): археологічний аспект. Автореф. канд. дис. Київ, 2008. С. 5, 13.
21. Историки России. Кто есть кто в изучении зарубежной истории. Биобиблиографический словарь. Ставрополь, 2009. С. 191.
22. Ткачев А.Н. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа. 1917–1991. Библиографический словарь-справочник. Краснодар, 2016. С. 194.
23. Климов О.Ю. Юбилей коллеги: 70-летие Евгения Александровича Молева // Мнемон. Вып. 17. № 1. СПб., 2017. С. 231–237.
24. Махлаюк А.В. К 70-летию Евгения Александровича Молева // ВДИ. 2017. № 1. С. 234–235.
25. Профессор Евгений Александрович Молев. К 70-летию со дня рождения. Автобиография. Нижний Новгород, 2017.
26. Мамсиров Х.Б. А.А. Кудрявцев и Е.А. Молев — два друга как две вершины Эвереста // Кавказ в отражении мировой истории: сборник научных статей к 75-летию профессора А.А. Кудрявцева. Ставрополь, 2017. С. 11–13.
27. Тасиц К. Молев Евгений Александрович // Энциклопедия «Всемирная история» (<https://w.histrf.ru/articles/molev-evgeniy-aleksandrovich>).
28. Кислый А.Е. Памяти Евгения Александровича Молева // История и археология Крыма. 2021. № 14. С. 445–448.
29. Памяти Евгения Александровича Молева [Редколлегия] // Боспорские исследования. 2021. Т. 43. С. 407–408.
30. Махлаюк, А.В. Евгений Александрович Молев (18.I.1947–16.VIII.2021) // ВДИ. 2022. № 82/1. С. 227–230.
31. Бессонова С.С. «Друзья мои, ушедшие навек...» // Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021): Материалы международной научной конференции. СПб., 2022. С. 31–34.
32. Болгов Н.Н., Болгова А.М. Китейская экспедиция Е.А. Молева: путь длиной в пятьдесят лет // Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021): Материалы международной научной конференции. СПб., 2022. С. 42–47.

33. Шестаков С.А. Евгений Александрович Молев — заведующий отделом древней истории Керченского историко-археологического музея // Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021): Материалы международной научной конференции. СПб., 2022. С. 53–58.
34. Блонин В.А. Профессор Е.А. Молев: Историк и историческая память // Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021): Материалы международной научной конференции. СПб., 2022. С. 59–66.
35. Мамсиров Х.Б. Профессор Е.А. Молев в Нальчике: мастер-класс ученого и педагога // Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021): Материалы международной научной конференции. СПб., 2022. С. 67–74.
36. Молев Евгений Александрович // https://ru.wikipedia.org/wiki/Молев,_Евгений_Александрович.

О научных трудах Е. А. Молева

1. Виноградов Ю.А. Е.А. Молев и изучение боспорских городов // Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021): Материалы международной научной конференции. СПб., 2022. С. 35–41.
2. Виноградов Ю.А. Ценный вклад в изучение боспорских древностей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018 № 4. С. 9–13.
3. Медовичев А.Е. [Реферат:] Молев Е.А. Боспор в период эллинизма: Монография / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Ниж. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 1994. – 140 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 1996. № 2. С. 46–51.
4. Медовичев А.Е. [Реферат:] Молев Е.А. Властитель Понта: Монография / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Ниж. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 1995. – 144 с. – Библиогр. в конце глав // Социальные и гуманитарные науки. Отече-

- ственная и зарубежная литература. Серия 5: История. 1996. № 3. С. 65–69.
5. Сапрыкин С.Ю. Рецензия на: Е.А. Молев. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994. 137 с. // ВДИ. 1996. № 4 (219). С. 219–225.
  6. Суриков И.Е. Заметки по поводу новой книги Е.А. Молева (Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017) // Артефакты и сакральное в истории Боспора: коллективная монография / под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2017. С. 171–181.

Список сокращений

- АВ – Археологические вести. СПб.
АМА – Античный мир и археология. Саратов
БФ – Боспорский феномен. СПб.
ДБ – Древности Боспора. М.
ДВАМ – Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ИИАО – Из истории античного общества. Нижний Новгород
ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры. СПб.
КБН – Корпус боспорских надписей. М.–Л., 1965
КБН-альбом – Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (*КБН-альбом*). СПб., 2004
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НС – Нумизматический сборник. М.
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск–Москва
ПЭ – Православная энциклопедия. М.
СА – Советская археология. М.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
Тр. ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
ТС – Таврические студии. Симферополь
ХСБ – Херсонесский сборник. Севастополь
АЕ – L'Année épigraphique. Paris
АЖА – American Journal of Archaeology. Chicago
АЖФ – American Journal of Philology. Baltimore
АНРВ – Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Berlin–New York
АВЕ – Ancient West & East. Leuven
ВАР – British Archaeological Reports. Oxford
ВСН – Bulletin de correspondance hellénique. Paris
Bull. ép. – Bulletin épigraphique. Paris
САН² – The Cambridge Ancient History. 2nd ed.
СIL – Corpus inscriptionum Latinarum. Berlin
СIRB – Corpus inscriptionum regni Bosporani. М.–Л.
СJ – The Classical Journal. Chicago

- CRAI – Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris
- CSCA – California Studies in Classical Antiquity. Berkeley
- EP – Белоусов А.В., Елисеева Л.Г., Кастелли Т. *Epigraphica Pontica. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья*. 2020 г. // *Аристей*. 2021. Вып. 24. С. 84–108
- FGrH – *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Bd. I–III / Hrsg. F. Jacoby. Berlin
- GRBS – Greek, Roman, and Byzantine studies. Durham
- IAG – Moretti L. *Iscrizioni agonistiche greche*. Roma, 1953
- IG – *Inscriptiones Graecae*. Berlin
- IGR – *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes* / Ed. R. Cagnat et al. Vol. I–IV. Paris, 1901–1927
- IGUR – *Inscriptiones Graecae urbis Romae* / Curavit L. Moretti. Vol. I–IV. Roma, 1968–1990
- IJNA – *International Journal of Nautical Archaeology*. New York
- JHS – *Journal of Hellenic Studies*. London.
- JSH – *Journal of Sport History*. Champaign
- JSHJ – *Journal for the Study of the Historical Jesus*. Leiden
- LGPN – *A Lexicon of Greek Personal Names*. Oxford
- MGR – *Miscellanea graeca e romana*. Roma
- OGIS – *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*. Vol. I–II / Hrsg. W. Dittenberger. Hildesheim
- PF – *Pergamenische Forschungen*. Berlin–New York
- RC – *The Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. Ed. Ch. B. Welles. New Haven, 1934
- RE – *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung von G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus. Stuttgart
- RGDA – *Res Gestae Divi Augusti*
- SE – *Studi ellenistici*. Pisa–Roma
- SEG – *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden–Boston
- Syll.³ – *Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum*. Editio tertia. Vol. 1–3. Leipzig, 1915–1920
- TANZ – *Texte und Arbeiten zum neutestamentlichen Zeitalter* / Hrsg. von K. Berger, M. Klinghardt, G. Röhser, S. Schreiber, M. Vogel. Tübingen
- TAPhA – *Transactions of the American Philological Association*. Baltimore (Maryland)
- ZPE – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bonn

Информация об авторах Information about the authors

Болгов Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор; Белгородский государственный национальный исследовательский университет, профессор кафедры всеобщей истории; bolgov@bsu.edu.ru

Nikolai N. Bolgov — Doctor of History, Professor; Belgorod State National Research University, Professor of the Department of World History; bolgov@bsu.edu.ru

Быковская Наталья Владимировна — заместитель Генерального директора Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, г. Керчь; nvbykovskaya@gmail.com

Natalia V. Bykovskaya — Deputy director, East-Crimean history and culture museum-reserve, Kerch; nvbykovskaya@gmail.com

Вашева Ирина Юрьевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и Средних веков Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; vasheva@mail.ru.

Irina Yu. Vasheva — Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Ancient and Medieval History, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod; vasheva@mail.ru.

Гвоздева Татьяна Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы Литературного ин-та им. А.М. Горького, доцент кафедры Всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва tbgvozdeva@rambler.ru

Tatiana B. Gvozdeva — Candidate of History, Associate Professor of the Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow; Associate Professor of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow; tbgvozdeva@rambler.ru

Григорьева Светлана Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Национального иссле-

довательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; svetl-grigor@yandex.ru

Svetlana V. Grigoryeva — Candidate of History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod; svetl-grigor@yandex.ru

Дементьева Вера Викторовна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, руководитель Научно-образовательного центра Антикovedения, Ярославль; vv_dementieva@mail.ru

Vera V. Dementieva — Doctor of History, Professor of the Department of World History of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Head of the Scientific and Educational Center for Antiquities, Yaroslavl; vv_dementieva@mail.ru

Журавлев Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, хранитель античной коллекции, Государственный исторический музей; ведущий специалист, НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва; denzhuravlev@mail.ru

Denis V. Zhuravlev — Candidate of History, Senior Researcher, Keeper of the Greek and Roman collection, State Historical museum; leading specialist, National Research Centre “Kurchatov Institute”, Moscow, denzhuravlev@mail.ru

Золотов Всеволод Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета, профессор, г. Брянск; viz.volic@yandex.ru

Vsevolod I. Zolotov — Doctor of History, Professor, Department of Universal History and International Relations, Bryansk State University; viz.volic@yandex.ru

Климов Олег Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; o.klimov@spbu.ru

Klimov Oleg Yurievich — Doctor of History, Professor, Head of the Department of the History of Ancient Greece and Rome, the Institute of History, St. Petersburg State University; o.klimov@spbu.ru

Кузьмин Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара; yurimac@yandex.ru

Yuri N. Kuzmin — Candidate of History, Associate Professor, Samara Branch of the Moscow City University, Samara; yurimac@yandex.ru

Махлаюк Александр Валентинович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и Средних веков Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; makhl@imomi.unn.ru

Alexander V. Makhlaiuk — Doctor of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod; makhl@imomi.unn.ru

Молева Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ННГУ (1992–2014 гг.). В 1971–2017 гг. — научный сотрудник Китейской археологической экспедиции под руководством Е.А. Молева.

Natalia V. Moleva — Candidate of History, Associate Professor, Department of Ancient and Medieval History, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod (1992–2014). From 1971 to 2017 researcher of the Kyteian archaeological expedition led by E.A. Molev.

Никишин Владимир Олегович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва; cicero74@mail.ru

Vladimir O. Nikishin — Candidate of Historical Sciences, senior teacher of the department of the ancient history in the history faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow; cicero74@mail.ru

Парфёнов Виктор Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Саратовская православная духовная семинария, профессор кафедры Церковной истории; Пензенская духовная семинария, профессор кафедры Библистики и богословия, Саратов, Россия; vparfenov@list.ru

Victor N. Parfyonov — Doctor of History, Professor, Saratov Orthodox Theological Seminary, Professor of the Department of Church History; Penza Theological Seminary, Professor of the Department of Biblical Studies and Theology, Saratov, Russia; vparfenov@list.ru

Писаревский Николай Петрович — доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, Воронеж, Pisarevskiy1@rambler.ru

Nikolay P. Pisarevsky — Doctor of History, Associate Professor of the Department of Archeology and History of the Ancient World, Voronezh State University, Voronezh, Pisarevskiy1@rambler.ru

Сизов Сергей Кузьмич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и Средних веков Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Sergey_Sizov@yahoo.com

Sergey K. Sizov — Doctor of Sciences in History, Professor, Department of Ancient and Medieval History, Lobachevsky State Research University, Nizhny Novgorod; Sergey_Sizov@yahoo.com

Суриков Игорь Евгеньевич — доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций; Российский государственный гуманитарный университет, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии, Москва; isurikov@mail.ru

Igor E. Surikov — Doctor of History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Department of Comparative Studies of Ancient Civilizations; Russian State University for the Humanities, Professor of the Department of History and Theory of Culture, Faculty of Cultural Studies, Moscow; isurikov@mail.ru

Шелов-Коведяев Федор Вадимович — кандидат исторических наук, профессор НИУ ВШЭ, Факультет гуманитарных наук, Школа исторических наук, г. Москва; shel-kov@yandex.ru

Fedor V.h Shelov-Kovedyaev — PhD in History, Professor of National Research University Higher School of Economics, Faculty of Humanities, School of History, Moscow; shel-kov@yandex.ru

Научное издание

**Профессор Евгений Александрович Молев
и современные проблемы антиковедения**

Материалы научной конференции
«Историко-археологический симпозиум
памяти профессора Евгения Александровича Молева»

Под редакцией

Александра Валентиновича Махлаюка

Подписано в печать 19.05.2023 г. Формат 60×84 1/16
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура TimesNR
Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 23. Заказ № 141. Тираж 100.

Отпечатано с готового оригинал-макет в типографии
Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского
603000, Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37